

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт русского языка имени В. В. Виноградова

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
V. V. Vinogradov Russian Language Institute

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт русского языка имени В. В. Виноградова

Труды
Института русского языка
им. В. В. Виноградова

№ 1

МОСКВА
2024

ISSN 2311-150X

Журнал основан в 2013 г.

Главный редактор

А. М. Молдован, доктор филол. наук, академик РАН (Москва, Россия)

Ответственные редакторы номера:

Л. Л. Шестакова, доктор филол. наук (Москва, Россия);

А. С. Кулева, канд. филол. наук (Москва, Россия)

Редакционная коллегия номера:

А. В. Гик, канд. филол. наук (Москва, Россия);

З. Ю. Петрова, канд. филол. наук (Москва, Россия)

Редакционный совет:

А. Е. Аникин, доктор филол. наук, академик РАН (Новосибирск);

Ю. Д. Апресян, доктор филол. наук, академик РАН, профессор (Москва, Россия);

Синтия Вакарелийска, PhD, профессор (Орегон, США);

Ж. Ж. Варбот, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия);

Бьёрн Вимер, доктор филологии, профессор (Майнц, Германия);

Марчелло Гардзанити, PhD, профессор (Флоренция, Италия);

А. А. Гиппиус, доктор филол. наук, академик РАН, профессор (Москва, Россия);

Ольга Йокояма, PhD, профессор (Лос-Анджелес, США);

М. Л. Каленчук, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия);

А. П. Майоров, д. ф. н., профессор (Улан-Удэ, Россия);

Ольга Младенова, PhD, профессор (Калгари, Канада);

Туре Нессет, доктор филологии, профессор (Тромсё, Норвегия);

В. А. Плунгян, доктор филол. наук, академик РАН, профессор (Москва, Россия);

Ахим Рабус, Dr. habil., профессор (Фрайбург, Германия);

Ф. Б. Успенский, доктор филол. наук, член-корреспондент РАН, профессор (Москва, Россия);

Майкл Флайер, PhD, профессор (Кембридж, США);

Вацлав Чермак, доктор филологии (Прага, Чехия);

А. Д. Шмелев, доктор филол. наук, член-корреспондент РАН, профессор (Москва, Россия)

Ответственный секретарь

канд. филол. наук А. Е. Журавлёва

Выходит 4 раза в год

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-76037

Адрес редакции:

119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2

E-mail: ruslang@ruslang.ru

© Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2024

© Авторы, 2024

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
V. V. Vinogradov Russian Language Institute

Proceedings
of the V. V. Vinogradov
Russian Language Institute

№ 1

MOSCOW
2024

ISSN 2311-150X

The Journal was founded in 2013

Editor-in-Chief

Alexandr M. Moldovan, D. Sc., Full Member of the RAS (Moscow, Russia)

Chief editors of the issue

Larisa L. Shestakova, D. Sc. (Moscow, Russia);

Anna S. Kuleva, Ph. D. (Moscow, Russia)

Editorial Board of the issue

Anna V. Gik, Ph. D. (Moscow, Russia);

Zoya Yu. Petrova, Ph. D. (Moscow, Russia)

Editorial Board

Aleksandr E. Anikin, D. Sc., Full Member of the RAS (Novosibirsk, Russia);

Yury D. Apresyan, D. Sc., Full Member of the RAS, Professor (Moscow, Russia);

Václav Čermák, Ph. D., Professor (Prague, Czech Republic);

Michael S. Flier, Ph. D., Professor (Cambridge, USA);

Marcello Garzaniti, D. Sc., Professor (Florence, Italy);

Alexey A. Gippius, D. Sc., Full Member of the RAS, Professor (Moscow, Russia);

Maria L. Kalenchuk, D. Sc., Professor (Moscow, Russia);

Alexandr P. Mayorov, D. Sc., Professor (Ulan-Ude, Russia);

Olga Mladenova, Ph. D., Professor em. (Calgary, Canada);

Tore Nettet, D. Sc., Professor (Tromsø, Norway);

Vladimir A. Plungian, D. Sc., Full Member of the RAS, Professor (Moscow, Russia);

Achim Rabus, D. Sc., Professor (Freiburg, Germany);

Alexey D. Shmelev, D. Sc., Corresponding Member of the RAS, Professor (Moscow, Russia);

Fjodor B. Uspensky, D. Sc., Corresponding Member of the RAS, Professor (Moscow, Russia);

Cynthia M. Vakareliyska, Ph. D., Professor (Oregon, USA);

Zhanna Zh. Varbot, D. Sc., Professor (Moscow, Russia);

Björn Wiemer, D. Sc., Professor (Mainz, Germany);

Olga T. Yokoyama, Ph. D., Distinguished Professor (Los Angeles, USA)

Executive secretary

Alexandra E. Zhuravleva

The journal is registered by the Federal Service for Supervision
of Communications, Information Technology, and Mass-Media.

Registration certificate ПИ № ФС 77-76037

Address:

18/2, Volkhonka street, Moscow, 119019

E-mail: ruslang@ruslang.ru

© by Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, 2024

© by Authors, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

I. Актуальные проблемы авторской лексикографии

<i>А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский</i> (Москва) Авторские особенности идиоматики в художественных текстах XIX века.....	11
<i>В. А. Козырев, В. Д. Черняк</i> (Санкт-Петербург) Крылатые слова и прецедентные феномены: между фразеографией и авторской лексикографией.....	23
<i>В. М. Мокиенко, К. П. Сидоренко</i> (Санкт-Петербург) Из опыта работы над словарем крылатых выражений дилогии И. Ильфа и Е. Петрова.....	34
<i>И. А. Тарасова</i> (Саратов) К модели словаря авторских концептов.....	42
<i>Н. А. Ребецкая, А. Я. Шайкевич</i> (Москва) Электронизация «Словаря языка Пушкина».....	49
<i>О. В. Кукушкина</i> (Москва) Из опыта работы над созданием авторских корпусов текстов.....	58
<i>Б. В. Орехов</i> (Москва) Язык Л. Н. Толстого: корпусный подход и интроспекция.....	67
<i>Н. В. Патроева</i> (Петрозаводск) «Словарь древней и новой поэзии» Н. Ф. Остолопова и российская риторическая традиция.....	73

II. Новые проекты авторских словарей

<i>А. А. Кретов, С. А. Чуриков</i> (Воронеж) Традиции и новации в «Словаре поэзии А. В. Кольцова».....	83
<i>Н. В. Козловская</i> (Санкт-Петербург) Лексикографическое описание военной лексики романа Л. Н. Толстого «Война и мир»: от словника к словарной статье.....	96
<i>А. Молнар</i> (Дебрецен, Венгрия) Лексика темы <i>преступление и судебное разбирательство</i> в романе Л. Н. Толстого «Воскресение»: предваряя работу над словарем языка романа.....	108
<i>Н. Т. Тарумова</i> (Москва) Минералогическая лексика как способ репрезентации цвета в поэтическом дискурсе Андрея Белого.....	119
<i>А. А. Мамедов</i> (Иркутск) Доминанты идиостиля С. А. Есенина в словарном представлении.....	133
<i>И. В. Зыкова</i> (Москва) Принципы систематизации лексикографической информации в проектируемом словаре «Идиоматика русского авангарда».....	144
<i>О. И. Северская</i> (Москва) Принципы лексикографического представления паронимических формул.....	157

<i>Е. В. Картер</i> (Санкт-Петербург) К вопросу о создании паремиологического словаря Никиты Хрущёва	168
<i>Е. В. Суровцева</i> (Москва) О мультимедийном корпусе «Житий новомучеников и исповедников Российских XX века Московской Епархии»	178
<i>Л. Г. Самотик</i> (Красноярск) О словаре экзотизмов в художественных текстах об эвенках Приенисейской Сибири	185

*III. Продолжающиеся проекты авторских словарей
и их исследовательские возможности*

<i>С. С. Волков</i> (Санкт-Петербург) Перифраза в русской поэзии XVIII века	196
<i>А. С. Кулева</i> (Москва) Словарь усеченных прилагательных в языке русской поэзии: жанр и перспективы	205
<i>М. М. Коробова, Е. В. Потёмкина, И. В. Ружицкий, С. Н. Шепелева</i> (Москва) В лабиринтах смысла: погружение в слово Достоевского (на материале пятого и шестого томов «Идиоглоссария»)	215
<i>А. В. Гик</i> (Москва) Приложения к Конкордансу М. Кузмина	227
<i>З. Ю. Петрова, Н. А. Фатеева</i> (Москва) Персонификация судьбы в метафорической картине мира русской литературы (по данным «Материалов к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XXI вв.»)	243
<i>Л. Л. Шестакова, А. С. Кулева</i> (Москва) «Словарь языка русской поэзии XX века», том IX: корпус словарных статей и его особенности	262

CONTENTS

I. Current problems of author lexicography

<i>A. N. Baranov, D. O. Dobrovol'skij</i> (Moscow) Specific features of author's idioms in Russian literary texts of the 19 th century.....	11
<i>V. A. Kozyrev, V. D. Chernyak</i> (Saint Petersburg) Winged words and precedent phenomena: between phraseography and author lexicography	23
<i>V. M. Mokienko, K. P. Sidorenko</i> (Saint Petersburg) From the experience of working on the dictionary of winged expressions of the dilogy of I. Ilf and E. Petrov	34
<i>I. A. Tarasova</i> (Saratov) To the model of the author's concepts dictionary	42
<i>N. A. Rebetskaya, A. Ya. Shaikevich</i> (Moscow) Electronization of "Dictionary of Pushkin's language"	49
<i>O. V. Kukushkina</i> (Moscow) From the experience of work on the creation of author's corpus of texts	58
<i>B. V. Orekhov</i> (Moscow) Leo Tolstoy's language: corpus approach and introspection	67
<i>N. V. Patroeva</i> (Petrozavodsk) "Dictionary of ancient and new poetry" by N. F. Ostolopov and the Russian rhetorical tradition.....	73

II. New projects of author dictionaries

<i>A. A. Kretov, S. A. Churikov</i> (Voronezh) Traditions and innovations in the "Dictionary of A. V. Koltsov's poetry"	83
<i>N. V. Kozlovskaya</i> (Saint Petersburg) Lexicographical description of the military vocabulary found in Leo Tolstoy's novel "War and Peace"	96
<i>A. Molnar</i> (Hungary, Debrecen) Vocabulary of the topic <i>crime and trial</i> in Leo Tolstoy's novel "Resurrection": a preview of the work on the dictionary of the language of the novel	108
<i>N. T. Tarumova</i> (Moscow) Mineralogical vocabulary as a way of representation of color in the poetic discourse of Andrei Bely	119
<i>A. A. Mamedov</i> (Irkutsk) The dominant features of Sergei Yesenin's individual style in the lexicographic representation.....	133
<i>I. V. Zykova</i> (Moscow) Principles of systematizing lexicographic information in the projected dictionary "Idiomatics of the Russian avant-garde"	144

<i>O. I. Severskaya</i> (Moscow)	
Principles of lexicographic representation of paronymic formulas.....	157
<i>E. V. Carter</i> (Saint Petersburg)	
On compiling Nikita Khrushchev's paremiological dictionary.....	168
<i>E. V. Surovtseva</i> (Moscow)	
About the multimedia corpus "The lives of the Russian XX century new martyrs and confessors of the Moscow diocese".....	178
<i>L. G. Samotik</i> (Krasnoyarsk)	
About the dictionary of exoticisms in literary texts about the evenks of Yenisei Siberia.....	185

III. Ongoing projects of author dictionaries and their research capabilities

<i>S. S. Volkov</i> (Saint Petersburg)	
Periphrase in the 18 th century Russian poetry.....	196
<i>A. S. Kuleva</i> (Moscow)	
Dictionary of clipped adjectives in the language of Russian poetry: genre and perspectives.....	205
<i>M. M. Korobova, E. V. Potemkina, I. V. Ruzhitsky, S. N. Shepeleva</i> (Moscow)	
In the labyrinths of sense: immersion in Dostoevsky's word (based on the material of the fifth and sixth volumes of "Idioglossary").....	215
<i>A. V. Gik</i> (Moscow)	
The appendicies to the concordance of M. Kuzmin.....	227
<i>Z. Yu. Petrova, N. A. Fateeva</i> (Moscow)	
Personification of fate in the metaphorical world image of Russian literature (according to "Materials to the dictionary of metaphors and similes of the XIX–XXI centuries Russian literature").....	243
<i>L. L. Shestakova, A. S. Kuleva</i> (Moscow)	
"Dictionary of the language of Russian poetry (20 th century)", volume IX: dictionary entries corpus.....	262

I. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АВТОРСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

А. Н. Баранов

*Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)*

baranov_anatoly@hotmail.com

Д. О. Добровольский

*Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН,
Институт языкознания РАН
(Россия, Москва)*

Стокгольмский университет

(Швеция, Стокгольм)

dobrovolskij@gmail.com

АВТОРСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИДИОМАТИКИ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ XIX ВЕКА

Авторская идиоматика понимается в двух основных смыслах: как индивидуальные особенности употребления идиом (авторские модификации формы и семантики, индивидуальный выбор идиом из квазисинонимичного ряда) и как создание уникальных выражений. В последнем случае можно говорить о собственно авторских идиомах. Мы предлагаем различать следующие типы авторского употребления идиом: лексические модификации, грамматические трансформации, семантические модификации идиомы, авторские фреквенталии, авторские деархаизмы и собственно авторские идиомы. В статье рассматриваются авторские особенности употребления идиом на примере текстов XIX в. Обсуждаются трудности выявления собственно авторских идиом по корпусным данным. Указываются ограничения предлагаемого подхода, и обосновывается целесообразность его использования как удовлетворяющего критериям объективности. Исследование авторской идиоматики важно не только для описания особенностей художественного текста и стиля писателя, но и для собственно семантического анализа. Иными словами, авторская фразеология демонстрирует одновременно и потенциал фразеологической системы, и реальные отклонения от существующего стандарта.

Ключевые слова: авторская фразеология, варьирование формы идиомы, идиоматика, модификация значения идиомы, русский язык XIX в.

Постановка задачи

Как известно, к идиомам относятся устойчивые словосочетания, семантика которых не вычисляется по стандартным правилам соединения смыслов. Иными словами, идиомы, будучи устойчивыми, характеризуются еще и нерегулярностью семантики [Баранов, Добровольский 2013]. Очевидно, что устойчивые выражения должны повторяться в речи многих носителей языка и не могут быть случайным речевым событием. Если следовать такому определению, то авторских идиом в точном смысле существовать не может. Действительно, прилагательное *авторский* характеризует речь одного человека. Следовательно, как бы идиоматично (нерегулярно) ни было какое-то выражение в речи человека, оно не может рассматриваться как идиома, если его не используют другие носители данного языка.

Таким образом, об авторских идиомах можно говорить только при ослаблении критерия устойчивости в двух смыслах. Во-первых, можно рассматривать устойчивость как повторяемость в речи конкретного носителя языка. Тогда такие идиоматичные выражения можно считать авторскими идиомами. Во-вторых, все особенности употребления идиом, которые свойственны речи данного говорящего и отличают его от других носителей языка, также могут рассматриваться как авторские. В этом случае авторским оказывается, например, выбор конкретной идиомы из списка близких по значению речевых единиц. Авторскими могут оказаться и индивидуальное варьирование формы идиомы, какие-то модификации значения и пр. Ниже рассматриваются оба названных аспекта авторской идиоматики. В качестве объекта исследования выступают художественные произведения писателей XIX в. Выбор указанных временных рамок объясняется недостаточной изученностью этой эпохи с точки зрения фразеологии (и не только фразеологии)¹.

В [Баранов, Добровольский 2013: 188–189] выделяются следующие типы авторского употребления идиом:

- авторские лексические модификации идиомы;
- авторские грамматические трансформации;
- авторские семантические модификации идиомы;
- авторские фреквенталии;
- авторские деархаизмы.

К последнему типу авторского употребления относятся случаи, когда современные писатели для создания необходимого художественного эффекта используют идиомы, давно вышедшие из употребления. Аналогично писатель XIX в. в качестве стилистического приема мог бы использовать идиомы XVII–XVIII вв., уже

¹ При определении временных границ следует иметь в виду, что существенные изменения языка XIX в. произошли с началом Первой мировой войны. Следовательно, произведения XX в. — вплоть до 1914 г. — естественно относить к русскому языку XIX в.

не употребляемые носителями русского языка XIX в. Однако, чтобы это оценить, надо иметь представление о нормах словоупотребления каждого из соответствующих периодов, а также иметь в распоряжении представительные корпуса текстов. Понятно, что ни оценить с этой точки зрения идиомы XIX в., ни реально выделить их в тексте не представляется возможным.

Помимо указанных типов употребления, обычно говорят и о **собственно авторских идиомах**, то есть фразеологизмах, которые типичны для данного автора и не встречаются в речи других людей (см. выше ослабление критерия устойчивости). Подчеркнем еще раз, что статус таких речевых форм как идиом вызывает большие сомнения. Тем не менее данный тип полезно выделять, поскольку он отражает потенциал использования языка и идиостиль говорящего.

Отметим некоторые трудности, которые очевидно возникают при исследовании идиоматики XIX в. Изучение особенностей употребления фразеологизмов — и идиом в частности — требует выполнения следующих минимальных условий:

- 1) известна (и описана) норма или нормальное состояние речевого феномена, который является объектом исследования;
- 2) известна граница между стандартным и нестандартным (игровым, ошибочным и пр.) варьированием формы и смысла;
- 3) при изучении состояний объекта исследования в разные периоды времени, то есть языка в различные эпохи, понятно, как изменялась норма с течением времени.

Выполнение этих условий весьма затруднительно, если мы говорим о языке авторов прошлых веков. Мы очень приблизительно можем судить о литературной норме тех лет, тем более у нас практически нет данных о лингвистических характеристиках различных речевых жанров того времени, хотя исследования в этой области ведутся [Живов 1996; Успенский 2002]. При этом сведений системного характера о жанровых особенностях использования идиом XIX в. пока не получено.

Следующие примеры показывают сложности исследования идиоматики XIX в. Выражения *очки на нос надеть (кому-л.)* и *петли метать*, фиксированные в словаре В. Даля «Пословицы русского народа» [Даль 1989], неизвестны современному носителю русского языка как идиомы. В НКРЯ обнаруживаются примеры с данными выражениями, в которых они используются идиоматично:

(1) **а.** [Ульяна Родионовна Курицына (жен, мещанка)] Больно ей брат волю дал. На другую б я не подумала, а на нее и греха нет. Не нынче, так завтра начнет *петли метать*, что и концов не найдешь. Она брату-то *очки на нос наденет!* А ведь как она меня разобидела, кабы ты знала. [А. Н. Островский. Грех да беда на кого не живет (1862)].

б. Вот, погодите, она будет *петли метать*, а потом и пойдет деньги вымогать. [Ф. К. Сологуб. Мелкий бес (1902)].

(2) Я: Согласен, что целью коллектива, называемого русскими декадентами, было писать хорошие стихи? Гленский: Ты скоро кончишь *петли метать*. Согласен. Я: Люди они все были талантливые, поэты хорошие? [И. А. Аксенов. Пикассо и окрестности (1917)].

Можно весьма приблизительно связать употребления выражения *петли метать* в контекстах (1а,б) с семантикой ‘заметания следов’, а выражения *очки на нос надеть (кому-л.)* в примере (1а) — с семантикой ‘обмана’. При этом контекст употребления выражения *петли метать* (2) из литературы начала XX в. остается непрозрачным. Языковой интуиции недостаточно для определения семантики таких выражений. Непонятно также, являются ли приведенные контексты примерами авторских особенностей употребления идиом. Единственный объективный инструмент, который есть у исследователя, — это корпус текстов. Корпусные технологии позволяют, по крайней мере, объективно зафиксировать употребления соответствующих форм, а вопрос уникальности остается открытым. Очевидно, что успешность решения данной проблемы прямо зависит от репрезентативности корпуса. Не говоря уже о том, что репрезентативность корпуса относительно использования идиом в письменных текстах XIX в. скорее всего недостижима, устная же речь представлена только в авторской художественной обработке — например, в пьесах Островского или диалогах персонажей Гоголя и Достоевского.

Проблема жанровой дифференциации хорошо видна в словнике словаря Даля «Пословицы русского народа» [Даль 1989]. В нем представлена целая группа выражений, которая, судя по всему, была присуща диалектам или языку определенных социальных групп. Такова, например, идиома *на кривых оглоблях не объедешь (кого-л.)*, которая встречается в словаре Даля [Даль 1989], в его сказках и в очерке С. В. Максимова «Колдун» из книги «Лесная глушь», написанной по впечатлениям от путешествия по Владимирской губернии 1855 г.:

(3) а. Шемяка возмечтал о себе, и стал, как овсяная каша, сам себя хвалить и воспевать: Я-де старого лесу кочерга, меня не проведешь, и *на кривых оглоблях не объедешь*; у меня чем аукнешь, тем и откликнется [В. И. Даль. Сказка о Шемякином суде и о воеводстве и о прочем (1857)].

б. — Все это и справедливо и хорошо, но иногда дело как будто бы наперед уже слажено, а суженого и *на кривых оглоблях не объедешь!* [В. И. Даль. Сказка о Иване Молодом Сержанте, Удалой Голове, без роду, без племени, спроста без прозвища (1832)].

в. — Да чтоб с живого лык не драли: теперь, брат, и я старого лесу кочерга и меня *на кривых-то оглоблях не объедешь* тоже — первая голова на плечах и шкура невороченая. [С. В. Максимов. Из книги «Лесная глушь». Т. 1 (1859)].

По распределению в тематических разделах словаря Даля — ОДИНОЧЕСТВО — ЖЕНИТЬБА и ОПЛОШНОСТЬ — РАСТОРОПНОСТЬ — можно сделать вывод, что идиома *на кривых оглоблях не объедешь* имеет два значения: ‘не дать себя обмануть’ (3а,в) и ‘нечто представляется неизбежным’ (3б). Это различие

подтверждается и приведенными контекстами. В (3б) слово *суженый* связано с семантикой ‘предопределенности, предназначенности’, а в примерах (3а,в) идиома *старого лесу кочерга* указывает на жизненный опыт, знание².

Дополнительно отметим, что использование корпуса текстов XIX в. в качестве основного источника и инструмента проверки данных, тем не менее, не является панацеей в случае фразеологии. Дело в том, что частота употребления идиом в среднем существенно ниже, чем обычной лексики. Это затрудняет оценку уникальности свойств идиом — и в корпусе текстов конкретного автора и в сопоставлении с другими авторами.

Собственно авторские идиомы в литературе XIX в.

С учетом всех ограничений, указанных выше, к собственно авторским можно отнести, например, выражение *согнать щуку с яиц*, встречающееся только в «Истории одного города» Салтыкова-Щедрина:

(4) а. Началось с того, что Волгу толчком замесили <...> потом рака с колокольным звоном встречали, потом *щуку с яиц согнали*, потом комара за восемь верст ловить ходили [М. Е. Салтыков-Щедрин. История одного города (1869–1870)].

б. Мы гущеедов — и тех победили! — хвастались головотяпы. — Что же вы еще сделали? — Мы *щуку с яиц согнали*, мы Волгу толчком замесили... — начали было перечислять головотяпы, но князь не захотел и слушать их. [М. Е. Салтыков-Щедрин. История одного города (1869–1870)].

Семантика этого выражения не вполне понятна: судя по всему, речь идет о каком-то абсурдном действии, на что указывает как внутренняя форма, так и контекстное окружение (*рака с колокольным звоном встречали; комара за восемь верст ловить ходили; Волгу толчком замесили*)³. Кроме Салтыкова-Щедрина, эта идиома присутствует в словнике словаря [Даль 1989] — в тематических разделах РУСЬ — РОДИНА, ТОЛК — БЕСТОЛОЧЬ.

На статус авторской может претендовать идиома *черта в чемодане не строй*, встречающаяся только у Достоевского в «Записках из Мертвого дома» и в «Сибирских тетрадах»:

(5) а. Странное дело: все были чем-то довольны, точно отчасти сами они получили свободу. — Ишь, собачье мясо: добро ему творишь, а он все кусается! — говорил державший его, почти с любовью смотря на злую птицу. —

² Идиома *старого лесу кочерга* встречается также у Мельникова-Печерского: *Не помрет — отдышится! — отозвался Патап Максимыч. — Старого лесу кочерга! Скрипит, трещит, не сломится. — Нет, Максимыч, не говори, — молвила Аксинья Захаровна.* [П. И. Мельников-Печерский. В лесах. Книга первая (1871–1874)].

³ В словаре [Мокиенко, Никитина 2007] со ссылкой на словарь Даля «Пословицы русского народа» эта идиома приводится в форме *беды натворил* — *щуку с яиц согнал*, квалифицируется как *народн. шутил.-ирон.* и толкуется следующим образом: «О небольшой оплошности». Отметим, что толкование не соответствует примерам употребления у Салтыкова-Щедрина.

Отпущай его, Микитка! — Ему, знать, *черта в чемодане не строй*. Ему волю подавай, заправскую волю-волюшку. Орла сбросили с вала в степь. Это было глубокою осенью, в холодный и сумрачный день. [Ф. М. Достоевский. Записки из Мертвого дома (1862)].

б. Ты мне *черта в чемодане не строй!* Ты сколько знаешь, я всемеро столько забыл. [Ф. М. Достоевский. Из сибирской тетради (1851–1860)].

Судя по методу работы Достоевского с языковым материалом, он часто фиксировал в записных книжках свои наблюдения за речью окружающих. В последующем эти заметки использовались в речи персонажей его художественных произведений. В этом смысле идиома *черта в чемодане не строй*, скорее всего, не является авторской, поскольку она была фиксирована писателем в реальном дискурсе. Однако никаких других данных об этой идиоме нет. Тем самым, с точки зрения выбранного подхода ее можно считать авторской.

Более очевидный пример авторской идиомы представлен в тексте повести Тургенева «Степной король Лир»:

(6) — Не приедет Мартын Петрович! — шепнул мне Сувенир, выходя вместе со мною после обеда из столовой. — Вы посмотрите, что с ним стало! Уму непостижимо! Я полагаю, он, что и говорят-то ему — ничего не понимает. Да! *Прижали ужа вилами!* [И. С. Тургенев. Степной король Лир (1870)].

В НКРЯ других контекстов употребления идиомы *прижали ужа вилами* нет, отсутствует это выражение и в словаре Даля «Пословицы русского народа» [Даль 1989]. Судя по приведенному контексту, семантика обсуждаемого выражения сводится к указанию на перенесенные кем-либо невзгоды, которые оказали влияние на общее состояние этого человека.

Авторские лексические модификации идиомы

Этот тип преобразований представляет собой изменение компонентного состава идиомы, представленной в литературном языке рассматриваемого периода времени. Так, в примере (7) в идиоме *душа ушла в пятки* слово *пятки* заменено на *портки*:

(7) — А еще воин! — начал опять Сувенир. — В двенадцатом году отечество спасал, храбрость свою показывал! То-то вот и есть: с мерзлых мародеров портки стащить — это наше дело; а как девка на нас ногой притопнет, у нас у самих *душа в портки...* [И. С. Тургенев. Степной король Лир (1870)].

В НКРЯ других примеров такой замены нет. Очевидно, что приведенная авторская модификация лексического состава идиомы объясняется языковой игрой — лексическая замена *портки* мотивирована предшествующей фразой: *с мерзлых мародеров портки стащить*.

Авторская лексическая модификация представлена также в следующем примере:

(8) Ну, только слушай ты меня! Ненавистник он мне, всю жизнь он меня казнил да позорил, а наконец и над родительским благословением моим надругался, а все-таки, если ты его за порог выгонишь или в люди заставишь идти — нет тебе моего благословения! Нет, нет и нет! Ступайте теперь оба к нему! чай, он и *буркалы-то свои проглядел*, вас высматриваючи! [М. Е. Салтыков-Щедрин. Господа Головлевы (1875–1880)].

В стандартном случае форма данной идиомы выглядит так: *все глаза проглядеть*. Замена компонента *глаза* на *буркалы* уникальна и встречается только в приведенном примере из Салтыкова-Щедрина.

Особенно богаты на авторские лексические модификации произведения Достоевского. Так, форма *прокисай все на свете*, вместо стандартной *пропадай / пропади все на свете*, обнаруживается в повести «Село Степанчиково и его обитатели»:

(9) а. Особенного человека нашел! тьфу! *прокисай все на свете!* [Ф. М. Достоевский. Село Степанчиково и его обитатели (1859)].

б. Ведь, я, может, ее же любя, говорю... Эх, *прокисай все на свете!* Ну зачем я приехал сюда? ну зачем я сворачивал? мне-то какое дело? мне-то какое дело? [Ф. М. Достоевский. Село Степанчиково и его обитатели (1859)].

в. — Нет, уж довольно с меня! отвечал толстяк, дрожа от негодования, — *прокисай все на свете!* [Ф. М. Достоевский. Село Степанчиково и его обитатели (1859)].

Эта модификация используется для индивидуализации речи персонажа — так говорит только господин Бахчеев.

Еще один пример авторского лексического варьирования обнаруживается в романе «Бесы» и в повести «Дядюшкин сон»:

(10) а. Станешь ему толковать, *смотрит как баран на воду*, дивишься на него только. [Ф. М. Достоевский. Бесы (1871–1872)].

б. Глуп фе-но-менально! *смотрит как баран на воду!* [Ф. М. Достоевский. Дядюшкин сон (1858–1859)].

Стандартная форма этой идиомы — *смотреть как баран на новые ворота*. Отметим, что в словаре [Федоров 2008] выражение *как баран на воду* представлено в качестве отдельного лексического входа, причем приводится только пример (10а) из романа «Бесы».

Авторские грамматические и семантические трансформации

Как показывает анализ функционирования идиоматики, изменения грамматической формы идиомы часто сопровождаются изменением смысла выражения и наоборот. В силу этого в данном разделе они рассматриваются вместе. Идиома

пришла пора в обычном случае не имеет управления на предложную группу — типа *пришла пора на кого-л.* Между тем, в романе «Бесы» пример такого рода обнаруживается:

(11) — Ох, матушка! Довольно нам вашего деспотизма! — бешено повернулась она к Варваре Петровне. — Говорят, правда ли, нет ли, весь город здешний замуштровали, да, видно, *пришла и на вас пора!* [Ф. М. Достоевский. Бесы (1871–1872)].

Модификация грамматической структуры в примере (11) имеет очевидное семантическое основание. Действительно, в обычном случае использование идиомы *пришла пора* не предполагает оценочной квалификации наступающего события, а в измененном грамматическом варианте определенно указывается на то, что положение адресата меняется к худшему.

Идиома *ушки на макушке* (*у кого-л.*) в нормальном случае не используется в вопросах: из 58 примеров в основном корпусе НКРЯ только в примере (12) ниже эта идиома формирует вопрос:

(12) Ишь ведь сколько номеров велел натащить! Подозрительно, а? — Ну, скажите. — *Ушки на макушке?* — Какая еще там макушка? — После скажу, какая макушка, а теперь, мой милейший, объявляю вам... нет, лучше: «сознаюсь»... Нет, и это не то: «показание даю, а вы снимаете» — вот как! [Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание (1866)].

В приведенном примере показательна реакция адресата вопроса — Заметова, который, не понимая коммуникативного намерения собеседника (Раскольников), переспрашивает его: — *Какая еще там макушка?* Раскольников, естественно, не может объяснить, поскольку догадывается, что Заметов что-то подозревает в связи с убийством старухи. Осложняет ответ и вопрос к внутренней форме идиомы. Фактически Раскольников использует вопрос с идиомой не в прямой функции, а в косвенной, чтобы показать, что он знает, что Заметов пытается что-то выяснить. Из-за этого и возникает сбой в коммуникации (communicative gap).

Идиома *как по нитке* обычно употреблялась в XIX в. в значении ‘очень ровно’, ср. следующие примеры:

(13) **а.** Человек сорок крестьян косили, выстроясь в одну линию, *как по нитке*: ярко блестя на солнце, взлетали косы, и стройными рядами ложилась срезанная густая трава. [С. Т. Аксаков. Детские годы Багрова-внука, служащие продолжением семейной хроники (1858)].

б. Узенькая низкая набережная, усыпанная черною пылью каменного угля, тянется вдоль по Дунаю почти *как по нитке*. [Г. И. Успенский. Новые времена (1873)].

в. Рельсы, разбегавшиеся у платформы на много путей, за станцией сходились в одну пару и уходили, блистая на солнце, до самого горизонта без изгиба, *как по нитке*. [А. С. Серафимович. Никита (1906)].

Выражение *как по нитке* в рассматриваемом значении наиболее характерно для русского языка XIX — начала XX в. В современном языке в этом значении используется идиома *как по линейке*.

В повести «Село Степанчиково и его обитатели» идиома *как по нитке* используется в совершенно другом значении:

(14) Вот жаль, что я сам мало понял (времени не было), а то бы рассказал тебе все *как по нитке*. [Ф. М. Достоевский. Село Степанчиково и его обитатели (1859)].

В примере (14) идиома *как по нитке* передает смысл ‘(рассказать) последовательно и связно’.

Авторские фреквенталии

К этому типу авторских особенностей использования идиоматики относятся случаи, когда автор употребляет ту или иную идиому существенно чаще, чем другие писатели — по крайней мере, представленные в НКРЯ. К таким выражениям следует отнести идиому *ни дай ни вынеси (за что)*, которая встречается в произведениях Салтыкова-Щедрина пять раз, а у других авторов конца XVIII–XIX вв. — по одному разу (всего 15 вхождений в текстах указанного периода):

(15) а. Он ведь тоже человек подневольный; ему и во сне не снилось, что ты забеременела, а он, *ни дай, ни вынеси за что*, должен чужой грех на себя взять. [М. Е. Салтыков-Щедрин. Пошехонская старина. Житие Никанора Затрапезного, пошехонского дворянина (1887–1889)].

б. Лежит карась, никого не трогает, и вдруг, *ни дай, ни вынеси за что*, к щуке в брюхо попадает! [М. Е. Салтыков-Щедрин. Сказки / Карась-идеалист (1869–1886)].

в. Вот теперь и судите: каково мне видеть, что после таких-то, можно сказать, истязаний, трудовые мои денежки, *ни дай ни вынеси за что*, в помойную яму выброшены! [М. Е. Салтыков-Щедрин. Господа Головлевы (1875–1880)].

г. Но, с другой стороны, после тех обид, которыми, *ни дай, ни вынеси за что*, наградил меня Глумов, мне было как-то неловко уступить так просто: взял шляпу да и поехал. [М. Е. Салтыков-Щедрин. В среде умеренности и аккуратности (1874–1877)].

д. *Ни дай, ни вынеси за что* — плати десятки тысяч! [М. Е. Салтыков-Щедрин. Дневник провинциала в Петербурге (1872)].

Идиома *ни дай ни вынеси (за что)* не используется в современном русском языке. В словаре [Федоров 2008] она характеризуется как устаревшая и просторечная и толкуется ‘трудно понять, по какой причине; неизвестно почему’. По семантике эта идиома очень похожа на фразеологизм *ни за что, ни про что*, широко представленный в художественных текстах с XVIII по XXI в.

Идиома *какова пора ни мера* также относится к авторским фреквенталиям Салтыкова-Щедрина. В НКРЯ обнаруживается всего 13 вхождений, из которых 11 представлены в произведениях Салтыкова-Щедрина и 2 — в рассказе Одоевского «Живой мертвец»:

(16) а. *Какова пора ни мера* — не упусти, а упустил — старайся быть вперед проворнее. [М. Е. Салтыков-Щедрин. Пошехонские рассказы (1883–1884)].

б. А я, между прочим, твердо в своем сердце положил: *какова пора ни мера*, а во всяком случае десять тысяч накопить и на родину вернуться. [М. Е. Салтыков-Щедрин. Современная идиллия (1877–1883)].

в. Только что начал он руки на молитву заводит — смотрит, ан в самом кумполе свет, и голубь на него смотрит!» Вот с этих пор я себе и положила: *какова пора ни мера*, а конец жизни у Сергия-троицы пожить! [М. Е. Салтыков-Щедрин. Господа Головлевы (1875–1880)].

г. Я, например, по крайности, знаю своего преследователя, вижу его, почти руками осязаю — ну, стало быть, *какова пора ни мера*, и оборониться от него могу. [М. Е. Салтыков-Щедрин. В среде умеренности и аккуратности (1874–1877)].

д. Теперь, думаю, хорошо: и сыт, да и ножик при мне есть: стало быть, *какова пора ни мера*, а живой в руки не дамся. [М. Е. Салтыков-Щедрин. Невинные рассказы / Развеселое житье (1857–1863)].

Идиома *какова пора ни мера* отсутствует в словаре Даля «Пословицы русского народа» [Даль 1989], но фиксируется словарем Михельсона [Михельсон 1902–1903] со значением «как бы тамъ ни было, на всякій случай».

Заключение

Фразеология в целом тесно связана с индивидуальными особенностями использования языка, поскольку из всего множества фразеологизмов каждый говорящий употребляет только какую-то небольшую часть. Индивидуальность носителя языка особенно отчетливо проявляется в авторской идиоматике. Рассмотрение авторских особенностей идиоматики вряд ли возможно без корпусных данных, поскольку интуиция носителя языка в целом ряде случаев не позволяет оценить отклонения от стандарта в использовании идиом. Тем более сложно квалифицировать модификации грамматики и семантики идиом в текстах XIX в., когда отсутствует информация о норме словоупотребления того времени. При всех возможных ограничениях, опора на репрезентативный корпус оказывается единственным научным методом изучения авторских особенностей идиом прошедших эпох.

Исследование авторской идиоматики важно не только для описания особенностей художественного текста и стиля писателя, но и для собственно семантического анализа. Иными словами, авторская фразеология демонстрирует одновременно и потенциал фразеологической системы, и реальные отклонения от существующего стандарта.

Литература

Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Основы фразеологии. М.: Флинта: Наука, 2013. 307 с.

Даль В. Пословицы русского народа. В 2-х тт. М.: Художественная литература, 1989.

Живов В. М. Язык и культура в России XVIII века. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 591 с.

Михельсон М. И. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний. Т. 1–2. СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1902–1903.

Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок. М.: ОЛМА, 2007. 783 с.

Успенский Б. А. История русского литературного языка (XI–XVII вв.). 3 изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2002. 559 с.

Федоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка. М.: Астрель; АСТ, 2008. 282 с.

A. N. Baranov

*Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)*

baranov_anatoly@hotmail.com

D. O. Dobrovolskij

*Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences,
Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)*

Stockholm University

(Sweden, Stockholm)

dobrovolskij@gmail.com

SPECIFIC FEATURES OF AUTHOR'S IDIOMS IN RUSSIAN LITERARY TEXTS OF THE 19th CENTURY

Author's idioms are understood in two main senses: as individual features of the use of idioms (author's modifications of form and semantics, individual choice of idioms from a near-synonymous series) and as the creation of unique expressions. In the latter case, we can talk about the author's idioms in the strict sense, or the author's idioms proper. We propose to distinguish the following types of author's use of idioms: lexical modifications, grammatical transformations, semantic modifications of idioms, author's statistic universals, author's dearchaisms and author's idioms proper. The article discusses specific features of author's use of idioms in Russian fictional texts from the 19th century.

Difficulties in identifying the author's idioms proper are also described on the basis of corpus data. The limitations of the proposed approach are indicated, arguments are presented for the expediency of its use as satisfying the criteria of objectivity. The study of the author's idioms is important not only for describing the features of the literary text and the style of the writer, but also for a thorough semantic analysis of phraseology. In other words, the author's phraseology demonstrates both the potential of the phraseological system and deviations from the existing standard.

Key words: author's phraseology, idioms, Russian language of the 19th century, variation of the idiom form, modification of the idiom meaning.

References

Baranov A. N., Dobvol'skij D. O. *Osnovy frazeologii* [Fundamentals of phraseology]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2013. 307 p.

Daľ V. *Poslovitsy russkogo naroda. V 2 tt.* [Proverbs of the Russian people]. In 2 vols. Moscow, Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1989.

Fedorov A. I. *Frazeologicheskii slovar' russkogo literaturnogo yazyka* [Phraseological dictionary of the Russian literary language]. Moscow, Astrel', AST Publ., 2008. 282 p.

Mikhel'son M. I. *Russkaya mysl' i rech'. Svoe i chuzhoe. Opyt russkoi frazeologii. Sbornik obraznykh slov i vyskazyvanií. T. 1–2* [Russian thought and speech. Your own and someone else's. Study of Russian phraseology. Collection of figurative words and parables]. Vol. 1–2. St. Petersburg, tip. Imp. Akad. nauk, 1902–1903.

Mokienko V. M., Nikitina T. G. *Bol'shoi slovar' russkikh pogovorok* [A large dictionary of Russian sayings]. Moscow, OLMA Publ., 2007. 783 p.

Uspenskij B. A. *Istoriya russkogo literaturnogo yazyka (XI–XVII vv.)* [History of the Russian literary language (11th–17th centuries)]. 3rd edition rev. and ext. Moscow, Aspekt Press Publ., 2002. 559 p.

Zhivov V. M. *Yazyk i kul'tura v Rossii XVIII veka* [Language and culture in Russia in the 18th century]. Moscow, Shkola "Yazyki russkoi kul'tury" Publ., 1996. 591 p.

В. А. Козырев¹, В. Д. Черняк²

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

(Россия, Санкт-Петербург)

47kozyrev@rambler.ru¹

vdcher@yandex.ru²

КРЫЛАТЫЕ СЛОВА И ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ: МЕЖДУ ФРАЗЕОГРАФИЕЙ И АВТОРСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИЕЙ

В статье рассматриваются два значимых объекта современной лексикографии — крылатые слова и прецедентные феномены. Они связаны чрезвычайно активно развивающимися типами словарей — авторскими словарями и словарями идиоматики, между которыми существует заметная зона пересечений. Большое количество словарей, описывающих фразеологию конкретных авторов, показывает, как используются фразеологические ресурсы языка, как они трансформируются в художественном тексте. Особое внимание уделяется созданной по единым принципам серии словарей, описывающих крылатые выражения выдающихся литераторов. В теоретическом плане широкий и разнородный материал объединяет понятие «интертекстема», предполагающее разнообразные виды межтекстовых взаимодействий. В контексте современной языковой ситуации принципиальное значение имеет соотношение крылатых слов и прецедентных феноменов. Хотя нередко эти понятия совпадают, различие связано с тем местом, которое занимают те или иные единицы в интертекстуальном тезаурусе языковой личности. Наблюдения над речью современников в различных типах дискурсивных практик убеждают, что особое место в них принадлежит элементам текстов детского чтения, особенно текстов стихотворных, часто выступающим в качестве речевых шаблонов, заполняемых в зависимости от конкретной ситуации. В статье описывается первый опыт создания словаря прецедентных феноменов из детской литературы.

Ключевые слова: авторская лексикография, интертекстема, крылатые слова, прецедентные феномены, фразеография.

Развитие современного лексикографического пространства в разных его участках с неизбежностью предполагает внимание к переходным зонам, существующим между разными типами словарей. Это в значительной степени касается взаимодействия авторских (писательских) словарей и словарей идиоматики, включающих, в свою очередь, несколько разных типов лексикографических изданий.

Наша работа, проводившаяся на протяжении четверти века, по фиксации всего, что появляется в русской лексикографии (за исключением двуязычных и собственно терминологических словарей) позволяет не только судить об исключительно интенсивном развитии отечественной лексикографии, но и выявлять зоны максимальной лексикографической активности.

В «Энциклопедии русской лексикографии» [Козырев, Черняк 2021] представлено более 3700 словарей русского языка различных типов и более 2880 библиографических сведений о словарниках, специалистах разного ранга, в разные исторические периоды формировавших широкое и многогранное лексикографическое пространство. Обращение к интересующим нас двум типам словарей (писательским и словарям идиоматики) наглядно показывает, что если в XIX — первой трети XX в. оба типа словарей были представлены единичными изданиями, то со второй половины XX в. наблюдается интенсивное расширение этих зон русского лексикографического пространства, а в XXI веке они увеличиваются в несколько раз. Это, безусловно, связано, с одной стороны, с глубокой теоретической разработкой различных типов словарей (см., например, [Мелерович, Мокиенко 2005; Мокиенко 2003; Шестакова 2011; Авторская лексикография 2013]), а с другой — с принципиально новыми возможностями, открывшимися в связи с применением компьютерных технологий в лексикографии, с активным использованием корпусных данных.

Приведем в таблице обобщенные данные по названным типам словарей:

Типы словарей	Словари XIX — начала XX в. (до «ушаковского» периода)		Словари XX–XXI вв. (начиная с «ушаковского» периода)		
	Издания XIX в.	Издания начала XX в. (до «ушаковского» периода)	Издания XX в. (начиная с «ушаковского» периода)	Издания XXI в.	Издания XX–XXI вв. (продолжающиеся)
Словари языка писателей (авторские словари)	2	3	54	206	3
Фразеологические словари	1	2	28	113	—
Словари пословиц и поговорок	5	2	9	24	—
Словари крылатых слов	1	—	25	56	—
Словари афоризмов	1	1	8	26	—

Приведенные данные свидетельствуют о том, что авторские словари и словари идиоматики, включающие собственно фразеологические, словари пословиц и поговорок, словари крылатых слов и словари афоризмов, относятся к числу чрезвычайно активно развивающихся типов лексикографических изданий. Между ними есть очень заметная зона пересечений. И. Н. Сухих точно замечает: «Великие книги <...> существуют, чтобы войти в жизнь нескольких поколений — стать пословицей, мифом, нарицательным образом, вечным вопросом» [Сухих 2006: 64]. Это свойство «великих книг» и обеспечивает большое количество лексикографических

изданий, отражающих слово- и/или фразеопотребления в одном произведении, либо в цикле произведений, либо во всем творчестве крупных русских литераторов и таким образом в определенной мере проясняющих природу стиля и мировидение художников слова. Появилось много словарей, описывающих фразеологию конкретных авторов. Приведем примеры таких изданий:

Васильев А. И. Фразеологический словарь М. А. Шолохова. Стерлитамак: Фобос, 2015. Т. 1.

Васильев А. И. Фразеологический словарь языка В. И. Даля. Елец: Елец. гос. ун-т им. И. А. Бунина, 2016. 200 с.

Васильев А. И. Фразеологический словарь языка И. А. Бунина: [около 1500 фразеологических единиц]. Елец: Елец. гос. ун-т им. И. А. Бунина, 2011. 391 с.

Гончарова Н. В. Фразеологические наименования человека в стихотворениях О. Мандельштама: словарь: [320 словарных статей: структурно-грамматическая и семантическая характеристика поэтических фразеологизмов, культурологический и литературоведческий комментарий] / под ред. Н. Б. Усачевой. Курган: Изд-во Курган. гос. ун-та, 2011. 248 с.

Кольцова Л. М., Чуриков С. А., Винтер М. В. Крылатое слово И. С. Никитина: опыт словаря. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2019. 151 с.

Уваров Н. С. Фразеологизмы в творчестве Владимира Высоцкого: опыт словаря: около 4500 фразеопотреблений. Омск: Изд-во Омск. гос. пед. ун-та: Наука, 2007. 536 с.

Фесенко О. П. Словарь фразеологизмов дружеских писем первой трети XIX века: [984 фразеологизма, более 3 000 употреблений] / науч. ред. Н. А. Павлова, Т. А. Демешкина. Омск: Изд-во Омск. экономич. ин-та, 2009. 380 с.

Шароглазова [Фролова] Ю. В. Словарь фразеологизмов, паремий и иных устойчивых сочетаний в произведениях В. П. Астафьева / под общ. рук. Л. Г. Самотик. Красноярск: Краснояр. гос. пед. ун-т им. В. П. Астафьева, 2007. 488 с.

Подобные словари показывают, как конкретными авторами используются фразеологические ресурсы языка, как они трансформируются в художественном тексте. Особая проблема, на которой мы остановимся ниже, — обогащение лексико-фразеологической системы русского языка новыми идиомами, связанными с конкретными произведениями конкретных авторов.

Особую актуальность в контексте соотношения писательских словарей и словарей идиоматики приобретает вопрос о крылатых словах и принципах их лексикографического описания [Дядечко 2002]. В ситуации появления на книжном рынке большого количества словарей крылатых слов, построенных на разных основаниях, в статье с дискуссионным названием «Имеют ли право крылатологи называть свои справочники словарями?» С. Г. Шулежкова отмечает, что словари крылатых единиц непременно должны содержать сведения об их происхождении и характеристике значения. Крылатые выражения, «сохраняя генетическую память о своем

источнике, должны обладать определенным набором знаков, свойственных любой устойчивой раздельнооформленной языковой единице (фразеологизму в широком понимании этого термина)» [Шулежкова 2010: 25]. Наиболее полная, глубокая и последовательная лексикографическая разработка русской «крылатики» представлена в «Большом словаре крылатых выражений русского языка» В. П. Беркова, В. М. Мокиенко, С. Г. Шулежковой [Берков и др. 2008–2009] и в сходном по своим теоретическим основаниям словаре С. Г. Шулежковой «И жизнь, и слезы, и любовь...» [Шулежкова 2011]. В этих изданиях содержатся употребляющиеся современными носителями русского языка яркие, образные слова и выражения, авторы или источники которых обычно хорошо известны.

К числу несомненных достижений лексикографии последнего времени относятся созданные по единым принципам словари, описывающие крылатые выражения, которыми русская речь обязана выдающимся литераторам — А. С. Пушкину, А. С. Грибоедову, И. А. Крылову, И. Ильфу и Е. Петрову:

Мокиенко В. М., Семенец О. П., Сидоренко К. П. «Горе от ума» А. С. Грибоедова: цитаты, литературные образы, крылатые выражения: учеб. словарь-справочник: [около 800 словарных статей] / под общ. ред. К. П. Сидоренко. СПб.: Изд-во Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена, 2009. 463 с.

Мокиенко В. М., Семенец О. П., Сидоренко К. П. Большой словарь крылатых выражений А. С. Грибоедова: («Горе от ума»): [около 200 словарных статей] / под общ. ред. К. П. Сидоренко. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2009. 800 с.

Мокиенко В. М., Сидоренко К. П. «Мой дядя самых честных правил». Крылатые слова, цитаты, образы из романа в стихах А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: опыт словаря / Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. СПб.: ЛЕМА, 2022. 536 с.

Мокиенко В. М., Сидоренко К. П. Басни Ивана Андреевича Крылова: цитаты, литературные образы, крылатые выражения: словарь-справочник / под общ. ред. К. П. Сидоренко; Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. СПб.: Свое издательство, 2013. 682 с.

Мокиенко В. М., Сидоренко К. П. Крылатые выражения, литературные образы и цитаты из басен Ивана Андреевича Крылова: [словарь]. М.: Центрполиграф, 2017. 348 с.

Мокиенко В. М., Сидоренко К. П. Крылатые слова басен Ивана Андреевича Крылова: словарь. СПб.: Изд-во С.-Петербур. гос. ун-та, 2018. 794 с.

Мокиенко В. М., Сидоренко К. П. Крылатые слова диалогии Ильи Ильфа и Евгения Петрова («Двенадцать стульев» и «Золотой теленок»): словарь-справочник: [около 1000 словарных статей]. СПб.: Изд-во Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена, 2021. 310 с.

Мокиенко В. М., Сидоренко К. П. Словарь крылатых выражений Пушкина: [около 1900 единиц]. СПб.: Изд-во С.-Петербур. гос. ун-та: Фолио-Пресс, 1999. 752 с.

Мокиенко В. М., Сидоренко К. П. Школьный словарь крылатых выражений Пушкина: [около 3000 единиц]. СПб.: Нева, 2005. 800 с.

Эти словари опираются на теорию интертекстуальных взаимодействий, в которые вступают воспроизводимые единицы из текстов русских классиков. Хотя в названиях словарей фигурируют разные наименования описываемых единиц (цитаты, крылатые выражения, крылатые слова, литературные образы), в теоретическом плане все они объединяются введенным К. П. Сидоренко понятием «интертекстема» [Сидоренко 1999], подчеркивающим разные типы межтекстовых взаимодействий, в которые вступают описываемые единицы как с текстами современников, так и с текстами сегодняшнего дня. Словари интертекстем позволяют «реально представить, как проникают интертекстемы величайших русских писателей в кровь и плоть отечественной лингвокультуры, предугадать развитие потенциальных возможностей авторских речений» [Шулежкова, Дядечко 2015: 159]. Предметом описания становится и использование интертекстем в современных дискурсивных практиках (СМИ, реклама, викторины, квесты и т. п.). Важным свойством функционирования интертекстем являются их разнообразные трансформации в тексте.

Богатейший материал, представленный в названной серии словарей, позволяет поставить вопрос об объекте описания в аспекте пересечения крылатики и авторской фразеографии, а также о соотношении регулярно воспроизводимых единиц и интертекстем, чьи связи с другими текстами оказываются редкими, а в ряде случаев даже единичными, уникальными.

Рассмотрим некоторые примеры из последнего словаря В. М. Мокиенко и К. П. Сидоренко «Крылатые слова диалогии Ильи Ильфа и Евгения Петрова», в котором описывается около 1000 единиц разной структуры и функционального статуса из романов «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок» (авторы подчеркивают, что понятие «крылатые слова» понимается ими расширительно). Среди них немало безусловно фразеологизированных крылатых единиц, которые не только регулярно воспроизводятся в речи, но и выступают в качестве моделей для многочисленных трансформаций. Ср.: *автомобиль не роскошь, а средство передвижения; великий комбинатор; дети лейтенанта Шмидта; лед тронулся, господа присяжные заседатели; сын турецко-подданного; на блюдечке с голубой каемочкой; людоедка Эллочка; контора пишет; сбьлись мечты идиота* и др. В этой связи чрезвычайно современно звучат слова В. Н. Телия о том, что изучение фразеологического состава языка в контексте культуры — «благодатная почва для выявления и описания тех языковых средств и способов, которые воплощают во фразеологические знаки культурно значимые смыслы, придавая им тем самым и функцию знаков “языка” культуры. Выступая в этой роли, фразеологизмы не только выражают и межпоколенно транслируют, но и формируют в непрерывном диалоге этих двух разных семиотических систем культурное самосознание народа — носителя языка» [Телия 1999: 9].

Возвращаясь к единицам описания в словаре «Крылатые слова диалогии Ильи Ильфа и Евгения Петрова», отметим в то же время, что большое количество описываемых единиц никак нельзя отнести к числу крылатых слов и крылатых выражений. Ср.: *есть даже пеногон-огнетушитель «Эклер»; идейный борец за денежные знаки; маленькие металлические кружочки; молодой человек вынул из кармана нагретое яблоко; пишущая машинка «Адлер» с турецким акцентом; позвольте,*

товарищ, у меня все ходы записаны; стетсоновская шляпа с дырочками и др. Эти цитаты, как показывают материалы словаря, воспроизводятся почти исключительно или в случаях рефлексии (обычно филологической, литературоведческой) над текстами Ильфа и Петрова, или в весьма распространенных сегодня викторинах, квестах и т. п., специально ориентированных на знание текста. Таким образом, воспроизводимость подобных единиц ограничена строгими функциональными рамками и никак не связана с интертекстуальным тезаурусом языковой личности.

Обращает на себя внимание особое место в словаре примечаний, раскрывающих происхождение, даже этимологию тех или иных единиц описания, культурный контекст их появления и функционирования. Эта не типичная для словарей идиом зона обнаруживает сближение словарей крылатых слов со словарями-комментариями, которые составляют значительную часть авторской лексикографии.

Обращенность классических текстов к современному читателю и — шире — к современному носителю языка делает актуальной цепочку взаимодействий: текст — цитаты из текста — крылатые слова — прецедентные феномены — интертекстуальный тезаурус языковой личности. Понятие «прецедентные феномены» (тексты, имена, высказывания, ситуации) связано с теми элементами коллективной культурной памяти, которые соединяют значительную часть лингвокультурного сообщества, являются элементами национального культурного кода: «В сознании людей, объединенных языком и историей, существует определенный набор текстов, культурных клише, представлений и стандартных символов, за которыми закреплено определенное содержание. Все они составляют культурную память носителей определенного языка / культуры <...>, без наличия которых невозможно существование ни одной коммуникативной системы» [Денисова 2003: 147]. Не вызывает сомнений, что сегодня интертекстуальный тезаурус языковой личности существенно меняется (упрощается) и значительно сокращается, о чем убедительно свидетельствуют проведенные в 2021 г. эксперименты [Прецедентика 2023].

Наблюдения над речью современников в различных типах дискурсивных практик убеждают, что особое место в них занимают элементы текстов детского чтения, особенно текстов стихотворных, часто выступающих в качестве речевых шаблонов, заполняемых в зависимости от конкретной ситуации. Естественная воспроизводимость определяет бытование многих прецедентных высказываний, генетически связанных с детским чтением. Так, например, строка «*что такое хорошо и что такое плохо*» из детского стихотворения В. Маяковского используется как фразеологическая единица в различных типах текстов (в НКРЯ 48 вхождений), во многих случаях актуализируя ценности национального культурного кода. Писательница А. Берсенева воссоздает (пересказывает по узнаваемым компонентам) элементы всего прецедентного текста, ставшие частью интертекстуального тезауруса языковой личности:

Ее жизненные ценности всегда очень мало зависели от внешних обстоятельств — возможно, в силу ее самодостаточности и даже эгоизма. *Что такое хорошо и что такое плохо*, Женя усвоила примерно в те же годы, когда впервые прочитала одноименное стихотворение Маяковского, — и теперь,

вспомнив *старый стишок*, с удивлением обнаружила, что поэт был прав. При *«белых» и при «красных» не следовало лезть в грязь, бить тех, кто меньше ростом, или, заохав, убежать от вороны. Умываться по утрам и тыкать в книжку пальчик* тоже надо было вне зависимости от того, что пишут в газетах (А. Берсенева. Возраст третьей любви).

Активное функционирование в речи имен и высказываний из детской литературы обозначило актуальную задачу их лексикографического описания. Первый опыт создания словаря прецедентных феноменов, связанных с детской литературой, осуществлен в книге «Крошка сын к отцу пришел: Прецедентные имена и высказывания из детской литературы» [Черняк и др. 2021] и подробно описан в публикациях авторов [Черняк и др. 2022а; 2022б]. В словаре представлено более 130 единиц (прецедентных имен: *Бармалей, Гулливер, Дюймовочка, Карабас Барабас, Папа Карло, Винни Пух, Лиса Патрикеевна, лягушка путешественница, мистер Твистер, Том Сойер*; прецедентных высказываний: *Где это видано, где это слыхано; Дело было вечером, делать было нечего; Кошка, которая гуляла сама по себе; Мы с Тamarой ходим парой; Я бы в летчики пошел, пусть меня научат; Я укулов не боюсь, если надо — укулюсь*). Статус прецедентности описываемой единицы обязательно подтверждается ее неоднократным использованием в различных типах текстов и в большинстве случаев сформировавшейся системой значений или устойчивых текстовых смыслов. Конечно, 130 вошедших в словарь единиц ни в коей мере не исчерпывают актуальные прецедентные феномены, мотивированные текстами детской литературы. Готовящееся второе издание словаря увеличится минимум на 30 %.

Культуролог М. Эпштейн пишет о том, что «теперь кавычки уже впитались в плоть каждого слова» [Эпштейн 2000: 281]. Это значимое для постмодернистской эстетики положение приобретает иное звучание сегодня в контексте снижающегося уровня культурной грамотности. Мир цитат, в котором жил образованный человек в прошедшие десятилетия, катастрофически сокращается. Это остро ощущают школьные учителя. Интересный опыт создания цитатного минимума школьника представлен в книге А. И. Дунева с заставляющим задуматься заглавием «Цикады цитат» [Дунев 2022].

Подводя итог, еще раз подчеркнем, что соотношение крылатых слов и прецедентных феноменов значимо для адекватного и соотносимого с современной языковой ситуацией представления широкого круга разнородных единиц в современной лексикографической практике. Эта проблема требует глубокого изучения в связи с фактором адресата, чрезвычайно важным при создании любого словаря.

Литература

Авторская лексикография и история слов: К 50-летию выхода в свет «Словаря языка Пушкина» / отв. ред. Л. Л. Шестакова. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2013. 382 с.

Берков В. П., Мокиенко В. М., Шулежкова С. Г. Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка: около 5000 единиц: в 2 т. / под ред. С. Г. Шулежковой.

2-е изд., испр. и доп. Магнитогорск: Магнитогор. гос. ун-т; Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universität, Institut für Slavistik, 2008–2009.

Денисова Г. В. В мире интертекста: язык, память, перевод. М.: Азбуковник, 2003. 298 с.

Дунев А. И. Цикады цитат. Цитатный минимум школьника: словарь-справочник. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2022. 160 с.

Дядечко Л. П. Крылатые слова как объект лингвистического описания: история и современность. Киев: ИПЦ «Киевский университет», 2002. 183 с.

Козырев В. А., Черняк В. Д. Энциклопедия русской лексикографии: в 2 т. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2021. Т. 1: Русская лексикография: прошлое и настоящее. 536 с. Т. 2: Словари и словарники. 784 с.

Мелерович А. М., Мокиенко В. М. О своеобразии функционирования фразеологизмов в поэзии и принципах построения словаря «Фразеологизмы в русской поэзии» // Текст. Структура и семантика: доклады X Юбилейной международной конференции. Т. 2 / Ред. коллегия: Е. И. Диброва (отв. ред.) и др. М.: МГОПУ им. М. А. Шолохова, 2005. С. 99–106.

Мокиенко В. М. Интертекстемы и текст в славянских языках // Интертекст в художественном и публицистическом дискурсе: Сборник докладов международной научной конференции (Магнитогорск, 12–14 ноября 2001 г.) / Ред.-сост. С. Г. Шулежкова. Магнитогорск: Изд-во МаГУ, 2003. С. 4–27.

Прецедентика в тезаурусе языковой личности: коллективная монография / авт.: А. И. Дунев, В. А. Ефремов, Е. П. Носова, О. П. Семенец, В. Д. Черняк, М. А. Черняк, Е. Р. Ядровская; под ред. В. А. Ефремова. СПб.: ООО «Виктория плюс», 2023. 148 с.

Сидоренко К. П. Интертекстовые связи пушкинского слова: монография. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 1999. 253 с.

Сухих И. Н. Художественный мир Некрасова. Спор об искусстве: поэт как гражданин // Мир русского слова. 2006. № 3. С. 54–64.

Телия В. Н. Фразеология в контексте культуры. М.: Языки русской культуры, 1999. 333 с.

Черняк В. Д., Сидоренко К. П., Носова Е. П. Крошка сын к отцу пришел: Прецедентные имена и высказывания из детской литературы: опыт словаря: [более 130 прецедентных имен и высказываний]. СПб.: Изд-во Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена, 2021. 216 с.

Черняк В. Д., Сидоренко К. П., Носова Е. П. Прецедентные феномены из детской литературы и их лексикографическое описание // Вопросы лексикографии. 2022а. № 24. С. 93–112.

Черняк В. Д., Сидоренко К. П., Носова Е. П. Что такое хорошо и что такое плохо: о лексикографическом представлении прецедентных феноменов из детской литературы // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2022б. № 204. С. 179–187.

Шестакова Л. Л. Русская авторская лексикография: Теория, история, современность. М.: Языки славянских культур, 2011. 464 с.

Шулежкова С. Г. Имеют ли право крылатологи называть свои справочники словарями? (Размышления по поводу языкового статуса крылатых единиц и принципов их лингвистического описания) // Мир русского слова. 2010. № 4. С. 23–28.

Шулежкова С. Г. «И жизнь, и слезы, и любовь...»: Происхождение, значение и судьба 1500 крылатых слов и выражений русского языка. М.: ФЛИНТА; Наука, 2011. 848 с.

Шулежкова С. Г., Дядечко Л. П. Авторские образы и изречения в их лексикографическом отражении (размышления по поводу книги В. М. Мокиенко и К. П. Сидоренко «Басни И. А. Крылова: Цитаты, литературные образы, крылатые выражения», Санкт-Петербург, 2013 г.) // Вестн. ТГГПУ. Филология и культура. 2015. № 2 (40). С. 157–164.

Эпштейн М. Постмодерн в России. Литература и теория. М.: Издание Р. Элинина, 2000. 368 с.

V. A. Kozyrev¹, V. D. Chernyak²

Herzen State Pedagogical University of Russia

(Russia, Saint Petersburg)

47kozyrev@rambler.ru¹

vdcher@yandex.ru²

WINGED WORDS AND PRECEDENT PHENOMENA: BETWEEN PHRASEOGRAPHY AND AUTHOR LEXICORGRAPHY

The article discusses two significant modern lexicography objects — winged words and precedent phenomena. They are connected by extremely actively developing types of dictionaries — author dictionaries and idiomatic dictionaries, that in conjunction make up a noticeable intersection zone. A large number of dictionaries describing the specific authors' phraseology shows how phraseological language resources are used and how they are transformed in literary text. Special attention is paid to a series of dictionaries created according to the same principles, describing the winged expressions of outstanding writers. Theoretically, the concept of intertexteme can unite a wide and heterogeneous linguistic material and implies various types of intertextual interactions. In the modern language situation context, the ratio of winged words and precedent phenomena is of fundamental importance. Although these concepts often coincide, the difference is related to the place that certain units occupy in the linguistic personality intertextual thesaurus. Observations on contemporaries' speech show that elements of children's reading texts, especially poetic texts, often act as speech templates and occupy a special place in various discursive practices. These templates are filled in depending on the specific situation. The article also describes the first experience of creating a dictionary containing children's literature precedent phenomena.

Key words: author lexicography, phraseography, winged words, precedent phenomena, intertexteme.

References

Avtorskaya leksikografiya i istoriya slov: K 50-letiyu vykhoda v svet «Slovarya yazyka Pushkina» [Author lexicography and history of words: To the 50th anniversary of the publication of the Dictionary of Pushkin's Language]. Ed. by L. L. Shestakova. Moscow, Izdatel'skii tsentr «Azbukovnik» Publ., 2013. 382 p.

Berkov V. P., Mokienko V. M., Shulezhkova S. G. *Bol'shoi slovar' krylatykh slov i vyrazhenii russkogo yazyka: okolo 5000 edinit: v 2 t.* [Large dictionary of winged words and expressions of the Russian language]. Ed. by S. G. Shulezhkova. Magnitogorsk, Magnitogorsk State Univ.; Greifswald, Ernst-Moritz-Arndt-Universität, Institut für Slavistik, 2008–2009, vol. 1–2.

Chernyak V. D., Sidorenko K. P., Nosova E. P. *Kroshka syn k ottsu prishel: Pretsedentnye imena i vyskazyvaniya iz detskoj literatury: opyt slovarya (bole 130 pretsedentnykh imen i vyskazyvanii)* [Tiny toddler told his Dad: Precedent names and statements from children's literature: dictionary experience (more than 130 precedent names and statements)]. St. Petersburg, Herzen University Publ., 2021. 216 p.

Chernyak V. D., Sidorenko K. P., Nosova E. P. [Precedent phenomena from children's literature and their lexicographic description]. *Voprosy leksikografii*, 2022, no. 24, pp. 93–112. (in Russ.)

Chernyak V. D., Sidorenko K. P., Nosova E. P. [What is good and what is bad: about precedent phenomena from children's literature lexicographic representation]. *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena*, 2022, no. 204, pp. 179–187. (in Russ.)

Denisova G. V. *V mire interteksta: yazyk, pamyat', perevod* [In the world of intertext: language, memory, translation]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2003. 298 p.

Dunev A. I. *Tsikady tsitat. Tsitatnyi minimum shkol'nika: slovar'-spravochnik* [Cicadas of quotes]. St. Petersburg, Herzen University Publ., 2022. 160 p.

Dunev A. I., Efremov V. A., Nosova E. P. et al. *Pretsedentika v tezauruse yazykovoi lichnosti: kollektivnaya monografiya* [Precedent phenomena in linguistic persona's thesaurus: multi-author monograph]. St. Petersburg, OOO «Viktoriya plus» Publ., 2023. 148 p.

Dyadechko L. P. *Krylatye slova kak ob'ekt lingvisticheskogo opisaniya: istoriya i sovremennost'* [Winged words as linguistic description object: history and modernity]. Kiev, Kiev University Publ., 2002. 183 p.

Epshtein M. *Postmodern v Rossii. Literatura i teoriya* [Post-Modernism in Russia. Literature and theory]. Moscow, R. Elinin Publ., 2000. 368 p.

Kozyrev V. A., Chernyak V. D. *Entsiklopediya russkoi leksikografii: v 2 t* [Russian lexicography encyclopedia. In 2 vol.]. St. Petersburg, Herzen University Publ., 2021. *T. 1: Russkaya leksikografiya: proshloe i nastoyashchee* [Vol. 1: Russian lexicography: history and modernity]. 536 p. *T. 2: Slovarei i slovarniki* [Vol. 2: Dictionaries and lexicographers]. 784 p.

Melerovich A. M., Mokienko V. M. [About specifics of set expressions functioning and about principles of creating the dictionary “Set expressions in Russian poetry”].

Tekst. Struktura i semantika: Doklady X Yubileinoi mezhdunarodnoi konferentsii [Text. Structure and semantics. Proceedings of the X anniversary international conference]. Moscow, M. A. Sholokhov Moscow State Open Pedagogical University Publ., 2005, vol. 2, pp. 99–106. (In Russ.)

Mokienko V. M. [Intertextemes and text in Slavic languages]. *Intertekst v khudozhestvennom i publitsisticheskom diskurse: Sbornik докладов mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Magnitogorsk, 12-14 noyabrya 2001 goda)* [Proc. Int. Conf. “Intertext in fiction text and in publicistic discourse” (Magnitogorsk, November 12–14, 2001)]. S. G. Shulezhkova (ed.). Magnitogorsk, Magnitogorsk State University Publ., 2003, pp. 4–27. (In Russ.)

Shestakova L. L. *Russkaya avtorskaya leksikografiya: Teoriya, istoriya, sovremennost'* [Russian author lexicography: Theory, history, modernity]. Moscow, Yazyki Slavyanskikh Kul'tur Publ., 2011. 464 p.

Shulezhkova S. G. «*I zhizn', i slezy, i lyubov'...*». *Proishozhdenie, znachenie i sud'ba 1500 krylatykh slov i vyrazhenii russkogo yazyka* [“And life, and tears, and love...” Etymology, meaning and fate of 1500 winged words and expressions in the Russian language]. Moscow, FLINTA, Nauka Publ., 2011. 848 p.

Shulezhkova S. G. [May winged words researchers call their reference books dictionaries? (Thinking about winged words status and their linguistic description principles)]. *Mir russkogo slova*, 2010, no. 4, pp. 23–28. (In Russ.)

Shulezhkova S. G., Dyadechko L. P. [Authorial images and statements and their lexicographic representation (thinking about V. M. Mokienko's and K. P. Sidorenko's book “I. A. Krylov's fables: Quotes, literary images, winged words”, St. Petersburg, 2013)]. *Vestnik TGGPU. Filologiya i kul'tura*, 2015, no. 2 (40), pp. 157–164. (In Russ.)

Sidorenko K. P. *Intertekstovye svyazi pushkinskogo slova: monografiya* [Intertextual connections of Pushkin's words: monograph]. St. Petersburg, Herzen University Publ., 1999. 253 p.

Sukhikh I. N. [Nekrasov's fictional world. Dispute about art: poet as a citizen]. *Mir russkogo slova*, 2006, no. 3, pp. 54–64. (in Russ.)

Teliya V. N. *Frazeologiya v kontekste kul'tury* [Phraseology in the cultural context]. Moscow, Yazyki Russkoi Kul'tury Publ., 1999. 333 p.

В. М. Мокиенко

*Санкт-Петербургский государственный университет
(Россия, Санкт-Петербург)
mokienko40@mail.ru*

К. П. Сидоренко

*Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена
(Россия, Санкт-Петербург)
sidorenko274@yandex.ru*

ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ НАД СЛОВАРЕМ КРЫЛАТЫХ ВЫРАЖЕНИЙ ДИЛОГИИ И. ИЛЬФА И Е. ПЕТРОВА

В статье излагаются результаты составления словаря крылатых выражений дилогии И. Ильфа и Е. Петрова («Двенадцать стульев», «Золотой теленок»). Эти романы относятся к числу самых цитируемых текстов русской литературы XX в. Значительное влияние на активность цитат и образов из Ильфа и Петрова оказали киноверсии романов, а популярности крылатых слов и выражений способствует интернет-пространство. Специализированная обработка (поиск) позволяет лексикографировать в целом примерно одну тысячу единиц разной структуры и функционального статуса, получивших распространение и условно называемых в статье «крылатыми словами». Интертекстовые единицы Ильфа и Петрова условно можно разделить на общеизвестные и малоизвестные, редкие, даже уникальные. При всем разнообразии и определенной разнородности описываемого в словаре материала, разработка словарных статей, их структура подчинены закономерностям лексикографии полного типа при учете специфики «крылатого» языкового материала. В статье излагаются принципы составления словаря и приводятся образцы словарных статей.

Ключевые слова: интертекстема, крылатые слова, крылатые выражения, лексикография, И. Ильф и Е. Петров.

Романы И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок» относятся к числу самых цитируемых текстов русской литературы XX в. В наиболее полном «Большом словаре крылатых слов русского языка» [Берков и др. 2000] цитат около шестидесяти, практически единично представлены они в толковых

и фразеологических словарях русского языка. Значительное влияние на активность цитат и образов из Ильфа и Петрова оказали киноверсии романов.

Специализированная обработка текстов позволяет лексикографировать в целом примерно **одну тысячу единиц** разной структуры и функционального статуса, получивших распространение и условно называемых нами «крылатыми словами». Само понятие **крылатое слово** в словаре также применяется обобщенно.

Участки использования интертекстовых единиц из Ильфа и Петрова — публицистика, в последние 10–15 лет активность перемещается в пространство интернета, где преобладает реакция на тему, заголовки сообщений, вопросно-ответные чаты и т. п. Текст дилогии реагирует на огромное количество обсуждаемых вопросов, ситуаций, тем.

Интертекстовые единицы Ильфа и Петрова условно можно разделить на общеизвестные и малоизвестные, редкие, даже уникальные. Так, к «**общеизвестным**», относительно узнаваемым, можно, например, отнести: *Автомобиль — не роскошь, а средство передвижения; великий комбинатор; дети лейтенанта Шмидта; командовать парадом буду я; лед тронулся, господа присяжные заседатели; может быть, вам дать еще ключ от квартиры, где деньги лежат; на блюдечке с голубой каемочкой; не учите меня жить.*

В число «малоизвестных» вошли такие выражения, как: *без гусарства, но и не без некоторой лихости; балалайка, величиной с избу; бывший друг желудка; губернатор острова Борнео; слесарь-интеллигент; не трещите крыльями без повода; как пожелаем, так и сделаем; кипучий лентяй; тепло теперь в Париже; виляя позвоночником; заплатите за кефир, Шура, потом сочтемся; долой рутину с оперных подмостков; охмуреж под сладкий лепет мандолины; пишущая машинка с турецким акцентом; побольше непонятного; графиня изменившимся лицом бежит пруду; муж, не сердь свою жену; галстук «Мечта ударника»; котлеты, с отпечатавшимися на них газетными строчками; Ганди приехал в Данди; со своими жалобами обратитесь во «Всемирную лигу сексуальных реформ» и мн. др.*

Представленные интертекстовые единицы не всегда позволяли воплощать жесткие, стандартные принципы обработки в силу своего разнообразия, различной степени устойчивости, структурно-семантической нечеткости, проблемности выделения и паспортизации. Традиционные дефиниции часто не могли быть полезны и возможны, поэтому и подход к материалу оказался разноплановым. Афоризм, развернутое высказывание, цитата в живой речи может «рассыпаться», отдельное слово в этом случае получает автономный статус, что давало возможность вводить его как вокабулу (заголовок) словарной статьи, представляющую интертекстовую единицу.

При описании столь «разнокалиберного» материала мы опирались на свой многолетний опыт составления словарей крылатых выражений таких русских классиков, как А. С. Пушкин, А. С. Грибоедов, И. А. Крылов. Разработка словарных статей, их структура подчинены закономерностям лексикографии полного типа и учитывают специфику «крылатого» языкового материала.

Примерная структура словарной статьи

После вокабулы, по усмотрению авторов-составителей, дается контекст или фрагмент текста, краткая аннотация с элементами пересказа и комментирования. Этот прием позволяет стимулировать обращение читателя к первоисточнику.

В основу работы был положен принцип интертекстовой динамики, предполагающий учет трансформаций, обыгрывания, изменений исходного выражения, а также обращение к разного рода «отрицательному материалу». Оценка читателей здесь будет разной и, желательно, принципиально компромиссной, допускающей, что приводимые факты могут быть не только разнородными, но и противоречивыми.

Нередко характеристики и оценки из «Двенадцати стульев» и «Золотого тельника» проявляются как реакция на конкретные явления, события, предметы, актуализируя уникальные или редкие цитаты. В качестве интертекстовых курьезов можно привести следующие примеры.

В качестве текстового стимула (характеризуемого объекта) могут выступать «понятные» реалии. Так, выражение *балалайка свежесрубленная, величиной с избу* возникает как реакция на балалайку-контрабас («Золотой тельнок», гл. I):

И бетховенская «К Элизе» есть в репертуаре уникального «Терем-квартиета», и балалайка, вернее гигантский контрабас — *балалайка («свежесрубленная, величиной с избу»*), как определяют этот музыкальный инструмент в «Золотом тельнике» Ильф и Петров) в составе ансамбля имеется (П. Вишнеvский. И «Терем» тот высокий звучит на все лады. Мурманский вестник. 8 октября 2008).

Слова *Такси свободен! прошу садиться!* («Золотой тельнок», гл. II), которыми Адам Козлевич зазывал пассажиров, используются в разного рода заметках о работе такси:

[Загол.] *Такси свободен! прошу садиться!* [В тексте] Слова, которыми Адам Козлевич некогда обратился к Бендеру, так и не стали крылатыми среди российских таксистов. Зато они вполне могут служить девизом их берлинских коллег. (За рулем. 1993. № 11); Таксисты [в Вильнюсе] бросаются на заграничных туристов, аки Козлевич из «Золотого тельника» — *«Такси свободен! прошу садиться!»* (Г. Зотов. Вы находитесь в Литве. Аргументы и факты. 22 августа 2017).

Тема-стимул

В рекламе матрасов неоднократно встречается обращение к шутливому панегрику в адрес матрасов (*матрацев*) («Двенадцать стульев», гл. XVII):

Купить матрас в Санкт-Петербурге в наше время не сложно <...> Говоря о пружинных матрасах, невозможно не вспомнить таких замечательных авторов, как И. Ильф и Е. Петров и их бессмертный роман «Двенадцать стульев». Именно

там, в 19 главе, поется настоящая ода *пружинным матрасам!* Вот лишь отрывок: «*Граждане! уважайте пружинный матрац в голубых цветочках! это — семейный очаг, альфа и омега мебелировки...*». (<http://spb.sleepytime.ru> <2017>); [Загол.] *Человек, лишенный матраца, жалок.* [В тексте] Классики, как всегда, правы: *матрац* нужно выбирать правильно, тщательно и досконально. (Для всех обо всем. p-i-f.livejournal.com <2017>); [Загол.] *Человек без ортопедического матраца — жалок!* (oppps.ru <2017>).

Как реакция на грязь и непогоду вводятся слова из гл. I «Двенадцати стульев»:

Дождь стоял сплошной стеной <...> «*Грязь под луной сверкала, как антрацит*». В голове крутится одна из бессмертных фраз Ильфа и Петрова <...> Начинаются стихийные заезды субаристов (А. Ткачев, А. Шеронов. Автоэкзотика-2008: под душем Тушина. БИРЖАплюс. 24 июля 2008); Уж очень часто приходится слышать о том, что в Гоа антисанитария и грязь. В России, например, тоже *грязи* достаточно, которая *блестит под луной, как антрацит*. (Гоа. Стоит ли посетить? «За» и «против». ru-goa.livelournal.com <2012>).

Оценочная реакция на достаточно тривиальную «вандалную» ситуацию восходит к выражению *Киса и Ося здесь были* («Двенадцать стульев», гл. XXXVIII) — слова, которые Бендер собирается написать на скале в подражание многочисленным любителям увековечивать посещение какого-либо места. Неоднократно встречаются они в заметках о «творчестве» любителей писать и рисовать на стенах, деревьях, камнях, памятниках и т. п. Так, в заметке о настенных и наскальных надписях в разное время и у разных народов:

[Загол.] *Киса и Ося здесь были.* Когда надписи на стенах из проделок вандалов становятся свидетельствами эпохи? (А. Лесков. КЛУБ Моя планета. 18 февраля 2014. <https://www.moya-planeta.ru/travel/kisa-i-osya-zdes-byli>); [Загол.] *Киса и Ося побывали* в Брянске и наследили на звезде Кургана Бессмертия. [В тексте] Сюжет «*Киса и Ося здесь были*» остается самым распространенным уже тридцать тысяч лет, причем число его брянских поклонников гораздо выше, чем в диких племенах Африки. Звезду <...> изрисовали своими автографами не только *Киса и Ося*, но также Даша, Надя, Миха, Кот, Ряба, Гриша и другие творцы нетленных надписей. (Брянские новости. 2 ноября 2017).

Показательно присутствие этого выражения в Интернет-сканворде: [Задание] ... и *Ося здесь были*. Вставьте слово, 4 буквы. [Ответ] *Киса*. (scanwordhelper.ru <2017>).

При актуализации агнонима в современном дискурсе возникает соответствующая отсылка к дилогии, и такой прием имеет «самодостаточную ценность» [Одесский, Фельдман 2015: 46]. Например, в объяснении того, что такое «егерское белье» («Двенадцать стульев», гл. VI), встречаем:

Егерское (егеровское) белье — из тонкого шерстяного трикотажа. Название происходит не от слова *егерь*, а от имени немецкого гигиениста Густава

Йегера. С 1880-х годов он рьяно доказывал, что шить одежду и белье надо только из шерстяных тканей. Ипполит Матвеевич в «Двенадцати стульях» укладывался спать «в заштопанном егерском белье» (М. Раевская. «Голландская рубашка» и «бумажные чулки» — к истории понятий. <https://newsland.com/community/5548/content/gollandskaia-rubashka-i-bumazhnye-chulki-k-istorii-poniatiï> <2017>).

Мечтой бендеровского конкурента отца Федора («Двенадцать стульев») был *свечной заводик в Самаре*. Соответственно, разделяясь, актуализируются оба автономных компонента («что» и «где»), т. е. *свечной заводик* и *Самара*, причем в новом тексте интертекстовой доминантой будет *свечной заводик*, о цели отца Федора речи нет, есть лишь упоминание:

[Загол.] *Свечной заводик* — воплощенная в жизнь мечта *отца Федора*. [В тексте] Идея *свечного заводика* появилась неожиданно и очень понравилась. В магазинах Екатеринбурга было представлено всего лишь три направления *свечного* производства. (homesturtup.ru/idea.svechnoy_zavod.html <2011>); О таком *заводике* для тихой и счастливой старости мечтал не один литературный герой <...> Более 70 компаний по всей стране построили свои «*свечные заводики*». (<http://www.forbes.ru/forbes-woman/issue/2010-11/64968-malenkii-svechnoi-zavodik>); [Загол.] *Свечной заводик* — учимся делать свечи. (el.ru <2010>).

Ср. в смысловом обыгрывании:

[Загол.] Большой *свечной заводик*: производство автомобильных *свечей* на заводе Bosch в Энгельсе (З. Ханцев. rusfutomobile.ru <2015>); [Загол.] *Свечной заводик* для чиновника (А. Фролов. gaud.spb.ru <2008>).

Детали советского быта

Незначительные, но «введенные с умыслом» [Одесский, Фельдман 2015: 31] детали советского быта конца 1920-х и начала 30-х годов используются сейчас повсеместно, обычно со ссылкой на авторов или текст диалогии. Остановимся на некоторых бытовых реалиях, отражающих советскую жизнь конца 20-х — начала 30-х годов.

Ср.: «Его [Бендера] *могучая шея была несколько раз обернута старым шерстяным шарфом, ноги были в лаковых штиблетах с замшевым верхом апельсинового цвета*» («Двенадцать стульев», гл. V). В заметке о роли оранжевого цвета у разных народов возникает связь с Бендером:

В восточных религиях оранжевый цвет <...> символизирует солнце <...> В Бельгии вместо привычного для нас желтого цвета светофора — оранж. Остап Бендер носил *апельсиновые штиблеты* (Оранжевая гостиная. 25 идей дизайнера. Foto-room.org.ua <2014>).

Ассоциативная связь может быть опосредованной, сопровождающейся интертекстовой трансформацией. Так, в шутливой заметке обосновывается событийная

связь-сравнение с эпизодом, в котором Бендер становится «героем» газетной заметки («Двенадцать стульев», гл. XXVI):

[Загол.] *Попал под лошадь* (почти по Ильфу и Петрову) [следует рассказ, как пони наступил на ногу посетителю зоопарка] И тут на меня напал смех, особенно когда посмотрел на свои ноги. Они были в новых *желтых ботинках*. (<https://2126.ru> <2016>).

В романе «Золотой теленок» целью Бендера является город *Рио-де-Жанейро* (гл. II), в котором *«полтора миллиона человек, и все поголовно в белых штанах»*. *Белые штаны* последовательно возникают в современных заметках о Бразилии:

Белые штаны, о которых мечтал великий комбинатор, тут [в Рио-де-Жанейро] совсем не в моде. Слишком официально и вычурно! (А. Михайлов. Столица олимпиады — прекрасная и ужасная. <https://informburo.kz> <2016>); В наши дни в Рио-де-Жанейро проживает более десяти миллионов человек, и никто из них не носит *белых штанов*. Только туристы из стран бывшего СССР (К. Стогний. Почему в Рио не ходят в *белых штанах*. ОБОЗРЕВАТЕЛЬ.ua. Политика. <https://www.obozrevatel.com> <2013>).

Другие *штаны* актуализируются также с явным снижением, сохраняя исходную прозаизацию («Золотой теленок», гл. VII). В обыгрывании исходного высказывания встречаем:

[Загол.] *«Штанов нет»*. [В тексте] *«Фу, как грубо, — сказал Остап <...>, написали бы, как пишут в Москве: «БРЮК НЕТ»*. Но *«брюк»* в комплекте «Adventure», действительно, нет. Точнее — *брюков*. Ибо *«брюк»* — мощный такой канат, дабы пушка при выстреле не слишком далеко отваливалась (<https://sunman71.livejournal.com> <2009>); [Загол.] *Штанов нет. — Фу, как грубо, — сказал Остап*. [В тексте] Министр обороны Степан Полторак: «Проблема обеспечения вооруженных сил Украины до конца не решена». Если куртки есть возможность поставлять у наших предприятий, то по *штанам* проблема (yablor.ru/blogs/shtanov-net-fu-kak-grubo-skazal-ostap <2014>).

Подобная цитата кажется редкой, но она, как видим, не уникальна. Однако встречаются вкрапления уникальные, потенциально готовые к интертекстовому шагу. Выражения *брюки фасона «полпред»* и *пузырь «уйди-уйди»* (Золотой теленок», гл. IX) употребляются в ряду примеров проявления безвкусицы, примитивных потребностей. В современном употреблении сохраняется исходный критический пафос:

Накануне этой передачи был показан документальный фильм о жизни и творчестве Лидии Руслановой. Здесь было сказано, что она «понимала, как нужна бойцам хорошая русская песня». Добавим: а не *пузыри «уйди-уйди»* и *брюки фасона «полпред»*, выдаваемые за свершения *большого мира* (Ю. Чехонадский. Завтра. 6 июня 2007).

Ср.: галстук «Мечта ударника», толстовка-гладковка, гипсовая статуэтка «Купающаяся колхозница». Неожиданное преломление данная парадигма получает в заметке о советском художественном ширпотребе:

Артели бывших иконописцев пытались расписать все, на что можно было положить краску <...> Ильф и Петров неоднократно проезжались по поводу нового креатива, упоминались, в частности <...> гипсовая статуэтка «Купающаяся колхозница» (А. Кравецкий. Иконы советского стиля. Как богомазы служили идеям коммунизма. ReligioPolis. Центр религиоведческих исследований. religio.polis.org <2016>).

Цитатной энергией обладают детали бытового натурализма, нередкого у И. Ильфа и Е. Петрова. Приведем примеры редкой, но не уникальной цитаты *запах потревоженной пыли* из гл. XXXIII «Двенадцати стульев»: «Воробьянинов, не дыша, пал на колени и по локоть всунул руку под сиденье <...> От стула шел сухой мерзкий запах потревоженной пыли». Этот эпизод используется в сообщениях, содержание которых прямо или косвенно соотносится с пылью (АЛЛЕРГИЯ). Например:

[Загол.] Выбор воздухоочистителя. [В откликах] После отключения прибора через 3 часа остался запах, который я бы назвал «запахом потревоженной пыли». Ощущения «горного воздуха» никакого (forum.ixbt.com <2009>); [В статье об аллергии на домашнюю пыль] *Запаху...* Задохнулась от *потревоженной пыли* и испугалась... Моя аллергия! (Вдыхая пыли аромат. www.diets.ru <2016>).

Известные частотные выражения, приобретающие статус фразеологизма, могут не выделяться кавычками и не комментироваться, теряя цитатный «ореол».

Выводы

При лексикографической интерпретации интертекстового материала из И. Ильфа и Е. Петрова акцент делался на приемы адаптации авторского слова, среди которых выделяются интертекстовая деривация и редеривация, импликация и экспликация, текстовые реакции, проблема «своего и чужого», интертекстовая доминанта и нарративные сопроводители, модификация исходного выражения и др. Интертекстовые единицы целесообразно рассматривать функционально, прежде всего с учетом изменчивости, вариантности, структурного и семантического дробления, ассоциативной подвижности, «антинормативности», многообразия и разнородности иллюстративных контекстов. Современное фактическое присутствие наследия Ильфа и Петрова в русском макротексте свидетельствует об этом.

Литература

Берков В. П., Мокиенко В. М., Шулежкова С. Г. Большой словарь крылатых слов русского языка. М.: Русские словари; Астрель; АСТ, 2000. 624 с.

Одесский М. П., Фельдман Д. М. Миры И. А. Ильфа и Е. П. Петрова: Очерки вербализованной повседневности. М.: Изд-во Российского государственного гуманитарного университета, 2015. 295 с.

V. M. Mokienko

*Saint Petersburg State University
(Russia, Saint Petersburg)
mokienko40@mail.ru*

K. P. Sidorenko

*Herzen State Pedagogical University of Russia
(Russia, Saint Petersburg)
sidorenko274@yandex.ru*

**FROM THE EXPERIENCE OF WORKING
ON THE DICTIONARY OF WINGED EXPRESSIONS OF THE DILOGY
OF I. ILF AND E. PETROV**

The article presents the results of compiling a dictionary of winged expressions of the diology by I. Ilf and E. Petrov (“The Twelve Chairs”, “The Golden Calf”). These novels are among the most quoted texts of the 20th century Russian literature. The film versions of the novels had a significant impact on the activity of quotes and images from Ilf and Petrov, and the Internet space contributes to the popularity of winged words and expressions. Specialized processing (search) makes it possible to assert the possibility of lexicographing in general about one thousand units of different structure and functional status, which have become widespread and are conventionally called “winged words” in the article. The intertextual units of Ilf and Petrov can be conditionally divided into well-known and little-known, rare, even unique. With all the diversity and certain heterogeneity of the material described in the dictionary, the development of dictionary entries, their structure is subject to the laws of full-type lexicography, taking into account the specifics of the “winged” language material. The article outlines the principles of compiling the dictionary and provides samples of dictionary entries.

Key words: winged words, winged expressions, intertexteme, novels by I. Ilf and E. Petrov, lexicography.

References

Berkov V. P., Mokienko V. M., Shulezhkova S. G. *Bol'shoi slovar' krylatykh slov russkogo yazyka* [Large dictionary of winged words of the Russian language]. Moscow, Russkie Slovarei Publ., Astrel' Publ., AST Publ., 2000. 624 p.

Odesskii M. P., Fel'dman D. M. *Miry I. A. Il'fa i E. P. Petrova: Ocherki verbalizovannoi povsednevnosti* [The worlds of I. A. Ilf and E. P. Petrov: Essays on verbalized everyday life]. Moscow, RSUH Publ., 2015. 295 p.

И. А. Тарасова

*Саратовский национальный исследовательский
государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
(Россия, Саратов)
tarasovaia@mail.ru*

К МОДЕЛИ СЛОВАРЯ АВТОРСКИХ КОНЦЕПТОВ

В статье обсуждается модель словаря авторских концептов на примере поэзии Георгия Иванова. Как прототип словаря концептов рассматриваются «Константы» Юрия Сергеевича Степанова. Автор статьи подчеркивает, что основные различия этих словарей состоят в типе анализируемых концептов, моделях их структуры, в способе описания. Словарь Ю. Степанова представляет культурные концепты коллективного сознания, словарь поэзии Г. Иванова ориентирован на индивидуальные концепты художественного сознания, которые имеют не логическую, а образную основу. Хотя модели концепта в исследовании Ю. Степанова и у автора статьи различны, анализ лексикографического опыта Ю. Степанова позволяет выдвинуть общие положения, актуальные для составителей словарей концептов разных типов. Так, структура концепта определяет особенности строения словарной статьи, а сама модель концепта может варьироваться от словаря к словарю. Представленная модель художественного концепта включает следующие слои: понятийный, предметный, образный, ассоциативный, символический, оценочный. Каждому слою концепта соответствует зона словарной статьи. В работе предложены образцы заполнения каждой из зон. Автор убежден, что основная проблема для составителя словаря концептов — соблюсти баланс между цитатами-иллюстрациями, демонстрирующими вербальные репрезентации концепта, и метаязыком описания, то есть между образным в языке поэта и логическим, в значительной мере принадлежащим исследовательскому сознанию.

Ключевые слова: поэтическая лексикография, концепт, словарь концептов, Г. Иванов, Ю. С. Степанов.

В настоящей статье мы предлагаем обсудить модель словаря концептов в принципе, хотя за основу берутся наблюдения над созданным нами словарем ключевых слов поэзии Г. Иванова [Тарасова 2008] и текстами этого поэта [Иванов 1994].

1. Словарь Ю. С. Степанова как прототипический словарь концептов.

Наиболее известный опыт словаря концептов — «Константы. Словарь русской культуры» Ю. С. Степанова [Степанов 2004]. Будучи первым словарем концептов, этот лексикографический труд является своеобразным прототипом, с которым так или иначе будут сравниваться последующие проекты. Проецируя опыт «Констант» на заявленную тему, обозначим точки сходства и различия с предполагаемой моделью авторского словаря концептов.

Отличия видятся в следующем:

- в типе анализируемых концептов;
- в структуре концептов (точнее, в разных моделях их структуры);
- в способе описания.

Остановимся на обнаруженных отличиях подробнее.

1.1. Словарь Ю. С. Степанова представляет культурные концепты коллективного сознания. Мы говорим об индивидуальных концептах художественного сознания поэта/писателя.

Выбранные Ю. С. Степановым концепты являются (за небольшим исключением) концептами-понятиями, т. е. концептами с логическим ядром (Цивилизация, Мир, Вера, Число и т. д.). В языке поэзии преобладают концепты иного типа: образные, с предметным ядром.

1.2. Именно логический тип концептов предопределил в значительной мере структуру словарного описания в «Константах». Исследовательская модель концепта включает:

- этимологический исток концепта;
- исторический слой (эволюция соответствующего понятия);
- актуальные понятийные признаки;
- современные оценки и ассоциации [Степанов 2004: 43].

Художественные концепты в нашем понимании обладают несколько иной структурой (см. об этом далее).

1.3. Наконец, сами словарные статьи в «Константах» представляют собой развернутые монографические описания, насыщенные не только языковой, но и обширной энциклопедической информацией. Акцент сделан на содержании понятия, а не на средствах его вербализации. Наоборот, концепты поэта/писателя даны читателям прежде всего через язык, что должно отразиться в структуре словарных статей.

В то же время словарь констант русской культуры позволяет выдвинуть общие положения, актуальные для словарей концептов разных типов:

- словарная статья отражает структуру концепта, и эта структура должна быть эксплицирована в словарной статье [Степанов 2004: 87];
- во введении к словарю изложено исследовательское понимание концепта и задана модель описания [Степанов 2004: 42–83]. В силу этого мы должны сказать несколько слов о нашем понимании авторского концепта.

2. Что такое индивидуальный авторский концепт?

Прежде всего, концепт находится на пересечении двух сознаний: авторского и исследовательского.

Концепты для автора — это единицы внутренней репрезентации художественного мира с различным соотношением образных и логических компонентов. Это и образы, и образы-понятия, сгустки представлений, эмоций, оценок.

Концепты для исследователя — это созданная самим исследователем структурированная модель единиц авторского сознания [Тарасова 2018: 93].

Это вовсе не означает, что художественное сознание имеет логическую доминанту, скорее, наоборот: (условные) единицы авторского сознания целостны и близки образам, а выявленные исследователями концепты отражают и реальные связи в авторском сознании, и их исследовательскую интерпретацию. Слои концепта в его модели — это средство дискретизации синтетических сгустков образов, ассоциаций и оценок. Модель концепта существует в исследовательском сознании, а ее наполнение — это репрезентация концепта в текстах автора. Модель концепта принадлежит исследователю и может варьироваться от словаря к словарю.

В нашем представлении, концепт включает следующие слои:

- понятийный
- предметный
- образный
- ассоциативный
- символический
- оценочный [Тарасова 2018: 55].

Эта послынная структура концепта кладется в основу модели словарной статьи.

3. Зоны словарной статьи.

Возможные зоны словарной статьи соотносятся с предложенной нами моделью концепта, его слоями. При этом мы должны двигаться не от слова, а от ментальной единицы, поэтому словарные рубрики, использованные нами в «Словаре ключевых слов Георгия Иванова» [Тарасова 2008], должны быть переориентированы, инверсированы относительно оси концепт — слово. Если, анализируя материалы словаря ключевых слов, мы задавались вопросом: можно ли на основе этих статей реконструировать концепт и каким образом, то теперь мы исходим из концепта как данности, размышляя, как можно подвергнуть реинтерпретации материалы словаря. Для нас словарь концептов — это инвертированный, спроецированный в ментальную сферу словарь ключевых слов поэта/писателя.

Прежде чем переходить к слоям концепта и соответствующим им зонам словаря, важно вынести в отдельную зону средства репрезентации концепта — а это не только одно ключевое слово, но и все гнездо однокоренных слов. Возможно, в этой же зоне следует поместить члены образных парадигм (или дать отсылку к образному слою концепта), например, привести метафорическую реализацию концепта

«Закат» — *закатные розы* — или перифразу *дом из синего льда* как воплощение ивановской «Вечности».

В принципе, в этой же зоне возможно указание основных мотивов, через которые реализуется концепт (например, мотив отплытия как реализация концепта смерти у позднего Г. Иванова).

При заполнении остальных зон основная проблема — это соблюдение баланса между цитатами-иллюстрациями, демонстрирующими вербальные реализации концепта, и метаязыком описания — словарной интерпретацией примеров посредством толкований и тезаурусных функций, иначе — на уровне заявленной модели концепта — соотношение между образным в языке поэта/писателя и логическим, в значительной мере принадлежащим исследовательскому сознанию.

Покажем возможные лексикографические решения на примере заполнения каждой из зон.

Понятийный слой требует словарной экспликации в виде толкования. Путь представления словарной информации — логический. Здесь мы можем использовать толкования, разработанные для семантической зоны «Словаря ключевых слов поэзии Георгия Иванова» [Тарасова 2018], учитывая факт когнитивной выделенности того или иного признака художественной реалии, его роли в формировании индивидуального образа. Так, для Г. Иванова закат — это прежде всего цвет неба в момент захода солнца за горизонт, т. е. цветовой признак является базовым для создания образа заката (в общеязыковых толковых словарях это значение или даже оттенок значения вторичны). Шипы розы (признак, включенный в словарные толкования во всех толковых словарях, см., например, [Словарь русского языка 1999, 3: 726]) неактуальны в образной картине мира Г. Иванова, так как основную роль в формировании образа играет красота цветка. Полагаем, что у составителя словаря концептов должно доминировать не стремление максимально дифференцировать оттенки значений (как в словаре языка писателя), а попытка уловить общие смысловые компоненты, которые объединяют значения не только ключевой леммы, но и других репрезентантов концепта. Возможно, стоит ввести перечень когнитивных признаков для понятийного слоя концепта.

Трудно сказать, насколько отрефлексирован понятийный слой самим поэтом, особенно в случаях концептов с образным ядром. Эта словарная рубрика отражает, скорее, интерпретацию авторского концепта исследовательским сознанием.

В отличие от логического способа представления информации в понятийной зоне, **предметный слой** концепта предполагается эксплицировать исключительно через примеры-иллюстрации. У концептов с предметным ядром (типа «Роза») возможно заполнение предметного слоя иллюстрациями разных модальностей восприятия художественного предмета, не только зрительной, но и обонятельной, вкусовой (как в синтетическом примере из Г. Иванова: *Что слаще — запах красных роз Иль шорох туфелек атласных?* [Иванов 1994: 534]).

Вообще заполняемость зон зависит от типов концепта.

Для гештальтов с логическим ядром (например, «Жизнь») вообще трудно подобрать образ, который однозначно бы являлся репрезентацией этого концепта;

для гештальтов с образным ядром (типа «Смерть») это в принципе возможно. Например, для Г. Иванова *в черном гробу восковая рука* [Иванов 1994: 294] вполне может служить образной репрезентацией смерти.

Образный слой концепта отличается от предметного слоя в нашей модели тем, что его составляют члены образных парадигм, т. е. образы в лингвистическом смысле, образы как тропы. Точнее его назвать образно-тропеическим. Полагаем, что он может быть представлен перечнем образных парадигм с приведением примеров. Большое количество образных парадигм, позволяющих реконцептуализировать образ-понятие, — черта концептов-гештальтов. Например, жизнь интерпретируется поэтом посредством 18 образных парадигм: жизнь — танец, жизнь — сражение, жизнь — поток, жизнь — игра и другие [Тарасова 2008: 36].

Наоборот, языковые репрезентанты концептов с предметным ядром («Закат», «Роза») сами становятся образами сравнения (например, роза — для волос: *темные розы по детским плечам*) [Иванов 1994: 306], т. е. включаются в образные парадигмы в качестве второго члена-интерпретатора. Конечно, не исключено их употребление и в качестве предмета сравнения: *дальний закат, как персидская шаль, Которой окутаны нежные плечи* [Иванов 1994: 202].

Фактически, фиксируя образный слой, мы отвечаем на вопросы: какие традиционные метафорические модели актуальны для поэта, с какими концептами связан ключевой концепт в художественном мире поэта — и профилируем те или иные аспекты образа или его оценку.

Выход на концептуальные поля задает и **зона ассоциаций**. Ассоциаты — это наиболее часто сталкивающиеся ключевые концепты, это зона пересечения концептов. У Георгия Иванова явление ассоциирования подается в явном виде через сочинительные конструкции и бессоюзие:

*Только в сумраке Нового Года
Белой музыки бьется крыло:
— Я надежда, я жизнь, я свобода,
Но снегами меня замело* [Иванов 1994: 307].

Ассоциатами могут считаться и средства выражения одного мотива, т. е. это наиболее обширная зона, которую электронный формат словаря помог бы представить во всем объеме.

Ассоциативные ряды могут быть представлены при помощи тезаурусной функции «ассоциаты» [Тарасова 2008: 16].

Устойчивые ассоциации выводят на **символический слой** концепта. По нашему мнению, символическое значение должно быть эксплицировано в виде толкования не только в случае традиционной ассоциации (роза — любовь, закат — смерть), но и в случае индивидуально-авторской. В то же время эта зона должна включать примеры символических употреблений, для ее иллюстрирования подбираются контексты метафизического, ментального плана [Синельникова 2019: 23].

Метафизический контекст можно считать контекстом «сильного» типа для экспликации символических ассоциаций. Он в явном виде разрывает рамки привычной человеческой логики и переводит лирический сюжет во временной, абстрактно-обобщенный план. Именно такие контексты являются базой для выделения обобщенно-символических значений, через которые проявляет себя символический слой соответствующего концепта:

*Над закатами и розами —
Остальное всё равно —
Над таинственными звездами
Наше счастье зажжено* [Иванов 1994: 255].

Здесь розы и закат синонимизируются как символы земной красоты и счастья. Символизирующее и символизируемое также могут быть представлены через тезаурусную функцию «символы». Например, см. рубрику «символы» в словарной статье «Смерть»: Символы (смерти): черный; звезда; снег; музыка; сиянье; ночь; закат; тьма и др. [Тарасова 2008: 139].

Не вполне ясен способ заполнения **зоны оценки**. Не всегда можно подобрать показательные примеры, проявляющие авторское отношение к предмету художественного мира, аналогичные приведенному ниже, в котором способом экспликации оценки является противопоставление имен концептов:

*Все другое только музыка,
Отражение, колдовство —
Или синее, холодное,
Бесконечное, бесплодное
Мировое торжество* [Иванов 1994: 255].

С одной стороны, хочется избежать прямолинейных оценок. С другой — многие образы Г. Иванова (те же розы и закат) амбивалентны.

Предложенная структура словарной статьи будет уточняться в процессе работы над словарем концептов Георгия Иванова.

Литература

- Иванов Г. В.* Собр. соч. В 3 т. Т. 1. Стихотворения. М.: Согласие, 1994. 656 с.
- Синельникова Л. Н.* Стихотворный текст: междисциплинарная интерпретация. М.: Инфра-М, 2019. 268 с.
- Словарь русского языка. В 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1999.
- Степанов Ю. С.* Константы. Словарь русской культуры. М.: Академический проект, 2004. 992 с.
- Тарасова И. А.* Словарь ключевых слов поэзии Георгия Иванова. Саратов: ИЦ Наука, 2008. 208 с.
- Тарасова И. А.* Когнитивная поэтика: предмет, терминология, методы. М.: Инфра-М, 2018. 166 с.

I. A. Tarasova
Saratov State University
(Russia, Saratov)
tarasovaia@mail.ru

TO THE MODEL OF THE AUTHOR'S CONCEPTS DICTIONARY

The article discusses the author's concept dictionary model on the example of Georgy Ivanov's poetry. Yuri Stepanov's "Constants" are considered as a prototype of the dictionary of concepts. The author of the article emphasizes that the main differences between these dictionaries are in the type of analyzed concepts, models of their structure, in the way of description. Yu. Stepanov's dictionary presents the cultural concepts of the collective consciousness, G. Ivanov's dictionary is focused on the individual concepts of the poet's consciousness, which have not a logical, but an imaginative basis. Although the model of the concept in Yu. Stepanov's study and the author's model are different, the analysis of Yu. Stepanov's lexicographic essay allows us to put forward general theses that are relevant for the compilers of concepts dictionaries of different types. Thus, the structure of the concept determines the structural features of the dictionary entry, and the model of the concept itself can vary from dictionary to dictionary. The presented model of the literary concept includes the following layers: conceptual, imaginative, figurative, associative, symbolic, evaluative. Each layer of the concept corresponds to the zone of the dictionary entry. The article offers samples of filling each of the zones. The author is convinced that the main problem for the compiler of a dictionary of concepts is to maintain a balance between quotations demonstrating verbal representations of the concept and the metalanguage of description, that is, between figurative in the language of the poet and logical, largely belonging to the researcher's mind.

Keywords: poetic lexicography, concept, dictionary of concepts, keywords, G. Ivanov, Yu. Stepanov.

References

- Ivanov G. V. *Sobranie sochinenii. V 3 t. T. 1. Stikhotvoreniya* [Collected works in 3 volumes. Volume 1. Poems]. Moscow, Soglasie Publ., 1994. 656 p.
- Sinel'nikova L. N. *Stikhotvornyi tekst: mezhdistsiplinarnaya interpretatsiya* [Poetic text: Interdisciplinary interpretation]. Moscow, Infra-M Publ., 2019. 268 p.
- Slovar' russkogo yazyka. V 4 t.* [Dictionary of the Russian language in 4 volumes]. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 1999.
- Stepanov Yu. S. *Konstanty. Slovar' russkoi kul'tury* [Constants. Dictionary of Russian culture]. Moscow, Akademicheskii Proekt Publ., 2004. 992 p.
- Tarasova I. A. *Slovar' klyuchevykh slov poezii Georgiya Ivanova* [Dictionary of key words of Georgy Ivanov's poetry]. Saratov, Nauka Publ., 2008. 208 p.
- Tarasova I. A. *Kognitivnaya poetika: predmet, terminologiya, metody* [Cognitive Poetics: Subject, Terminology, Methods]. Moscow, Infra-M Publ., 2018. 166 p.

Н. А. Ребецкая¹, А. Я. Шайкевич²

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

(Россия, Москва)

n.reb@mail.ru¹

lingstat@yandex.ru²

ЭЛЕКТРОНИЗАЦИЯ «СЛОВАРЯ ЯЗЫКА ПУШКИНА»

Электронизация авторских словарей — актуальная задача современной лексикографии. Электронная словарная форма позволяет быстро найти нужную информацию, а различные опции поисковой системы предоставляют широкие возможности для исследования тех или иных аспектов языка автора. В статье рассматриваются различные аспекты электронизации «Словаря языка Пушкина». В печатном издании Словаря в словарной статье за исключением иллюстративных примеров присутствуют лишь шифры тех мест произведений Пушкина, в которых та или иная словоформа употребляется в указанном значении. Основной задачей проекта является создание полноценных словарных статей для всех словоформ, входящих в Полное собрание сочинений в 16 томах; статьи включают в том числе контекст (с возможностью расширения) и название произведения, в котором встретилась словоформа. Описывается процедура создания подобных статей. Предлагаются опции поисковой системы, обсуждаются преимущества электронного варианта Словаря. Рассматривается вопрос расширения «Словаря языка Пушкина» за счет включения в него слов из тех произведений писателя, которые авторы Словаря не обработали, а также имен собственных, не вошедших в Словарь, которые предполагается представить в формате «серой зоны».

Ключевые слова: авторский словарь, база данных, лемматизированный конкорданс, поисковая система, «Словарь языка Пушкина», электронизация.

Создание авторских словарей — характерная черта современной русской лексикографии. На конференциях обсуждаются проекты, посвященные разным писателям [Современные проблемы 2018], появляется антология прошлых достижений [Русская авторская лексикография 2003], а в 2011 г. выходит в свет обобщающая работа Л. Л. Шестаковой [Шестакова 2011]. Такая популярность этой области филологии, несомненно, связана с замечательным примером — «Словарем языка Пушкина» [СЯП], задуманным Г. О. Винокуром (1896–1947) в 1930-х гг. и опубликованным в 1956–1961 гг. В аннотации ко второму изданию этот Словарь справед-

ливо назван «лексикографическим памятником». Своим появлением он косвенным образом способствовал осуществлению проекта словаря польского национального поэта Адама Мицкевича [Słownik 1962–1983].

Как отмечается в монографии [Ребецкая, Шайкевич 2022: 5], восхищение «Словарем языка Пушкина» «не должно помешать нам отметить одно важное обстоятельство. Авторы Словаря семантически и грамматически разметили все случаи употребления слова, снабдив их соответствующим адресом в пушкинском корпусе текстов (исключение сделано лишь для нескольких десятков самых частых слов), но читателю нелегко добраться до этого богатства». Например, у слова ЖАЛЬ выделено два значения:

1. О сострадании, милости к кому-н. [кого, что] (частота 13) и
2. О сожалении по поводу чего-н. (частота 119).

Первое значение иллюстрируется тремя контекстами:

Бледнеть Онегин начинает: Ей иль не видно, иль не жаль; ЕО VIII 31.10. Мне было жаль бедного Кирджали. К 258.39. Я взглянул на Марью Ивановну; она вся покраснела и даже слезы капнули на ее тарелку. Мне стало жаль ее, и я спешил переменить разговор. КД 298.3.

Остальные 10 случаев придется искать по адресам в 16-томном Собрании сочинений (с точностью до страницы и строки): С2 166.79 С3 46.49 Гв 260 КД 285.19, 338.23 Ж2 303.34, 337.3 Пс 961.34, 980.30, 1188.26.

«Для второго значения пришлось бы пройтись по 119 адресам. Здесь называется самым жестким образом общее проклятие печатной лексикографии (и авторской лексикографии в особенности), проклятие нехватки пространства» [Там же].

Авторы проекта предлагают следующее решение этой проблемы: оцифрованный корпус 16-томного Собрания сочинений Пушкина преобразуется в лемматизированный конкорданс, что позволит получить все контексты для словника, а затем в базу данных (БД), каждая запись которой — это словарная статья, которую, благодаря разрабатываемому инструментарию, можно просмотреть на форме представления БД и осуществить различные исследования.

Вот так выглядит словарная статья леммы АХНУТЬ в бумажном словаре:

АХНУТЬ (15). Воскликнуть «ах», выразить удивление, испуг, печаль и т. п. Он скорей царицу будит; Та как **ахнет!**... То ли будет? — ЦС 204. Он **ахнул**, увидя несомненные признаки моего усердия к службе. КД 284.3. Бывало, что ни напишу, Всё для иных не Русью пахнет; Об чем цензуру ни прошу, Ото всего Т<имковский> **ахнет**. С2 116.13. Напрасно **ахнула** Европа, Не унывайте, не беда! От п<стербургского> потопа Спаслась П.<олярная> З.<езда>. С2 257.1. ♦ **ахнет**: С2 116.13 ЦС 204 РВ 222.7; **ахнут**: РВ 222.4; **ахнул**: Гв 395 КД 284.3, 307.27; **ахнула**: С2 257.1 АП 25.24 Д 193.38 КД 377.31 Ж 192.25 Пс 838.27; **ахнули**: МЦ 379 ЯД 251.17.

А ниже (рис. 1) — часть словарной статьи этой лексемы на форме с контекстом, в котором словоформа *ахнула* зашифрована как 257.1 из второго тома [СС].

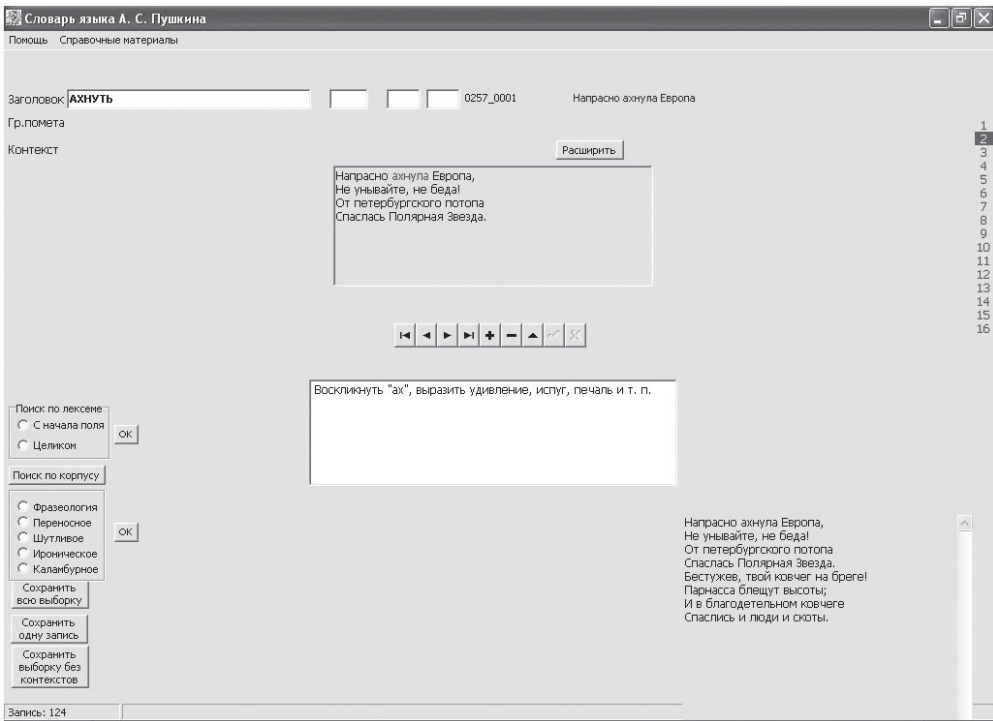

Рис. 1.

Здесь присутствуют все компоненты, соответствующие разделам словарной статьи СЯП: заголовочное слово, иллюстративный пример, номер значения, общая частота, частота значения, показ значения, грамматическая помета. Для именных форм мы не включили в состав словарной статьи информацию о числе и падеже, которую пользователь при желании может без труда восстановить из контекста. Преимущество подобной формы представления еще и в том, что вместо зашифрованного названия источника здесь имеется полное название соответствующего произведения. Кроме того, строки контекста приводятся не сплошной, как в печатном варианте, а в соответствии с оригиналом. Щелчком по названию можно открыть полный текст произведения (он показан в правом нижнем углу рисунка).

Проект программы работы с БД включает последовательный просмотр словарных статей, расширение контекстов. На рис. 2 слева от основного контекста расположен предшествующий, а справа — следующий за ним.

Проект поисковой системы предусматривает поиск по лексеме и ее части, по различным пометам, имеющимся при словах (переносное, шутливое, ироническое,

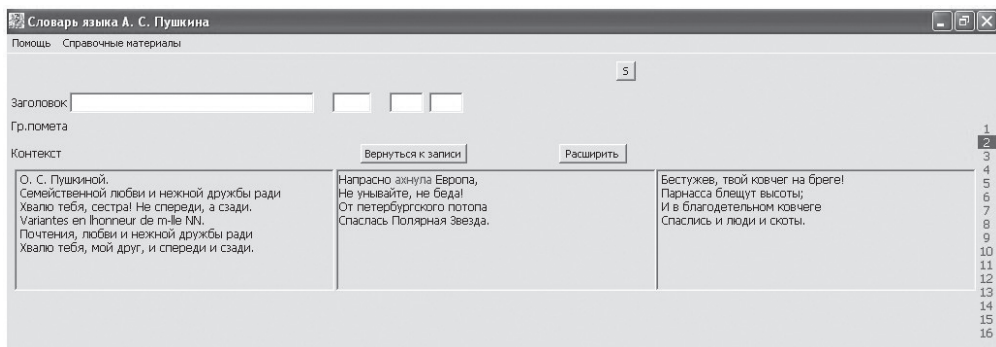

Рис. 2.

каламбурное и др.), а также по фразеологизмам. Выборку можно сохранить в текстовом или rtf-формате.

Ниже приведен фрагмент сохраненной выборки при поиске по фразеологизмам для второго тома СС (всего их в нем 443).

АНГЕЛ

(о прелестной, обаятельной женищине)

Ни дом его, ни скот, ни раб,

Не лестна мне вся благостыня.

Но ежели его рабыня,

Прелестна... Господи! я слаб!

И ежели его подруга

*Мила, как **ангел во плоти**, —*

О боже праведный! прости

Мне зависть ко блаженству друга.

АРЕСТ

(при глаг. «сидеть», «содержать» и т. п.)

Мой друг, уже три дня

*Сижу я **под арестом***

И не видался я

Давно с моим Орестом.

БАБКА

*А от **бабок повивальных***

Как узнал о том народ —

*Всякий тут **разинул рот**,*

БЕДА

Напрасно ахнула Европа,

*Не унывайте, **не беда!***

От петербургского потопа

Спаслась Полярная Звезда.

Список поисковых опций может быть дополнен, а инструментарий расширен в соответствии с пожеланиями пользователей.

Электронный словарь языка Пушкина планируется расширить, включив в него также слова из тех произведений Пушкина, которые авторы Словаря не расписали: «История Петра I» и «Заметки при чтении Описания земли Камчатки С. П. Крашенинникова», — в формате «серой зоны»; лексикографическая обработка источников сводилась бы к фиксации слов, которых нет в основном корпусе, и к поиску интересных контекстов. В случае, например, «Истории Петра I» мы дополнительно нашли бы еще 539 слов, соответствующих правилам составителей «Новых материалов к Словарю А. С. Пушкина» [Новые материалы 1982], и около двухсот слов — кандидатов во второе издание СЯП:

Опозиция негодует.

...офицеров, выслужившихся из солдат, допускает к своему столу и с ними **фамильярно** обходится (в том числе — Лефорт).

Построение С.-Петербурга, **чищение** рек и строение каналов.

Отменение в определениях и приговорах **изречения**: государь указал, а бояре **приговорили**.

За **посылание** молодых людей в чужие края старики роптали, что государь, отдаляя их от православия, **научал их басурманскому еретичесству**.

Пошлины... со всего продаваемого в городах на ярманках и **торжках**... с **трески** — рыбы (ловимой в Кольском уезде)...

Пошлина со всяких **крепостей**, с **явки** (заявление) духовных и отпусных, с подачи челобитен **исковых** и **явочных**, с записки и **печатания** (печати), **контрактов**, договоров, писем (заемных)...

Сбор временный с хлебопашцев по 1 **четверику** с двора.

Петр пресек **корчемство**, воровство в **соляных** промыслах...

Суеверные **мамы** и **приставники** ожесточили его противу отца, а духовные особы, при обучении православию, **вкореняли** в нем ненависть к нововведениям.

...**безденежно** роздал П.Б. жителям **парусные** и **гребные** суда...

Лейбниц уговорил славного **законоведца** и математика Голдбаха Христиана приехать в Россию.

Иеромонах Симеон Полоцкой и иеромонах же Димитрий... занимались при дворе Алексия Михайловича **астрологическими** наблюдениями и предсказаниями.

При императрице Анне Иоановне, академик Крафт был **должностным** ее **астрологом**.

(История Петра I)

Вызвались смельчаки, сквозь неимоверные препятствия и опасности устремлявшиеся посреди враждебных диких племен, приводили их под высокую царскую руку, налагали на их **ясаки** и бесстрашно селились между ними в своих жалких **острожках**.

*Камчатка земля гористая. Она разделена на равно хребтом; берега ее низменны. Хребты, идущие по сторонам главного хребта, вдались в море и названы **носами**. Заливы, между ими включенные, называются морями (Олюторское, Бобровое etc.).*

(Заметки при чтении Описания земли Камчатки С. П. Крашенинникова)

Второе расширение касается включения в авторский словарь имен собственных. Очевидным образом, ни одно имя собственное не может исчезнуть из конкорданса к поэтическому корпусу. В СЯП они включены выборочно: есть имена, встречающиеся в античной, библейской и христианской мифологии, играющие обычно в творчестве Пушкина определенную стилистическую роль, а также условно-поэтические имена. Здесь сказывается влияние странной традиции русской лексикографии: не «пускать» в словарь исходные имена (*Вена* или *Венеция*), но включать производные (*венский*, *венецианский*, *венециянка*). В СЯП нет *Москвы*, *Петербурга*, *Петергофа*, *Оренбурга*, но есть соответствующие прилагательные; есть *байроничать*, *байронический*, *байронов* и один пример — в нарицательном употреблении: *набралось у нас несколько своих Пиндаров, Ариостов, Байронов...*, но нет полутора примеров, где поэт назван по имени.

Существует особый лексикографический педантизм, который сводится к лозунгу «всё или ничего». Вопреки этому принципу предлагается другой (более нюансированный) подход. Всего нескольких контекстов достаточно при слове ПУГАЧЕВ, все остальные читатель найдет, обратившись к «Капитанской дочке» и к «Истории Пугачева». Нет нужды перечислять все упоминания Екатерины в опубликованных текстах Пушкина (более двухсот), но следует шире представить контексты неподцензурного Пушкина:

*Царствование **Екатерины II** имело новое и сильное влияние на политическое и нравственное состояние России. Возведенная на престол заговором нескольких мятежников, она обогатила их на счет народа и унизила беспокойное наше дворянство. Если царствовать значит знать слабость души человеческой и ею пользоваться, то в сем отношении **Екатерина** заслуживает удивление потомства. Ее великолепие ослепляло, приветливость привлекала, щедроты привязывали. Самое сластолюбие сей хитрой женицины утверждало ее владычество...*

*Униженная Швеция и уничтоженная Польша, вот великие права **Екатерины** на благодарность русского народа. Но со временем История оценит влияние ее царствования на нравы, откроет жестокую деятельность ее деспотизма под личиной и терпимости, народ, угнетенный наместниками, казну, расхищенную любовниками, покажет важные ошибки ее в политической экономии, ничтожность в законодательстве, отвратительное фиглярство в сношениях с философами ее столетия — и тогда голос оболыщенного Вольтера не избавит ее славной памяти от проклятия России...*

***Екатерина** уничтожила звание (справедливее название) рабства, и раздала около миллиона государственных крестьян (т. е. свободных хлебопаш-*

цев) и закрепостила вольную Малороссию и польские провинции. **Екатерина** уничтожила пытку — а тайная канцелярия процветала под ее патриархальным правлением. **Екатерина** любила просвещение, а Новиков, распространивший первые лучи его, перешел из рук Шишковского в темницу, где и находился до самой ее смерти...

(Заметки по русской истории XVIII в., 1822)

*Старушка милая жила
Приятно и немного блудно,
Вольтеру первый друг была,
Наказ писала, флоты жгла,
И умерла, садясь на судно.
С тех пор мгла.
Россия, бедная держава,
Твоя удушенная слава
С **Екатериной** умерла.
(Мне жаль великия жены... (1824))*

В проект предполагается также включить словарные статьи из «Новых материалов к Словарю А. С. Пушкина» [Новые материалы 1982], приведенные в разделе «Дополнения к словарю».

Достоинства «Словаря языка Пушкина», первого отечественного моноязычного словаря, составленного почти по всему комплексу текстов писателя, позволяющего увидеть языковую картину определенной эпохи, понять мироощущение поэта, проследить развитие языка, языковые движения, языковой прогресс, трудно переоценить. Мы поставили задачу усилить эти достоинства путем электронизации Словаря, благодаря которой пользователь быстро найдет нужную информацию, получит все контексты, адреса которых перечислены в словарных статьях, а различные опции поисковой системы предоставят ему широкие возможности для исследования тех или иных аспектов языка автора. Этому будет способствовать и включение дополнительных контекстов из тех произведений, которые не попали в Словарь, а также не вошедших в него имен собственных. Полная база данных будет включать 16 таблиц в соответствии с количеством томов СС. Будет предусмотрена возможность выбрать для просмотра один том, весь корпус, а также отдельно поэзию и прозу.

Литература

Новые материалы к Словарю А. С. Пушкина / Сост. В. В. Пчелкина, Е. П. Ходакова. М.: Наука, 1982. 288 с.

Ребецкая Н. А., Шайкевич А. Я. Словарь языка Чехова: Словарь языка Чехова и проблемы авторской лексикографии. М.: Издательский Дом ЯСК, 2022. 480 с.

Русская авторская лексикография XIX–XX вв.: Антология / Отв. ред. Ю. Н. Караулов. М.: Азбуковник, 2003. 512 с.

Современные проблемы авторской лексикографии: Сборник научных статей / Под общ. ред. Л. Л. Шестаковой. М.: Аквилон, 2018. 320 с.

СС — Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 16 т. М.: Изд-во АН СССР, 1937–1949.

СЯП — Словарь языка Пушкина: В 4 т. / Под ред. В. В. Виноградова. М.: ГИС, 1956–1961.

Шестакова Л. Л. Русская авторская лексикография: Теория, история, современность. М.: Языки славянских культур, 2011. 464 с.

Słownik języka Adama Mickiewicza / Red. K. Górski, S. Hrabec. Т. 1–11. Wrocław: Ossolineum, 1962–1983.

N. A. Rebetskaya¹, A. Ya. Shaikovich²

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences

(Russia, Moscow)

n.reb@mail.ru¹

lingstat@yandex.ru²

ELECTRONIZATION OF DICTIONARY OF PUSHKIN'S LANGUAGE

Electronization of author dictionaries is an urgent task of modern lexicography. It allows the user to quickly find the necessary information, and various search engine options provide ample opportunities for researching certain aspects of the author's language. The article deals with the problems and prospects of electronization of the Dictionary of Pushkin's language. In the print edition of the Dictionary, with the exception of illustrative examples, there are only ciphers of those places of Pushkin's works in which a particular word form is used in the specified meaning. The main task of the project is to create complete dictionary entries for all word forms, including, among other things, the context (with the possibility of expansion) and the name of the work in which the word form appeared. For these purposes, the digitized corpus of texts of the 16-volume collected works of A. S. Pushkin was transformed into a lemmatized concordance, where each word form is automatically assigned the address indicated with it in the printed edition of the Dictionary. The presented figures show how the dictionary entry will look on the form, what search engine options can be added and what advantages this version of the Dictionary has. The issues of expanding the Dictionary of Pushkin's language by including words from those works of the writer that the authors of the Dictionary did not process, as well as proper names that are not included in the Dictionary, which are supposed to be issued in the format of a "gray zone", are discussed.

Key words: author dictionary, database, lemmatized concordance, search engine, "Dictionary of Pushkin's language", electronization.

References

Novye materialy k Slovarju A. S. Pushkina [New materials for the Dictionary of A. S. Pushkin]. Moscow, Nauka Publ., 1982. 288 p.

Pushkin A. S. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete works]. In 16 vol. Moscow, The Academy of Sciences of the USSR Publ., 1937–1949.

Rebetskaya N. A., Shaikovich A. Ya. *Slovar' yazyka Chekhova: Slovar' yazyka Chekhova i problemy avtorskoi leksikografii*. [Dictionary of Chekhov's language: Dictionary of Chekhov's language and problems of author lexicography]. Moscow, Izdatel'skii Dom YaSK, 2022. 480 p.

Russkaya avtorskaya leksikografia XIX–XX v.v: Antologiya [Russian author lexicography of the XIX–XX centuries: Anthology]. Yu. N. Karaulov (ed.). Moscow, Azbukovnik Publ., 2003. 512 p.

Shestakova L. L. *Russkaya avtorskaya leksikografiya: Teoriya, istoriya, sovremennost'* [Russian author lexicography: Theory, history, modernity]. Moscow, Yazyki Slavyanskoi Kul'tury Publ., 2011. 464 p.

Slovar' yazyka Pushkina. V 4 t. [The Dictionary of Pushkin's language. In 4 vols.]. Acad. V. V. Vinogradov (ed.). Moscow, GIS, 1956.

Słownik języka Adama Mickiewicza. K. Górski, S. Hrabec (eds.). T. 1–11. Wrocław: Ossolineum, 1962–1983.

Sovremennye problemy avtorskoi leksikografii. Sbornik nauchnykh statei [Modern problems of author lexicography. Collection of scientific articles]. Moscow, Akvilon Publ., 2018. 320 p.

О. В. Кукушкина

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
(Россия, Москва)
ovkukush@mail.ru*

ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ НАД СОЗДАНИЕМ АВТОРСКИХ КОРПУСОВ ТЕКСТОВ

В статье описывается опыт работы Лаборатории общей и компьютерной лексикологии и лексикографии филологического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова по созданию авторских корпусов текстов. Обсуждаются оптимальные способы организации таких корпусов и обосновывается целесообразность соблюдения принципов полнотекстовости и лексикографированности. Под лексикографированностью понимается такая организация корпуса, при которой поиск и навигация осуществляются посредством выбора пользователем словника с нужным ему типом информации. Через словники разных типов и их пересечение осуществляется поиск нужных единиц, контекстов их употребления и выход в нужное место текста. В статье также описываются некоторые аспекты работы над словарем и корпусом художественных текстов Чехова, в частности, возможность тематической разметки произведений. Основное внимание уделено ведущейся в настоящее время работе над корпусом текстов А. С. Пушкина. Рассматриваются некоторые проблемы, связанные с семантизацией и семантической классификацией лексических единиц, а также с дополнительной сегментацией текстов, увеличивающей информативную ценность корпуса. Описываются основные режимы работы с корпусом, доступные в разрабатываемой в лаборатории системе «ИСТОК», в том числе режим справки. Он позволяет пользователю в процессе чтения и работы с единицами словников получать разного рода дополнительную информацию. В качестве источников такой информации используются «Словарь языка Пушкина», «Путеводитель по Пушкину» и др. Описание иллюстрируется получаемыми с помощью системы «ИСТОК» результатами.

Ключевые слова: корпусная лингвистика, авторская лексикография, виды разметки, корпус текстов Пушкина, семантизация.

Корпуса, в которых работа пользователя организуется на основе предоставления ему словников разного типа, из которых и осуществляется навигация и поиск (выход в нужный контекст и текст), можно назвать лексикографированными или «ословаренными». Л. Л. Шестакова употребляет термин «ословаривание» для

характеристики общей тенденции развития современной мировой и отечественной лексикографии и характеризует ее как тенденцию «к массовому “ословариванию” языковых единиц разных уровней и классов» [Шестакова 2008: 41]. Эта тенденция актуальна и для корпусной лингвистики, хотя затронула ее в меньшей степени.

Ориентация на создание лексикографированных корпусов текстов всегда отличала подход, реализуемый в Лаборатории общей и компьютерной лексикологии и лексикографии филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова (ЛОКЛЛ), созданной одним из пионеров отечественной корпусной лингвистики А. А. Поликарповым. Его идеи легли в основу разрабатываемых в ЛОКЛЛ корпус-менеджеров и подходов к созданию корпусов текстов. Главные из этих идей можно сформулировать в виде двух принципов: **полнотекстовость** и **лексикографированность**.

Не вызывает сомнения, что при создании авторских корпусов текстов, да и вообще любых не чисто прикладных корпусов, желательно следовать обоим этим принципам. Именно текст является основной единицей корпуса, а вход через словники («оглавления» разного рода) — это наиболее естественный и привычный для нас, «книжный» способ организации поиска и навигации. Реализация идеологии «из словника в текст» позволяет создавать лексикографические продукты нового, комплексного типа, в которых словарь соединен с корпусом текстов, на основе которых он составлен. Оптимальность такого рода комплексов для авторской лексикографии не вызывает сомнения.

Первым опытом создания продукта такого типа в ЛОКЛЛ явился «Частотный грамматико-семантический словарь языка художественных произведений А. П. Чехова (с электронным приложением)» [Кукушкина и др. 2012]. Приложение представляет собой реализованный в системе «ИСТОК» полный лексикографированный корпус художественных текстов Чехова. Корпус дает возможность работать как со словарем, так и с текстами. Он также размечен дополнительной информацией, представляющей интерес для семантического поиска. К ней относится прежде всего тематическая разметка произведений. Хотя можно согласиться с тем, что ручная тематическая рубрикация «не снискала большой популярности» по причине «трудоемкости и непоследовательности ручного рубрицирования, в результате которого разные эксперты могут назначать разные рубрики в зависимости от ряда объективных и субъективных причин» [Тен 2023: 79], этот опыт оказался полезным для пользователей корпуса. Они получили доступ к тематическому словнику, с помощью которого можно оценить примерный состав тем одного произведения, а также отобрать произведения, в которых есть определенная тема.

Основным проектом ЛОКЛЛ начиная с 2014 г. является создание корпуса пушкинских текстов на основе «Полного собрания сочинений Пушкина» (в 16-ти томах) и «Словаря языка Пушкина» (далее — СЯП). Взятые вместе, эти два труда, по сути дела, представляют собой настоящий лексикографированный корпус текстов. Один из главных создателей этого комплекса Г. О. Винокур прямо указывал на то, что СЯП должен выполнять роль справочника, а именно конкорданса и словоуказателя к Собранию сочинений. Но при этом он должен содержать и «элементы собственно лингвистической обработки материала» [Винокур 1949: 309]. Эти «элементы» оказались настолько качественными, что словарь приобрел огромную

самостоятельную научную ценность. При этом реализованная с удивительной тщательностью функция конкорданса оказалась недостаточно востребованной. Тем более, что ею мешает пользоваться книжный формат, осложняющий доступ в текст. Необходимость перевода СЯП в электронный вид и соединения его с текстами давно назрела. Поэтому можно только приветствовать проект «электронизации» «Словаря языка Пушкина», реализуемый в Институте русского языка им. В. В. Виноградова РАН. Как справедливо отмечают А. Я. Шайкевич и Н. А. Ребецкая, читателю нелегко добраться до «богатства», скрытого в этом словаре. Поэтому ведется работа по преобразованию оцифрованного корпуса 16-томного Собрания сочинений Пушкина в лемматизированный конкорданс [Ребецкая 2023].

Основной целью нашего проекта является не электронизация словаря, а создание корпуса пушкинских текстов. Это определяет и набор реализуемых в программном средстве, разрабатываемом в ЛОКЛЛ, функций. Система «ИСТОК» предоставляет пользователю возможность работать в трех режимах: (1) чтение текстов; (2) изучение текстов и их отдельных единиц с помощью получаемых по ним конкордансов разного типа; (3) получение внешних справок самого разного типа (в том числе в режиме чтения и исследования). При этом СЯП играет в корпусе огромную роль: он является основой главного словника — словника лемм. На все единицы этого словника пользователь может получить справку из данного словаря.

Как известно, в СЯП лексический состав текстов, вошедших в Собрание сочинений, описан не в полном объеме. Так, из него последовательно и сознательно исключены столь многочисленные у Пушкина имена собственные, слова некоторых специфических по языку текстов и фрагментов (помимо «Истории Петра I» и некоторых других текстов, это, например, обширное определение суда из «Дубровского»), а также слова из многочисленных цитат. Реализация принципа лексикографированности предполагает полную лемматизацию словоупотреблений корпуса, что требует большой дополнительной работы. К настоящему моменту полный словник лемм корпуса нами уже получен. Он включает все имена собственные с их частеречной и родовой характеристикой. В результате заполнения «лакун» СЯП были выявлены слова, не вошедшие в СЯП. Основным их источником является «История Петра I». Информация о таких словах имеет самостоятельную ценность, так как многие из них являются агнонимами для современного читателя. Составление толкований для таких слов — это важный и перспективный участок работы для лексикографов, в которой им может помочь корпус.

В СЯП даны адреса не только лексем, но и их отдельных значений. Это позволяет создать уникальный корпус, в котором возможен поиск по отдельным значениям, что во много раз увеличивает точность семантического поиска и работы с частотами. Однако наложение на тексты этой информации — очень сложная и трудоемкая задача. В силу целого ряда причин мы производили семантизацию не автоматически, а «вручную», т. е. путем анализа экспертом толкования значения в СЯП. Эта процедура выявила много сложных проблем, требующих обсуждения. Самая фундаментальная из них — это наличие в языке зон нейтрализации. В корпусной и квантитативной лингвистике обычно реализуется принцип однозначной категоризации. Ср., например, описание такого подхода к снятию многозначности при разметке

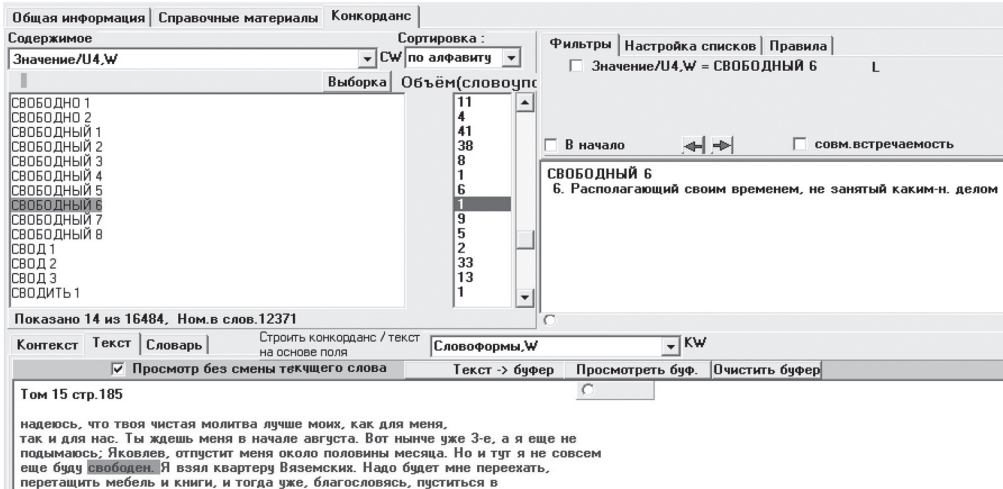

Рис. 1. Фрагмент словника значений
(с получением справки из СЯП в режиме «чтение текста»)

Национального корпуса русского языка: «для разрешения неоднозначности семантической разметки в Корпусе была разработана технология специальных фильтров. Семантический фильтр основан на принципе контекстной однозначности, т. е. на том, что в каждом конкретном контексте слово имеет одно значение (за исключением случаев языковой игры)» [Толдова и др. 2008: 523]. В СЯП также был реализован принцип контекстной однозначности. Однако случаи, где невозможно сделать однозначный выбор между двумя значениями, как и следовало ожидать, достаточно регулярны и многочисленны. В подавляющем большинстве они связаны не с языковой игрой, а с тем, что в контексте нейтрализованы признаки, на основе которых разграничиваются выделенные в словаре значения. Не вызывает сомнения, что такие контексты — ценный и самостоятельный объект дальнейшего исследования, и при семантизации корпусов текстов их стоит пометить особо. В соответствии с этим при работе над корпусом неоднозначным употреблением было решено приписывать не одно, а два и более значений. В настоящее время семантизация знаменательной лексики уже близка к завершению. См. на рис. 1 фрагмент словника значений.

Особого внимания потребовало отображение в корпусе многочисленных вариантов слов. Эти варианты были сведены в особую единицу — «вариативный ряд». Ряды выдаются в отдельный словник (см. рис. 2).

От словника вариативных рядов можно перейти к словнику входящих в конкретный ряд вариантов, а также слов, имеющих такие варианты.

Одной из актуальных и все более интересующих пользователей задач является семантический поиск. Он требует семантической группировки лексем. По точной формулировке Л. О. Чернейко, «универсальный путь к сознанию и мышлению личности (персонажа, нарратора, автора) начинается с лингвистической реконструкции текста в заданном аспекте» [Чернейко 2021: 43–44]. А разметка корпуса текстов по тем или

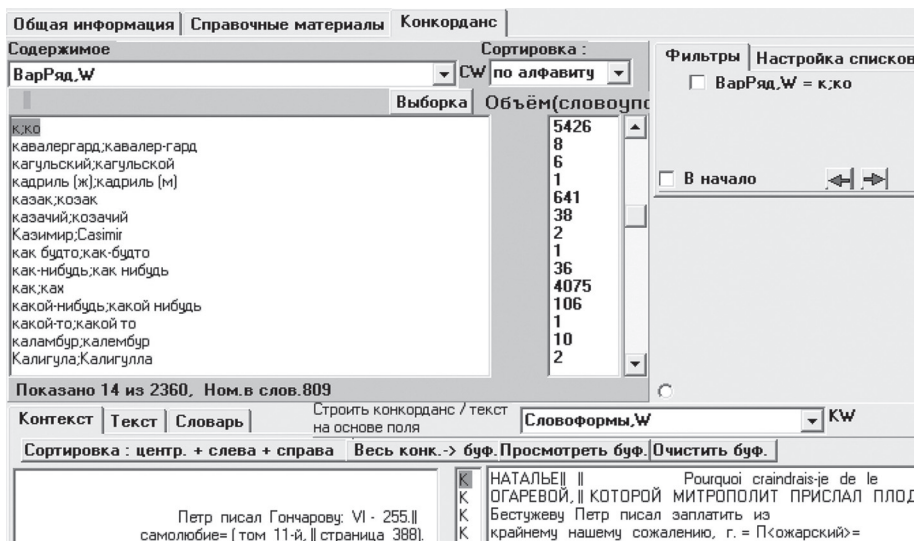

Рис. 2. Фрагмент словника вариативных рядов (режим «конкорданс»)

иным семантическим параметрам и является одним из важнейших видов такой реконструкции. Работа над отбором наиболее актуальных из этих параметров нами еще ведется. В качестве основы планируется использовать словари-тезаурусы, созданные под руководством Л. Г. Бабенко. Однако к настоящему моменту уже реализован один из самых простых и недооцененных видов семантической группировки — это объединение родственных слов. Эта работа была проведена с опорой на принципы поисковой целесообразности и критерия синхронной производности Г. О. Винокура. В результате была реализована функция поиска по корням (см. рис. 3).

Как показал проведенный с помощью корпуса пушкинских текстов анализ, корневая разметка имеет не только поисковую и словообразовательную ценность, но и некоторые когнитивные перспективы. Пример когнитивной интерпретации гнезда «ЕВРОПА», представленного у Пушкина, можно найти в [Кукушкина 2023: 113].

Как показал опыт работы с текстами корпуса, существенное повышение информативности может быть достигнуто за счет дополнительной их сегментации. В отдельном доступе и разметке нуждаются в первую очередь фрагменты следующих типов: (1) тематически не связанные заметки под одним названием; (2) стихотворные фрагменты прозаических и прозаические фрагменты стихотворных произведений; (3) чужие слова, включенные Пушкиным в свой текст (цитаты); (4) фрагменты текста на иностранных языках; (5) композиционные части текстов. Дополнительная фрагментация дает новые исследовательские возможности, но требует большой работы, в том числе текстологической. Тем не менее, такая работа нами ведется. Это позволяет, например, получать отдельные конкордансы на написанное самим Пушкиным и цитируемое им. Самостоятельное же включение в список текстов тематически разнородных фрагментов дает представление об их содержании. См. на рис. 4 фрагмент такого детализированного общего словника текстов корпуса.

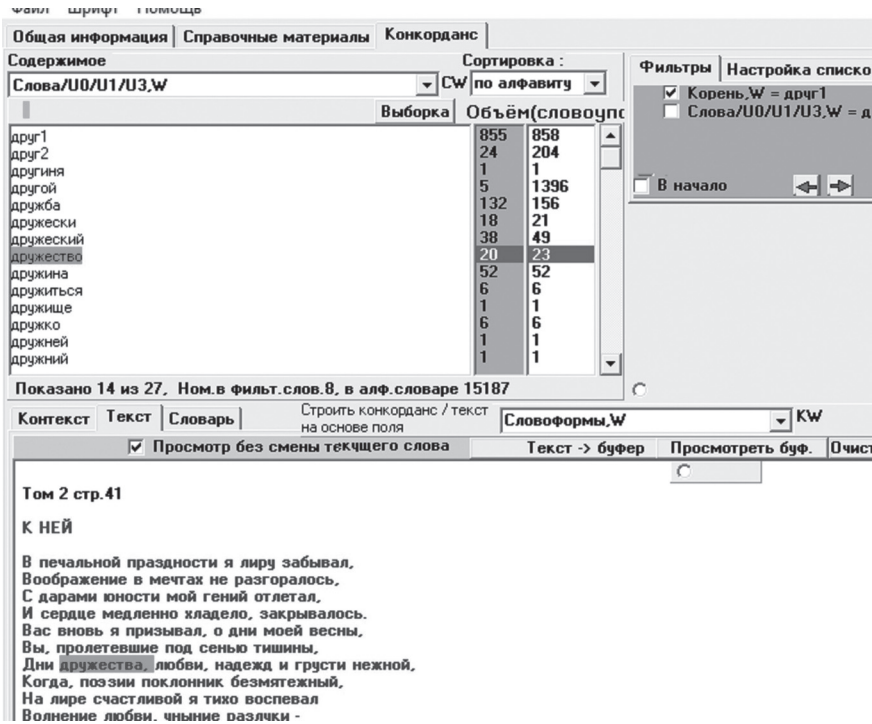

Рис. 3. Фрагмент списка слов с корнем ДРУГ1- и текст на одно из употреблений слова *дружество*

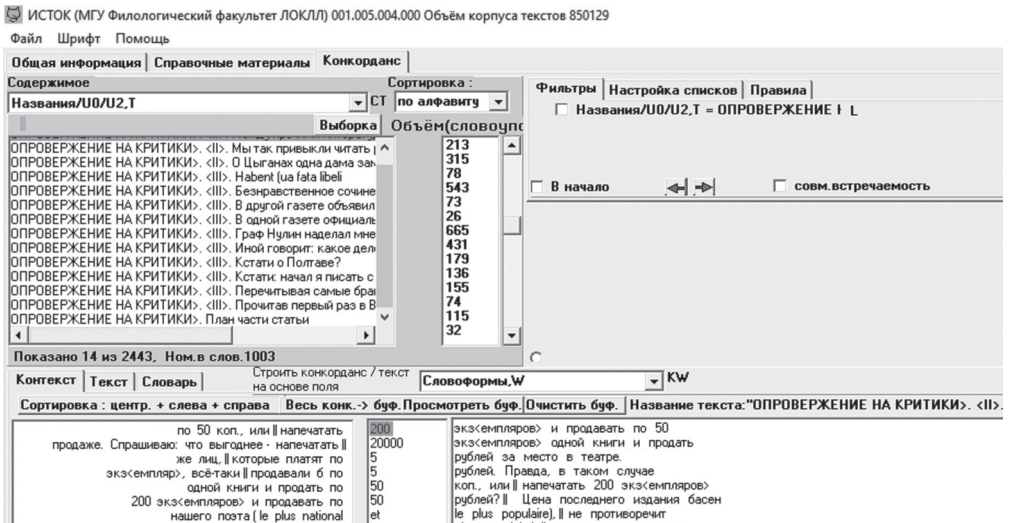

Рис. 4. Фрагмент общего списка текстов корпуса (с разбиением на подтексты «Опровержения на критики»)

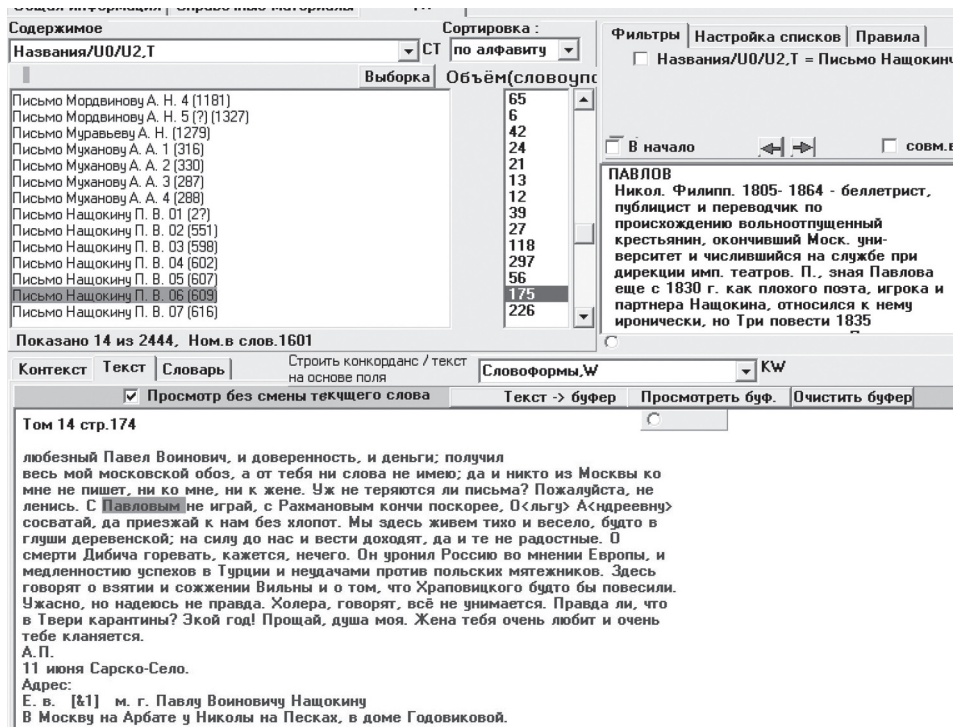

Рис. 5. Чтение текста с получением справки об упомянутом лице

Информационная и исследовательская ценность корпуса и состав его пользователей зависят не только от богатства его разметки, но и от возможности получения справок разного рода. Для пушкинских текстов это особенно важно. Поэтому справочной компоненте при работе над корпусом уделялось и уделяется большое внимание. К единицам корпуса прикрепляются единицы соответствующих справочных баз данных, создаваемых по указателям и примечаниям из разных источников. Так, к текстам подсоединены «Примечания» из Собрания сочинений, к словам и значениям — толкования из СЯП, к именам собственным — Указатели и «Путеводитель по Пушкину» из Собрания сочинений и т. д. Это позволяет пользователю читать текст в комментирующем режиме, самостоятельно выбрав справку нужного типа (см. рис. 5).

Как можно видеть из сделанного обзора, при создании лингвистического в своей основе корпуса пушкинских текстов мы ориентировались на его использование в гораздо более широких целях — общефилологических, историко-культурных и образовательных. И, как показал опыт работы над корпусом, лингвистическая и прежде всего лексикографическая обработка текстов очень важна не только для лингвистических, но и для гуманитарных в широком смысле этого слова целей. Она создает для них надежную основу и новые возможности. Обосновывая важность такой обработки, Г. О. Винокур писал: «Невозможно исчислить те положения, при которых не только

исследователь, но и вообще квалифицированный читатель Пушкина может нуждаться в том, чтобы быстро и безошибочно установить, в каких случаях Пушкин употребил то или иное слово в том или ином значении, где в произведениях Пушкина встречается тот или иной оборот речи, какой смысл принадлежит в текстах Пушкина той или иной грамматической форме и т. д.» [Винокур 1949: 14].

Литература

Винокур Г. О. Словарь языка Пушкина // Проект Словаря языка Пушкина / отв. ред. акад. В. В. Виноградов. Акад. наук СССР. Москва; Ленинград, 1949. С. 5–27.

Кукушкина О. В. Языковая репрезентация понятия «Европа» в текстах А. С. Пушкина // Портрет говорящего начала XXI века. Выпуск 2. М.: МАКС ПРЕСС, 2023. С. 110–118.

Ребецкая Н. А. О некоторых аспектах электронизации «Словаря языка Пушкина» // Квантитативная филология. Смоленск: Смоленский государственный университет. 2023. № 1. С. 64–71.

Тен Л. В. Тематическое моделирование в задаче автоматической рубрикации новостных текстов // Terra Linguistica. 2023. Т. 14. № 2. С. 77–91.

Толдова С. Ю., Кустова Г. И., Ляшевская О. Н. Семантические фильтры для разрешения многозначности в Национальном корпусе русского языка: глаголы // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 4–8 июня 2008 г.). Вып. 7. М.: РГГУ, 2008. С. 522–529.

Чернейко Л. О. Языковая метафора и метафорическое мышление // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей. Вып. 63 / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2021. С. 40–61.

Шестакова Л. Л. Словари языка писателей XIX века // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований, 2008. Т. IV. № 3. С. 41–54.

O. V. Kukushkina

M. V. Lomonosov Moscow State University

(Russia, Moscow)

ovkukush@mail.ru

FROM THE EXPERIENCE OF WORK ON THE CREATION OF AUTHOR'S CORPUS OF TEXTS

The article describes the experience of the Laboratory of General and Computer Lexicology and Lexicography of the Faculty of Philology of the Lomonosov Moscow State University in creating author's text corpora. The optimal ways of organizing such corpora are discussed and the expediency of adhering to the full-text principle and

lexicography principle in it is substantiated. By lexicographic organization we mean the organization of the corpus in which search and navigation are carried out by means of the user's choice of a dictionary with the type of information he/she needs. Through dictionaries of different types and their intersection the user searches for the necessary units, their contexts of use and gets to the right place in the text. The article also describes some aspects of work on the dictionary and the corpus of Chekhov's fiction texts, in particular, the possibility of thematic markup of the works. The main attention is paid to the ongoing work on the corpus of A. S. Pushkin's texts. Some problems related to semantization and semantic classification of lexical units, as well as to additional segmentation of texts, which increases the informative value of the corpus, are considered. The main modes of work with the corpus available in the system ISTOK developed in the laboratory, including the help mode, are described. The latter allows the user to obtain various kinds of additional information in the process of reading and working with the units of dictionaries. The sources of such information are the Dictionary of Pushkin's Language, Guide to Pushkin and others. The description is illustrated by the results obtained with the help of the ISTOK system.

Key words: corpus linguistics, author lexicography, types of markup, corpus of Pushkin's texts, semantization.

References

Cherneiko L. O. [Language metaphor and metaphorical thinking]. *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya* [Language, mind, communication]. Moscow, MAKS Press Publ., 2021, vol. 63, pp. 40–61. (In Russ.)

Kukushkina O. V. [Linguistic representation of the concept “Europe” in Pushkin's texts]. *Portret govoryashchego nachala XXI veka* [Portrait of a speaker of the early 21st century]. 2023, no. 2. Moscow, MAKS Press Publ., pp. 110–118. (In Russ.)

Rebetskaya N. A. [On some aspects of electronization of the Dictionary of Pushkin's Language]. *Kvantitativnaya filologiya*. Smolensk, Smolensk State Univ. Publ., 2023, no. 1, pp. 64–71. (In Russ.)

Shestakova L. L. [Dictionaries of the XIX century writers language]. *Acta Linguistica Petropolitana*, 2008, vol. 4, no. 3, pp. 41–54. (In Russ.)

Ten L. V. [Topic modeling in automatic categorization of news texts]. *Terra Linguistica*. 2023, vol. 14, no. 2, pp. 77–91. (In Russ.)

Toldova S. Yu., Kustova G. I., Lyashevskaya O. N. [Semantic filters for resolving polysemy in the Russian National Corpus: verbs]. *Komp'yuternaja lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Po materialam ezhegodnoi Mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog» (Bekasovo, 4–8 iyunya 2008 g.)* [Computer linguistics and intellectual technologies: Based on materials from the annual International Conference “Dialogue” (Bekasovo, June 4–8, 2008)], no. 7., Moscow, RSUH Publ., 2008, pp. 522–529. (In Russ.)

Vinokur G. O. [The Dictionary of Pushkin's language]. *Proekt Slovarya yazyka Pushkina* [The project of the Dictionary of Pushkin's language]. Academy of Sciences of the USSR Publ., Moscow; Leningrad, 1949, pp. 5–27. (In Russ.)

Б. В. Орехов

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

(Россия, Москва)

Институт русской литературы РАН (Пушкинский Дом)

(Россия, Санкт-Петербург)

nevmenandr@gmail.com

ЯЗЫК Л. Н. ТОЛСТОГО: КОРПУСНЫЙ ПОДХОД И ИНТРОСПЕКЦИЯ¹

В середине XX в. внимательный читатель и ценитель русской литературы Александр Биск, находившийся в тот момент в эмиграции, публикует статью в журнале, специализирующемся на проблемах преподавания русского языка для иностранцев. В этой статье он делится результатами медленного чтения произведений Л. Н. Толстого, прежде всего, романа «Война и мир». Опираясь на собственные представления о языковой норме и личные стандарты художественного вкуса, Биск обобщает наблюдения над особенностями стиля Толстого, отличающими его от других авторов первого ряда. Он отмечает стремление Толстого дистанцироваться от языковых штампов, полагает индивидуализированными некоторые обороты вроде «строить инструменты», «вступить в разговор», обращает внимание на нетипичные для языка возвратные формы некоторых глаголов. Достоинством этой статьи является ее проверяемость. А. Биск представляет наблюдения над языком Толстого как череду примеров, не характерных для других авторов. Особое внимание Биск уделяет противопоставлению писателей первого ряда и писателей второго ряда. При том что Толстой принадлежит к первым, его язык кажется Биску больше похожим на язык вторых. Проверка по корпусу не подтверждает большинства высказанных Биском положений. Практически все найденные им словоупотребления встречаются и в языке современников Толстого, и в текстах писателей первого ряда.

Ключевые слова: Л. Толстой, идиостиль, классика, язык XIX века, корпус.

В 1961 г. поэт и переводчик Александр Биск опубликовал статью о языке Толстого, в которой он, опираясь на личные стандарты вкуса и представления о языковой норме, показал произведения классика (главным образом, роман-эпопею

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках программы «Множественный и повторный поэтический перевод в России: лингвостатистический и количественный подход» (грант № 23-28-01201).

«Война и мир») в перспективе литературного языка XIX в. [Биск 1961]. Эрудиция и привычка к внимательному чтению позволили автору обобщить особенности стиля Толстого, выявить то, что бросается в глаза носителю языка, сформулировать предпочтения в словоупотреблении, выборе конструкций и других выразительных средств.

Несмотря на то что автор часто использует языковую интроспекцию, его метод в какой-то мере можно назвать и протокорпусным. Каждое положение в рассуждениях А. Биска подтверждается цитатами из текстов, хотя в силу понятных ограничений докомпьютерной эры выборка этих текстов ограничена.

Специалисты уже обращали внимание на те изменения в науке о языке, к которым привело появление и повсеместное использование корпусов [Leech 1992; Плунгян 2008]. Благодаря удобному для такой оценки построению работы А. Биска, организованной как набор проверяемых наблюдений, сегодня мы можем последовательно проследить, насколько отличаются такие наблюдения над индивидуальной стилистикой, сделанные без использования корпуса и с использованием современного репрезентативного корпуса.

Благодаря [НКРЯ] в распоряжении исследователя оказывается гораздо больше текстового материала, чем может вместить картотека докорпусной эпохи.

А. Биск в своей статье противопоставляет язык Толстого и язык других писателей первого ряда, акцентируя внимание на том, что «правильный» русский язык (по всей видимости, имеется в виду речь, приближенная к бытовой) обычно присущ авторам менее известным и влиятельным, таким как Аксаков и Лесков. Толстой в ряду, в котором находятся Достоевский, Чехов, Блок, является для А. Биска исключением, потому что чаще других авторов, сравнимых с ним по масштабу, прибегает к бытовым выражениям: «... в “Анне Карениной” Левин садится на извозчика. Мы так и говорим в обиходе. “Грамотный” писатель не написал бы так, он сказал бы “садится на дрожки”» [Биск 1961: 37].

НКРЯ показывает примеры конструкции «*садиться на извозчика*» у Гоголя: *Ковалев, не отнимая платка от лица, сел на извозчика и закричал отчаянным голосом...* [Н. В. Гоголь. Нос (1836)]; Тургенева (в стилизованном контексте): *Смотрю, эдак через четверть часика, выходит она от тебя, моя сиротка, лица на сердечной нет; села, голубушка, на извозчика, опустила эдак голову да как заплачет...* [И. С. Тургенев. Холостяк (1849)]; Островского: *Мы сели на извозчика и поехали к костелу Петра и Павла* [А. Н. Островский. Дневник (1862)]; Достоевского: *Когда я уже уселся на извозчика, у меня вдруг мелькнула мысль* [Ф. М. Достоевский. Подросток (1875)]; Ал. Чехова: *Садясь на станции Алекс-е на извозчика, первым условием ставь ехать на село Воронеж, а не на Тагин* [Ал. П. Чехов. Письма Антону Павловичу Чехову (1881)].

При этом конструкция «*садиться на дрожки*», в целом менее частотная, есть и в языке Толстого: *Я довольно громко сказал: «Подайвай!» — и, сев на дрожки, догнал Семенова* [Л. Н. Толстой. Юность (1857)].

Таким образом, интроспективный взгляд показывает для этой пары конструкций искаженную перспективу. Оба варианта возможны и используются в речи

авторов, противопоставленных Биском. Как мы увидим далее, такая ситуация является скорее правилом, чем исключением.

А. Биск обращает внимание на то, что Толстой избегает речевых штампов, ср.: «*трогаться до слез*» («Война и мир») вместо «*трогать до слез*». Действительно, такая конструкция встречается редко, но не только у Толстого: *Посещает и оживляет Церкви, окрестные Оосака; ропщет на неуспехи в японском языке, а между тем говорит так, что все отлично его понимают и иногда трогаются до слез его речами* [архиепископ Николай Японский (Касаткин). Дневник (1898)].

К той же категории непривычных для носителей языка XX в. возвратных форм Биск относит и слово «*рухнется*»: «Мы часто употребляем глагол “рухнет”, а вот у Толстого: <...> “рухнется”» [Биск 1961: 38]. Толстой использует эту лексему в прямом значении, в то время как НКРЯ показывает большей частью метафорические употребления: *Веру в раскольников он утратил, веру в поляков утратил... вера в людей, в науку, в революцию колебалась сильнее и сильнее, и можно было легко предсказать, когда и она рухнется...* [А. И. Герцен. Былое и думы. Часть седьмая. Вольная русская типография и «Колокол» (1866)]. В то же время фиксируются и случаи использования глагола в прямом значении, пусть и у второстепенного писателя: *Придет домой весь запыленный, перепачканный, рухнется на постель, задаст хорошую высыпку — и как ни в чем не бывало* [И. А. Салов. Иван Огородников (1885) // «Русский вестник», 1879].

Наблюдение Биска: «Все говорят: проезжая дорога, у Толстого дорога “проезженная”, что и логически гораздо понятнее». Действительно, у Толстого встречаем: *В лощине он увидал перед собой что-то вроде реки, но когда он доехал до нее, он узнал проезженную дорогу* [Л. Н. Толстой. Война и мир. Том первый (1867–1869)]. В то же время такое сочетание есть и у других современников Толстого: *Разве в глубоко проезженных дорожных колеях останется он, и тогда дороги кажутся какими-то траурными каймами на темно-сером фоне неоглядных полей* [А. И. Эртель. Записки Степняка (1883)]. При этом «*проезжая дорога*» в текстах Толстого в самом деле не фиксируется.

Оборот «*вступить в разговор*» («Денисов слушал разговор, видимо не желая вступить в него») для Биска также является избавлением от банальности. В то же время конструкция «*вступить в Асс*» против «банальной» «*вступить в Асс*» широко представлена в корпусе, в том числе и в речи писателей первого ряда: *А. Н. Майков горячо убеждал меня вступить в это дело, чтоб спасти интересы наследников и между прочим семейства брата Миши, находящегося в большой бедности (и о котором я же, по мере сил, заботился)* [А. М. Достоевский. Воспоминания (1896)]; *Алексей и Ваня решили помочь Никину, пришлось тогда вступить в дело мне; достал я девице паспорт, указал в губернии людей, которые не откажут приютить ее до родов* [Максим Горький. Лето (1909)].

Что касается оборота «*вступить в разговор*», то он действительно употребляется Толстым, и не только в «Войне и мире»: *Нет, я, дядя, не согласна с вами, — вступилась в разговор курсистка социал-демократка, племянница полкового командира* [Л. Н. Толстой. Закон насилия и закон любви (1908)]. Однако его

можно найти и у современников писателя: *Присутствовавший при этом Софрон Матвееч тоже счел долгом вступить в разговор* [М. Е. Салтыков-Щедрин. Господа ташкентцы. Картины нравов (1869–1872)]; *А в самом деле, Захарушка, пора бы тебе закон свершить, — вступился в разговор дядя Онуфрий* [П. И. Мельников-Печерский. В лесах. Книга первая (1871–1874)].

А. Биск настаивает на том, что клишированное «не достает» противопоставлено оригинальному «недостало», ср.: «обед, за которым ему *недостало прибора*». Однако слово «недостало» является сравнительно частотным (243 примера при поиске точной формы до 1910-го года), его можно найти и у Тургенева: *Хотел было съездить в Москву, да, во-первых, денег не достало, а во-вторых... я вам уже сказывал, что я смирился* [И. С. Тургенев. Гамлет Щигровского уезда (1849)]. Отметим, что слово «недостало» употребляется во влиятельном тексте, вошедшем в оборот в начале XIX в. — в «Слове о полку Игореве»: «*Ту кроваваго вина не доста*».

По мнению Биска, еще одна особенность словоупотребления Толстого, позволяющая избежать клише: «“Повернуть” у нас встречается на каждом шагу, но в “Войне и мире”: “слуга и поднялся, чтобы переверотить лицом к стене тяжелое тело графа”» [Биск 1961: 38]. В современных Толстому текстах слово встречается только как вариант глагола «перевернуть»: *Способен ли он кверху дном все переверотить?* [И. И. Горбачевский. Письмо М. А. Бестужеву (1861)].

«Строить» вместо «настраивать» для музыкальных инструментов также не уникально для языка Толстого, хотя и не встречается в текстах писателей первого ряда: *Через четверть часа я подамь сигнал оркестру. Музыканты въ оркестрѣ уже строили инструменты. — Ну, уходи, Костюшка, изъ уборной* [Н. А. Лейкин. В ожидании наследства (1889)].

Как мы видим, несмотря на некоторые точные наблюдения, в самом деле отражающие индивидуальное словоупотребление Толстого («переверотить» в значении «повернуть», «трогаться до слез»), в большинстве случаев языковое чутье обманывает читателя и заставляет видеть в непривычных конструкциях и словоупотреблениях индивидуальную манеру писателя, подвергнутого медленному чтению. В действительности основной массив отмеченных наблюдателем языковых фактов имеет относительно широкое хождение в языке толстовской эпохи, но может попасться на глаза только в романах этого писателя.

Отдельно может быть поставлен вопрос о том, насколько на других представленных в корпусе авторов повлияло словоупотребление Толстого. Можно предположить, что оно не оказалось решающим, так как именно тексты писателя фиксируют единичные вхождения, не способные создать моду и изменить речевую практику. Скорее всего, следы словоупотребления у Толстого и его современников отражают хождение указанных оборотов и лексем.

Вывод оказывается ожидаем, хотя и не менее существен для историков языка и лексикографов, чем если бы он был неожиданным: поставленная в условия проверяемости языковая интроспекция проигрывает корпусным данным. Даже при условии хорошего знакомства с языком эпохи корпусная перспектива дополняет и корректирует представления эксперта об индивидуальном словоупотреблении.

Литература

Биск А. А. Язык Толстого // В помощь преподавателю русского языка в Америке / A Guide to Teachers of the Russian Language in America. 1961. Т. 15. № 60. С. 37–41.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>.

Плунгян В. А. Корпус как инструмент и как идеология: о некоторых уроках современной корпусной лингвистики // Русский язык в научном освещении. 2008. № 2 (16). С. 7–20.

Leech G. Corpora and theories of linguistic performance // Directions in Corpus Linguistics: Proceedings of the Nobel Symposium 82, Stockholm, 4–8 August 1991. Berlin: Mouton de Gruyter, 1992. P. 105–122.

B. V. Orekhov

HSE University

(Russia, Moscow)

Institute of Russian Literature of the Russian Academy of Sciences (Pushkin House)

(Russia, Saint-Petersburg)

nevmenandr@gmail.com

LEO TOLSTOY'S LANGUAGE: CORPUS APPROACH AND INTROSPECTION

The paper presents a corpus check for the series of notes by Alexander Bisk. In the mid-twentieth century, A. Bisk, an attentive reader and expert in Russian literature, who was then in exile, published an article in a journal specializing in the problems of teaching Russian to foreigners. In this article, he shares the results of his close reading of Leo Tolstoy's works, primarily the novel "War and Peace". Relying on his own ideas about linguistic norms and personal standards of literary taste, Bisk summarizes his observations on the peculiarities of Tolstoy's style that distinguish him from other first-line authors. He notes Tolstoy's desire to distance himself from linguistic clichés, considers some turns like "to build instruments", "to join the conversation" to be individualized, and draws attention to the atypical for the language reflexive forms of some verbs. The advantage of this article is its verifiability. A. Bisk presents observations on Tolstoy's language as a series of examples not typical of other authors. A. Bisk pays special attention to the contrast between writers of the first row and writers of the second row. While Tolstoy belongs to the former, his language seems to A. Bisk to be more similar to that of the latter. The corpus check does not confirm the majority of A. Bisk's statements. Almost all the word-uses he detected are found in the language of Tolstoy's contemporaries and in the texts of the front-rank writers.

Key words: L. Tolstoy, style, classics, 19th century language, corpus.

References

Bisk A. A. [Language of Tolstoy]. *A Guide to Teachers of the Russian Language in America*, 1961, vol. 15, No. 60, pp. 37–41. (In Russ.)

Leech G. Corpora and theories of linguistic performance. *Directions in Corpus Linguistics: Proceedings of the Nobel Symposium 82, Stockholm, 4–8 August 1991*. Berlin, Mouton de Gruyter, 1992, pp. 105–122.

Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [Russian National Corpus]. Available at: <http://www.ruscorpora.ru>.

Plungian V. A. [The corpus as a tool and as an ideology] *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 2008, no. 2 (16), pp. 7–20. (In Russ.)

Н. В. Патроева

Петрозаводский государственный университет

(Россия, Петрозаводск)

nvpatr@list.ru

«СЛОВАРЬ ДРЕВНЕЙ И НОВОЙ ПОЭЗИИ» Н. Ф. ОСТОЛОПОВА И РОССИЙСКАЯ РИТОРИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ

«Словарь древней и новой поэзии» Николая Федоровича Остолопова является первым в России словарем теоретико- и историко-литературного типа, уникальным для XIX столетия. Словарь рассматривают в ряду предшественников изданий энциклопедического и терминологического характера XX века. Статья содержит интерпретацию риторического раздела «Словаря древней и новой поэзии», созданного Н. Ф. Остолоповым.

Н. Ф. Остолопов работал над словарем с 1806 по 1821 год по заданию петербургского «Вольного общества любителей словесности, наук и художеств». Три тома словаря Н. Ф. Остолопова включают более полутора тысяч страниц с толкованиями 424 терминов. Среди главных источников словаря — «Французская энциклопедия». Приводимые в вокабулах примеры иногда занимают несколько страниц, если это диктуется целью проиллюстрировать тематические и стилистические особенности жанра.

Термины из области элоквенции демонстрируют ориентацию Остолопова на риторическую теорию М. В. Ломоносова — его «Краткое руководство к красноречию» (1747 г.). Однако Остолопов творчески перерабатывает достижения предшественников и предлагает собственную типологию тропов и фигур речи. При классификации риторических приемов Остолопов ориентировался на уже довольно богатую риторическую традицию, выбрав, вероятно, в качестве основной наиболее авторитетную классификацию М. В. Ломоносова, но при этом автор словаря привнес в опорную типологию некоторые изменения, иллюстрирующие его заочный спор с Ломоносовым.

Материалы составленного Н. Ф. Остолоповым «Словаря древней и новой поэзии» — важное свидетельство и итог литературных, риторических и языковых споров пушкинской эпохи.

Ключевые слова: риторический прием, история риторики в России, история российской словесности, теория и практика красноречия, классификация тропов и фигур, литературоведческий словарь.

Чиновник по своим основным обязанностям, одно время бывший даже вице-губернатором в Вологде, Николай Федорович Остолопов — создатель получившего широкую известность в пушкинское время «Словаря древней и новой поэзии» (1821 г.). Н. Ф. Остолопов, с юности проявлявший особый интерес к занятиям поэзией и историей литературы, получил, однако, инженерное образование в петербургском Горном училище, в котором пиитику и риторике, латынь и французский язык, логику и историю преподавал Иван Рижский, автор «Опыта риторики» (1896 г.).

В мае 1802 г. Н. Ф. Остолопов в возрасте девятнадцати лет был принят в действительные члены «Вольного общества любителей словесности, наук и художеств» (далее — ВОЛСНХ)¹. На этом первом в его жизни заседании, в окружении известных поэтов и ученых, начинающий поэт прочитал свои свеженапечатанные стихотворения и отрывок из предполагаемого романа. В 1806 г. ВОЛСНХ уже более опытному поэту и переводчику Остолопову поручает создать словарь, посвященный теории и истории поэтического искусства. «Словарь древней и новой поэзии», над которым автор работал в течение пятнадцати лет, иногда читая на заседаниях ВОЛСНХ те или иные статьи будущего издания, увидел свет только в 1821 г. Три части лексикографического труда «были встречены весьма одобрительно и снискали автору почетную известность», — отмечается в «Русском биографическом словаре» А. Половцова². Остолопов, открывая свой словарь вступительным словом, признавался: «Принимая на себя в 1806 году <...> составление Словаря Пиитического, не мог вообразить, что исполнение оно будет столь многотрудно.., но я забывал все труды мои при утешительной для меня мысли, что они могут быть полезны моим соотечественникам» [Остолопов 1821: ч. 1, 1–2]. Далее автор признается, что первоначальная надежда на скорое завершение словаря с опорой на имеющийся уже опыт французских составителей не оправдалась: Остолопов стремился создать энциклопедию и одновременно хрестоматию прежде всего русской поэзии, а это потребовало много дополнительных усилий и времени для овладения уже богатой на тот момент российской традицией поэтики и риторики.

Ю. М. Лотман отмечал, что словарь Н. Ф. Остолопова обобщил «среднюю норму литературных вкусов и представлений начала XIX в.» [Лотман 2011: 342, 350] и «точно резюмировал» нормы дружеского послания, баллады и других ставших популярными в эту эпоху жанров. Словарь ярко характеризует эстетические принципы Н. Ф. Остолопова, которые, как и его творчество, отличаются переходным характером рубежа веков: воспитанный на классицистических сочинениях, сам Остолопов, как показывают даваемые терминам дефиниции и сопровождающие их литературные примеры, не был чужд новых литературных влияний — веяний и вкусов эпохи

¹ «Л. 6 об.–7. 3 мая (суббота).

Присутствовали: Попугаев В. В., Волков А. Г., Красовский В. И., Иванов П. М., Яковлев А. М., Востоков А. Х; а также вновь принятые члены А. Е. Измайлов и Н. Ф. Остолопов.

Прочитано: 1–4) Остолопов Н. Ф. Пастушок [опубл.: Иппокрена 1801. Ч. 8. С. 399, ЖРС Ч. 2, № 7. С. 147]; две эпитафии; рондо; Зяблик [опубл.: ЖРС Ч. 1, № 4. С. 225–227]; 5) Остолопов Н. Ф. Амалия: роман (возвращен автору для завершения)... <...>. См.: [Протоколы 1801–1802].

² Автор статьи о Н. Ф. Остолопове — Ив. Кубасов [Русский биографический словарь 1902: 425] (см. также: [Русский биографический словарь 1896–1913]).

сентиментализма, предромантизма и романтизма, что также демонстрируют собственные стихотворные, прозаические и драматургические опыты Николая Остолопова.

Среди источников словаря, как это оговаривается в предисловии [Остолопов 1821: ч. 1, 1–2], особое место занимает знаменитая французская «Энциклопедия» Дидро, д'Аламбера и других мыслителей (проект ее перевода обсуждался на заседаниях ВОЛСНХ с участием и Н. Остолопова, судя по протоколам 1806–1810 гг.).

В тексте «Словаря древней и новой поэзии» есть немало отсылок к мнениям известных западноевропейских теоретиков искусства и литературы — Буало, Мармонтеля, Баттё, Бут(т)ервека, Эннекена, Эшенбурга, Лессинга, Мейснера. Поэтические образцы в словаре представлены греческой и римской мифологией, Псалтырью, «Игоревой песнью», античными авторами (Гомер, Эзоп, Анакреон, Сафо, Пиндар, Феокрит, Гесиод, Еврипид, Аристофан, Гораций, Вергилий, Тибулл, Катулл, Овидий, Цицерон, Апулей, Лукиан и др.), новоевропейскими писателями (Тассо, Альгаротти, Паскаль, Лафонтен, Дюло(т), Корнель, Расин, Мильтон, Вольтер, Руссо), стихотворными произведениями русских поэтов XVIII — начала XIX в. (Кантемира, Ломоносова, Третьяковского, Сумарокова, Хераскова, Хемницера, Капниста, Богдановича, В. Майкова, Крылова, Мерзлякова, Хвостова, Шаховского, Шаликова, Воейкова, Дмитриева, Карамзина, В. Пушкина, Гнедича, Востокова, в том числе ранней романтической лирикой Жуковского, Батюшкова, Вяземского и даже только что увидевшей свет поэмой «Руслан и Людмила» начинавшего свой путь в литературу А. Пушкина). Приводимые в вокабулах примеры иногда занимают несколько страниц, если это диктуется целью проиллюстрировать тематические и стилистические особенности жанра. «Большое количество примеров дает повод считать “Словарь” не только справочником теоретического характера, но и хрестоматией. Долгое время им пользовались как учебным пособием», — отмечает С. Ю. Баранов [Баранов 2005: 386]³.

Три тома словаря содержат более полутора тысяч страниц, толкования 424 терминов. Невозможно объять всю эту богатейшую терминологическую палитру из области эстетики, теории словесности, грамматики, поэтики и риторики, поэтому сосредоточимся на области, связанной с элоквенцией — разделом о тропах и фигурах речи, тем более что сам автор пояснял в предисловии: «Необходимым казалось мне поместить в сем Словаре Риторические тропы и фигуры, как украшения, принадлежащие равно и прозе и поэзии. Пусть обвинят меня лучше в излишестве, нежели в недостатке» [Остолопов 1821: ч. 1, 3].

Фигуру Остолопов определяет, скорее, как поэт, а не ученый, и подчеркивает ее особую роль не только в поэзии, но и с точки зрения функционального потенциала общелитературного языка: фигуры «доставляют слогу возвышенность», придают «мысли приятность и украшение» [Остолопов 1821: ч. 3, 446–447].

Предлагая дефиницию тропа, Н. Ф. Остолопов обращает внимание на свойство «несобственное» (как у многих авторов — предшественников и современников),

³ См. также статьи о Н. Ф. Остолопове в изданиях: [Словарь членов Общества любителей российской словесности при Московском Университете 1911: 214], [Остолопов Николай Федорович: 343], [Берков 1929–1939: 346–347].

«переносное», или «обратное», значение — включая, таким образом, термин, в других популярных руководствах начала XIX в. не используемый: «Тропом называется в Риторике употребление слова в переносном, обратном или несобственном значении...» [Остолопов 1821: ч. 3, 433].

В «Словаре русского языка XVIII века» атрибут обратный описывается через синонимы, связанные с идеей противоположности, перевернутости, возврата и взаимной связи предметов: «направленный, ведущий, возвращающийся назад»; «противоположный»; «взаимный»; «перевернутый» [Словарь русского языка XVIII века: 70–71].

Очевидно, Остолопов стремился подчеркнуть наличие тесной ассоциативной связи между понятиями, взаимного частичного отражения свойств предметов при тропообразовании, тем более что этимология слова «троп» связана с идеей верчения, оборота, переворота.

Если сравнить определения, даваемые тропу и фигуре речи Н. Ф. Остолоповым, с приведенными в ломоносовском «Кратком руководстве к красноречию» (1744–1747 гг.), то признак «обращения» приписывается именно фигуре, а «п(е)-ренесения» — тропу: «Великолепием украшается слово чрез пренесение речений или предложений от собственного знаменования к другому, которые (пренесения) у греков называются тропами и разделяются на тропы речений и предложений» [Ломоносов 1952: 237]; «...слово риторическое, хотя будет... украшено великолепно, без пристойного движения речений и предложений живности в нем никакой не будет... Сие движение состоит в обращении речений и предложений... Таковые движения называются фигурами...» [Ломоносов 1952: 238].

Интересно сопоставить применяемую Н. Ф. Остолоповым типологию тропов и фигур с предшествующим и современным словарю контекстом. Поскольку история терминов — наименований фигур речи — на материале восточнославянских риторик XVII столетия уже описывалась, например, в работах В. И. Аннушкина, К. Н. Матвеева, Е. В. Маркасовой и Е. М. Матвеева, а также в словаре «Риторика М. В. Ломоносова» [Аннушкин 2003], то ограничимся приведением перечней риторических приемов в остолоповском словаре, с последующим выявлением отличий этого перечня от ломоносовского руководства к красноречию:

- «тропы речений», согласно Н. Ф. Остолопову: антономазия, катахризис, металипсис, метафора, метонимия, наклонение (полиптотон, традукция), синекдоха;
- «тропы предложений»: эмфазис, парафразис;
- «фигуры речений»: антанаклазис, бессоюзие, восклицание, восхождение (или климакс), единознаменование, единоначатие (или анафора), изображение, многосоюзие, окружение (или эпаналепсис), повторение, прменение, присовокупление, согласование, удержание (или апосиопезис), указание, усугубление;
- «фигуры предложений»: апостроф, возвышение (наращение речи), вопрошение, желание, зяятие (пролиписис, сомнение, противоречие), напряжение, определение, ответствие, поправление, прохождение, расположение, сомнение, сообщение, сравнение, умедление, умолчание, уступление.

Рубрики Остолопова идеально совпадают с выделенными Ломоносовым группами риторических приемов. Наименования отдельных риторических приемов также продолжают начатое «Кратким руководством к риторике»: уже М. В. Ломоносов пытался создать терминологическую систему с опорой прежде всего на «славеноросский» лексический фонд, исключая по возможности латинизмы и редко прибегая к грецизмам: «Ломоносов добился того, что латинский был вытеснен русским: как в обеих версиях его “Риторики”, так и в его грамматике и стилистике» [Лахманн 2001: 157]. Выбрав в качестве основной наиболее авторитетную классификацию М. В. Ломоносова, автор «Словаря древней и новой поэзии» привнес в опорную типологию некоторые изменения. Так, у Остолопова «фигур речений» заметно больше, чем у Ломоносова, но «фигур предложений», напротив, меньше:

- 1) В рубрике «троп и фигура» у Остолопова находим, например, аллегория, антитезис, иронию, в то время как у Ломоносова аллегория и ирония — «тропов предложений», «антитезиса» в классификации нет;
- 2) «ипербола» — «фигура речений и предложений», по Остолопову (у Ломоносова же «ипербола» — троп предложений);
- 3) выделяемые Остолоповым «тропы» евфемизм, метаплазм у Ломоносова отсутствуют;
- 4) к «фигурам» отнесены в «Словаре древней и новой поэзии» аллитерация, олицетворение (у Ломоносова данных рубрик не находим);
- 5) «традукцио», по Ломоносову и Никольскому, это фигура речений; у Остолопова «традукцио» находится в составе «тропов речений» (кажется, ошибочно!);
- 6) «сравнение» (согласно Н. Остолопову, «фигура предложений») также демонстрирует нам заочный спор с Ломоносовым, который относил его к т. н. «местам риторическим», то есть обычным приемам построения речей.

Некоторые риторические термины ныне используются прежде всего в лингвистике (паронимия, парантеза, синонимия, диэреза, катахреза, согласование, определение, парадигма). Отдельные наименования изменили значение и / или форму (*апострофа* (*⁴‘восклицание, обычно с обращением’), *палиндромия*, *перифразис* (*‘украшение простой идеи’), *наклонение* (*‘использование слова в разных падежных формах’), *расположение* (*‘краткая идея сопровождается толкованием’), *указание* (*‘описание в режиме «здесь и сейчас»’), *эмфазис*), большей частью ушли из активного терминологического обихода в области стилистики, поэтики и риторики⁵. Устранились дублирование и омонимичность терминов, порожденные тем, что несколько заимствований получали одинаковый перевод: например, *определение*, *обращение*, *изложение*, *описание* и пр.

⁴ Знак «звездочка» предваряет здесь толкование устаревшего терминологического значения.

⁵ Большинство используемых для именованя фигур Ломоносовым, как показывают материалы словаря «Риторика М. В. Ломоносова», еще представлены, например, в «Общей реторике» Н. Ф. Кошанского (1829 г.).

Имя Н. Ф. Остолопова незаслуженно забыто современной филологической наукой. Стихотворения Остолопова, исключая редкие прижизненные публикации⁶, в небольшом объеме представлены в сборниках «Поэты-радищевцы» [Поэты-радищевцы 1979] и «Поэты 1790–1810-х годов» [Поэты 1790–1810-х годов 1971], вышедших в серии «Библиотека поэта». Иллюстрации из прозы и поэзии Н. Ф. Остолопова включены в отдельные вокабулы подготовленных Н. А. Еськовой в Институте русского языка им. В. В. Виноградова РАН словарных материалов «Нормы русского литературного языка XVIII–XIX веков: Ударение. Грамматические нормы. Варианты слов» [Еськова 2008: 928].

Почему важен и актуален Остолопов? До «Словаря древней и новой поэзии» и параллельно с этим трудом создавались собрания историко-литературного и биографического типа — см. наиболее известные из них: [Новиков 1772], [Карамзин 1801–1802], [Митрополит 1845]. Между тем словарь Остолопова — уже иного типа, вместе теоретико- и историко-литературный, уникальный в своем роде для всего XIX столетия, стал предшественником изданий энциклопедического и терминологического характера, получивших широкую известность в XX в.: например, «Литературной энциклопедии», «Краткой литературной энциклопедии», «Литературного энциклопедического словаря», «Поэтического словаря» А. П. Квятковского и др. Не случайным представляется и тот факт, что первый авторский (или писательский) словарь — «Словарь к стихотворениям Державина» Я. К. Грота 1883 г. — продолжил и развил предпринятый Н. Ф. Остолоповым на полвека ранее один из первых опытов в этом жанре — комментарий «Ключ к сочинениям Державина» (1822 г.). Кроме того, материалы составленного Николаем Остолоповым «Словаря древней и новой поэзии» — важное свидетельство и итог литературных, риторических и языковых споров переходной (предпушкинской) эпохи.

Литература

Аннушкин В. И. Русская риторика: исторический аспект. М.: Высшая школа, 2003. 397 с.

Баранов С. Ю. Остолопов Николай Федорович // Выдающиеся вологжане: биографические очерки. Вологда: ВГПУ, издательство «Русь», 2005. С. 382–386.

Берков П. Остолопов Николай Федорович // Литературная энциклопедия / отв. ред. А. В. Луначарский, В. М. Фриче: в 11 т. М., 1929–1939. Т. 8. М.: Советская энциклопедия, 1934. 736 стб.

Еськова Н. А. Нормы русского литературного языка XVIII–XIX веков: Ударение. Грамматические нормы. Варианты слов. Словарь. Пояснительные статьи. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2008. 960 с.

Карамзин Н. М. Пантеон российских авторов: Ч. 1. Тетради 1–4. М.: В Сенатской типографии у Селивановского, 1801–1802. 96 с.

Лахманн Р. Демонтаж красноречия: риторическая традиция и понятие поэтического. СПб.: Академический проект, 2001. 368 с.

⁶ Стихотворные произведения: [Остолопов 1816], [Остолопов 1827]; проза: [Остолопов 1803]; один из первых русских литературных комментариев: [Остолопов 1822].

Лемешев К. Н. Наименования фигур предложения в Риторике М. В. Ломоносова // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований, 2014. Т. X. № 1. С. 629–663.

Ломоносов М. В. Краткое руководство к красноречию. ПСС. М.; Л.: АН СССР, 1952. Т. 7. С. 89–318.

Лотман Ю. М. Поэзия 1790–1810-х годов // Лотман Ю. М. О поэтах и поэзии. С.-Петербург: «Искусство-СПб», 2011. С. 321–371.

Маркасова Е. В. Представления о фигурах речи в русских риториках XVII — начала XVIII века. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2002. 204 с.

Матвеев Е. М. Наименования тропов и фигур речи в русских риториках: М. В. Ломоносов и его предшественники // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований, 2020. Т. XVI. № 2. С. 565–581.

Митрополит Киевский и Галицкий Евгений [Болховитинов Евфимий Алексеевич]. Словарь русских светских писателей, соотечественников и чужестранцев, писавших в России: в 2 т. Москва: В Университетской Типографии, 1845. Т. 1. От А до К. 328 с. Т. 2. От Л до Ф. 290 с.

Новиков Н. И. Опыт исторического словаря о российских писателях. Санкт-Петербург: Типография Академии наук, 1772. 128 с.

Остолопов Н. Ф. Апологические стихотворения. С присовокуплением его же сочинения поэмы: Привидение. Санкт-Петербург: В Тип. Департамента Народного просвещения, 1827. 63 с.

Остолопов Н. Ф. Евгения, или Нынешнее воспитание: Повесть. Санкт-Петербург: При Губернском правлении, 1803. 76 с.

Остолопов Н. Ф. Ключ к сочинениям Державина: С кратким описанием жизни сего знаменитого поэта. Санкт-Петербург: В типографии Ив. Глазунова, 1822. 95 с.

Остолопов Н. Ф. Прежние досуги, или Опыты в некоторых родах стихотворства. Москва: В Университетской типографии: У книгопродавца А. С. Ширяева, 1816. 139 с.

Остолопов Н. Ф. Словарь древней и новой поэзии, составленный Николаем Остолоповым, действительным и почетным членом разных ученых обществ: в 3 ч. Санкт-Петербург: В типографии Императорской Российской Академии, 1821. Ч. 1. 531 с.; Ч. 2. 488 с.; Ч. 3. 500 с.

Остолопов Николай Федорович // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. Т. XXII (43). СПб.: Семеновская Типолитография, 1897. С. 343.

Поэты-радищевцы / вступ. ст., биографич. справки, сост. и подгот. текста П. А. Орлова, примеч. П. А. Орлова и Г. А. Лихоткина. Л.: Сов. писатель, 1979. 588 с.

Поэты 1790–1810-х годов / вступ. ст. и сост. Ю. М. Лотмана, подготовка текста М. Г. Альтшуллера, вступ. заметки, биографич. справки и примеч. М. Г. Альтшуллера и Ю. М. Лотмана. Л.: Сов. писатель, 1971. 911 с.

Протоколы заседаний ВОЛСНХ за 1801–1802 гг. (Отдел рукописей РНБ). URL: <https://web.archive.org/web/20080831085859/http://www.lib.pu.ru/rus/Volsnx/prot/prot02.html> (дата обращения: 16.01.2023).

Русский биографический словарь: Обезьянинов — Очкин / Изд. под наблюдением председателя Императорского Русского Исторического Общества А. А. Половцова. Санкт-Петербург: тип. Гл. упр. уделов, 1902 [2]. Т. 12. 480 с.

Русский биографический словарь / изд. под наблюдением пред. Имп. Рус. ист. о-ва А. А. Половцова. 1896–1913. URL: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01002921635?page=426&rotate=0&theme=white> (дата обращения: 16.01.2023).

Словарь «Риторика М. В. Ломоносова. Тропы и фигуры» // Риторика М. В. Ломоносова / науч. ред. П. Е. Бухаркин, С. С. Волков, Е. М. Матвеев. СПб.: Нестор-История, 2017. С. 9–522.

Словарь русского языка XVIII века / гл. ред. Ю. С. Сорокин. СПб.: Наука, 2006. Вып. 16. 278 с.

Словарь членов Общества любителей российской словесности при Московском Университете, 1811–1911. Москва: Печатня А. Снегиревой, 1911. 342 с.

*N. V. Patroeva
Petrozavodsk State University
(Russia, Petrozavodsk)
nvpatr@list.ru*

“DICTIONARY OF ANCIENT AND NEW POETRY” BY N. F. OSTOLOPOV AND THE RUSSIAN RHETORICAL TRADITION

Dictionary of ancient and new poetry by N. F. Ostolopov is the first in Russia dictionary of the theoretical and historical-literary type, unique for the 19th century, it became the forerunner of the encyclopedic and terminological publications of the 20th century. The article contains an interpretation of the rhetorical section of the Dictionary of Ancient and Modern Poetry, created by Nikolai Fedorovich Ostolopov.

N. F. Ostolopov worked on the dictionary from 1806 to 1821 on the instruction of the St. Petersburg “Free Society of Lovers of Literature, Sciences and Arts”. Three volumes of N. F. Ostolopov’s dictionary include more than one and a half thousand pages with interpretations of 424 terms. Among the main sources of the dictionary is the French Encyclopedia. The examples given in the vocabularies sometimes take up several pages, if it is dictated by the purpose of illustrating the thematic and stylistic features of the genre.

Terms from the field of eloquence demonstrate N. F. Ostolopov’s commitment to the rhetorical theory of M. V. Lomonosov — his “Short Guide to Eloquence” (1747). However, N. F. Ostolopov creatively reworks the achievements of his predecessors and offers his own typology of tropes and figures of speech. When classifying rhetorical devices, Ostolopov was guided by the already quite rich rhetorical tradition, choosing, probably, the most authoritative classification of M. V. Lomonosov, but at the same time, the author of the dictionary introduced some changes to the reference typology which illustrate his dispute in absentia with Lomonosov.

The materials of the Dictionary of Ancient and Modern Poetry compiled by Nikolai Ostolopov are an important evidence and result of the literary, rhetorical and linguistic disputes of the Pushkin era.

Key words: rhetorical device, history of rhetoric in Russia, history of Russian literature, theory and practice of eloquence, classification of tropes and figures, literary dictionary.

References

Annushkin V. I. *Russkaya ritorika: istoricheskii aspekt* [Russian rhetoric: historical aspect]. Moscow, Vysshaya Shkola Publ., 2003. 397 p.

Baranov S. Yu. [Ostolopov Nikolai Fedorovich]. *Vydayushchiesya vologzhane: biograficheskie ocherki* [Outstanding Vologda residents: biographical essays.]. Vologda: VGPU, Rus' Publ., 2005, pp. 382–386. (In Russ.)

Berkov P. [Ostolopov Nikolai Fedorovich]. *Literaturnaya entsiklopediya: v 11 t.* [Literary encyclopedia: In 11 vols.]. A. V. Lunacharskii, V. M. Friche (eds.). Vol. 8. Moscow, Sovetskaya Entsiklopediya Publ., 1934, 736 column. (In Russ.)

Dictionary “Rhetoric of M. V. Lomonosov. Tropes and figures”. *Ritorika M. V. Lomonosova* [Rhetoric of M. V. Lomonosov]. P. E. Bukharkin, S. S. Volkov, E. M. Matveev (eds.). St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2017, pp. 9–522.

Es'kova N. A. *Normy russkogo literaturnogo yazyka XVIII–XIX vekov: Udarenie. Grammaticheskie normy. Varianty slov. Slovar'. Poyasnitel'nye stat'i.* [Norms of the Russian literary language of the XVIII–XIX centuries: Stress. Grammar rules. Word variants. Vocabulary. Explanatory articles.]. Moscow, Rukopisnye Pamyatniki Drevnei Rusi Publ., 2008. 960 p.

Karamzin N. M. *Panteon rossiyskikh avtorov* [Pantheon of Russian authors]. Moscow, V Senatskoy tipografii u Selivanovskogo, 1801–1802. 96 p.

Lakhmann R. *Demontazh krasnorechiya: ritoricheskaya traditsiya i ponyatie poeticheskogo* [Dismantling eloquence: Rhetorical tradition and the concept of the poetic]. St. Petersburg, Akademicheskii Proekt Publ., 2001. 368 p.

Lemeshev K. N. [Names of sentence figures in the Rhetoric of M. V. Lomonosov]. *Acta Linguistica Petropolitana*, 2014, vol. X, no. 1, pp. 629–663. (In Russ.)

Lomonosov M. V. [Brief guide to eloquence]. Lomonosov M. V. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete works], vol. 7. Moscow-Leningrad, The Academy of the Sciences of the USSR Publ., 1952, pp. 89–318. (In Russ.)

Lotman Yu. M. [Poetry of the 1790–1810s]. Lotman Yu. M. *O poehtakh i poehzii* [About poets and poetry]. St. Petersburg, Iskusstvo-SPb Publ., 2011, pp. 321–371. (In Russ.)

Markasova E. V. *Predstavleniya o figurakh rechi v russkikh ritorikakh XVII — nachala XVIII veka* [Ideas about figures of speech in Russian rhetorics of the 17th — early 18th centuries]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2002. 204 p.

Matveev E. M. Names of tropes and figures of speech in Russian rhetoric: M. V. Lomonosov and his predecessors. *Acta Linguistica Petropolitana*, 2020, vol. XVI, no. 2, pp. 565–581. (In Russ.)

Mitropolit Kievskii i Galitskii Evgenii [Bolkhovitinov Evfimii Alekseevich]. *Slovar' russkikh svetskikh pisatelei, sootchestvennikov i chuzhestrantsev, pisavshikh v Rossii:*

в 2 т. [Dictionary of Russian secular writers, compatriots and foreigners who wrote in Russia: In 2 volumes]. Moscow, V Universitetskoi Tipografii, 1845. 290 p.

Novikov N. I. *Opyt istoricheskogo slovarya o rossiyskikh pisatelyakh* [Experience of the historical dictionary about Russian writers]. St. Petersburg, Tipografiya Akademii nauk, 1772. 128 p.

Ostolopov N. F. *Apologicheskie stikhotvoreniya. S prisovokupleniem ego zhe sochineniya poemy: Prividenie*. [Apology poems. With the addition of his own composition of the poem: Ghost]. St. Petersburg, V Tip. Departamenta Narodnogo prosveshcheniya, 1827. 63 p.

Ostolopov N. F. *Evgeniya, ili Nyneshnee vospitanie: Povest'* [Evgenia, or Current education: A tale]. St. Petersburg, Pri Gubernskom pravlenii Publ., 1803. 76 p.

Ostolopov N. F. *Klyuch k sochineniyam Derzhavina: S kratkim opisaniem zhizni sego znamenitogo poeta* [Key to Derzhavin's works: With a brief description of the life of this famous poet]. St. Petersburg, V tipografii Iv. Glazunova, 1822. 95 p.

Ostolopov N. F. *Prezhnie dosugi, ili Opyty v nekotorykh rodakh stikhotvorstva* [Former leisure, or Experiences in some kinds of poetry]. Moscow, V Universitetskoi tipografii, 1816. 139 p.

Ostolopov N. F. *Slovar' drevnei i novoi poehzii, sostavlennyi Nikolaem Ostolopovym, deistvitel'nym i pochetnym chlenom raznykh uchenykh obshchestv* [Dictionary of ancient and new poetry, compiled by Nikolai Ostolopov, a full and honorary member of various learned societies]. St. Petersburg, V tipografii Imperatorskoi Rossiiskoi Akademii, 1821, vol. 1. 531 p.; vol. 2. 488 p.; vol. 3. 500 p.

[Ostolopov Nikolai Fedorovich]. *Entsiklopedicheskii slovar' Brokgauza i Efrona: v 86 t.* [Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary]. Vol. XXII. St. Petersburg, Semenovskaya Tipolitografiya, 1897, p. 343.

Poety-radishchevtsy [Radishchev poets]. Orlov P. A. (ed.). Leningrad, Sovetskii Pisatel' Publ., 1979. 588 p.

Poety 1790–1810-kh godov [Poets of 1790–1810s]. Lotman M. Yu. (ed.). Leningrad, Sovetskii Pisatel' Publ., 1971. 911 p.

Protokoly zasedanii VOLSNIKh za 1801-1802 gg. [Minutes of the meetings of the VOLSNIKh for 1801–1802.]. Available at: <https://web.archive.org/web/20080831085859/http://www.lib.ru/rus/Volsnx/prot/prot02.html> (Accessed: 16.01.2023).

Russkii biograficheskii slovar': Obez'yaninov — Ochkin [Russian biographical dictionary: Obez'yaninov — Ochkin]. St. Petersburg, tip. Gl. upr. udelov, 1902. 480 p.

Russkii biograficheskii slovar' [Russian biographical dictionary]. Available at: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01002921635?page=426&rotate=0&theme=white> (Accessed: 16.01.2023).

Slovar' chlenov Obshchestva lyubitelei rossiiskoi slovesnosti pri Moskovskom Universitete, 1811–1911 [Dictionary of members of the Society of Lovers of Russian Literature at Moscow University, 1811–1911]. Moscow, Pechatnya A. Snegirevoi Publ., 1911. 342 p.

Slovar' russkogo yazyka XVIII veka [Dictionary of the Russian language of the XVIII century]. Sorokin Yu. S. (ed.) St. Petersburg, Nauka Publ., 2006. 278 p.

II. НОВЫЕ ПРОЕКТЫ АВТОРСКИХ СЛОВАРЕЙ

А. А. Кретов¹, С. А. Чуриков²

Воронежский государственный университет

(Россия, Воронеж)

kreto@rgph.vsu.ru¹

churikovsa@yandex.ru²

ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ В «СЛОВАРЕ ПОЭЗИИ А. В. КОЛЬЦОВА»

В статье излагается новая концепция «Словаря поэзии А. В. Кольцова», который будет представлять собой своеобразный сплав традиционности и инновационности. Этот сплав обнаруживается в различных аспектах создания словаря: корпусе источников, основополагающих принципах, макроструктуре и микроструктуре. К принципам, лежащим в основе предлагаемой концепции, относятся: 1) принцип полноты; 2) функционально-содержательный принцип; 3) принцип единства количественных и качественных параметров; 4) эстетический принцип; 5) принцип реконструкции художественного мировидения А. В. Кольцова; 6) принцип (максимально возможной) реконструкции идиолекта А. В. Кольцова. Макроструктура словаря вполне традиционна и включает в себя семь разделов: 1) Введение; 2) Источники; 3) Список сокращений; 4) Азбука; 5) Словарные статьи; 6) Приложения; 7) Оглавление. Словарная статья включает 11 зон: 1) лемма; 2) фонетическая информация; 3) статистическая информация; 4) грамматическая характеристика; 5) стилистическая характеристика; 6) описание значений; 7) контексты; 8) сочетаемость; 9) слова-спутники; 10) фразеология; 11) составные номинации. Лексикографические инновации оказались сконцентрированы в основном в зонах 6, 7, 9 и 11. Примером инновации может служить фиксация в словарной статье слов-спутников — лексических единиц, семантически связанных с описываемым словом, но не имеющих с ним синтаксической связи и неслучайно представленных в том же или в соседнем предложении. Таким образом, составители словаря предприняли попытку, опираясь на традиции отечественной общей и авторской лексикографии, создать во многом инновационную словарную концепцию, соответствующую современному уровню развития филологической науки.

Ключевые слова: авторская лексикография, поэзия А. В. Кольцова, толковые словари, поэтический язык, художественное мировидение.

Попытки создания «Словаря поэзии А. В. Кольцова» (далее — СПОК) предпринимались более 60 лет, однако эта работа до сих пор не была доведена до конца (см. [Кавецкая 1971; Кретов 2009; Чуриков 2008]). Авторы настоящей статьи создали новую концепцию СПОКа, который будет представлять собой своеобразный сплав традиционности и инновационности.

Этот сплав обнаруживается в различных аспектах создания Словаря.

Обратимся к спискам источников словаря, которые делятся на две группы: а) список использованных изданий текстов А. В. Кольцова; б) список использованных словарей.

Первый из этих списков включает два наиболее авторитетных издания, которыми пользовались и наши предшественники, работавшие над кольцовским словарем под руководством Р. К. Кавецкой: [Кольцов 1911] и [Кольцов 1958].

Однако в ходе работы с текстами поэта авторы пришли к выводу о необходимости пополнения канонического корпуса стихотворений А. В. Кольцова тремя поэтическими произведениями, содержащимися в письме поэта издателю А. А. Краевскому (1837 г.). Одно из этих произведений представлено в указанном эпистолярном тексте в стандартной стиховой форме, а два других имеют прозаическое оформление. Авторы предложили реконструкцию этих двух стихотворений, базирующуюся на принципе минимального вмешательства в содержание при графическом упорядочивании формы [Кретов, Чуриков 2021].

Список использованных словарей включает не только авторские и толковые словари, но также диалектные, этимологические, культурологические и энциклопедические словари (например, [Славянские древности 1995–2012], [Мифы народов мира 1980–1982] и др.).

Сплав традиционности и инновационности находит отражение и в принципах, лежащих в основании концепции СПОКа.

1. **Принцип полноты**, предполагающий включение в словарь всех слов, представленных в кольцовских стихотворениях, и отражение в словарной статье всех случаев употребления описываемого слова. Первая часть представленной формулировки вполне традиционная для отечественной писательской лексикографии: на полный охват лексического материала, как известно, ориентированы такие классические русские авторские словари, как [Словарь языка Пушкина] и [Словарь автобиографической трилогии М. Горького]. Вторая же часть формулировки принципа полноты менее тривиальна и сближает СПОК с конкордансом. Кроме того, следует отметить, что мы включаем в наш словарь нулевые лексемы (об этом речь пойдет ниже).

2. **Эстетический принцип**, предполагающий максимальное внимание к тропам и фигурам поэтической речи. Следствием его является стремление авторов представить *в явном виде* все обнаруженные тропы и фигуры. Как известно, в истории русской авторской лексикографии были словари, ориентированные на описание авторских тропов и фигур (например, [Словарь автобиографической трилогии М. Горького] и др.). Однако подход к представлению соответствующего материала существенно отличает СПОК от других поэтических словарей.

Приведем соответствующие примеры:

- **ЧЕЛОВЕК (источник) => РЕКА (аттрактор) [метаф.]:** *Я из поля в лес дремучий: Леший по лесу шумит; Про любовь свою к русалке С быстрой речкой говорит* (Бегство)
- **ТУЧА (источник) => КРУЧИНА (аттрактор) [сравн.]:** *Кручину, что тучу, Не уносит ветром.* (Вторая песня Лихача Кудрявича)
- **ГРУДЬ (источник) => СЕРДЦЕ (аттрактор) [метонимия]:** *На что вы, чувства пылкие, Волнуетесь в груди?* (Песня, «На что ты, сердце нежное...»)
- **ГРУДЬ (часть) => ЧЕЛОВЕК (целое) [синекдоха]:** *Красна ж девица не знает, По ком грудь моя вздыхает* (Терем)

3. **Принцип (максимально возможной) реконструкции идиолекта А. В. Кольцова**, который предполагает пристальное внимание ко всем индивидуальным особенностям его словоупотребления. Например, яркой особенностью языка воронежского поэта является использование им областной частицы *альни* ‘аж, (так что)’: *Альни пот с лица посыплется, Альни в грудь душа затукает* (Деревенская беда). В некоторых изданиях стихотворений А. В. Кольцова излишне самоуверенные (или этимологически ориентированные?) редакторы ошибочно разделяют это слово на две части: *аль ни*. Этот принцип также не нов для русской авторской лексикографии (см., например, [Словарь языка Ф. М. Достоевского] и др.).

4. **Единство количественных и качественных параметров слова:** указывается не только частота леммы, но и частоты значений (ЛСВ) и фразеосочетаний. Этот принцип объединяет СПОК всего с несколькими авторскими словарями ([Словарь языка Пушкина], [Словарь языка Шевченко]). Например:

УБИТЬ (2), глаг., сов.в., перех.

1. (1) Лишить жизни.

[я, молодец] *Оберу купца, Убыю барина, Мужсика-глупца За железный грош!* (Удалец)

2. (1) *Перен.* Напрасно потратить что-л. на что-л.

Убил я [лирический герой] *жизнь, искавши счастья, Сгубил себя — а счастья нет* (Бедный призрак)

5. **Функционально-содержательный принцип**, предполагающий предпочтение содержательных решений формальным. Следствия этого принципа оказываются нетривиальными для авторских (и не только) словарей:

1) местоимения, замещающие полнозначные слова, интерпретируются в словарных статьях замещаемых слов:

Какая ж тайна в диком лесе Так безотчетно нас влечет, В забвенью погружает душу И мысли новые рождает в ней [душе]?.. (Лес, дума);

2) частота употреблений слов и значений учитывает и местоименно представленные употребления;

- 3) употребления слова делятся на *собственные*, *несобственные* (местоименные; см. выше) и *неявные* (представленные лексико-синтаксической сочетаемостью при отсутствии самой лексемы). Приведем примеры контекстов последнего типа для глагола *сохранить*:

Сохранил в душе желанья, В теле — **[сохранил]** силу, в сердце — **[сохранил]** жар! (Последняя борьба).

6. **Принцип реконструкции художественного мировидения А. В. Кольцова** существенно отличает СПОК от других авторских словарей. Этот принцип имеет своими следствиями пристальное внимание: 1) к семиотике слов и 2) к их криптиклассным характеристикам (подробнее см. [Кретов 1992; Борискина, Кретов 2003; Борискина 2011]). Семиотика слов в поэзии А. В. Кольцова, проявляющаяся в их сочетаемости, дефинируется в составе оборотов «мыслимое как...», «символ чего-л.»:

СВЕТ — свойство солнца, огня и т. п. рассеивать тьму, делая мир видимым, зримым, **мыслимое как проявление святости, истины, блага, добра**.

КУДРИ — вьющиеся или завитые волосы — **символ радости, хорошей жизни и удачи, свойственных молодости** (ср. у В. И. Даля: *от радости кудри вьются, в печали секутся; в добром житье кудри вьются, в плохом/худом секутся; кудри вились, да долой свалились*), и мыслимый как обладающий магической силой.

Макроструктура СПОКа вполне традиционна и включает в себя следующие разделы: 1) Введение; 2) Источники; 3) Список сокращений; 4) Азбука; 5) Словарные статьи; 6) Приложения; 7) Оглавление.

Отметим, что раздел «**Приложения**» включает в себя два подраздела:

- 1) «Имена собственные» (как известно, вынесение имен собственных в отдельное приложение принято во многих авторских словарях), в котором собраны, распределены по типам и описаны все онимы, встречающиеся в стихотворениях А. В. Кольцова. Например:

МИКОЛА (1), *суц.* Южнорусское название самого почитаемого на Руси святого — Николая Чудотворца / Угодника, считавшегося, в частности, покровителем земледелия.

А там Бог уродит, Микола подсобит Собрать хлебец с поля (Размышления поселянина);

- 2) Подраздел «Составные номинации» базируется на результатах исследования [Кретов 2015]. В этом приложении собраны характерные для поэзии А. В. Кольцова сложные наименования (такие, как *ветер-холод*, *степь-трава* и т. д.). Например:

ВЕТЕР-ХОЛОД (*нар.-поэт.*) — холодный ветер.

Распахнет она [буря] Тучу черную, Обоймет тебя Ветром-холодом (Лес, посвящено памяти А. С. Пушкина).

Заметим, что специальное приложение, посвященное составным номинациям, было уже в работе [Кавецкая, Кретов 1996: 116–118].

Словарная статья СПОКа включает следующие разделы: 1) лемма; 2) фонетическая информация; 3) статистическая информация; 4) грамматическая характеристика; 5) стилистическая характеристика; 6) описание значений; 7) контексты; 8) сочетаемость; 9) слова-спутники; 10) фразеология; 11) составные номинации.

Наполнение некоторых из перечисленных зон вполне традиционно. Так, в зоне стилистической информации читатель встретит следующие стандартные пометы: *высок.* — высокое; *нар.-поэт.* — народно-поэтическое; *поэт.* — поэтическое; *обл.* — областное.

Лексикографические инновации оказались сконцентрированы в основном в разделах 6, 7, 9 и 11 (о составных номинациях см. выше).

Обратимся к **зоне 6 «описание значений»** и подробно остановимся на двух аспектах: порядке подачи значений и принципах дефинирования.

В СПОКе принят следующий **порядок подачи значений**: 1) от простого к сложному; 2) от прямого к переносному; 3) от частого к редкому. Последовательность значима: указывает на порядок учета свойств значений ЛСВ. Например:

ЗЕМЛЯ, *сущ.*

1. Одна из четырех первостихий: твердая плодородная среда обитания растений, мыслимая как мать-кормилица.
2. Поверхность, на которой мы стоим, по которой движемся.
3. Территория, границы которой определяются наличием какого-л. признака.
4. Место жизни и деятельности людей (противопоставленное Небу как профанный Средний мир сакральному Верхнему).
5. Планета.

При этом авторы руководствуются следующими **принципами дефинирования**:

- 1) Принцип раскрытия внутренней формы (или обращенный «принцип Винокура» [Кретов 2016]). Например:

ПЛАМЕННЫЙ — подобный **пламени**, страстный (о чувствах).

*Он страстью **пламенной** сгорает, А дева милая не знает* (Соловей)

ОГНИСТЫЙ — цвета **огня** (оранжево-красный).

*С другим она... и я с тоскою Встречаю дня **огнистый** свет* («Не мне внимать напев волшебный...»).

Этот принцип не обратим: производное толкуется с помощью производящего, но не наоборот.

- 2) Принцип согласования дефиниции с контекстами. Например:

ТРАВА — растения с зелёным и мягким стеблем, образующие растительный покров земли — корм травоядных.

*В широких степях Дона тихова Зелена **трава** Давно скошена (Грусть де-вушки); Не весна тогда Жизнью веяла, Не **трава** в полях Зеленелася (Русская песня, «Не весна тогда...»); По ночам роса Где падала, Поутру **трава** Там сохнула (Русская песня «Греет солнышко...»); Не расти **траве** После осени; Не цвести цветам Зимой по снегу! (Русская песня, «Ах, зачем меня...»); О, пой, косарь! зови певицу, Подругу, красную девицу, Пока ещё, шумя косой, Не тронул ты **травы** степной! (Цветок); Мне [косарю] давно гулять По **траве** степной Вдоль и поперек С ней хотелось... (Косарь).*

- 3) Принцип минимальной достаточности. Например:

БЕРЕГ — смежная с водою полоса земли.

ЛЕС — большое пространство, покрытое множеством деревьев, растущих вместе.

- 4) Принцип демонстрации эпидигмосем — при полисемии (подробнее см. [Кретов 1993]).

ПЛАМЕНЕТЬ.

1. Выделяться цветом подобно **пламени**.

*Скажи: зачем ты [цветок] так алеешь, Росой заискрясь, **пламенеешь** (Цветок)*

2. Испытывать **пламенные** чувства.

*Ах! для чего мне **пламенеть** Любовью сердца безнадежной? (К Н...).*

- 5) Принцип комплексности дефиниций (отражение денотативных, коннотативных и символических сем). Например:

КРОВЬ — красная теплая жидкость, своим движением поддерживающая жизнь и **мыслимая как вместилище/горючий носитель страстей**.

- 6) Принцип различения (и разнесения) лексических и грамматических значений.

ПИТЬ, глаг.

1. *Перех.* Глотать жидкость.

*Все соседи за них Хлеб везут, продают, Собирают казну — Бражку ковшиком **пьют**. («Что ты спишь, мужичок?...»)*

2. *Неперех.* (абсолютивное употребление) Проводить время в питье спиртных напитков.

*Гости **пьют** и едят, Речи гуторят (Сельская пирушка)*

3. *Перех.* Вбирать в себя влагу (о растениях).

*Цветы нестреются, цветут, Льют ароматы по долине И влагу рос прохладных **пьют** (Утешение)*

4. *Перех.* Вбирать в себя чувства, впечатления (о человеке).

*Я [лирический герой] был у ней; я с уст прелестной Счастливое забвеньё **пил** (Я был у ней).*

Следующим важным для нашей темы разделом словарной статьи является зона 7 «**контексты**». Под контекстом мы понимаем окружение данного слова, достаточное для его адекватной семантической интерпретации. Характеризуя эту зону, следует подробно остановиться на пяти аспектах: полноте материала; принципе работы с контекстами; принципах дискретизации множества контекстов; порядке подачи примеров употребления и порядке подачи тропов.

Ключевой установкой составителей словаря является установка на **полноту материала**: в словарной статье приводятся все случаи употребления описываемой лексической единицы (включая несобственные и неявные).

При этом авторы руководствуются следующим **принципом работы с контекстами**: при употреблении слова в разных формах и значениях широкий контекст воспроизводится столько раз, сколько в нем представлена описываемая единица. Например, следующие строки из кольцовской песни «Если встречу с тобой...» приводятся в словарной статье слова **жизнь** трижды: *Дева — радость души, Это жизнь — мы живём! Не хочу я другой Жизни в жизни моей!*

Важное значение для составителей словаря имеют следующие **принципы дискретизации множества контекстов** как способы дискретизации семантики слова:

1) Обязательная материальная выраженность семантических различий слов в контексте.

В тех случаях, когда этого нет, констатируется позиция семантической нейтрализации и контекст приписывается сразу двум значениям. По Э. Бенвенисту [Бенвенист 1995], развитие многозначности проходит через стадию неоднозначности (неоднозначных контекстов). Например:

1/2. Место погребения / Смерть.

*Чиста моя вера, Как пламя молитвы! Но, Боже, и вере **Могила** темна!* (Молитва, дума)

2) Метафора, связанная с семантической транспозицией слова. В метафоре последовательно различаются сфера-источник (откуда берется модель) и сфера-аттрактор (к чему модель применяется).

3) Метонимия, связанная с различной референтностью слова. В метонимии также различаются источник и аттрактор.

Упорядочивание примеров употребления слов внутри словарной статьи авторы проводят следующим образом: 1) от прямых к переносным (тропеическим); 2) от собственных к несобственным и неявным.

Порядок подачи тропеических употреблений, в свою очередь, организован по следующему принципу: 1) от классификатора к классифицируемому; 2) от центростремительных к центробежным; 3) неживое — растение — животное — человек — ментефакт; 4) метафора — сравнение — метонимия — синекдоха.

Приведём в качестве примера фрагмент словарной статьи слова **сердце**:

● **МЕТАЛЛ (Источник) => СЕРДЦЕ (Аттрактор) [метаф.]**: *Подобных Маше очень мало И в мире равных не бывало: Лицо, движенья, речь и взгляд Стальное сердце распалят* (К М...).

● **РАСТЕНИЕ (Источник) => СЕРДЦЕ (Аттрактор) [метаф.]**: *Я вяну повсечасно И сердцем и душой!* (Тоска о милой).

● **ЧЕЛОВЕК (Источник) => СЕРДЦЕ (Аттрактор) [метаф.]**: *На что ты, сердце нежное, Любовью горюшь?* (Песня, «На что ты, сердце нежное...»).

● **СЕРДЦЕ (Источник) => ДУША (Аттрактор) [метонимия]**: *Недаром же конь мой Споткнулся не раз, Недаром же сердце Вещало печаль!..* (На отъезд Д. А. Кашкина в Одессу); *Тяжелей горы, Темней полночи Легла на сердце Дума чёрная!* (Не шуми ты, рожь).

● **(холодные) СЕРДЦА (часть) => ЛЮДИ (с холодными сердцами) (целое) [синекдоха]**: *Когда сердца холодные Смеются, други, вам* (Песня, «На что ты, сердце нежное...»).

В случае неочевидности одного из звеньев тропов используется вопросительный знак в скобках, означающий некатегоричность предлагаемой интерпретации и трактовку ее авторами как одной из возможных:

● **СЕРДЦЕ (Источник) => ДУША (Источник/Аттрактор) (?) => ЧЕЛОВЕК (Аттрактор) [метонимия]**: *Пришла пора, узнал и я Совсем не то, что прежде снилось, Чем сердце юное пленилось, О чем так сладко думал я...* (Разуверение).

Контексты могут сопровождаться **комментариями** и **трансформациями**. Комментарий содержит интерпретацию контекста, предлагаемую составителями. Например:

О, пой, косарь! зови певичу, Подругу, красную девицу, Пока ещё, шумя косой, Не тронул ты травы степной! (Цветок). **Комментарий**: Данный контекст указывает на существование в Воронежском крае традиции предпокосного пения, направленного на сохранение жизненной силы и целебных свойств травы. «В слав. традиции пение и поющий голос наделялись магической силой. <...> энергетическая ценность поющего голоса ассоциировалась с жизненной силой, потому пение расценивалось как способ передать объекту эту жизненную силу. На Витебщине при сборе лекарственных трав в купальскую ночь женщины должны были петь, ибо в противном случае травы не имели бы целебной и магической силы» [Славянские древности, т. 3: 663].

К **комментариям** близки **трансформации**, отражающие поэтическую сверхгибкость синтаксиса, отмеченную Н. В. Павлович [Павлович 1999]. Например:

Трансформация: *И юным пламенем вся кровь Зажглась* (Ровеснику) <=> *пламенем зажглась юная кровь <=> *кровь юноши зажглась пламенем (страстей / любви).

Еще одним важным компонентом словарной статьи является зона **слов-спутников**. Слова-спутники — это лексические единицы, семантически связанные с описываемым словом, **не имеющие с ним синтаксической связи и неслучайно** представленные в том же или в соседнем предложении. Такие лексические единицы перечисляются в алфавитном порядке после соответствующей пометы. Если материал позволяет, то они могут быть разделены на две группы: 1) связанные по принципу подобия / смежности (помета — *подоб.*); 2) связанные по принципу противоположности (помета — *противоп.*).

Приведем в качестве примера соответствующий фрагмент словарной статьи **печаль**:

Слова-спутники. Подоб.: беда, горе, грусть, слёзы, тоска, скука, стенанье <=> **Противоп.:** веселье, восторг, радость, улыбка, умиление.

*Давайте веселья! Давайте **печаль**! Давно их не манит Волшебница даль (Поминки); Мятежный мир в мечтах сокроют, С **печалью** радость соединят Коснется ль грусть — на душу снидет Всесильной жизни благодать! («Не разливай волшебных звуков!..»); Порою он приводит в умиление, порою в восторг и иступление, Порою в горькую **печаль**... И мне ее, погибшую, все жаль! (Звезда); От дружка дары Принесу с собой: На лице — **печаль**, На душе — тоску (Русская песня, «Ах, зачем меня...»); Как будто я, недобрый гость, Пришел богатство их присвоить; **Печалью** радость отравить, Свое им горе навязать (Бедный призрак); И кто с улыбкой мне отрадной От сердца руку нежно жал? Со мной кто радостью желанной Делил веселье и **печаль**? Никто! (Элегия); Болит моя головушка, Щемит в груди ретивое, **Печаль** моя всесветная, Пришла беда незваная; Как с плеч свалить не знаю сам (Пора любви); О чём бессменная **печаль** И частые стенанья? (Ровеснику); Да румянец лица **Печаль** рано сожгла, Да морщины на нем Ядом слез провела (Расчёт с жизнью).*

Наконец, нужно отметить, что предполагается создание как бумажной, так и электронной версии СПОКа. Последняя может стать частью более масштабного электронного ресурса (с рабочим названием «Цифровой Кольцов»).

Таким образом, в СПОКе предпринята попытка, опираясь на традиции отечественной общей и авторской лексикографии, создать во многом инновационную словарную концепцию, соответствующую современному уровню развития филологической науки.

Литература

Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. М.: Прогресс-Универс, 1995. 456 с.

Борискина О. О. Криптоклассы английского языка. Воронеж: Истоки, 2011. 333 с.

Борискина О. О., Кретов А. А. Теория языковой категоризации: национальное языковое сознание сквозь призму криптокласса. Воронеж: ВГУ, 2003. 211 с.

Кавецкая Р. К. О работе над словарем языка поэзии А. В. Кольцова // Филологические записки. Серия литературы и фольклора. Вып. 1. Воронеж: ВГУ, 1971. С. 208–213.

Кавецкая Р. К., Кретов А. А. Обратный частотный словарь поэтических произведений А. В. Кольцова. Воронеж: ВГУ, 1996. 159 с.

Кольцов А. В. Полное собрание сочинений А. В. Кольцова. СПб., 1911. 471 с.

Кольцов А. В. Полное собрание стихотворений. Л.: Советский писатель, 1958. 311 с.

Кольцов А. В.: Указатель слов и форм слов в поэтических произведениях / Под ред. Р. К. Кавецкой. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1991. 181 с.

Кретов А. А. Комплексная методика компонентного анализа ЛСВ // Матеріали міжнародної наукової конференції «Семантика мови і тексту» 13–15 жовтня 1993 року. Частина 1. Івано-Франківськ, 1993. С. 151–152.

Кретов А. А. Концепция словаря поэзии А. В. Кольцова // Филологические записки. Вып. 28–29. Воронеж, 2009. С. 83–104.

Кретов А. А. О так называемом «критерии Г. О. Винокура» // Вестник Кемеровского государственного университета. Журнал теоретических и прикладных исследований. 2016. № 3 (67). С. 150–154.

Кретов А. А. Составные номинации в русских народных сказках // Народная культура и проблемы её изучения: сборник статей. Материалы научной региональной конференции 2014 г. Воронеж: ИПЦ «Научная книга», 2015. С. 171–264.

Кретов А. А. «Съедобное-несъедобное» или криптоклассы русских существительных // *Linguistica Silesiana*, Vol. 14, 1992. С. 103–114.

Кретов А. А., Чуриков С. А. Четыре стихотворения А. В. Кольцова на смерть А. С. Пушкина // Известия Смоленского государственного университета. 2021. № 1. С. 20–32.

Мифы народов мира: энциклопедия: в 2 тт. / гл. ред. С. А. Токарев. М.: Сов. энциклопедия, 1980–1982.

Павлович Н. В. Словарь поэтических образов: На материале рус. худож. лит. XVIII–XX в.: в 2 т. М.: Эдиториал УРСС, 1999.

Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 тт. / под ред. Н. И. Толстого. М.: Международ. отношения, 1995–2012.

Словарь автобиографической трилогии М. Горького: в 6 вып. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1974–1990.

Словарь языка Достоевского. Идиоглоссарий / гл. ред. Ю. Н. Караулов. М.: Азбуковник, 2008–.

Словарь языка Пушкина: в 4 т. / гл. ред. акад. В. В. Виноградов. М.: ГИС, 1956–1961.

Словарь языка русских произведений Шевченко: в 2 т. Киев: Наукова думка, 1985–1986.

Чуриков С. А. Концепция «Словаря языка А. В. Кольцова» // Вестник ВГАСУ. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2008. № 4. С. 81–85.

A. A. Kretov¹, S. A. Churikov²

Voronezh State University

(Russia, Voronezh)

kretov@rgph.vsu.ru¹

churikovsa@yandex.ru²

TRADITIONS AND INNOVATIONS IN THE “DICTIONARY OF A. V. KOLTISOV’S POETRY”

The article presents a new concept of the “Dictionary of A. V. Koltsov’s poetry”, which will be a kind of fusion of tradition and innovation. This fusion is found in various aspects of dictionary creation: the corpus of sources, fundamental principles, macrostructure and microstructure. The principles underlying the proposed concept include: 1) the principle of completeness; 2) the functional-content principle; 3) the principle of unity of quantitative and qualitative parameters; 4) the aesthetic principle; 5) the principle of reconstruction of the artistic worldview of A. V. Koltsov; 6) the principle of the (maximum possible) reconstruction of the idiolect of A. V. Koltsov. The macrostructure of the dictionary is quite traditional and includes seven sections: 1) Introduction; 2) Sources; 3) List of abbreviations; 4) Alphabet; 5) Dictionary entries; 6) Appendices; 7) Table of contents. The article includes 11 zones: 1) lemma; 2) phonetic information; 3) statistical information; 4) grammatical characteristics; 5) stylistic characteristics; 6) description of meanings; 7) contexts; 8) compatibility; 9) satellite words; 10) phraseology; 11) composite nominations. Lexicographic innovations were concentrated mainly in zones 6, 7, 9 and 11. An example of innovation is the fixation of satellite words in a dictionary entry, these are lexical units that are semantically related to the described word, but do not have a syntactic connection with it and are non-randomly presented in the same or in a neighboring sentence. Thus, the compilers of the dictionary made an attempt, relying on the traditions of Russian general and author lexicography, to create a largely innovative dictionary concept corresponding to the current level of development of philological science.

Key words: author lexicography, poetry of A. V. Koltsov, explanatory dictionaries, poetic language, artistic worldview.

References

Benvenist E. *Le vocabulaire des institutions indo-européens*. Paris, Les Editions de Minuit. 376 p. (Russ. ed.: Benvenist E. *Slovar' indoevropeskikh sotsial'nykh terminov*. Moscow, Progress-Univers Publ., 1995. 456 p.)

Boriskina O. O. *Kriptoklassy angliiskogo yazyka* [Cryptoclasses of the English language]. Voronezh, Istoki Publ., 2011. 333 p.

Boriskina O. O., Kretov A. A. *Teoriya yazykovoi kategorizatsii: natsional'noe yazykovoe soznanie skvoz' prizmu kriptoklassa* [Theory of language categorization: national

language consciousness through the prism of the cryptoclass]. Voronezh, Voronezh State University Publ., 2003. 211 p.

Churikov S. A. [The concept of the “Dictionary of A. V. Koltsov’s language”]. *Vestnik VGASU, seriya “Lingvistika i mezhkul’turnaya kommunikatsiya”*, 2008, no. 4, pp. 81–85. (In Russ.)

Kavetskaya R. K. [About the work on the dictionary of the language of A. V. Koltsov’s poetry]. *Filologicheskie zapiski. Seriya literatury i fol’klora*, 1971, no. 1, pp. 208–213. (In Russ.)

Kavetskaya R. K., Kretov A. A. *Obratnyi chastotnyi slovar’ poeticheskikh proizvedenii A. V. Kol’tsova* [Reverse frequency dictionary of poetic works of A. V. Koltsov]. Voronezh, Voronezh State University Publ., 1996. 159 p.

Kavetskaya R. K. (ed.) *A. V. Kol’tsov: Ukazatel’ slov i form slov v poeticheskikh proizvedeniyakh* [A. V. Koltsov: Index of words and forms of words in poetic works]. Voronezh, Voronezh State University Publ., 1991. 181 p.

Koltsov A. V. *Polnoe sobranie stikhotvorenii* [Complete collection of works]. St. Petersburg, 1911. 471 p.

Koltsov A. V. *Polnoe sobranie stikhotvorenii* [Complete collection of poems]. Leningrad, Sovetskii Pisatel’ Publ., 1958. 311 p.

Kretov A. A. [Complex methodology of component analysis of LSV]. *Materiali mizhnarodnoï naukovoï konferencii “Semantika movi i tekstu”*. *Chastina 1* [Materials of the international scientific conference “Semantics of language and text”. Part 1]. Ivano-Frankivs’k, 1993, pp. 151–152. (In Russ.)

Kretov A. A. [The concept of the dictionary of A. V. Koltsov’s poetry]. *Filologicheskie zapiski*, 2009, no. 28–29, pp. 83–104. (In Russ.)

Kretov A. A. [On the so-called «criteria of G. O. Vinokur»]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Zhurnal teoreticheskikh i prikladnykh issledovanii*, 2016, no. 3 (67), pp. 150–154. (In Russ.)

Kretov A. A. [Composite nominations in Russian folk tales]. *Narodnaya kul’tura i problemy eyo izucheniya: sbornik statei. Materialy nauchnoi regional’noi konferentsii 2014 g.* [Folk culture and the problems of its study: a collection of articles. Materials of the scientific regional conference 2014]. Voronezh, Publishing and Printing Center “Nauchnaya kniga”, 2015, pp. 171–264. (In Russ.)

Kretov A. A. [“Edible-inedible” or cryptoclasses of Russian nouns]. *Linguistica Silesiana*, 1992, vol. 14, pp. 103–114. (In Russ.)

Kretov A. A., Churikov S. A. [Four poems by A. V. Koltsov on the death of A. S. Pushkin]. *Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, no. 1, pp. 20–32. (In Russ.)

Mify narodov mira: entsiklopediya: v 2 t. [Myths of the peoples of the world: encyclopedia: in 2 volumes]. S. A. Tokarev (ed.). Moscow, Sovetskaya Entsiklopediya Publ., 1980–1982.

Pavlovich N. V. *Slovar’ poeticheskikh obrazov: Na materiale rus. khudozh. lit. XVIII–XX v.: v 2 t.* [Dictionary of poetic images: based on the material of Russian fiction of the XVIII–XX centuries: In 2 volumes]. Moscow, Editorial URSS, 1999.

Slavyanskije drevnosti: etnolingvističeskij slovar': v 5 t. [Slavic antiquities: an ethnolinguistic dictionary: In 5 volumes]. N. I. Tolstoy (ed.). Moscow, Mezhdunarodnye Otnosheniya Publ., 1995–2012.

Slovar' avtobiograficheskoj trilogii M. Gor'kogo: v 6 vyp. [Dictionary of M. Gorky's autobiographical trilogy: In 6 issues]. Leningrad, Leningrad University Publ., 1974–1990.

Slovar' jazyka Dostoevskogo. Idioglossarii [Dictionary of Dostoevsky's language. Idioglossary]. Yu. N. Karaulov (ed.). Moscow, Azbukovnik Publ., 2008–.

Slovar' jazyka Puškina: v 4 t. [Dictionary of the Pushkin's language: In 4 volumes]. V. V. Vinogradov (ed.). Moscow, GIS Publ., 1956–1961.

Slovar' jazyka russkikh proizvedenij Ševčenko: v 2 t. [Dictionary of the language of Ševčenko's Russian works: In 2 volumes]. Kiev, Naukova Dumka Publ., 1985–1986.

Н. В. Козловская

*Институт лингвистических исследований РАН
(Россия, Санкт-Петербург)
mnegolosbyl@gmail.com*

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ВОЕННОЙ ЛЕКСИКИ РОМАНА Л. Н. ТОЛСТОГО «ВОЙНА И МИР»: ОТ СЛОВНИКА К СЛОВАРНОЙ СТАТЬЕ

В статье рассматриваются общие принципы создания дифференциального объяснительного словаря военной лексики одного произведения Л. Н. Толстого — романа «Война и мир». Приводится обзор лексикографических проектов, связанных с творчеством великого писателя. Подводятся итоги формирования рабочего словника авторского лексикографического проекта, выявляются основные подходы к составлению словника: путь «от семантического словаря к тексту» позволяет создать 21 группу слов и словосочетаний, объединенных по тематическому и семантическому основаниям. Ставится проблема критерия полноты: целостное описание военной лексики романа предполагает охват всех единиц (в том числе имен собственных, прецедентных текстов, метафорических сочетаний) без исключения для помещения в словарь. Дополнительно для формирования словника привлекается научная литература, объектом рассмотрения в которой является идиостиль Толстого и батальная лексика его произведений. Выдвигается тезис о том, что в толкованиях ключевых слов необходимо учитывать принцип когнитивной значимости. Делается предположение, что к наиболее ярким экспликаторам одноименного текстового концепта относятся слова *война, главнокомандующий, диспозиция, мир, поход, солдат, черта*, имена собственные *Бородинское сражение, Кутузов, Наполеон* и другие. Моделируется структура словарной статьи авторского словаря, оценивается перспектива включения в зону справок научного (энциклопедического и историографического) комментария. Ставится проблема методики отражения в макро- и микроструктуре словаря явления русско-французского двуязычия в аспекте военной темы. Делается вывод о переходе на следующий этап: составление пробных словарных статей к единицам разных типов.

Ключевые слова: авторская лексикография, военная лексика, формирование словника, когнитивная значимость слова, имя собственное.

Статья посвящена проблеме лексикографического описания одной тематической области авторского лексикона Л. Н. Толстого: военной лексики романа-эпопеи «Война и мир».

Несмотря на то, что язык Л. Н. Толстого является одним из традиционных объектов филологического анализа, а идиостиль писателя много раз становился объектом лингвистического анализа, целостное лексикографическое описание этого многомерного и сложного явления находится на начальной стадии.

В 2016 г. вышла книга Ю. В. Архангельской «Лев Толстой в языке и речи: Словарь инноваций (лексика, фразеология, афористика)», в которой собраны и классифицированы все новообразования Л. Н. Толстого. По словам автора, «словарь с разных сторон демонстрирует инновационные возможности языковой личности Л. Н. Толстого» [Архангельская 2018: 151]. В этот же период О. В. Ломакина осуществила целостное описание толстовской фразеологии и разработала макроструктуру фразеологического словаря писателя. Исследование О. В. Ломакиной показало, что состав тезаурусообразующих фразеологических единиц в идиолекте Л. Н. Толстого с течением времени менялся; этот процесс отразил эволюцию толстовской философии, см.: [Ломакина 2014; 2016].

В Тульском государственном педагогическом университете реализован замечательный проект современного учебного словаря к роману «Война и мир»: в словаре отражены классы лексем, потенциально непонятных читателю. Словник словаря сформирован на основе шести критериев агнонимии и включает устаревшие и редкие слова разных тематических групп, см.: [Романов 2018].

Слова «военной» сферы играют важную роль в лексической структуре толстовского текста, в совокупности передавая индивидуализированное, личностно окрашенное представление об одном из самых значительных фрагментов картины мира писателя. По словам В. В. Виноградова, «повествовательно-исторический стиль “Войны и мира” должен был расширить свои языковые рамки посредством <...> монтровки разнообразного исторического материала. В нем так или иначе, глухо и сквозь живой гул современности, должно было звучать “эхо” голосов изображаемой эпохи» [Виноградов 1939: 121]. Одним из средств создания этого «эха голосов» является военная лексика в ее количественном и качественном многообразии.

Проектируемый словарь продолжает традицию создания тематических авторских словарей и включает военную лексику, извлеченную методом двойной сплошной выборки из произведения Л. Н. Толстого. На первом этапе работы была проведена общая выборка по четырем томам романа, в результате которой сформирован предварительный словник объемом около 4500 единиц.

Заметим, что количество военной лексики от тома к тому различается: из первого тома в выборку включено 803 слова, из второго («мирного») — 410. За основу системного представления военной лексики в романе «Война и мир» был взят синонимический список, предложенный коллективом авторов «Русского семантического словаря» под редакцией Н. Ю. Шведовой. Использование аналогичной методики позволило создать идеографический классификатор исходного лексического словника с возможностью распространения перечня.

Военная лексика была систематизирована и структурирована по группам, каждая из которых является одной из вербализованных зон узла ассоциативно-тезаурусной сети автора. Обязательным условием включения лексической единицы в предварительную выборку, а затем в словник является лексикографически подтвержденное наличие семантического компонента «военный» или текстовая ассоциативная связь с понятием «война».

Тематическая классификация такой лексики в романе Толстого достаточно разнообразна: «Военные транспортные средства» (*обоз, (передок?), подвода, повозка (ротная повозка, офицерская повозка); форшпан, фура*); «Чины, звания, военные профессии» (*мушкатер, пехотный офицер, фейерверкер*); «Места, связанные с расположением войск, с использованием военной техники» (*аванпост, бивуак, балаганчик (?), квартира (главная квартира, квартира главнокомандующего), лагерь, тыл*); «Снаряды и боеприпасы» (*брандскугель, мина, пуля*); «Военные документы» (*депеша, диспозиция, рескрипт*).

В группу «Войсковые, боевые построения, порядки, участки фронта» включены следующие единицы: *колонна (батальонная колонна, голова колонны, хвост колонны); каре, левое крыло, правое крыло, линия (передняя линия); левый ряд (ряды); фланг, правый фланг; цепь (стрелковая цепь, фланкёрская цепь, цепи французов (?)); эшелон*. В этой и других группах отчетливо проявляется значимость гиперогипонимических отношений для лексической структуры толстовского текста.

Одной из самых многочисленных по составу является группа глагольной лексики, количественный состав которой можно предварительно оценить в 170 слов: *атаковать, бить, вести (колонну), взять (в плен), выбить, выступать, дать (сражение), дать (шпоры), занять, зарядить, изрубить, наскочить, окружить, осадить, палить, перебить, прикомандировать, принять (сражение), разжаловать, салютовать, сделать (на караул), строиться, формироваться (о войсках), числиться, шпорить* и мн. др.

Путь «от семантического словаря к тексту» позволил объединить выбранные из текста слова и словосочетания в 21 группу. Однако если двигаться «от текста», возникает потребность в расширении словника за счет значимых имен собственных, устойчивых сочетаний и ряда прецедентных феноменов: пословиц и поговорок, а также цитат из песен, широко используемых Толстым для создания картин движения войск, описания локальных сражений и объемных батальных сцен, а также для создания иронии:

Барабаничик-запевало обернулся лицом к песенникам, и, махнув рукой, затянул протяжную солдатскую песню, начинавшуюся: «Не заря ли, солнышко занималось...» и кончавшуюся словами «То-то, братцы, будет слава нам с Каменским-отцом...» Песня эта была сложена в Турции и пелась теперь в Австрии, только с тем изменением, что на место «Каменским-отцом» вставляли слова: «Кутузовым-отцом» (I)¹.

¹ Здесь и далее цитируется электронное издание романа, представленное в Библиотеке А. Комарова: <https://ilibrary.ru/>

В третий раз, когда князь Андрей оканчивал описание, старик запел фальшивым и старческим голосом: «*Malbrough s'en va-t-en guerre. Dieu sait quand reviendra*» (I).

При отборе имен собственных возникает проблема выделения критериев отбора и уточнения понятия «значимый», т. е. имеющий значение, ценность в образной структуре произведения. Этот критерий не всегда соотносится с понятием частоты. Так, важное имя собственное *Павлоградский* (*гусарский полк*) используется наряду с нарицательным *павлоградцы* (конное формирование (гусарский полк) Русской императорской армии); оба слова имеют высокий показатель частоты во всём тексте романа (16 и 12 употреблений).

Иначе обстоит дело с именем собственным *Матвевна* (частота 3): с одной стороны, это обращение Тушина к *большой крайней старинного литья пушке* употреблено в тексте всего три раза в рамках отдельного эпизода второй части первого тома. С другой стороны, значимость этого эпизода и «ассоциативный заряд» слова-стимула *Матвевна* в сознании знающего текст настолько велики, что его можно отнести к прецедентным именам, репрезентирующим роман «Война и мир» как хорошо знакомый любому среднему члену национально-лингвокультурного сообщества (термин В. В. Красных, см.: [Красных 2013]). Роман известен широкому читателю в педагогической интерпретации — в учительских пересказах, в кратком содержании и иных доступных формах отражения текста в коллективном языковом сознании. Эпизод подвига батареи Тушина при Шенграбене, точнее, представление о нем — один из обязательных компонентов романа как прецедентного текста, следовательно, этот фактор целесообразно учитывать при формировании расширенного словника.

Дополнительно — для уточнения и проверки состава групп — привлекались тексты научных работ схожей проблематики. Подробный структурно-семантический анализ свойств батальных галлицизмов, входящих в роман «Война и мир», представлен в работах Д. А. Волотова [Волотов 2012; 2013]. Лексическая структура романа отразила процесс активного заимствования: значительную часть иноязычной военной лексики в тексте составляют слова французского происхождения (*арьергард, бивак, генерал-марш, граната, диверсия, дивизион, диспозиция, картель, каска, колет, кар д'арме, лазарет, мушкетон, плюмаж, редут, ретирада, фланг, флешь, эполеты, эскадрон* и мн. др). Анализ тематических классов слов французского происхождения позволил Д. А. Волотову прийти к выводу о том, что заимствованная в эпоху Петра I батальная лексика французского происхождения была в той или иной степени усвоена русским языком к первой половине XIX в.

Разработка критериев отбора лексики и решение проблемы «пределов» словаря — важная задача, которая решается на втором этапе работы. Структура словарной статьи определяется типом создаваемого лексикографического издания: это дифференциальный объяснительный словарь одного произведения, см. [Шестакова 2011]. Объектом описания является индивидуальная система словоупотребления Л. Н. Толстого. При составлении дефиниций используются исторические толковые словари.

Словарная статья содержит информацию, необходимую и достаточную для словаря-справочника, описывающего военную лексику одного художественного произведения; содержательная информация не должна приноситься в жертву формальному единообразию словарных статей: в толкованиях ключевых слов необходимо учитывать принцип когнитивной значимости. В связи с этим целесообразно выделение единиц, в наибольшей степени вовлеченных в формирование того компонента образного слоя текста, который связан с толстовским пониманием войны. К наиболее ярким экспликаторам одноименного текстового концепта можно отнести слова *война, главнокомандующий, диспозиция, мир, поход, солдат, черта*, имена собственные *Бородинское сражение, Кутузов, Наполеон* и некот. др.

Большое значение для выявления когнитивной значимости слова имеет контекст. Так, индивидуально-авторское начало проявляется при сопоставлении разных обозначений одного понятия: *Бородинское сражение* и *Бородинское побоище*. Второе словосочетание использовано Толстым в ассоциативной связи с Варфоломеевской ночью и Наполеоном; с генитивным распространителем: *«побоище 80-ти тысяч человек»* (III). Лексикографическое представление подобных единиц, помимо традиционных зон (толкование, цитаты, частота, текстовые связи) должно включать комментарий, представляющий собой сведения историографического и энциклопедического характера.

К числу текстом, т. е. идеологически значимых единиц, относится и слово *солдат*, частота которого по 4-м томам равна 602, что свидетельствует о его важности для лексической структуры текста и для образной системы романа, в котором — при отсутствии целостных образов солдат — немало эпизодов с их участием. Это зарисовки военного быта, диалоги, описания сражений и т. д. Значительное преобладание формы множественного числа существительного *солдаты* над формой единственного (498 к 104) говорит о том, что для Толстого солдаты есть воплощение коллективного, «роевого» начала. Следовательно, в словарной статье необходимо отразить соотношение частоты форм слова.

При составлении толкований целесообразно ориентироваться на словари, хронологически соотносимые с хронотопом романа и с временем его написания:

СОЛДАТЬ, а, с. м. 2 скл. Воинъ рядовой. Отдать кого въ салдаты. Служить салдатомъ [САР-2: 364].

Солдат, нижний воинский чин; в Россию это назв. занесено немцами, приехавшими на службу при Михаиле Федоров. и Алексее Михайлов., когда были сформированы солдатские полки [Толль: 500].

Слово *солдат* используется в романе в основном значении (нижний воинский чин) и — реже — в производном (военный человек, воин). Фрагмент, извлеченный из второго тома для помещения в зону иллюстраций, включает слово *солдат* в обоих значениях:

СОЛДАТ, а, м., (498 мн. / 104 ед. // общ. 602). 1. *Преим. мн.* Нижний воинский чин. 2. Военный человек, воин.

Солдаты, офицеры, генералы — были герои. Но героем из героев был князь Багратион, прославившийся своим Шенграбенским делом и отступлением от Аустерлица, где он один провел свою колонну нерасстроенную и целый день отбивал вдвое сильнейшего неприятеля. Тому, что Багратион выбран был героем в Москве, содействовало и то, что он не имел связей в Москве, и был чуждой. В лице его отдавалась должная честь боевому, простому, без связей и интриг, русскому солдату, еще связанному воспоминаниями Итальянского похода с именем Суворова (II).

Важным при выборе способа лексикографического описания оказалось наличие у слов военной тематики интересных и разнообразных парадигматических и синтагматических связей, обусловленных текстом. Отражение этих связей в особой зоне словаря позволяет представить изучаемые слова как единицы толстовского идиолекта, смысл которых раскрывается в реализованном синтагматическом окружении и в текстовых лексико-семантических парадигмах.

Анализ конкорданса, который является аналитическим инструментом обновленного Национального корпуса русского языка (подкорпус «Война и мир»), отражает значимые для восприятия текста гиперо-гипонимические связи: *солдат-артиллерист, солдаты-носильщики, кавалерийские солдаты, мушкатер-солдат, пехотные солдаты, фуриштатский солдат*. С учетом потенциального широкого адресата словаря некоторые из этих видовых обозначений нуждаются в подтолковке в справочной зоне к вокабуле «солдат», поскольку отдельную словарную статью для каждого гипонима делать нецелесообразно: *мушкатер-солдат — солдат-пехотинец, вооруженный мушкетом, фитильным ружьем; фуриштатский солдат — солдат военного обоза*.

Синтагматические связи отражает наличие важного понятийного противопоставления: *русские солдаты — французские солдаты, солдаты Наполеона*.

Разжаловать в солдаты — устойчивое сочетание, которое содержит экстралингвистическую информацию о системе воинских исправительных взысканий (наказаний), поскольку это общеупотребительный для толстовского времени аналог официального наименования *разжаловать / разжалование в рядовые*. Это словосочетание используется в романе несколько раз — для раскрытия образа Долохова и ввода эпизодического персонажа Кирстена: *«Штаб-ротмистр Кирстен был два раза разжалован в солдаты за дела чести и два раза выслуживался» (I)*. Несмотря на кажущуюся очевидность смысла, словосочетание является частичным агнонимом для потенциального читателя, особенно юного: что значит быть разжалованным за дела чести и что значит выслуживаться? Поэтому, помимо толкования, целесообразно привести краткую энциклопедическую справку с опорой на статью Словаря Брокгауза и Ефрона:

«Воинское исправительное наказание для офицеров и гражданских чиновников военного ведомства, налагаемое за преступные деяния по службе <...> Разжалованный в рядовые, за исключением только случаев отличного военного

подвига, может получить офицерский чин не иначе как по предварительном воследовании Высочайшего соизволения <...> входить с представлением об этом разрешается не ранее как по истечении трех лет после разжалования» [ЭСБЕ: 158].

Эта краткая энциклопедическая справка позволяет иначе взглянуть на наказание Долохова, который был разжалован не на три года, а «до первого дела»; Долохов, о котором князь Андрей напоминает самому Кутузову, который, в свою очередь, обращается к Долохову лично и дополнительно просит передать: «...я его не забуду, чтоб он был спокоен» (I).

Справочный отдел словарной статьи отражает словообразовательные связи заголовочного слова в тексте. Многочисленные примеры с прилагательным *солдатский* отражают употребительность слова в романе, его типичные синтагматические связи. Такие примеры отражают главную примету текстового пространства «война» у Толстого: его плотная предметная наполненность, создаваемая, в частности, за счет словосочетаний с прилагательным *солдатский*. Это детали одежды (*солдатские портки, шинель, серая шинель*), элементы военного быта низших чинов (*солдатский госпиталь, солдатский балаган, солдатские кухни*), главная награда — *солдатский крест*, или *солдатский Георгиевский крест*.

Очень интересна текстовая синтагматика и парадигматика, отражающие активную семантическую жизнь слова в тексте, которая, в свою очередь, является проекцией на историко-философские взгляды самого Толстого. В этом плане показательна текстовая оппозиция *чуждое, солдатское (время)* и *прежний, крестьянский народный склад* в небольшом фрагменте, характеризующем Платона Каратаева, который о своем солдатском опыте не вспоминает, не рассказывает:

Попа в плен и обросши бородою, он, видимо, отбросил от себя все напущенное на него, чуждое, солдатское и невольно возвратился к прежнему, крестьянскому, народному складу. — Солдат в отпуску — рубаха из порток, — говаривал он. Он неохотно говорил про свое солдатское время, хотя не жаловался, и часто повторял, что он всю службу ни разу бит не был. Когда он рассказывал, то преимущественно рассказывал из своих старых и, видимо, дорогих ему воспоминаний «христианского», как он выговаривал, крестьянского быта (IV).

Это противопоставление говорит о том, что *солдатское время* для Толстого — это противоестественное, нехристианское, ложное положение дел. Толстой возвращается к этому смыслу неоднократно: в речевой характеристике Пьера, в этом противопоставлении солдатское — крестьянское (христианское) и в знаменитом философском вступлении к III тому, в котором война названа «противным человеческому разуму и всей человеческой природе событием».

Обычные, «строевые» словарные статьи включают вокабулу, показатель частоты по четырем томам, значение и иллюстрации. Дополнительно выделяются этимологический и энциклопедический параметры. Также планируется в отдельной зоне

представить метафорические контексты и сравнения, которые являются особыми средствами репрезентации «военного» фрагмента картины мира Л. Н. Толстого: *азбука военного дела; бурю налетел на каре; вестник победы; волны солдат; волны пехоты; отголоски войны; перекаты ружейной пальбы; пеший гусар, как щепка; сабля отведала мяса; смять каре; спускаются с горы растянутые ниткой мушкаты; офицерская повозка, как бревно; полыхнет прикладом; трескотня ружей.*

В статье «О языке Толстого» В. В. Виноградов обращал внимание на то, что при воспроизведении рассказа Николая Ростова о Шенграбенском деле Толстой пародирует батально-романтическую традицию эпигонов Александра Марлинского, обнажая «несоответствие действительности, раздвоение простой жизненной правды и условного стиля ее словесной передачи» [Виноградов 1939: 164]. Приведем ставший уже хрестоматийным пример:

Он рассказал им свое Шенграбенское дело совершенно так, как обыкновенно рассказывают про сражения участвовавшие в них, то есть так, как им хотелось бы, чтобы оно было, так, как они слышали от других рассказчиков, так, как красивее было рассказывать, но совершенно не так, как оно было... Не мог он им рассказать так просто, что поехали все рысью, он упал с лошади, свихнул руку и изо всех сил побежал в лес от француза. Кроме того, для того, чтобы рассказать все, как было, надо было сделать усилие над собой, чтобы рассказать только то, что было. Рассказать правду очень трудно; и молодые люди редко на это способны. Они ждали рассказа о том, как горел он весь в огне, сам себя не помня; как буря, налетал на каре; как врубался в него, рубил направо и налево; как сабля отведала мяса, и как он падал в изнеможении, и тому подобное. И он рассказал им всё это (I).

Выскажем предположение, что корректный подбор цитат позволит отразить эту особенность военного идиостиля Толстого: использование образных средств — метафор и сравнений — при передаче героико-романтической, красивой, но ложной картины военных действий. Отметим, что похожая метафора (*сабля отведала мяса = дать сабле поест вражьего мяса*) была использована в первой редакции романа — когда Николай Ростов звался еще Николая: «*Про атаку Nicolas слышал как про что-то сверхъестественно-увлекательное. <...> Скорее бы, скорее! Дать сабле поест вражьего мяса, думал Nicolas. Он не видел ничего ни под ногами, ни впереди себя, кроме круп лошадей и спин гусаров переднего ряда*» (цит. по: [Виноградов 1939: 165]).

Важно, что Толстой, изменив эпизод полностью, метафору сохранил. Такая информация (использование метафоры в первой редакции романа) представляется значимой и может быть включена в энциклопедическую справочную часть статьи. Открытым и требующим исследования остается вопрос о том, каково происхождение фразы: выдумана ли она Толстым или это элемент офицерского (или гусарского, или кавалерийского) арго.

В подтверждение мысли о том, что Толстой прибегает к метафоризации для изображения беспочвенных и нереалистичных рассказов или мечтаний героев о войне, приведем еще один пример из I тома:

*Когда князь Андрей пришел в приготовленную для него комнату и в чистом белье лег на пуховики и душистые гретые подушки, — он почувствовал, что то сражение, о котором он привез известие, было далеко, далеко от него. <...> Он закрыл глаза, но в то же мгновение в ушах его **затрещала канонада, пальба, стук колес экипажа, и вот опять спускаются с горы **растянутые ниткой мушкетеры**, и французы стреляют, и он чувствует, как содрогается его сердце, и он выезжает вперед рядом с Шмитом, и **пули весело свистят** вокруг него, и он испытывает то чувство удесятеренной радости жизни, какого он не испытывал с самого детства. Он пробудился... «Да, всё это было!..» сказал он, счастливо, детски-улыбаясь сам себе, и заснул крепким, молодым сном (I).***

Анализ выборки с точки зрения этимологического параметра свидетельствует о том, что основными источниками военной лексики служили французский и немецкий языки. Этимологический параметр отражает значимость немецкого и французского языков, из которых заимствовано довольно большое число «милитарных» слов, которые ко времени создания романа были уже освоены русским языком. Значимость военных галлицизмов в лексической структуре произведения отражает важнейшее направление языковых контактов и должна быть отражена в словаре при помощи дополнительной справки.

Кроме единиц, освоенных русским языком, обращают на себя внимание многочисленные вкрапления французских слов и словосочетаний, в совокупности формирующие двуязычие толстовского текста. Так, толстовский роман отразил факт использования французских идиом *le baptême du feu* (крещение огнем), *chair a canon* (пушечное мясо) до возникновения их русских аналогов. Французские вкрапления в целом ряде случаев не являются в строгом смысле соответствиями русских языковых единиц и используются Толстым для глубокой, концептуальной характеристики сражения:

*Курган, на который вошел Пьер, был то знаменитое (потом известное у русских под именем **курганной батареи** или **батареи Раевского**, а у французов под именем **la grande redoute, la fatale redoute, la redoute du centre**²) место, вокруг которого положены десятки тысяч людей и которое французы считали важнейшим пунктом позиции (III).*

Двуязычие толстовского текста ставит перед составителями задачу разработки особого типа словарных статей с вокабулами на французском языке.

В заключение следует сказать, что не все решения, которые приняты составителями на данном — подготовительном — этапе, являются окончательными:

² Здесь: большого редута, рокового редута, центрального редута.

фрейм будущего словаря еще не вполне определен, идет работа по формированию и уточнению словника и разработке параметров описания разных типов единиц. Добавим также, что словарь задуман как коллективный проект, к работе в котором планируется привлекать студентов и магистрантов филологических и исторических специальностей.

Литература

Архангельская Ю. В. Лев Толстой в языке и речи: Словарь инноваций (лексика, фразеология, афористика). Тула: ТППО, 2016. 325 с.

Архангельская Ю. В. Отражение креативности языковой и речевой личности Л. Н. Толстого в словаре нового типа // Современные проблемы авторской лексикографии: Сборник научных статей. Под общ. ред. Л. Л. Шестаковой. М.: Аквилон, 2018. С. 151–157.

Виноградов В. В. О языке Толстого: (50–60-е годы) // Л. Н. Толстой / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). М., 1939. Кн. I. С. 117–220.

Волотов Д. А. Заимствованная батальная лексика французского происхождения в романе Л. Н. Толстого «Война и мир»: идеи войны и мира // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2012. Т. 18. № 1. С. 238–241.

Волотов Д. А. Редут и флешы // Русская речь. 2013. № 5. С. 119–121.

Красных В. В. Лингвокультура как объект когнитивных исследований // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2013. № 2. С. 7–18.

Ломакина О. В. Паремии в контексте: способы экспликации коммуникативного намерения (на материале текстологии Л. Н. Толстого) // Вестник Новгородского государственного университета. Сер.: Филологические науки. 2014. № 77. С. 177–180.

Ломакина О. В. Textoобразующая функция фразеологии в языке Л. Н. Толстого // Язык художественной литературы: традиционные и современные методы исследования. Сборник научных статей по материалам международной конференции памяти Н. А. Кожевниковой. М.: Азбуковник, 2016. С. 187–196.

Романов Д. А. Вопросы подготовки современного учебного словаря к художественному тексту XIX века (на материале романа Л. Н. Толстого «Война и мир») // Современные проблемы авторской лексикографии: Сборник научных статей. Под общ. ред. Л. Л. Шестаковой. М.: Аквилон, 2018. С. 157–166.

Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова; Под общей ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Азбуковник, 1998–2007.

САР — Словарь академии Российской. Часть 2, т. VI. СПб., 1822.

Толль — Настольный словарь для справок по всем отраслям знания. В трех томах. Т. 3. / Под редакцией Ф. Толля. СПб.: Издание Ф. Толля, 1863–1864. 1171 с.

Шестакова Л. Л. Русская авторская лексикография: Теория, история, современность. М.: Языки славянских культур, 2011. 464 с.

ЭСБЕ — Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. Т. XXVI (51). СПб.: Семеновская Типолитография, 1899. 500 с.

N. V. Kozlovskaya

*Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Saint Petersburg)
mnegolosbyl@gmail.com*

LEXICOGRAPHICAL DESCRIPTION OF THE MILITARY VOCABULARY FOUND IN LEO TOLSTOY'S NOVEL "WAR AND PEACE"

The article analyses the general principles of the compilation of a specialized explanatory dictionary which contains military vocabulary found in Leo Tolstoy's novel "War and Peace". A small overview of lexicographic projects related to the creative work of the famous writer is given. The results of the word-list formation of the author's lexicography project are summed up and the main approaches to the dictionary compilation are demonstrated in the research: the approach "from the semantic dictionary to the text" has made it possible to create 21 groups of words and phrases united on the basis of thematic and semantic principles. The path "from the text as a starting point" engenders a problem of the criterion of completeness: a holistic description of the military vocabulary found in the novel presupposes the inclusion in the dictionary of all units without exception (including proper names, precedent texts, and metaphoric expressions). In addition, in order to form the dictionary word-list scientific literature is studied which considers Leo Tolstoy's idiostyle and the war-related vocabulary used in his works. The thesis is put forward that it is necessary to take into account the principle of cognitive significance while making the definitions of the key words. It is assumed that the most striking explicators of the text concept of the same name include the words *war*, *commander-in-chief*, *battle order*, *peace*, *campaign*, *soldier*, *boundary*, proper names *Battle of Borodino*, *Kutuzov*, *Napoleon* and others. The entry structure of the author's dictionary is modeled, and the prospect of including a scientific (encyclopedic and historiographic) commentary in the reference zone is evaluated. The problem concerning the methodology of reflection of the phenomenon of Russian-French bilingualism in the aspect of the military theme in the micro- and macrostructure of the dictionary is posed. A conclusion is made about the transition to the next research stage: the compilation of trial dictionary entries for units of different types.

Keywords: author lexicography, military vocabulary, word-list formation, cognitive significance of the word, proper noun.

References

Arkhangel'skaya Yu. V. *Lev Tolstoy v yazyke i rechi: Slovar' innovatsii (leksika, frazeologiya, aforistika)* [Leo Tolstoy in language and speech: Dictionary of innovations (lexis, phraseology, aphoristics)]. Tula, TPPO Publ., 2016. 325 p.

Arkhangel'skaya Yu. V. [Reflection of the creativity of the linguistic and speech personality of L. N. Tolstoy in a new type of dictionary]. *Sovremennye problemy avtorskoj leksikografii. Sbornik nauchnykh statej* [Modern problems of author lexicography. Collection of scientific articles]. Moscow, Akvilon Publ., 2018, pp. 151–157. (In Russ.)

Ehntsiklopedicheskii slovar' Brokgauza i Efrona: v 86 t. [Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary], vol. XXVI (51). St. Petersburg, Semenovskaya Tipolitografiya, 1899. 500 p.

Krasnykh V. V. [Linguistic culture as an object of cognitive research]. *Vestnik Moskovskogo universiteta*, 2013, ser. 9, no. 2, pp. 7–18. (In Russ.)

Lomakina O. V. [Proverbs in context: ways of explicating communicative intention (based on the textual criticism of L. N. Tolstoy)]. *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Filologicheskie nauki*, 2014, no. 77, pp. 177–180. (In Russ.)

Lomakina O. V. [Text-forming function of phraseology in the language of L. N. Tolstoy]. *Yazyk khudozhestvennoi literatury: traditsionnye i sovremennye metody issledovaniya. Sbornik nauchnykh statei po materialam mezhdunarodnoi konferentsii pamyati N. A. Kozhevnikovoi* [The language of fiction: traditional and modern research methods. Collection of scientific articles based on the materials of the international conference in memory of N. A. Kozhevnikova]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2016, pp. 187–196. (In Russ.)

Nastol'nyi slovar' dlya spravok po vsem otraslyam znaniya. [Desktop dictionary for reference in all branches of knowledge], in 3 vol. Ed. by F. Toll. St. Petersburg, 1863–1864, vol. 3. 1171 p.

Romanov D. A. [Issues of preparing a modern educational dictionary for a literary text of the 19th century (based on the material of L. N. Tolstoy's novel "War and Peace")]. *Sovremennye problemy avtorskoi leksikografii. Sbornik nauchnykh statei* [Modern problems of author lexicography. Collection of scientific articles]. Moscow, Akvilon Publ., 2018, pp. 157–166. (In Russ.)

Russkii semanticheskii slovar'. Tolkovyi slovar', sistematizirovannyi po klassam slov i znachenii [Russian semantic dictionary. Explanatory dictionary systematized by classes of words and meanings]. Russian Academy of Sciences, Moscow, Azbukovnik Publ., 1998–2007.

Slovar' akademii Rossiiskoi. [Dictionary of the Russian Academy], part 2., vol. VI. St. Petersburg, 1822.

Shestakova L. L. *Russkaya avtorskaya leksikografiya: Teoriya, istoriya, sovremennost'* [Russian author lexicography: Theory, history, modernity]. Moscow, Yazyki Slavyanskoi Kul'tury Publ., 2011. 464 p.

Vinogradov V. V. [About Tolstoy's language: (50s — 60s)]. *L. N. Tolstoy.* Moscow, Academy of Sciences of the USSR, Institute of the Russian Literature (Pushkin House), 1939, book I, pp. 117–220. (In Russ.)

Volotov D. A. [Borrowed battle vocabulary of French origin in L. N. Tolstoy's novel "War and Peace": ideas of war and peace]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova*, 2012, vol. 18, no. 1, pp. 238–241. (In Russ.)

Volotov D. A. [Redoubt and fleches]. *Russkaya rech'*, 2013, no. 5, pp. 119–121. (In Russ.)

Ангелика Молнар
Дебреценский университет
(Венгрия, Дебрецен)
mandzsi@gmail.com

**ЛЕКСИКА ТЕМЫ ПРЕСТУПЛЕНИЕ И СУДЕБНОЕ РАЗБИРАТЕЛЬСТВО
В РОМАНЕ Л. Н. ТОЛСТОГО «ВОСКРЕСЕНИЕ»:
ПРЕДВАРЯЯ РАБОТУ НАД СЛОВАРЕМ ЯЗЫКА РОМАНА**

Такое значимое произведение Л. Н. Толстого, как роман «Воскресение», еще не нашло своего лексикографа. Лингвопоэтическое изучение «Воскресения» может послужить материалом и для работы над словарем романа, ибо оно выявляет закономерности и тенденции употребления писателем определенных слов в связи с описанием судебного процесса, расследования преступлений и подобных явлений. В статье, во-первых, рассматриваются семантические преобразования опустошенных традиционных понятий на примере слов *власть, заседание, тюрьма, каторга*; во-вторых, изучается формирование «нового» авторского слова посредством сравнений и метафор; в-третьих, проводится разбор ономастики (*Любовь, Катюша, Маслова, Нехлюдов*). Анализируется также языковой пласт, обозначающий *грехопадение, наказание и спасение* в реализации в тексте романа инновативного значения *воскресения* как переосмысления *судебного дела* в историю о *служении*. Наблюдения автора статьи над системными отношениями ограничиваются узким кругом лексики в силу небольшого охвата темы на начальном этапе исследования. Выводы сделаны на основании как фонограмматических, так и семантических наблюдений.

Ключевые слова: «Воскресение», Толстой, значения имен, пенитенциарный словарь, смысловые инновации, сравнения и метафоры.

Если рассмотреть объем доступных словарей языка Л. Н. Толстого, то вырисовывается следующая картина. Описаны неология и фразеологизмы языка писателя, имеются частотный, ономастический и другие словари романа-эпопеи «Война и мир» (см. [Частотный 1978; Феркель 2006; Джаубаева 2008; Романов, Савина 2013; Архангельская 2016; Ломакина 2016; Шестакова 2019]), однако предстоит еще проделать большую работу и по другим его творениям, в том числе и по роману «Воскресение».

В нашей работе используются наблюдения ряда толстоведов и других ученых, см. [Скафтымов 1972; Кузина, Тюнькин 1978; Романов 2008; Андреева 2020].

Уже В. Б. Шкловский обратил внимание на то, как Толстой остраняет автоматизированные явления посредством непривычного ракурса: писатель представляет, например, темы *судебного разбирательства* и *церковной службы* простым языком, в котором слова-термины лишены своей сакральности и употребляются их обычное, узуальное значение [Шкловский 1929: 17]. В дополнение к этим положениям ученого можно отнести также процесс переосмысления некоторых слов в романе: выразителей данных тем и пенитенциарную лексику. Обратимся также к смыслообразующим личным именам и к существенным, если не главным компонентам романа Толстого — сравнениям, метафорам и характеристикам, косвенно затрагивая и заглавие, которое в своей сильной позиции несет функцию холистического устройства произведения.

Первый пример переосмысления слов в романе «Воскресение», который мы приводим, — *власть*. Известно, что после своего духовного переворота и провозглашения идеи «непротивления злу» писатель резко выступал против любой формы власти, считая ее насилием, т. е. противоестественным явлением. Следовательно, обсуждаемая в романе проблема *греха и суда* тесно взаимосвязана с этими вопросами. Ее составляет и отношение главного героя к браку после его преступления перед героиней и до его участия в заседании суда над ней. Он дорожит своей властью над собственностью, именем и роскошной жизнью. Законная связь, брак кажется ему «лишением свободы» [Толстой 1936: 25], т. е. «тюрьмой» до того момента, как он сам на себе не испытывает конкретные значения слова *заключение*: темноту и вонь в камерах, тоску арестантов из-за безысходности. Герой, гордившийся «своей порядочностью», должен осознать, что «подло поступил» [Там же: 42], изнасиловав и не женившись на девушке.

В мире романа Толстого этот личный грех расширяется до масштаба государства, так как для всех его уровней, инстанций характерна такая оппозиция. Государственная власть покровительствует дому терпимости (см. в этой связи реализацию отрицательного значения слова *терпение*) и, таким образом, разврату и скорой смерти проституток, затем она же осуждает их. Так оказывается на скамье подсудимых Катюша Маслова, которая сначала не понимает, почему мужчины, над которыми она раньше имела власть и которые «всегда так ласково смотрели на нее» [Там же: 125] (см. новое, семантическое и звуковое соотношение слов *власть* и *ласка*), пользовались ею, теперь выносят приговор ей, несмотря на то, что она является невиновной в убийстве купца. Пенитенциарная система сломана, по-настоящему не охраняет порядок и не соблюдает законы, лишь наказывает невинных людей. Толстой показывает как несправедливость строя, так и *насилие* и в частной, и в общественной сфере. Его герои осознают свою причастность к этой грешной жизни и борются с этим в виде отказа от любой формы властвования.

Другой пример, который подтверждает наши наблюдения над авторским словообразованием, связан с *заседанием*: заседание присяжных называется «общественной обязанностью» [Толстой 1936: 26] и «общественным важным делом» [Там же: 27]. Однако, как в мире романа разоблачается фальшивое поведение присутствующих в нем, так и в тексте романа обнажается неадекватность этих наименований.

Толстой с помощью языковых оппозиций показывает величие, внушительность представителей закона и, одновременно, их порочность: они сидят на возвышении, в окружении позолоченных предметов, и «как обыкновенно», все делают «с значительным видом» [Там же: 84], и говорят пустые слова, которые считают *значимыми*: «Речь товарища прокурора, по его мнению, должна была иметь общественное значение» [Там же: 88].

Добавим, что аналогично описывается в тексте романа не только церковная служба, но и слушание в сенате: «...так же входили сенаторы в своих мундирах, <...> стараясь иметь естественный вид» [Там же: 318], «речь шла не о том, что естественно представлялось главным, а о совершенно побочном» [Там же: 319]. Все это относится в окружном суде и к присяжным, которые определяются как «совесть общества» [Там же: 94], однако выполняют свое дело устало, с равнодушием к чужой судьбе. А совершенная ими судебная ошибка означает для невиновной приговор к каторге.

Толстой таким образом представляет *опустошение* как жизненных явлений и процессов, так и обыкновенных слов и терминологических понятий, т. е. лишение их настоящего и вообще всякого значения. В противовес этому идеологическому представлению своих мыслей Толстой создает поэтические сравнения. Именно здесь можно уловить конфликт творца и пророка, который разрешается победой первого с его новым, уникальным словом. Рассмотрим несколько таких примеров.

Возьмемся сначала за *охоту*. На суде над Катюшей Нехлюдов испытывает чувство полного уничтожения им своей жертвы, которое он начал еще много лет назад, когда совратил ее. По этой причине герой выделяет и особенность ее лица на суде: оно одновременно и «страшное», и «жалкое», а в тексте романа его переживания уподобляются тому, что он «испытывал на охоте, когда приходилось добывать раненую птицу» [Там же: 82–83]. Сравнение разворачивается дальше до достижения своей кульминационной точки — провозглашения приговора: «Недобитая птица бьется в ягдташе: и противно, и жалко, и хочется поскорее добить и забыть» [Там же: 83], «Каторга же и Сибирь сразу уничтожали возможность всякого отношения к ней: недобитая птица перестала бы трепаться в ягдташе и напоминать о себе» [Там же: 103].

А при описании «страшного», «разлагающегося» трупа отравленного купца повествователь фокусируется на чувстве «гадливости» в сравнении Нехлюдова того, что его поступок с Катюшей был «одного и того же порядка» с этой мертвечиной и все предметы «поглощают» его [Там же: 85]. Так поэтическим сознанием героя воспринимается и его поступок: он сначала старается скрыть перед самим собой свой грех, который привел героиню к преступной жизни, и сопоставляет его со случайным актом действия щенка, которого хозяин потом «тычет носом в ту гадость, которую он сделал» и «не отпускает его» [Там же: 95].

Глубокую и невидимую связь между Катюшей и Нехлюдовым обозначает фоническая упорядоченность оформления их *дела* в тексте (здесь можно проследить и звуковые повторы, которые связаны с фамилией Масловой, выделим их курсивом: «Но, как на *зло* ему, *дело* тянулось долго» [Там же: 79]; «На другой день *дело*

Масловой должно было слушаться, и Нехлюдов поехал в сенат» [Там же: 317]), а в мире романа подтверждает их одновременный плач: вместо произнесения речи в свою защиту героиня «оглянулась на всех, как затравленный зверь» и «заплакала» от осознания предстоящего мучения, а герой издал звук, словно «остановленное рыдание» [Там же: 92]. Отметим, что запертые в тюремных и каторжных камерах люди представляются в тексте романа, «как дикие звери» [Там же: 507]. Ясно, что все приведенные слова (*охотник* и *жертва* — *зверь, птица и щенок* и т. п.), обозначающие раньше противопоставленные вещи, идиоматически сближаются и прирастают новым смыслом.

Если обратиться к ономастическому пласту романа, то можно обнаружить подобные семантические и знаковые инновации, так как Толстой и в этом плане непривычно развертывает двойное (прямое и переносное) значение слов. В первых же фразах «Воскресения» красота природы («мира божия», которому свойственен «живительный воздух полей» [Там же: 9] (см. ниже *дух*) контрастирует с неестественностью человеческой и тюремной жизни («гремя железом» [Там же: 9]). Слово *красота* присваивается образу и имени Катюши, однако по смыслу оно отличается от *каторги* и *арестантки*, понятий, которые также связаны с героиней, вызывая из-за запертости, в том числе, особую белизну ее тела, отличающуюся от ее черных, блестящих, оживленных глаз. Известно, что Толстой всегда маркировал различие внешней и внутренней красоты. Привлекательными для Нехлюдова являются как раз неправильные — косые, но улыбающиеся глаза Катюши, которые меняются параллельно ее душевному состоянию, сопровождая ее образ в тексте романа, а в результате метафорической трансгрессии обозначают и его грех (ср. черные пятна в прошлом).

Добавим, что противопоставлены и «неуклюжие арестантские кóты» [Там же: 11], в которых арестантка спотыкается по камням дороги, ведущей в суд, и полет голубя, которого она задевает, когда проходит мимо мучной лавки, продающей хлеб — натуральную основу жизни. Несовместимые понятия *естественности* и *искусственности* развертываются у Толстого как в связи со светом и в значении аристократии (ср.: все было «неестественным, он не мог не видеть того, что открывалось ему при этом свете» [Там же: 355]), в отличие от крестьян, живущих природной жизнью, так и в утверждении несправедливости осуждения последних первыми (ср.: «точно такие же люди ходили на воле и даже судили этих людей» [Там же: 365]).

В тексте романа акцентируются необыкновенное *жизнелюбие* и живучесть героини. Новорожденная Катюша называется «спасенной» барынями [Там же: 12], но после ее нечаянной беременности и необходимости покинуть дом повествователь, представляющий здесь точку зрения героини, подменяет понятия: «тяжелой», «каторжной» кажется ей жизнь прачек, а «легкой» — жизнь проституток [Там же: 14]. В выборе последней и состоит грех героини. Однако Толстой снова трансформирует привычные концепты: Катюша повторно спасается благодаря своему преступлению (невольному соучастию в умерщвлении клиента) и соблазнителью, отправившему ее на путь падения, а затем — воскресения. Она признает

свое желание легкой жизни греховным, а наказание в этом плане вполне справедливым. Настоящую «каторгу» героиня испытывает тогда, когда уходит в тяжелую, трудовую, но более осмысленную жизнь. Так реализуется и новое, инновативное, лишь для этого романа характерное значение слов: имя *Катюша* становится созвучным с *каторгой*, а образ героини — с *каторжной*.

«Каторжная» героиня не хочет испортить жизнь ни политического ссыльного Симонсона (ср.: «Какая я жена — каторжная? Зачем мне погубить еще и Владимира Ивановича?») [Там же: 474], который «особенный» [Там же: 502] и любит ее такой, какой она есть), ни сопровождающего ее Нехлюдова. Женитьбу на ней последний сначала задумывает ради «нравственного удовлетворения», чтобы загладить свою вину. Это определяется нарратором как «умиление» и, следовательно, оценивается как фальшь [Там же: 131]. Маслова же сначала отказывается от своего возлюбленного из-за глубокой обиды, что раньше он воспользовался ею и теперь хочет того же. Однако, когда она говорит «не “прощайте”, а “простите”» [Там же: 503], Нехлюдов осознает, что в конечном счете она жертвует собой, отказываясь от него: «...она продолжает любить меня и для моего же блага отказывается от меня и навсегда сжигает свои корабли, соединяя свою судьбу с Симонсоном» [Там же: 503]. Здесь создается метафорическое соотношение с *кораблями*. Катюша полностью очищается от своих грехов и становится достойной своего имени, означающего ‘чистоту’.

Отметим, что в романе Толстого Катериной Ивановной называется любимая и полезная тетя Нехлюдова, верующая в искупление. Образуются в этой связи и новые фонические сближения: вследствие ходатайств героя государь «соизволил заменить ей каторжные работы поселением в местах не столь отдаленных Сибири» [Там же: 494], как становится известно из письма *Селенина*, фамилия которого созвучна с *поселением*.

Имя *Любовь* («Любаша»), полученное героиней в статусе проститутки, тоже меняется: от обозначения ‘наслаждения’, ‘соблазна’ и ‘прелюбодеяния’ переходит к ‘влюбленности’, а в итоге — к настоящей ‘любви’ как служению людям. Перерождение, ‘воскресение’ героини сказывается и на ее внешности: вместо гадливой «отвратительной» [Там же: 82] *улыбки* развратной женщины в результате испытываемого к ней сострадания и желания помочь снова появляется покорная, смиренная, «жалостная» [Там же: 503].

Масловой называется героиня, как правило, в тех случаях, когда подчеркивается ее социальное положение, по которому она обретает власть над мужчинами. Возможно, поэтому и так часто повторяется с осуждающей повествовательной оценкой слово *власть* в созвучии с *Масловой*. Определения фигуры героини также входят в этот фонический ряд повторов: она ‘*полногрудая*’, ‘*белая*’, ‘*черноволосая*’. На героиню глядят все мужчины в зале суда, в том числе и председатель, который говорит с ней «мягко и ласково» [Там же: 41]. Помимо *власти*, *ласки* также относятся к концептуальной и языковой сфере *прелюбодеяния*. Добавим, что в мире романа Нехлюдов обращается как по делу Масловой, так и безвинно содержимых бесписьменных к офицеру — казначею полка, достигшему высокого чина, по фамилии Масленников. Героиня же совершает свое падение в христианскую

Пасху и ждет своего спасения от студента во время языческого праздника Масленицы, в последний день которой православные отмечают Прощеное воскресенье. Это также реализуется в сюжете романа.

В этой связи возникают ассоциации также с *Марией Магдалиной*, кающейся за свои грехи и обмывающей *маслом* ноги Иисуса Христа. Острожное богослужение, в ходе которого говорится об изгнании из нее семи бесов, что будто повторяется в истории Масловой, представлено таким же опустошенным словом, как и судебный процесс. На самом деле в романе фигурирует несколько *Марий*, которые, несмотря на свою кажущуюся невинность и чистоту, гораздо больше подходят под определение проститутки в плане попыток соблазнения мужчин, в частности, Нехлюдова, чем Маслова. Его бывшую любовницу, жену предводителя зовут *Марья Васильевна*. В компании Марьи-Мисси герой чувствует себя как лошадь, которую ведут «запрягать» [Там же: 117]. По мнению князя, эти женщины опутывают его нитями, соблазняют и покоряют его, т. е. имеют над ним власть, а он чувствует «робость» перед ними. Кокетство Mariette сначала нравится ему, но потом он воспринимает его как грех, внутренне чувствуя, будто «сделал какую-то гадость» [Там же: 359] (ср. с грехом перед Катюшей). Характеристика внешних черт героини («ее энергическое и веселое лицо» [Там же: 334], «взгляд блестящих глаз» [Там же: 336]) обозначает в тексте романа отрицательную красоту, ибо сбивает с толку, как и ее речь, на самом деле пустая, несмотря на то что Нехлюдову сначала показались ее слова о смешивании ее с тем положением, в котором она находится, словами «необыкновенной глубины, искренности и доброты» [Там же: 336]. В результате своего просветления герой сопоставляет ее с уличной женщиной.

К трагической истории Масловой причастны другие Марии. Более строгую из выгоняющих Катюшу тетушек зовут Марья Ивановна, а надзирательницу в тюрьме — Марья Карловна. На каторге героиня, однако, следует примеру совершенно иной Марии — революционерки Марьи Павловны, которая приговорена была «к каторге за то, что взяла на себя выстрел» [Там же: 425]. В итоге же Катюша бросает пить и курить по мере своего освобождения от «грязной» жизни и отдачи себя другим (ср. выше *чистота*). В тексте романа переосмысливается сравнение с *охотой* в представлении интереса жизни Марьи Павловны, который «состоял, как для охотника найти дичь, в том, чтобы найти случай служения другим. И этот спорт сделался привычкой, сделался делом ее жизни» [Там же: 425], и трансформируется значение слова *спорт* из негативного, данного Новодворовым, в положительное.

Итак, настоящее дело *Масловой* заключается не только в обретении такого *масла*, которым можно искупить грехи, но и в созидании нового *слова* — прощения и служения. Таким образом, создается новое значение фамилии героини и коннотируется аллюзия на обмывание грязных чужих ног. В отличие от библейской истории, в сюжете романа мужчина Нехлюдов решает следовать за падшей женщиной на каторгу, где он и осознает смысл цитат из Евангелия («Священного Слова») о служении и собирается следовать их принципам. Здесь приводится и прямое значение слов: «...широкоплечий малый в свете фонаря очищал щепкой сапоги Нехлюдова от налипшей на них грязи» [Там же: 439].

Отметим, что фамилия *Нехлюдов* от 'никчемного', 'нехлюя' свидетельствует о строгой самокритике писателя и встречается уже в первых его произведениях, имеющих автобиографическую основу (см., например, «Утро помещика»). То, что Толстой задумал роман как обобщение и завершение всех своих предыдущих творений, подтверждается и межтекстуальным параллелизмом: Нехлюдов «Воскресения» оказывается другом Николенки Иртенева из трилогии «Детство. Отрочество. Юность» [Там же: 267].

В начале романа определения вещей и внешности героя («пуховый тюфяк», «гладкий» [Там же: 18]) содержат частицы этого слова-имени и также связаны с образом героини до ее трансформации: он 'белый', 'жирный', у него 'черная борода' и 'черные, вьющиеся волосы'. В отличие от ее одежды и арестантских вещей (ср. «соломенный тюфяк»), в связи с ним подчеркивается не грязная белизна, а «чистота», «душистость», его белье как «зеркало» и соткано из ценного материала. В результате жизненных изменений герой и физически изменяется.

Как в повести «Смерть Ивана Ильича», так и в романе «Воскресение» переинтерпретируется значение слова *суд*. В данном случае оно будто содержится в фамилии героя и обозначает не явление, производящее истину [Там же: 372], а «административное орудие для поддержания» порядка высшего сословия [Там же: 377]. Нехлюдов возмущается и приговором суда, ибо, по его мнению, надо изменить сам строй и самого человека: «Но какой смысл имеет то, чтобы человека, развращенного праздностью и дурным примером, запереть в тюрьму» [Там же: 378]. В этом отношении снова трансформируется смысловое поле слова *заключение*. А в мире романа Симонсон высказывает подобное положение: «Во время суда он решил, что судьбы не имеют права судить его» [Там же: 427].

Более того, в тексте романа проводится история перефразировки известных концептов. Так, слово *острог* постоянно рифмуется со *строгостью*. Это проявляется и в образе человека: «Смотритель острога был <...> величественный человек <...> Он очень строго принял Нехлюдова» [Там же: 495]. Согласно следующему сравнению, с людьми в остроге поступают, «как поступают при ловле рыбы неводом: <...> отбирают те крупные рыбы, которые нужны, не заботясь о мелкоте, которая гибнет, засыхая на берегу» [Там же: 432]. Толстой разоблачает и восприятие убийства как орудия «достижения высшей цели общего блага, законным и справедливым» [Там же: 433]. В конце его романа один старик вообще призывает к отказу от власти: «Будь сам себе начальником, тогда и начальников не нужно» [Там же: 509]. А Нехлюдов приходит к выводу, что только Бог имеет право судить, а люди должны помиловать, значит, любить друг друга (см. Мф. XVIII). Помогает ему также «Нагорная проповедь»: «...простые, ясные и практически исполнимые заповеди» [Там же: 514] о том, что каждый должен помогать, служить другим, и «всякое отступление от этого есть ошибка, тотчас же влекущая за собою наказание» [Там же: 516]. Про это говорит и притча о виноградарях, и это означает для Нехлюдова новую жизнь, как для Катюши служение. Старый строй — «весь этот праздный, роскошный мир Корчагиных с их ничтожными, жалкими интересами» в новом понимании героя отличается от «настоящей трудовой и человеческой

жизни», и «он испытывал чувство радости путешественника, открывшего новый, неизвестный и прекрасный мир» [Там же: 417].

Так получает новый смысл и *воскресение*: «...все, что случилось с ним с этих пор, получало для него совсем иное, чем прежде, значение» [Там же: 516]. Отметим, что аналогично воплощается в тексте романа анаграмма сегмента фамилии героя **дух*: состояние «не в духе» [Там же: 117] противопоставляется природному воздуху («чистый воздух» [Там же: 107], «морозный воздух» [Там же: 477]), надышавшись которым, человек преобразовывается. Нехлюдов также душевно и нравственно перерождается (воскресает) в ходе своих попыток решить дело своей возлюбленной и других заключенных женщин. Принесением некоего освобождения им герой добивается и реализации в тексте романа значения 'людо-любия'. А его имя Дмитрий, т. е. 'плодоносный', воплощается в настоящем *воскрешении* Катюши-Любови.

В заключение скажем несколько слов еще об одном концепте. Толстой шокирует утверждением **обыкновенности** истории соблазнения и падения героини. Ее фигура в романе воспринимается через точку зрения Нехлюдова, так как на суде лишь он видит ее «исключительную» духовную личность [Там же: 42]. Когда он представляет ее дело ответственному лицу, тот ему не верит: «— Да, да, это может быть, но сенат не может рассматривать дело по существу, — сказал Владимир Васильевич строго, глядя на пепел. — <...> — Это, мне кажется, исключительный случай. — Знаю, знаю. Все случаи исключительные. Мы сделаем, что должно. ... — Пепел все еще держался, но уже дал трещину и был в опасности» [Там же: 303]. Толстой и здесь применяет свой излюбленный прием метафорической презентации предметов, выражающих овеществление человека (ср. подобный фрагмент в «Смерти Ивана Ильича», где вдова боится, что пепел от сигареты друга умершего мужа загрязнит стол). Нехлюдов, вслед за известным адвокатом, говорит в своих прошениях по помилованию об «исключительном случае» осуждения Масловой, однако из историй других приговоренных получается, что это такая же обыкновенная история.

Этим Толстой снова шокирует, вместе с тем можно утверждать, что самое поразительное в его романе — это его поэтика: превращение обыкновенной лексики в исключительные Слова с большой буквы. Так наше исследование этой Истории может открыть дальнейшие перспективы в создании словаря романа.

Источники

Толстой Л. Н. Воскресение // *Толстой Л. Н.* Полное собрание сочинений в 90 томах. Т. 32. М.: Художественная литература, 1936.

Литература

Андреева В. Г. Проблема власти в романе Л. Н. Толстого «Воскресение» // Новый филологический вестник. 2020. № 4 (55). С. 96–112.

Архангельская Ю. В. Лев Толстой в языке и речи: Словарь инноваций (лексика, фразеология, афористика). Тула: ТППО, 2016. 325 с.

Джаубаева Ф. И. Экзотическая лексика в произведениях писателей о Кавказе: А. А. Бестужев-Марлинский, А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, Л. Н. Толстой: опыт словаря / под ред. Штайн К. Э. Ставрополь: Изд-во Ставроп. гос. ун-та, 2008. 264 с.

Кузина Л. Н., Тюнькин К. И. «Воскресение» Л. Н. Толстого. М.: Художественная литература, 1978. 118 с.

Ломакина О. В. Фразеология в языке Л. Н. Толстого: лингвистический комментарий и лексикографическое описание: дис. ... докт. фил. наук / Санкт-Петерб. гос. ун-т. СПб., 2016. 383 с.

Романов Д. А. Языковой мир Льва Толстого глазами современного читателя. Тула: Изд-во ТГПУ им. Л. Н. Толстого, 2008. 158 с.

Романов Д. А., Савина Е. О. За строкой «Войны и мира» Л. Н. Толстого: учебный словарь редких, забытых и непонятных слов романа. Тула: Изд-во ТГПУ им. Л. Н. Толстого, 2013. 120 с.

Скафтымов А. П. Идеи и формы в творчестве Л. Толстого // *Скафтымов А. П.* Нравственные искания русских писателей. М.: Художественная литература, 1972. С. 134–181.

Феркель В. Б. Биографический словарь личных имен романа Л. Н. Толстого «Война и мир». Челябинск: Цицеро, 2006. 215 с.

Частотный словарь романа Л. Н. Толстого «Война и мир» / Сост. З. Н. Великодворская, Г. С. Галкина, Г. В. Куперман, В. М. Цапникова. Тула: Тульский гос. пед. ин-т, 1978. 380 с.

Шестакова Л. Л. Современное состояние русской авторской лексикографии // Вопросы языкознания. 2019. № 2. С. 126–150.

Шкловский В. Б. О теории прозы. М.: Федерация, 1929. 267 с.

Angelika Molnar
University of Debrecen
(Hungary, Debrecen)
mandzsi@gmail.com

**VOCABULARY OF THE TOPIC *CRIME AND TRIAL*
IN LEO TOLSTOY'S NOVEL "RESURRECTION":
A PREVIEW OF THE WORK ON THE DICTIONARY
OF THE LANGUAGE OF THE NOVEL**

Such a significant work of L. N. Tolstoy as the novel "Resurrection" has not yet found its lexicographer. The linguopoetic study of the "Resurrection" can also serve as material for working on the author's dictionary of the work, because the patterns and trends of the writer's use of certain words in connection with the description of the judicial process, the investigation of crimes and similar phenomena are revealed. Thus, firstly, the

semantic transformations of devastated traditional concepts in connection with the words *power, session, prison, hard labor* are considered; secondly, the formation of the new author's word is also studied through similes and metaphors (see, in particular, the bestiary); and thirdly, an analysis of onomastics is carried out (*Lyubov, Katyusha, Maslova, Nekhlyudov*). From this point of view, the linguistic layer denoting the *fall, punishment* and *salvation* in the realization in the text of the novel of the innovative meaning of the *resurrection*, as a rethinking of the *court case* in the *history of service*, is analyzed. The author's observations on systemic relations are limited to a narrow range of vocabulary, due to the small coverage of the topic at this initial stage of the study. Conclusions are made on the basis of both phonogrammatic and semantic observations.

Key words: “Resurrection”, Tolstoy, penitentiary dictionary, similes and metaphors, semantic innovations, meanings of names.

References

Andreeva V. G. [The problem of power in the novel of L. N. Tolstoy “Resurrection”]. *Novyi filologicheskii vestnik*, 2020, no. 4 (55), pp. 96–112. (In Russ.)

Arhangel'skaya Yu. V. *Lev Tolstoy v yazyke i rechi: Slovar' innovatsii (leksika, frazeologiya, aforistika)*. [Leo Tolstoy in language and speech: Dictionary of innovations (lexicon, phraseology, aphoristics)]. Tula, TPPO, 2016. 325 p.

Chastotnyi slovar' romana L. N. Tolstogo «Voyna i mir». [Frequency dictionary of the novel by L. N. Tolstoy “War and Peace”]. Z. N. Velikodvorskaya, G. S. Galkina, G. V. Kuperman, V. M. Tsapnikova (comp.). Tula, Tula State Pedagogical Institute Publ., 1978. 380 p.

Dzhaubaeva F. I. *Ekzoticheskaya leksika v proizvedeniyakh pisatelei o Kavkaze: A. A. Bestuzhev-Marlinskii, A. S. Pushkin, M. Yu. Lermontov, L. N. Tolstoy: opyt slovarya*. [Exotic vocabulary in the works of writers about the Caucasus: A. A. Bestuzhev-Marlinsky, A. S. Pushkin, M. Yu. Lermontov, L. N. Tolstoy: dictionary experience]. Shtain K. E. (ed.). Stavropol', Stavropol' State University Publ., 2008. 264 p.

Ferkel' V. B. *Biograficheskii' slovar' lichnykh imen romana L. N. Tolstogo «Voyna i mir»*. [Biographical dictionary of personal names of the novel by L. N. Tolstoy “War and Peace”]. Chelyabinsk, Cicero Publ., 2006. 215 p.

Kuzina L. N., Tyun'kin K. I. *«Voskresenie» L. N. Tolstogo*. [“Resurrection” by L. N. Tolstoy]. Moscow, Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1978. 119 p.

Lomakina O. V. *Frazeologiya v yazyke L. N. Tolstogo: lingvisticheskii kommentarii i leksikograficheskoe opisanie. Dis... dokt. filol. nauk* [Phraseology in the language of L. N. Tolstoy: linguistic commentary and lexicographic description. Dr. philol. sci. diss.]. St. Petersburg, St. Petersburg State University Publ., 2016. 383 p.

Romanov D. A. *Yazykovoii mir L'va Tolstogo glazami sovremennogo chitatelya* [Leo Tolstoy's language world through the eyes of the contemporary reader]. Tula, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University Publ., 2008. 158 p.

Romanov D. A., Savina E. O. *Za strokoi «Voyny i mira» L. N. Tolstogo: uchebnyi slovar' redkikh, zabytykh i neponyatnykh slov romana* [Under the phrases of “War and Peace” by L. N. Tolstogo: students' vocabulary of rare, forgotten and incomprehensible

words of the novel]. Tula, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University Publ., 2013. 120 p.

Shestakova L. L. [The modern state of Russian author lexicography]. *Voprosy jazykoznanija*, 2019, no. 2, pp. 126–150. (In Russ.)

Shklovskii V. B. *O teorii prozy* [On the theory of prose]. Moskva, Federatsiya, 1929. 267 p.

Skaftymov A. P. [Ideas and forms in the works of L. Tolstoy]. Skaftymov A. P. *Nravstvennye iskaniya russkikh pisatelei* [Moralistic quests of Russian writers]. Moscow, Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1972, pp. 134–181. (In Russ.)

Tolstoy L. N. [Voskresenie]. Tolstoy L. N. *Polnoe sobranie sochinenii v 90 tomakh* [Complete works in 90 volumes]. Moscow, Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1936, vol. 32. (In Russ.)

Н. Т. Тарумова
НИВЦ МГУ имени М. В. Ломоносова
(Москва, Россия)
n-tarumova@yandex.ru

МИНЕРАЛОГИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА КАК СПОСОБ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЦВЕТА В ПОЭТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ АНДРЕЯ БЕЛОГО

Настоящая статья описывает некоторые аспекты использования названий драгоценных камней и металлов, обозначающих цвет, в поэтических текстах Андрея Белого. Цель статьи — установление специфики функционирования, семантико-эстетической и концептуально-образной реализации в поэтической картине мира Белого минералогических цветообозначений как инструмента авторской перцепции. Объектом анализа являются минералогические лексемы в поэтическом языке Андрея Белого. Предмет статьи состоит в рассмотрении функционирования этих лексем. Лексемы самоцветов вошли в активный словарный запас поэтического языка писателя, обросли большим количеством дериватов и устойчивых словосочетаний. Проанализировано функционирование этих слов, образованных от них лексем и устойчивых словосочетаний в поэтических текстах Андрея Белого. Минералогические лексемы у русских поэтов были любимыми средствами выражения представлений о природе, красоте, ценности, любви, переживаниях. Драгоценные камни и металлы, их дериваты и словосочетания встречаются в произведениях большинства русских поэтов, они отмечены в стихах А. Пушкина, М. Лермонтова, М. Цветаевой, В. Брюсова, К. Бальмонта, А. Блока и многих других. В статье анализируются представленность и особенности репрезентации образов драгоценных камней и металлов в лирике Андрея Белого. В рамках исследования было выявлено, что драгоценные камни и металлы чаще используются в образах природы и природных явлений. На основе проведенного исследования планируется составление словаря.

Ключевые слова: авторская лексикография, идиостиль, коннотация, контекст, минералогическая лексика, поэтическая картина мира, цветообозначения.

«Начиная разговор о мотивах и образах драгоценных камней в русской поэзии конца XIX — начала XX в., необходимо отметить, что никогда, ни в лирике предшественников, ни позднее, не наблюдалось такого обилия “ювелирной метафорики”, как в поэтических текстах рубежа веков» [Венгеров 2004: 34]. Исследователями

(Т. Хмельницкая, С. Аверинцев, Н. Кожевникова, З. Минц, М. Вайскопф и др.) отмечается важная роль драгоценных камней в формировании мотивно-образной структуры произведений. У каждого поэта есть своя определенная цветовая палитра, наиболее частотные сочетания цветов и их различных оттенков. В словаре Н. Павлович подробно описываются ряды образов, в том числе и образов драгоценных камней [Павлович 1999]. Нередко сами поэты выступали критиками своих произведений и других поэтов. Так, Брюсов говорил о сборнике Белого «Золото в лазури», как о «горсти драгоценных камней». Андрей Белый изобразил ранний символизм с помощью образов зеркала и драгоценного камня [Белый 1910а: 207–208], отметил также «ювелирную метафорику» В. Иванова [Белый 1910б: 54–55].

Драгоценные камни и металлы нашли широкое отражение в прозаических и поэтических текстах Белого. Поэт использует их в качестве символов изящества, красоты и совершенства, обращаясь к метафорам, эпитетам, аллегориям и образам, связанным с драгоценными камнями и металлами, для внешнего описания природы, основных героев, выражения их чувств и передачи их психологического состояния.

К. Н. Бугаева, жена писателя, подчеркивала, что «он “списывал”: то есть переносил, облекая в слова, взятые с <...> камешков краски на одежду, особенно на женские платья, и на обстановку: ковры, драпировки, обои, мебель, посуду» [Бугаева 2001: 184, 188; Спивак 2016: 127–143].

При работе над поэтическим словарем цвета использовался корпус поэтических текстов из прижизненных сборников стихов Белого, относящихся к разным периодам его творчества [Тарумова 2020]. Словарь выстраивается по критериям языковой системы, частеречных отношений, количественных соотношений и лексико-семантической сочетаемости; рассмотрено около 600 стихотворений Андрея Белого (более 56 000 словоупотреблений). Выявлены цветовые лексемы и составлен рабочий вариант словаря, в который вошло около 800 (768) цветовых лексем в алфавитном порядке с примерами, проведен анализ лексем, обозначающих цвет, с последующим обобщением полученных количественных данных. Заметную и важную часть цветового словника занимают минералогические лексемы. В поэтических текстах в составе цветовой лексической группы слов встретилось 45 наименований, связанных с минералогией: *лазулит/лазурит* (104), *алмаз* (52), *жемчуг* (29), *рубин* (25) и др.; 10 наименований металлов: *золото* (60), *серебро* (45), *сталь* (4), *свинец* (4), *магнит* (2), *бронза* (1), *медь* (1), *металл* (1), *олово* (1), *чугунный* (1), указанные в таблице 1 в порядке убывающей частотности, с возможными синонимами и деривацией. Имена прилагательные составляют заметную часть поэтического словаря цвета, занимая важное место в системе художественных средств идиостиля Белого. То же самое можно сказать и о группе слов, связанных с минералогией, в частности о минералогических прилагательных цветообозначения, которые в поэтической системе поэта используются в качестве эпитетов: *Серебряный путь; В печали янтарно-закатной; Заблестали алмазные слезы; Юность золотая* [Кожевникова 1986: 252].

Отметим способность цветочных слов развивать в художественном контексте эмоциональную многозначность: передачу смены чувств, настроений, вынесения оценок. Так, в ряде случаев минералогические лексемы эксплицируют цвето- и светообразы, соотнесенные с зонами «небо» и «небесные светила», «водные пространства», «ландшафт», например: *В бриллиантовом небе; И небо — В рубинах / Над нами; В небе туча горит янтарем; Касатки тонут в небе бирюзовом; И в озера / Литой металл / Темноты тусклые уронит; Свинцовые воды вспенил; Надо мной хрустальные дожди; Стоит над миром солнца шар янтарный; Серебрится туман.*

Наименования ювелирных камней реализуют эмоционально-оценочные и экспрессивные коннотации: цвет, интенсивность цвета, яркость цвета, прозрачность, блеск и др.: *Нальется в окна бирюза, / Воздушное нальется злато. / День — жемчуг матовый — слеза — / Течет с восхода до заката; Косный, каменный мир / В самоцветы одень.*

Использование Белым различных способов словообразования минералогических колоративов (неморфологического, морфологического, синтаксического) привело к формированию группы слов, обозначающих цвет (таблица 1). Неморфологический способ представлен в поэтических текстах Белого лексико-семантической разновидностью, которая основывается на образности лексических единиц: *Душа смиришь: средь пира золотого; Горячее солнце — кольцо золотое.* Морфологический способ словообразования минералогических колоративов представлен деривационными моделями словообразования, включающими суффиксальные, префиксальные, префиксально-суффиксальные образования: *Тучек янтарных гряда золотая; Прозолотел прекрасным; Забриллиантилась — в меня; Над старой, озлащенной башиней.* Также образование колоративов в поэтическом дискурсе поэта происходит путем словосложения (возможно сложение не только колоративных основ): *Молнии рубинно-сапфирные; В печали бледной, виннозолотистой, / закрывшись тучей / и окаймив дугой ее огнистой, / серебристо жгучей, / садится солнце красно-золотое.* Синтаксический способ образования колоративов заключается в передаче цветового ощущения словесным комплексом: *День — жемчуг матовый — слеза* [Кожевникова 1992: 110–145].

На основе развернутой классификации исследуемой группы драгоценных камней и металлов выделим наиболее частотные и приведем примеры лексических доминант. Белый использует ряд минералогических эпитетов, за которыми в толковых словарях закреплено цветовое (или световое) значение. Так, цветовая номинация *лазурь* (104) — «светло-синий, лазурный» [БАС] и *лазурный* — «цвета лазури, светло-синий» [Ожегов 1997], «светло-синий, цвета ясного неба, небесно-голубой» [БТС], этимологически связаны с минералогическим наименованием *лазурит* — «минерал синего цвета» [БАС], в поэтических пейзажах и в портретных описаниях поэтических героев поэта они выступают в качестве образно-конструктивного средства передачи окраски неба, уходящего вдаль пространства, водоемов, реализуя при этом дифференциальные признаки «яркость», «интенсивность цвета», «свет», «блеск»: *Косматый бог лиет лазурь из чаши / и водопад из перламутра;*

Сияло море пьяное лазури; Нам небо смеялось, лазурью блестя; С высей ложится на нас / отблеск лазоревый; Незнакомец с лазурью очей; лицо янтарно-восковое / в лазурноясном счастье цепенело; Стекланные рои стрекоз / летят в лазуревые глади; В лазуревых просторах носит; Мой гроб уплывет — золотой в золотые / лазури; Белых тучек нарвал средь лазури.

Жемчуг в стихах Белого является средством выражения представлений о красоте, ценности, любви, переживаниях, природных явлениях. Слово *жемчуг*, его синонимы, дериваты и словосочетания с ним широко используются поэтом, ср. *жемчуг* (21): *День — жемчуг матовый — слеза — / Течет с восхода до заката; жемчужина* (4): *Пузырьками воздушных жемчужин; жемчужный* (4); *жемчужною песнью тебя, / любя, окатил; гри-де-перлевый* (1, устар. жемчужный, серого оттенка): *А в дверях шуришит уж трэном / Гри-де-перлевым жена; жемчужовый* (1): *Как фонтан, прорывает твой хохот, / Жемчужовую грудь изрывая; Жемчужно-розовый* (6): *Пусть на меня заря прольет / Жемчужно-розовые пятна; бурмидское зерно* (1, устар.): *Бурмидским жемчугом взлетело утро; перл* (6, устар.): *И сеет перлы хладная роса; перловый* (16, устар.): *И дышит хладная волна / На лист перловый.* Данная лексема определяется в толковом словаре как «драгоценное перламутровое вещество в форме зерен белого, желтоватого, розоватого (реже черного) цвета, добываемое из раковин некоторых моллюсков», имеется оттенок (смысловое варьирование) значения — «изделие, украшение из таких драгоценных зерен», а также смысловой сдвиг (образное употребление) «о белоснежных зубах», которое фиксируется в устойчивом словосочетании «зубы как жемчуг» [БТС]. Слово *жемчуг* Белый использует в его первичном и переносных значениях: *Ожерелье жемчугов; Вновь тучки на вас понесутся, — / когда жемчуга / прольются.* Среди дериватов, связанных со словом *жемчуг*, отметим прилагательное *жемчужный*, которое образуется с помощью суффикса. У этого прилагательного имеется значение «сделанный из жемчуга, с жемчугом» и его переносный оттенок «напоминающий жемчуг своим видом, блеском, оттенком» [МАС]. В тексте лексема встречается чаще с метафорическим переносом семантики: *Мои слова — жемчужный водовет; Исполнен глубоких, мистических сил, / жемчужною песнью тебя, / любя, окатил.*

Цветономинации *золото* (60) и *серебро* (45) у Белого являются продуктивными и занимают значимое место, преимущественно эксплицируют образы, соотнесенные с реалией «небо» (солнце, месяц, луна, звезды, заря, день и т. п.), реализуя при этом комплекс связанных с соответствующими свето- и цветоощущениями положительных эмоционально-оценочных коннотатов: *Солнце — вечное окно / в золотую ослепительность; В розах золото лучей / красным жаром разливается; И все ярче рассвет / золотого огня; Месяц серебряный, юный; В волнах фиолетово-мглистых / луна золотая плывет; Серебро, серебро / омывает струей нас звенящей.* Поэт использует существительное *золото* в значении драгоценный металл, а прилагательное *золотой* при описании одежды, предметов: *В золотой и зубчатой короне; Мое золотое кольцо;* при создании ландшафтных описаний: *Луна золотая плывет;* в портретных зарисовках: *Незнакомец <...> с золотой бородкой;* для описания солнечного света: *И на море от солнца / золотые дрожат языки. /*

Всюду отблеск червонца / среди всплесков тоски; Солнца контур старинный, золотой, огневой, / апельсиновый и винный / над червонной рекой. «Солнце в лирике Белого — это не только источник радостного бытия, но и могущественное светило, разумное и совершенное существо, которое является Божеством или выполняет Божью волю, поэтому имеет божественную власть над миром» [Багирова, Гаврикова 2016]: *От воздушного пьянства / онемела земля. / Золотые пространства, / золотые поля; Сияло небо золотой парчой; Встали груди утесов / среди трепещущей солнечной ткани; Упал на землю солнца красный круг. / И над землей, стремительно блистая, / Приподнялась зеркальность золотая / И в пятнах пепла тлела.*

Цветообозначение металла *свинец* выявляет коннотации отрицательной направленности («тяжелый», «давящий», «мрачный») за счет контекстуального символично-метафорического осмысления словосочетаний «свинцовые тучи, небо, воды», причем символ *свинец* как некий «груз» структурирует соответствующие метафоры: *страх свинцовый; взор свинцовый; свинцовая ночь; суровый свинцовый край* [Арутюнова 1990].

Андрею Белому принадлежит индивидуальная цветовая символика, которая говорит о том, что множественность смыслов стоит на первом месте в его творчестве, ср. необычные сочетания, авторские сравнения: *Кристаллы дум, алмазы слез; Пропела серебром; Смех серебрист; Страх свинцовый; Перловым зовом; Лазурным гулом тухнущие думы; Лазулитам лет; Лазоревая сила; Золотой, осенний смех; Золотое, старинное счастье; Сказка изумрудная; Лазулитовая лень; Бирюзовым зовом* и др. (таблица 2).

Анализ фактического материала позволяет говорить о том, что Андрей Белый отводит минералогическим лексемам символическую, эмоционально-оценочную, семантическую и изобразительную функции, а также активно использует их для формирования лейтмотивов в поэтических текстах. Названия драгоценных камней и их производные в лирике поэта демонстрируют значительное расширение образной парадигматики из-за неограниченных возможностей сочетаемости с денотатами.

Минералогические лексемы поэт использует, прежде всего, при описании природных реалий, так как данные лексемы несут в себе образные характеристики: это и «свет», и «цвет», и «форма» минерала. Причем наиболее распространенными реалиями, которые поэт раскрывает с помощью минералогической лексики, являются «солнце» («закат», «восход», «луч»), «луна», «звезды».

В таблице 1 приведен перечень драгоценных камней и металлов по убывающей частотности (если частотность совпадает, единицы располагаются в алфавитном порядке) с возможными синонимами и деривацией (при наличии). В колонке «общая частотность» (ОЧ) единицей количественного анализа считается лексема с ее словоупотреблением. На основании данной таблицы можно утверждать, что преобладающими являются следующие минералогические колоремы с их производными: *лазурь* (193), *камень* (114), *алмаз* (97), *бирюза* (80), *жемчуг* (68), *янтарь* (49), *рубин* (40), *изумруд* (30), из металлов — *золото* (288), *серебро* (204), *свинец* (32).

В таблице 2 отмечено 235 примеров употребления коннотативных минералогических цветowych лексем (индивидуальная цветовая символика, необычные сочетания, авторские сравнения).

Таблица 1. Перечень драгоценных камней и металлов по убывающей частотности

№	Минерал и металл. Частотность по убыванию	Деривация	ОЧ
I	II	III	IV
1.	Лазурь (104), Лазулит (4)	лазурный (38), лазуревый (13), лазоревый (10), бледно-лазурный (6), лазурно-безмирный (3), лазури-ляпис (2), лазурней (2), лазурно-атласный (2), лазурно-ясный (2), лазурев-лилейный (1), лазуриться (1), ляпис-лазури (1), олазурен (1), олазуренный (1).	193
2.	Золото (60)	Золотой (211), золотистый (41), злато (15), златой (13), озолотить (7), золотокарий (6), златистый (4), златить (4), золотеющий (4), золотить (4), золотохохлый (4), красно-золотой (4), бледнозолотистый (3), златокарий (3), златисто зыблемый (2), златиться (2), златоголовый (2), злато-тканый (2), золотокосмый (2), изумрудно-золотистый (2), красно-золотистый (2), озлащенный (2), пенно-золотой (2), позолота (2), бледнозолотой (1), виннозолотистый (1), зеленозолотистый (1), златозор (1), златоколесый (1), златомирный (1), златоогненный (1), златоперый (1), златоцветный (1), золотарь (1), золотеть (1), золотеть (1), золотисто-янтарный (1), золотиться (1), золотоголовый (1), золотокосый (1), золотолобый (1), золотокосый (1), золотордьяный (1), золоченый (1), златосветный (1), мирозлатный (1), небесно-золотой (1), озолощенный (1), отзолотить (1), прозолотеть (1), пышнозолотой (1), дымнозолотой (1).	288
3.	Камень (59), Голыш (1)	Каменный (34), камня (9), каменистый (4), окаменеть (3), каменеть (1), каменно (1), каменно-белый (1), окаменев (1).	114
4.	Алмаз (41), Бриллиант (10), Диамант (1)	Алмазный (20), алмазноглазый (3), бриллиантовый (3), алмазить (2), алмазый (2), алмазник (1), алмазно-зреющий (1), алмазящийся (1), забриллиантиться (1).	97
5.	Серебро (45)	Серебряный (85), серебристый (28), серебрист (7), серебро (6), серебриться (5), серебряно-бледный (5), серебрянный (2), серебреть (2), сребря (2), сребристогожучий (2), сребристый (2), воздушно-серебряный (1), метельно-серебряный (1), пересеребрение (1), посеребрение (1), серебряный (1), серебрить (1), сереброблещущий (1), серебророгий (1), сереброусый (1), серебряно (1), серебряно-белый (1), сребриться (1), сребрясь (1).	204
6.	Жемчуг (21), Перл (6) и Бурмидское зерно (2, устар.)	Перловый (16), жемчужно-розовый (6), жемчужина (4), жемчужный (4), гри-де-перлевый (3), бурмидский жемчуг (2), жемчуговый (1), бледно перловый (1).	68
7.	Рубин (25)	Рубинный (4), рубиновый (3), рубиннозолотой (1), рубинно-сапфирный (1), рубинношелковый (1).	40

Продолжение табл. 1

№	Минерал и металл. Частотность по убыванию	Деривация	ОЧ
I	II	III	IV
8.	Бирюза (20)	Бирюзовый (40), бирюзеть (6), бледнобирюзовый (6), бирюзеющий (3), бирюзить (1), бирюзоветь (1), бирюзовость (1), дымно-бирюзовый (1), забирюзевший (1).	80
9.	Янтарь (17)	Янтарный (21), янтареть (2), янтарно-закатный (2), янтарно-розовый (2), золотисто-янтарный (1), красноянтарный (1), янтареющий (1), янтарно-восковой (1), янтарно-красный (1).	49
10.	Сапфир, сафир (15)	Сапфировый (2), сафирный (2), сапфирный (1).	20
11	Порфир (14) (Вулканическая горная порода, «камень королей»).	Порфирный (4), порфирородный (3), порфиропламенный (2), порфиновый (1).	24
12.	Изумруд (7), смарагд (4, устар.)	Изумрудный (12), изумрудить (2), изумрудно-золотистый (2), бледно-изумрудный (1), изумрудно-пенный (1), смарагдовый (1).	30
13.	Эмаль (11)	(0)	11
14.	Аметист (10)	Аметистовый (1).	11
15.	Берилл (8)	(0)	8
16.	Опал (8)	Опаловый (1).	9
17.	Хрусталь (8)	Хрустальный (11), хрусталея (1).	20
18.	Гранат (4), Карбункул (2) (Разновидность граната)	(0)	6
19.	Перламúтр (5)	Перламúтрóвый (4), перламúтроводымный (1).	10
20.	Базальт (4) (Используется в строительстве, ювелирном деле, декоре).	(0)	4
21.	Гранит (0)	Граниторозовый (1).	5
22.	Коралл (4)	Коралловый (3).	7
23.	Оникс (4) (Оникс и агат, разновидности слоистого халцедона).	(0)	4
24.	Свинец (4)	Свинцовый (28).	32
25.	Сталь (4)	Стальной (2).	6
26.	Яхонт (4) (Устар. назв. красного и синего ювелирных минералов корундов. Красным яхонтом или лалом называли рубин, а «яхонтом лазоревым» или синим — сапфир).	(0)	4

№	Минерал и металл. Частотность по убыванию	Деривация	ОЧ
I	II	III	IV
27.	Топáz (3)	(0)	3
28.	Драгоценный (2)	(0)	2
29.	Меланит (2), подвид граната	Меланитовый (1).	3
30.	Магнит (2) (Кусок железной руды или стали, обладающий свойством притягивать железные или стальные предметы, минерал черного цвета).	(0)	2
31.	Стеклярус (2)	Стеклярусный (1), стеклянный (1).	4
32.	Агат (0)	Агатовый (1).	1
33.	Амиант (1)	Амиантовый (1).	2
34.	Бисер (0)	Бисерный (3). (Ювелирные кристаллы, стеклянные бусины).	3
35.	Бронза (1)	Бронзовый (2), бледно-бронзовый (1), бронзоворозовый (1).	5
36.	Гиацинт (1) (Разновидность циркона. Обладает блеском бриллианта и имеет крово-красный цвет).	(0)	1
37.	Малахит (1)	(0)	1
38.	Медь (0)	Медный (5), медножáвый (4), меднобрóнный (1).	10
39.	Мергель (1) (Камень мергель — один из первых строительных материалов нашей цивилизации).	(0)	1
40.	Металл (1)	Металлический (2).	3
41.	Мрамор (1)	бледномраморный (4), беломраморный (4), Мраморный (1).	10
42.	Олово (1)	Оловянный (1).	2
43.	Самоцветы (1) (Термин для обозначения камней).	Самоцветный (2).	3
44.	Хризолит (1)	Хризолитовый (3).	4
45.	Чугун (0)	Чугунный (7).	7

Таблица 2. Коннотативные употребления цветообозначений

№	минералогическая лексема	пример
I	II	III
1.	алмаз, бриллиант, диамант	<i>кристаллы дум, алмазы слез; шепот алмазных фонтанов; заблестали алмазные слезы; и в алмазах ресницы; луна алмазит стекла; алмаз серебрится в кудрях, как роса; пионов капелек росы пью жадно диаманты; в высь стреляют бриллиантом (из винтовок); горсть алмазных зарниц; гранимый призраком алмаз; забриллиантилась — в меня; Живой алмазник засветлен; алмазно-зреющих слезах; Колье — алмазные морозы.</i>
2.	аметист	<i>как далекие звезды, мерцали аметисты; на баинях дальних облаков ложились мягко аметисты; аметисты в волне; как рой аметистовый; облако омолоненное ярким аметистом; как аметисты, линии нагорий.</i>
3.	амиант	<i>А небо — камень амиант — / Бросает первый бриллиант; Под амиантовым / Небом — / Сгори!..</i>
4.	базальт	<i>В базальте — пещеры серые; голый базальт; голубой базальт.</i>
5.	берилл	<i>по беломраморным щекам струились крупные бериллы; бериллы и жемчуг и слезы зажгли ей ланиты; месяц мертвенный опал, желтился отсветом берилла.</i>
6.	бирюза	<i>бирюзовым зовом; в бирюзовый, как зовы, мой сон; неба бирюза; ударит молнией в бирюзе; в бирюзу немую взоров; бирюзовые взоры не хмурь; в бирюзу немую взоров; нальется в окна бирюза; омыт бирюзой; ручей струи из бирюзы; разлив весенней бирюзы; бирюзовая вечность; бирюзовый всплеск; бирюзовые взоры; под бирюзовою весной; в просвете бирюзовом; дни бирюзовые; в дыму бирюзовом; бирюзовый сон; бирюзовый эфир; в просвете бирюзовом; ветерок с бирюзовых высот; бирюзеешь напевно.</i>
7.	бисер	<i>И пена бисерной каймой / В прибрежных гольшах бежит; Так вьются бисерным туманом / Над прудом крылья коромысл; Крылья бисерные.</i>
8.	бронза	<i>бронзовое лицо; загорелая, бронзовая рука; Зажжем кенкэтов / Бронзовых огни...</i>
9.	гиацинт	<i>блестали топазы, смарагды, сапфиры, гиацинты, карбункулы.</i>
10.	гранат, карбункул	<i>темным пурпуром гранатов; темным, огневым гранатом; блестали топазы, смарагды, сапфиры, гиацинты, карбункулы.</i>
11.	гранит	<i>Туда — в века, в лазури-ляпис — / Граниторозовый простерт / В нее влюбленный, странный Апис.</i>
12.	драгоценный	<i>Вертя драгоценную тростью.</i>
13.	железистый	<i>Журчит железистый ржавец.</i>
14.	жемчуг, перл, бурмидское зерно	<i>перловым зовом; волчьи зубы блеснули жемчугом на луне; как сорванная цепь жемчужин, льются слезы; в заливе волны жемчугом разбились; пузырьками воздушных жемчужин; жемчужною песнью тебя, любя, окатил; жемчужно-розовые пятна; жемчужно розовые полосы; бурмидским жемчугом взлетело утро; прохлада струит перловую росу; сеет перлы хладная роса; на лист перловый; день — жемчуг матовый.</i>

№	минералогическая лексема	пример
I	II	III
15.	золото	<i>золото души; золотой смех; золотой плач; в золотой час; смех золотистый; золотистый смех; золотая юность; юность золотая; года золотые; златые словеса; мечты золотые; золотая лихорадка; средь пира золотого; согретье жаром тепла золотого; золотое, старинное счастье; прозолотел ликом; прозолотел прекрасным ликом; золотой перезвон / золотых, лучезарных дерев; Опять золотое вино на склоне небес потухает; вокруг нас океан золотой; золотой перелив; красное золото восхода; Воздушное нальется злато.</i>
16.	изумруд, смарагд	<i>сказка изумрудная; смарагдовым светом луна вдали озаряла избушки; два глаза изумрудят; песней изумрудит пенная блеснь; меж изумрудных волн; сетью проволоки повитый изумрудно-золотистых; светляки изумрудами блещут; на изумрудных струях метались струи солнца; средь нежных, изумрудно-пенных волн.</i>
17.	камень	<i>тяжкий камень; на камень упал бел-горючий; тяжковесный камень; старый камень; камень амазонит; камень лазулит; мраморный камень; камень твердолобый; небо — камень амазонит; сизый камень; месяц висит, как камень косный; камень дикий; грубый камень; сглаживают камень; расплавленный камень; мутный камень; каменное бремя; каменных пустынь; каменная хворь; каменные духи; каменные лики; каменный облик грохотно-белый; каменный ком; каменный хряц; каменный позор; мира каменная данность; каменная морда; каменный мир; суши каменные; окаменев в мечтах несмелых.</i>
18.	коралл	<i>тяжкий месяца коралл; коралловый, кровавый рог; как коралловый ствол; в заревой коралл; коралловыми губами.</i>
19.	лазулит, лазурь	<i>лазулитами лет; лазулитовая лень; сияли пьяные куски лазури; в лазурном счастье цепенело; лазуревые дури; лазурным гулом тухнущие думы; из бледной, печальной лазури; лазурные, невидимые силы; лазурные, таинственные силы; лазоревая сила; лазурилась пучина бытия.</i>
20.	магнит	<i>Так в ночи вспыхивает магний; / Бьет электрический магнит; / И над поклонниками Агни; / Взлетев, из джунглей заогнит; Провеял кризис философий, / Как некий гейзер снеговой: / Так в ночи вспыхивает магний, / Бьет электрический магнит.</i>
21.	малахит	<i>ряд колонн из малахита / Поддерживал высокий свод / Неописуемых красот.</i>
22.	медь	<i>В медно-ржавый перегар, медноржавое просо; медная молния.</i>
23.	меланит	<i>В ресниц прищуренную сонь, / Их опаляя меланитом; О, меланитовые очи</i>
24.	мергель	<i>С откосов оскалились в ливни / Слои вековых мергелей.</i>
25.	металл	<i>И в озера / Литой металл / Темноты тусклые уронит.</i>
26.	мрамор	<i>по беломраморным щекам струились крупные бериллы; мраморы прочерченных перил; мраморы крыл иссеченного гения; мраморный гром; бледно-мраморное тело красным отблеском зажглось; радуги — мраморы аркад; И — морок мраморного грома; у бледномраморных перил.</i>
27.	олово	<i>Дымится над дальним курганом / Тяжелого олова слой; На бури неба / Оловянного.</i>

№	минералогическая лексема	пример
I	II	III
28.	оникс	<i>месяц стыл / обломком матовым оникса; И месяц мертвенный поплыл / Белясьм очерком оникса.</i>
29.	опал	<i>Но, как опал, луна; Месяц матовый, — легкий опал; Да месяц, — белеющий / Друг — / Опалом очерчен / Из сини.</i>
30.	перламутр	<i>И водопад из перламутра; Перламутровые пни; Перламутрами / Унизаны, / Розовые — / — Крылья коромысла; Играют латы / Светом перламутра; Перламутровый трон; перламутровый дым.</i>
31.	порфир	<i>бунтующий порфир; стезей порфирной; порфира / Светила бледнобирюзовым миром.</i>
32.	рубин	<i>утренние рубины вливались в окна; лунный диск, чертя рубины, пляшет; рубин летящих звезд; рубиновые глазки; везде рубин и кубовая синь.</i>
33.	самоцветы	<i>самоцветной, как день слезой; каменный мир в самоцветы одень.</i>
34.	сапфир, сафир	<i>холодных сапфирах; На белом атласе сапфиры; Зари порфирная стезя / Сечет / Сафир сафирного / Чертога; На голове сафиром васильков; В сапфиры эфиров / Скорей!; синие стаи сапфиров...; Расцветись, стихия, в пламень и сафир; Секи сафир / Безмирного / Чертога!; Зари порфирная стезя / Сечет / Сафир сафирного / Чертога; Сафирный дым.</i>
35.	свинец	<i>страх свинцовый; взор свинцовый; свинцовая ночь; суровый свинцовый край.</i>
36.	серебро	<i>смех серебрист; серебряный трезвон; зов серебристый; серебряный путь; серебряным путем; серебряного прискорбия; серебряные грусти; серебряные грезы; серебряный голос; пропела серебром; месяц серебряный, юный; но я внимаю серебру заклокотавших колоколен; серебро, серебро омывает струей нас звенящей; серебряным воспоминаньем.</i>
37.	сталь	<i>И едко там стужа стальная / Сжигала ветрами в тайге.</i>
38.	стеклярус	<i>Свет / Дрожит, дробясь, / Как брызнувший стеклярус; Ясным / Стеклярусом — / — Пересияли / Блесталица.</i>
39.	топаз	<i>блестали топазы; Топазы сыплотся из глаз.</i>
40.	хризолит	<i>на водных хризолитах; на хризолитовых струях.</i>
41.	хрусталь	<i>небеса потухают хрустальные; хрусталь прошедших бурь; живой хрусталь; голос твой хрустальный; хрустальными застрекотав; хрустальные дали; хрустальные ихуны; пруд хрустальный. Хрусталея, небо зеленеет; хрустали золотые / Разбежались от пляшущих весел; Перемерзая и мерцающая, / Играя роем хрусталей; как хрустали / Переливались / Дали; и взор / хрустальным кружевом повил.</i>
42.	чугун	<i>В чугунные ворота / Ударилось копьё!</i>
43.	эмаль	<i>темнотускля змаль суровым мороком окрепла; неба темная эмаль; В ее сквозистую эмаль.</i>
44.	янтарь	<i>янтарейущий час; янтарел мечтатель; в печали янтарно-закатной; улыбаюсь в закатный янтарь; мечут янтарную молнию.</i>
45.	яхонт	<i>красные яхонты грянули в волны сапфира; красные яхонты грянули свистом; светлых светов яхонты; сапфиры все реже, а красные яхонты чаще.</i>

Литература

Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры / Общ. ред. Н. Д. Арутюновой, М. А. Журиной. М.: Прогресс, 1990. С. 5–32.

Багирова Е. П., Гаврикова Э. О. Колорема «золотой» в контексте русской символистской поэзии // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2016. № 4(2). С. 55–66. DOI: 10.21684/2411-197X-2016-2-4-55-66

БАС — Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948–1965.

Бельй А. Луг зеленый. Книга статей. М.: Альциона, 1910а. 249 с.

Бельй А. Символизм. Книга статей. М.: Мусагет, 1910б. 635 с.

БТС — Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 1998. 1536 с.

Бугаева К. Н. Воспоминания об Андрее Белом / Публ., предисловие и коммент. Дж. Малмстада, подгот. текста Е. М. Варенцовой, Дж. Малмстада. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2001. 448 с.

Венгеров С. А. Русская литература XX века, 1890–1910. М.: Республика, 2004. 543 с.

Кожевникова Н. А. Словоупотребление в русской поэзии начала XX века. М.: Наука, 1986. 252 с.

Кожевникова Н. А. Язык Андрея Белого. М.: ИРЯ РАН, 1992. 256 с.

МАС — Словарь русского языка: в 4 т. / гл. ред. А. П. Евгеньева. М.: Русский язык, 1981.

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1997. 944 с.

Павлович Н.В. Словарь поэтических образов: На материале русской художественной литературы XVIII–XX вв.: В 2 т. М.: Эдиториал УРСС, 1999.

Спивак М. Л. «Каменной болезнью болею... не стыдно мне»: камни, «камушки» и вечные образы у Андрея Белого // Диалог с камнем: от природы к культуре / Сост. М. В. Завьялова, Т. В. Цивьян. М.: Институт мировой культуры МГУ, 2016. С. 127–143.

Тарумова Н. Т. Колоративная лексика поэтического языка Андрея Белого: от словника цветообозначений к словарю цвета // Ярославский педагогический вестник. 2020. № 3 (114). С. 184–189. DOI 10.20323/1813-145X-2020-3-114-184-189

N. T. Tarumova

M. V. Lomonosov Moscow State University Research computing center

(Russia, Moscow)

n-tarumova@yandex.ru

MINERALOGICAL VOCABULARY AS A WAY OF REPRESENTATION OF COLOR IN THE POETIC DISCOURSE OF ANDREI BELY

The article describes some quantitative data of the usage of names of precious stones and metals which denote colors in the poetic texts of Andrei Bely. The purpose of the article is to establish the specifics of the functioning, semantic–aesthetic and conceptual-figurative realization of mineralogical color designations as an instrument of the author’s perception in Bely’s poetic world image. The object of the analysis is mineralogical lexemes in the poetic language of Andrei Bely. The subject of the article is to consider the functioning of these lexemes. Lexemes denoting gems entered the active vocabulary of the writer’s poetic language, became overgrown with a large number of derivatives and set phrases. The article analyzes functioning of these words, lexemes formed from them and fixed word combinations in the poetic texts of Andrei Bely. Mineralogical lexemes were Russian poets’ favorite means of expressing ideas about nature, beauty, value, love, and feelings. Precious stones and metals, their derivatives and phrases are found in the works of most Russian poets, they are noted in the poems of A. S. Pushkin, M. Y. Lermontov, M. I. Tsvetaeva, V. Ya. Bryusov, K. D. Balmont, A. Blok and many others. Andrei Bely’s lyrics are particularly picturesque, he called his work “colorful transcriptions”, i. e. “the visibility of the poetic text did not cause him doubts”. This article researches the representation and features of the representation of images of precious stones and metals in the poet’s lyrics. The study has revealed that precious stones and metals are more often used in the images of nature and natural phenomena.

Keywords: author lexicography, idiosyncrasy, connotation, context, mineralogical lexeme, poetic world image, color designation.

References

Arutyunova N. D. [Metaphor and discourse]. *Teoriya metafory: sbornik statei* [Theory of metaphor: a collection of articles]. N. D. Arutyunova, M. A. Zhurinskaya (eds.). Moscow, Progress Publ., 1990, pp. 5–32. (In Russ.)

Bagirova E. P., Gavrickova E. O. [The colorem of golden in the Russian symbolism poetry]. *Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates*, 2016, no. 4 (2), pp. 55–66. (In Russ.)

Bely A. *Lug zelenyi. Kniga statei* [The green meadow. Book of articles]. Moscow, Al'tsiona Publ., 1910. 249 p.

Bely A. *Simvolizm. Kniga statei* [Symbolism. Book of articles]. Moscow, Musaget Publ., 1910. 635 p.

Boi'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka [A large explanatory dictionary of the Russian language]. Kuznetsov S. A. (ed.). St. Petersburg, Norint Publ., 1998. 1536 p.

Bugaeva K. N. *Vospominaniya ob Andree Belom* [Memories of Andrei Bely]. Publication, preface and commentary by J. Malmstad, text preparation by E. M. Varentsova and J. Malmstad. St. Petersburg, Ivan Limbakh Publ., 2001. 448 p.

Kozhevnikova N. A. *Slovoupotreblenie v russkoi poezii nachala XX veka* [Word usage in Russian poetry of the early XX century]. Moscow, Nauka Publ., 1986. 252 p.

Kozhevnikova N. A. *Yazyk Andrey Belogo* [The language of Andrei Bely]. Moscow, Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences Publ., 1992. 256 p.

Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language], Moscow, Azbukovnik Publ., 1997. 944 p.

Pavlovich N. V. *Slovar' poeticheskikh obrazov: Na materiale russkoi khudozhestvennoi literatury XVIII–XX vv. V 2 tomakh*. [Dictionary of poetic images: On the material of the XVIII–XX centuries Russian literature. In 4 vols.]. Moscow, URSS Publ., 1999.

Slovar' russkogo yazyka. V 4 tomakh [Russian language dictionary. In 4 vols.]. A. P. Evgen'eva (ed.). Moscow, Russkii Yazyk Publ., 1981.

Spivak M. L. [“Kamennoyu bolezni'yu boleyu... ne stydno mne»”]: stones, “pebbles” and eternal images by Andrei Bely]. *Dialog s kamnem: ot prirody k kul'ture* [Dialogue with a stone: from nature to culture]. Compiled by M. V. Zavyalova, T. V. Tsivyan. Moscow, Institute of World Culture of Moscow State University Publ., 2016, pp. 127–143. (In Russ.)

Tarumova N. T. [Colorative lexicon of the poetic language of Andrei Bely: from the color designation list of words to the dictionary of colors]. *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik*, 2020, no. 3 (114), pp. 184–189. (In Russ.)

Vengerov S. A. *Russkaya literatura XX veka, 1890–1910* [Russian literature of the XX century, 1890–1910]. Moscow, Respublika Publ., 2004. 543 p.

А. А. Мамедов
Иркутский государственный университет
(Россия, Иркутск)
achmedved@inbox.ru

ДОМИНАНТЫ ИДИОСТИЛЯ С. А. ЕСЕНИНА В СЛОВАРНОМ ПРЕДСТАВЛЕНИИ

В статье рассматриваются выделенные в результате лингвистического анализа «маленьких» поэм С. А. Есенина доминанты идиостиля поэта. К ним отнесены регулярно употребляющиеся во всем поэтическом цикле языковые средства, которые репрезентируют образ лирического героя, представленного в художественном мире текста, и концептированного автора, воплощающего авторское сознание. Лирический герой характеризуется через описание лексики и грамматики идиостиля: семантических классов глаголов, перцептивной лексики, средств адресации, семантики личных местоимений и слов, описывающих пространство. Авторское сознание исследуется с помощью когнитивного анализа компаративных тропов. Выдвигается тезис, что дальнейшее описание этих доминант позволит проанализировать идиостиль С. А. Есенина в аспекте динамики и эволюции. Представляется, что важным этапом для достижения обозначенной цели является создание словаря таких доминант, построенного по идеографическому принципу в виде конкорданса. Как показывает проведенный обзор существующих лексикографических источников (монографических и сводных), посвященных языку и поэтике С. А. Есенина, в этом направлении имеются лакуны, которые могут быть устранены с помощью предлагаемого конкорданса. Первым этапом работы над словарем должна стать разметка всего корпуса текстов С. А. Есенина с точки зрения всех обозначенных выше параметров для дальнейшего их представления в электронном формате.

Ключевые слова: поэтический язык, идиостиль, лексика и грамматика идиостиля, художественный мир, компаративные тропы, образная картина мира, авторское сознание, авторская лексикография, конкорданс, идеографический словарь.

Авторская лексикография как «теория и практика составления словарей языка отдельных авторов или групп авторов» [Шестакова 2011: 17] является одним из актуальных и активно развивающихся направлений современной лингвистики.

С. А. Есенин не относится к числу авторов, обойденных вниманием лексикографов. За последние полвека созданы словари его образных средств (*Туралина Н. А.*

Словарь образных средств С. Есенина (Белгород, 1998)) и рифм (*Зименков А. П., Зименкова Л. П.* Словарь рифм С. А. Есенина // Сергей Есенин в контексте эпохи (М., 2021); Словарь рифм С. А. Есенина / Сост. А. Н. Захаров, А. П. Зименков // Российский литературоведческий журнал (1997)), относящиеся по классификации Л. Л. Шестаковой [Шестакова 2011: 53] к типу дифференциальных словарей поэтики; словари отдельных групп лексики поэта (*Никольский А. А.* Словарь диалектной лексики в поэзии С. А. Есенина (Рязань, 2017); *Осинов Б. И.* Неологизмы, устаревшие и областные слова в языке поэзии С. А. Есенина (Барнаул, 1973)); частотный словарь (*Гайдукова З. С., Зубов А. В.* Частотный словарь поэтических произведений С. Есенина // Вопросы общей и прикладной лингвистики (Минск, 1975)).

Кроме этого, язык С. А. Есенина представлен в сводных словарях поэтики, таких как: *Павлович Н. В.* Словарь поэтических образов (М., 1999); *Кожжевникова Н. А., Петрова З. Ю.* Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XX вв. (М., 2000–2021)¹; *Иванова Н. Н., Иванова О. Е.* Словарь языка поэзии: Образный арсенал русской лирики конца XVIII — начала XX века (М., 2004) и Словарь языка поэзии. Выразительные средства русской лирики конца XVIII — первой трети XX века (М., 2015), а также в сводных словарях поэтического языка: Поэт и слово. Опыт словаря / Под ред. В. П. Григорьева (М., 1973) и Словарь языка русской поэзии XX века. Т. I–IX- / Григорьев В. П. (отв. ред.), Шестакова Л. Л. (отв. ред.), Колодяжная Л. И. (ред.), Кулева А. С. (ред.), Бакеркина В. В., Гик А. В., Реутт Т. Е., Фатеева Н. А. (М., 2001–2022).

Особого внимания заслуживает «Словарь языка Есенина» Г. И. Шипулиной, являющийся полным объяснительным авторским словарем и состоящий из семи книг, первые пять из которых созданы на основе всего поэтического наследия С. А. Есенина, а последние две посвящены его художественной прозе. Первые две книги озаглавлены Г. И. Шипулиной как «частотно-семантический конкорданс», в них описываются служебные части речи (предлоги, союзы, частицы). Слова в книгах III–V представлены в рамках самостоятельных частей речи (имя существительное; глагол; прилагательное, числительное, местоимение, наречие). Исходя из «твердого убеждения — авторский словарь является тезаурусом поэта» [Шипулина 2013в: 7], Г. И. Шипулина так излагает концепцию своего словаря: «Полный авторский словарь должен объяснить всё, что встречается в текстах» [Шипулина 2013а: 7]. В нем определяются как общеупотребительные, так и нелитературные слова (активно применяются пометы *разг., простореч., устар., новое, обл.*); многозначные слова даются во всех тех значениях, в которых их использует С. А. Есенин (отдельно в этой же словарной статье указывается каждый случай употребления слова как метафоры или в составе сравнения); указываются все контексты употребления каждой толкуемой лексемы (с помощью отсылок к соответствующим страницам в Полном собрании сочинений С. А. Есенина); приводятся алфавитный и частотные словники.

Несмотря на наличие названных словарей, идиостиль С. А. Есенина, как кажется, нуждается в дальнейшем лексикографическом представлении. Ниже опишем одно

¹ Авторами последнего выпуска этого словаря, посвященного описанию персонифицирующих метафор и сравнений, являются З. Ю. Петрова и Н. А. Фатеева [Петрова, Фатеева 2022].

из возможных направлений, наметившееся в результате подробного анализа языка таких текстов С. А. Есенина, как «маленькие» поэмы (1917–1919). Эти произведения имеют рубежное значение в творчестве поэта, потому что, во-первых, созданы в период Февральской и Октябрьской революций 1917 г. и последовавшей за ними Гражданской войны, а во-вторых, связаны с переходом С. А. Есенина к новой для него имажинистской эстетике и поэтике.

Предпринятое исследование [Мамедов 2022] базируется на выявлении особенностей автора, поскольку «авторский угол зрения, авторский взгляд, авторское отношение действительно пронизывает и скрепляет все произведение и объединяет место, роль, функцию каждого элемента словесно-художественного произведения» [Одинцов 1980: 178]. Под термином *автор* понимается важнейшая филологическая категория, имеющая три составляющих: биографический автор, субъект речи и концепированный автор². Указанные типы автора соотносятся с различными мирами: если биографический автор принадлежит реальному миру, то два других типа автора связаны с художественным миром текста, причем автор как субъект речи эксплицитно представлен в нем, а концепированный автор, явленный в нем имплицитно, находится над ним, относясь к абстрактному миру авторского сознания³.

С. А. Есенин представлен и изучен наиболее подробно в первом из трех указанных аспектов: есениноведение — давно существующее авторитетное научное направление, в ИМЛИ РАН активно работает Есенинская группа (создатель группы — Ю. Л. Прокушев, в настоящее время ею руководит Н. И. Шубникова-Гусева), подготовившая Полное собрание сочинений С. А. Есенина в 7 томах, 9 книгах (М., 1995–2002), «Летопись жизни и творчества С. А. Есенина» в 5 томах, 7 книгах (М., 2003–2018), «Есенинскую энциклопедию» (издан первый выпуск (Константиново, 2020), посвященный памятным местам и литературной географии). Таким образом, до сих пор есениноведы проявляют особый интерес к «созданию научной биографии Есенина» [Шубникова-Гусева 2020: 9].

О том, что в рамках есениноведения языку поэта пока еще уделяется недостаточное внимание, свидетельствует, в частности, замечание Г. И. Шипулиной в связи с Полным собранием сочинений С. А. Есенина, о котором она пишет как о «наиболее авторитетном издании произведений Сергея Есенина, в котором, к сожалению, практически отсутствует лингвистический комментарий» [Шипулина 2013в: 6]. При этом особенно важным кажется замечание Л. Л. Шестаковой и В. К. Щербина по поводу персональных писательских энциклопедий (ППЭ) «об увеличении справочной ценности ППЭ за счет лингвистической (словарной) составляющей, <...> о важности и необходимости ее для получения объективных результатов при исследовании разных сторон творчества писателя, изучения его художественного мира» [Шестакова, Щербин 2022: 373].

² Термин Б. О. Кормана, который понимает под ним «некий взгляд на действительность, выражением которого является всё произведение» [Корман 1972: 9].

³ Авторское сознание, по Л. О. Бутаковой, «относительно стабильное символично-семиотическое отображение динамической совокупности внутренне упорядоченных, гомоморфных друг другу подсистем когнитивно-концептуальной системы автора, репрезентированных в тексте» [Бутова 2001: 374].

В связи с исследуемым материалом про первый тип автора достаточно сказать, что С. А. Есенин — это поэт крестьянского происхождения, с детства усвоивший особое народное христианство, в котором религиозные представления тесно переплетаются с мифологическими. Кроме этого, надо знать, что период создания «маленьких» поэм — время увлечения С. А. Есенина имажинизмом. Эти факты биографии поэта привлекаются нами, потому что позволяют объяснить преобладание некоторых выявленных языковых средств, о которых пойдет речь ниже.

Второй тип (**автор как субъект речи**) представлен в «маленьких» поэмах как **лирический герой**, который часто наделен чертами демиурга, творящего новый мир путем преобразования старого. Проведенный анализ позволяет составить перечень языковых средств, создающих образ лирического героя. Приведем ниже список основных из этих единиц с указанием их функциональной нагруженности:

- 1) глаголы, обозначающие действия лирического героя (семантическая таутономия этих языковых единиц позволяет определить преобладающий тип действий);
- 2) глаголы восприятия и лексика с перцептивным компонентом, называя эксплицитное и имплицитное восприятие, создают представление о лирическом герое как о воспринимающем субъекте;
- 3) средства адресации характеризуют лирического героя как субъекта коммуницирующего;
- 4) личные местоимения, с одной стороны, и слова, описывающие пространство, в том числе номинирующие пространственные объекты, с другой (семантика этих языковых единиц — источник информации о месте лирического героя в мире художественного текста).

Кратко проиллюстрируем выделенные языковые средства примерами.

Большинство обнаруженных глаголов — это глаголы конкретного физического (*прокляю, прокопытю, разломлю, размечу*) и речевого действия (*буду петь, взываю, кричу, славлю*).

Имплицитно выраженное восприятие представлено следующими группами языковых средств: 1) глаголы-проявления со значением ‘издать / издавать звук (-и)’ и их синтаксические дериваты: *вдохнуть, возгреть, вострубить, греметь* (3)⁴, *журчать, завывать, залаять, звать* (2), *звенеть* (2), *кричать, кукарекнуть, лаять* (2), *мукать, огласить, петь* (3), *плакать, пропеть, реветь* (3), *сзывать, скликать, теленькать, шамкнуть, шептать, шептаться, шуметь* (2); *вызвон, гром, гул, звон, зов* (3), *кашель, клич, крик, лай, плач, плеск* (2), *рев, ржанье* (3), *свист* (2), *стук, топ, треск, шепот*; 2) иные лексические единицы с семантическим компонентом слухового восприятия: *глухо, голос* (3), *громко, песнь* (2), *песня* (3), *тихо, тишина, чу*; 3) глаголы-проявления и существительные со значением эмиссии света: *вспыхнуть, гореть, загореться, сверкнуть* (2), *светить* (2); *блеск, зарево, свет* (2), *сияние / сиянье* (2); 4) лексические единицы со значением ‘отсутствие света’: *мгла* (3), *мрак* (4),

⁴ Здесь и далее в подобных случаях в скобках указано количество употреблений слова, превышающее 1.

темно, тьма, погаснуть; 5) иные лексические единицы с семантическим компонентом зрительного восприятия: *похожи, отражаться*; 6) предикаты со значением появления в поле зрения Наблюдателя⁵ или исчезновения из поля зрения Наблюдателя, а также со значением наблюдаемого движения, в т. ч. по отношению к Наблюдателю или от Наблюдателя: *предстать, прорезать тучи, замелькать*.

Вслед за И. И. Ковтуновой [Ковтунова 1986: 89–146] мы выделяем в качестве средств адресации следующие: обращения (*английское юдо, Господи, Дево Мария, россияне*), глаголы повелительного наклонения ед. ч. (*веруй, восстань, кричи, сгини*) и мн. ч. (*лейте, мойте, плывите, радуйтесь*), глаголы настоящего времени 2 л. ед. ч. (*качаешь, кладешь, протянешь, реवेशь*) и мн. ч. (*гребетесь*), личные местоимения 2 л. ед. ч. (*ты*) и мн. ч. (*вы*), притяжательные местоимения *твой / ваши*, предложения с прямой речью (*С холмов кричу я деду: / «О отче, отзовись...» («Октоих»)* [Есенин 1997: 44]) и вопросительные предложения (*Люди, братья мои люди, / Где вы?* («Певущий зов» [Там же: 28]).

Семантическая типология слов, описывающих пространство, выглядит следующим образом: пространство как место локализации (*в небе, в небосклоне, у облачной околицы*); пространство как место движения (*по лугам, по ниве вод, по полю*); пространство как направление (*в высь, на звезду, к радуге*); пространство как источник (*с лазури, с неба, с радуги*).

В результате интерпретации вышеперечисленных языковых средств можно констатировать, что лирический герой, занимая центральное место в художественном мире «маленьких» поэм С. А. Есенина, представлен в данном цикле как субъект восприятия, активного физического действия, волеизъявления. При этом, несмотря на то, что лирический герой наделен чертами демиурга, его действия носят скорее разрушительный, чем созидательный характер, а коммуникацию отличает мнимая диалогичность.

Что касается третьего типа автора (**концептированного автора**), то в ходе исследования было обосновано, что в качестве метода постижения **авторского сознания** может эффективно применяться анализ компаративных тропов. Внимание к этому языковому материалу в первую очередь связано с тем, что «маленькие» поэмы, как уже было сказано выше, созданы в период увлечения С. А. Есенина имажинизмом, представители которого декларировали следующее: «Только образ, как нафталин, пересыпающий произведение, спасает это последнее от моли времени. Образ — это броня строки. Это панцирь картины. Это крепостная артиллерия театрального действия» [Имажинисты 1987: 321]. А, как известно, основным способом создания поэтических образов является использование компаративных тропов. Кроме этого, обращение к данным языковым средствам обусловлено тем, что в области изучения когнитивной метафоры накоплен ряд методик, применение которых может быть эффективно с целью изучения авторского сознания (ср. показательное утверждение: метафоризация «есть метасредство понимания и способ проникновения в авторское сознание, восприятие картины мира говорящего посредством освоения

⁵ В данном случае это слово используется как термин Московской семантической школы, применяемый при описании особого компонента значения некоторых слов.

выраженных им личностных смыслов, имеющих определенную значимость» [Четверикова 2009: 168]).

Рассмотрим подробнее сравнения как один из видов компаративных тропов. При анализе сравнительных конструкций из «маленьких» поэм были выделены следующие группы слов, описывающих предметы сравнения⁶: «Абстрактные явления» (8): *будни, весны, дни, клич, ночь, слово*; «Артефакты» (2): *заборы, тыны*; «Природа» (22): *волна, заря, земля, злак, месяц, небо, радуга, снег, солнце, тучи*; «Человек» (10): *я* (лирический герой), *братья-кобели, сестры-суки, Мартин, отец* (Мартина).

Образы сравнения представлены следующими единицами: «Абстрактные явления» (2): *ночь*; «Артефакты» (8): *бочки, ведра, жерди, калач, колокол, лук, нож, свеча, черпак*; «Природа» (31): природные объекты: *лужа, месяц, нива, озера, орех, поток, пыль*; явления природы: *гром, дождь, солнечный блеск*; животные: *белки, волчиха, ворон, кобели, корова, кошка, курица, лось, овца, пчелы, рой, суки*; растения: *ветла, колос, роца, сноп овсяный*; «Человек» (1): *трус*⁷.

Количественный подход к материалу позволяет обратить внимание на то, что основным средством для создания сравнений в анализируемых текстах является лексика, тематически относящаяся к сфере «Природа»: она в конкретных примерах используется при описании предметов сравнений (*Небо — как колокол* («Иорданская голубица»)) [Есенин 1997: 58]), образов сравнений (*Грустно стучали дни, словно дождь по железу* («Товарищ»)) [Там же: 30]) или предметов и образов сравнений одновременно (*Тучи — как озера* («Отчарь»)) [Там же: 35]). С когнитивной точки зрения понятийная область «Природа» является для автора как предметом, так и средством категоризации действительности. Значит, можно утверждать, что, во-первых, всё, что имеет отношение к природе русской деревни, составляет константы авторского сознания, а во-вторых, основанием для новых образов у С. А. Есенина зачастую является наглядно-чувственный опыт⁸.

Таким образом, выделение и анализ указанных лексических и грамматических средств можно предложить в качестве модели выявления специфики лирического героя в текстах С. А. Есенина, а описание компаративных тропов — для обнаружения особенностей авторского сознания. Все эти средства, как было показано, являются частотными, преобладающими и особым образом функционально нагруженными в рассматриваемых текстах, что позволяет отнести их к **доминантам** поэтического языка. Исследование идиостиля С. А. Есенина сквозь призму выявленных параметров позволит рассмотреть его в аспекте динамики и эволюции.

⁶ З. Ю. Петрова и Н. А. Фатеева (изначально — Н. А. Кожевникова и З. Ю. Петрова) предлагают описывать компаративный троп «как пару $\langle x, y \rangle$, где x — предмет сравнения (то, что сравнивается), а y — образ сравнения» [Петрова, Фатеева, 2019: 34].

⁷ Может быть использована идеографическая классификационная сетка, представленная в [Петрова, Фатеева 2022], базовыми семантическими классами в которой являются следующие: «Человек», «Время», «Окружающий человека мир».

⁸ В данной связи продуктивно использовать понятие образной картины мира, которую А. В. Гик и З. Ю. Петрова понимают как «систему устойчивых образных соответствий, которые выражаются в конструкциях компаративных тропов» [Гик, Петрова 2020: 496].

Не вызывает сомнения, что для достижения этой цели словарь — главный помощник, поскольку авторские словари отражают языковое сознание, языковую картину мира отдельной творческой личности. Одной из возможных стратегий дальнейшего представления поэтического языка С. А. Есенина в лексикографическом аспекте является создание словаря, который предварительно можно определить как идеографический конкорданс, т. е. конкорданс, построенный по идеографическому принципу. Обоснуем выбранный **тип словаря**.

Конкорданс как словарь регистрирующего типа являет собой «словоуказатель с представлением всех или отобранных по тому или иному признаку контекстов» [Шимчук 2009: 106–107]. Соответственно, в нашем случае отбор будет осуществляться в связи с перечисленными выше доминантами, служащими репрезентацией лирического героя и авторского сознания. Избираемый идеографический подход обусловлен в первую очередь тем, что «для изучения художественной модели мира <...> в наибольшей степени подходят идеографические словари писателей» [Шестакова 2011: 322]⁹.

Анализ современной лексикографической практики позволяет заключить: «Ядро группы авторских словарей, задуманных и реализованных как электронные, ожидаемо составляют конкордансы» [Шестакова, Кулева 2023: 97]. Учет опыта существующих конкордансов, с одной стороны, и удобства создания и пользования, с другой, приводит к мысли о том, что предлагаемый словарь должен быть осуществлен в электронном формате. Это даст возможность представлять вышеуказанные доминанты как в рамках отдельных текстов С. А. Есенина, так и списочно по соответствующим семантическим классам. Представляется, что основой для создаваемого конкорданса должен стать корпус текстов С. А. Есенина, размеченный с учетом всех описанных параметров.

Таким образом, предлагаемая модель описания идиостиля С. А. Есенина от доминант поэтического языка, репрезентирующих многоаспектную категорию *автор художественного текста*, может найти воплощение в электронном конкордансе, построенном по идеографическому принципу. Кроме всего прочего, предполагается, что он будет содержать информацию о частоте употребления приводимых единиц. Возможно, каждый из интересующих нас аспектов автора (лирический герой и авторское сознание) в конечном итоге будет представлен в отдельном выпуске, что, как кажется, не является большой проблемой с учетом избираемого электронного формата словаря.

⁹ Принцип упорядочения материала на основе объединения лексики в семантические поля, в частности, обосновывается и реализуется в «Русском семантическом словаре» под общей редакцией Н. Ю. Шведовой. Как отмечается в предисловии, системное описание слов внутри макроклассов позволяет установить «то, что можно назвать “картинкой жизни”: они именуют ее определенный, узкий участок, о нем информируют и его живописуют. <...> Такие “картинки жизни”, существующие в лоне класса (и подкласса, подчиненного неконечного подмножества) открывают перед читателем как саму жизнь во всех ее проявлениях, так и отношение к ней, ко всему тому, что существует и происходит в материальном мире и в духовном мире людей, в их отношениях к миру и друг к другу» [Русский семантический словарь 2013: X–XI].

Литература

Бутакова Л. О. Авторское сознание как базовая категория текста: когнитивный аспект: дис. ... докт. филол. наук / Омский гос. ун-т. Омск, 2001. 459 с.

Гук А. В., Петрова З. Ю. Эволюция образной картины мира русской литературы: фрагмент «Человек — насекомое» // Русский язык и культура в зеркале перевода. 2020. № 1. С. 495–502.

Есенин С. А. Полное собрание сочинений. В 7 т. Т. 2. Стихотворения (Маленькие поэмы) / Подгот. текстов и коммент. С. И. Субботина. М.: Наука; Голос, 1997. 464 с.

Имажинисты. Декларация // В Политехническом «Вечер новой поэзии»: Стихи участников поэтических вечеров в Политехническом. 1917–1923. Статьи. Манифесты. Воспоминания / сост. Вл. Муравьев. М.: Моск. рабочий, 1987. С. 319–322.

Ковтунова И. И. Поэтический синтаксис. М.: Наука, 1986. 208 с.

Корман Б. О. Изучение текста художественного произведения. М.: Просвещение, 1972. 111 с.

Мамедов А. А. Автор в художественном тексте: лингвистический аспект. «Маленькие» поэмы Сергея Есенина. СПб.: Нестор-История, 2022. 320 с.

Одинцов В. В. Стилистика текста. М.: Наука, 1980. 264 с.

Петрова З. Ю., Фатеева Н. А. Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XXI вв. Вып. 6: «Человек». Жизнь, смерть, судьба, время. 2-е изд. М.: Издательский Дом ЯСК, 2022. 872 с.

Петрова З. Ю., Фатеева Н. А. Словарное описание олицетворения как проблема поэтической лексикографии // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. 2019. Т. 18. № 1. С. 33–46. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.1.3>

Русский семантический словарь: Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. Т. 1: Слова указующие (местоимения). Слова именующие: Имена существительные (Всё живое. Земля. Космос) / под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Азбуковник, 2013. XXV, 807 с.

Четверикова О. В. Авторское мировидение в аспекте его языковой объективации // Вестник ТвГУ. 2009. № 3. С. 154–172.

Шестакова Л. Л. Русская авторская лексикография: Теория, история, современность. М.: Языки славянских культур, 2011. 464 с.

Шестакова Л. Л., Кулева А. С. Авторская лексикография в электронно-цифровую эпоху // Terra Linguistica. 2023. Т. 14. № 3. С. 94–113. DOI: 10.18721/JHSS.1430894–113

Шестакова Л. Л., Щербин В. К. Российские и белорусские персональные писательские энциклопедии: сравнительный аспект // Современное развитие славянской лексикологии и лексикографии. Международная коллективная монография / Отв. ред. М. И. Чернышева. М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2022. С. 369–394.

Шимчук Э. Г. Русская лексикография: Учеб. пособие. М.: Издательский центр «Академия», 2009. 336 с.

Шипулина Г. И. Частотно-семантический конкорданс служебных слов в поэзии Сергея Есенина. Вып. 1. Предлоги. Баку: Мутарджим, 2012а. 184 с.

Шипулина Г. И. Частотно-семантический конкорданс служебных слов в поэзии Сергея Есенина. Вып. 2. Союзы. Частицы. Баку: Мутарджим, 2012б. 288 с.

Шипулина Г. И. Словарь языка Есенина. Имя существительное. Баку: Мутарджим, 2013а. 588 с.

Шипулина Г. И. Словарь языка Есенина. Глагол. Баку: Мутарджим, 2013б. 464 с.

Шипулина Г. И. Словарь языка Есенина. Прилагательное. Числительное. Местоимение. Наречие. Баку: Мутарджим, 2013в. 556 с.

Шипулина Г. И. Словарь языка Есенина. Художественная проза. В 2 т. Баку: Мутарджим, 2015.

Шубникова-Гусева Н. И. Сергей Есенин: судьба в семи книгах. К выходу в свет завершающего тома «Летописи жизни и творчества С. А. Есенина» (2003–2018) // Сергей Есенин в контексте русской и мировой литературы: Сборник научных трудов. М. — Константиново — Рязань: Изд-во Государственного музея-заповедника С. А. Есенина, 2020. С. 8–26. Сер. «Есенин в XXI веке». Вып. 7.

A. A. Mamedov
Irkutsk State University
(Russia, Irkutsk)
achmedved@inbox.ru

THE DOMINANT FEATURES OF SERGEI YESENIN'S INDIVIDUAL STYLE IN THE LEXICOGRAPHIC REPRESENTATION

The paper discusses the dominant features of S. A. Yesenin's individual style which were identified by a linguistic analysis of his "small" poems. We qualify as those the language means appearing in the whole poetic cycle that represent the persona and the "conceptualized" author which embody the author's consciousness. The persona is characterized by vocabulary and grammar of the individual style: semantic classes of verbs, perceptive lexis, means of addressing, semantics of the personal pronouns and the words denoting space. The author's consciousness is being investigated by means of the cognitive analysis of comparative tropes. The thesis is put forward that the further description of these dominant features will help to analyze S. A. Yesenin's individual style in its dynamics and evolution. It appears that an important milestone for reaching this goal would be the creation of an ideographic dictionary of such dominant features, organized as a concordance. As the review of the existing lexicographic sources (monographic and union editions) devoted to S. A. Yesenin's language and poetics indicates, there are some lacunae in this field that may be filled by means of the proposed concordance. The first step in creating this dictionary should be the annotation of the whole corpus

of S. A. Esenin's texts from the viewpoint of all aforementioned parameters in order to prepare their further electronic representation.

Key words: language of poetry, individual style, lexis and grammar of individual style, poetic world, comparative tropes, figurative worldview, author's consciousness, author lexicography, concordance, ideographic dictionary.

References

Butakova L. O. *Avtorskoye soznaniye kak bazovaya kategoriya teksta: kognitivnyi aspekt. Dis. ... dokt. filol. nauk* [The author's consciousness as a basic text category: Cognitive aspect. Dr. philol. sci. diss.]. Omsk, 2001. 459 p.

Chetverikova O. V. [The author's worldview in its language objectification]. *Vestnik TvGU*. Tver, 2009, no 3, pp. 154–172. (In Russ.)

Esenin S. A. *Polnoe sobranie sochinenii. V 7 t. T. 2. Stikhotvoreniya (Malen'kie poemy)* [Complete works. In 7 vols. Vol. 2. Poems (small poems)]. S. I. Subbotin (comment.). Moscow, Nauka Publ., Golos Publ., 1997. 464 p.

Gik A. V., Petrova Z. Yu. [Evolution of the figurative world image of the Russian literature: the fragment "Man — insect"]. *Russkii yazyk i kul'tura v zerkale perevoda*. Moscow, 2020, no. 1, pp. 495–502. (In Russ.)

[Imaginists. The Declaration]. *V Politehnicheskom «Večer novoi poezii»: Stihy uchastnikov poeticheskikh vecherov v Politehnicheskom. 1917–1923. Stat'i. Manifesty. Vospominaniya* [In the Polytechnical Museum "Evening of the new poetry": Poems of the participants of poetic evenings in the Polytechnical Museum. 1917–1923. Articles. Manifests. Recollections]. V. Murav'ev (comp.). Moscow, Moskovskii Rabochii Publ., 1987, pp. 319–322. (In Russ.)

Korman B. O. *Izuchenie teksta khudozhestvennogo proizvedeniya* [Study of a fictional text]. Moscow, Prosveshhenie Publ., 1972. 111 p.

Kovtunova I. I. *Poeticheskii sintaksis* [Syntax of poetry]. Moscow, Nauka Publ., 1986. 208 p.

Mamedov A. A. *Avtor v khudozhestvennom tekste: lingvisticheskii aspekt. «Malen'kie» poemy Sergeya Esenina* [The author in a lyrical text: linguistic aspect. Sergei Yesenin's "small" poems]. St. Peterburg, Nestor-Istoriya Publ., 2022. 320 p.

Odintsov V. V. *Stilistika teksta* [Text stylistics]. Moscow, Nauka Publ., 1980. 264 p.

Petrova Z. Yu., Fateeva N. A. [Lexicographic description of personification as a problem of poetic lexicography]. *Science Journal of Volgograd State University. Series 2, Linguistics*. Volgograd, 2019, vol. 18, no. 1, pp. 33–46. (In Russ.)

Petrova Z. Yu., Fateeva N. A. *Materialy k slovaryu metafor i sravnenii russkoi literatury XIX–XXI vv. Vyp. 6: "Chelovek". Zhizn', smert', sud'ba, vremya* [Material for the Dictionary of metaphors and similes of the XIX–XXI century Russian literature, vol. 6: "Human". Life, death, fate, time]. 2nd ed. Moscow, LRC Publishing House, 2022. 872 p.

Russkii semanticheskii slovar': Tolkovyi slovar', sistematizirovannyi po klassam slov i znachenii. T. 1: Slova ukazyuyushchie (mestoimeniya). Slova imenyushchie: Imena sushchestvitel'nye (Vsjo zhivoe. Zemlya. Kosmos) [Russian semantic dictionary:

Comprehensive dictionary organized according to the word and semantic classes. Vol. 1: The indicating words (pronouns). The designating words (nouns) (Creatures. Earth. Space)]. N. Y. Shvedova (ed.). Moscow, Azbukovnik Publ., 2013. XXV, 807 p.

Shestakova L. L. *Russkaya avtorskaya leksikografiya: Teoriya, istoriya, sovremennost'* [Russian author lexicography: Theory, history, modernity]. Moscow, Yazyki Slavyanskikh Kul'tur Publ., 2011. 464 p.

Shestakova L. L., Kuleva A. S. [Author lexicography in the digital age]. *Terra Linguistica*. St. Petersburg, 2023, vol. 14, no. 3, pp. 94–113. (In Russ.)

Shestakova L. L., Shcherbin V. K. [Russian and Belarusian personal writers' encyclopedias: a comparative aspect]. *Sovremennoe razvitie slavyanskoi leksikologii i leksikografii. Mezhdunarodnaya kollektivnaya monografiya* [Contemporary development of the Slavic lexicology and lexicography. International collective monograph]. M. I. Chernysheva (ed.). Moscow, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the RAS, 2022, pp. 369–394. (In Russ.)

Shimchuk E. G. *Russkaya leksikografiya: Uchebnoe posobie* [The Russian lexicography: a textbook]. Moscow, Akademiya Publ., 2009. 336 p.

Shipulina G. I. *Chastotno-semanticheskii konkordans sluzhebnykh slov v poehzii Sergeya Esenina. Vyp. 1. Predlogi* [Frequency-semantic concordance of the function words in Sergei Yesenin's poetry. Issue 1. Prepositions]. Baku, Mutardzhim Publ., 2012a. 184 p.

Shipulina G. I. *Chastotno-semanticheskii konkordans sluzhebnykh slov v poehzii Sergeya Esenina. Vyp. 2. Soyuzy. Chastitsy* [Frequency-semantic concordance of the function words in Sergei Yesenin's poetry. Issue 2. Conjunctions. Particles]. Baku, Mutardzhim Publ., 2012b. 288 p.

Shipulina G. I. *Slovar' yazyka Esenina. Imya sushchestvitel'noe* [Dictionary of Yesenin's language. The noun]. Baku, Mutardzhim Publ., 2013a. 588 p.

Shipulina G. I. *Slovar' yazyka Esenina. Glagol* [Dictionary of Yesenin's language. The verb]. Baku, Mutardzhim Publ., 2013b. 464 p.

Shipulina G. I. *Slovar' yazyka Esenina. Prilagatel'noe. Chislitel'noe. Mestoimenie. Narechie* [Dictionary of Yesenin's language. The adjective. The numeral. The pronoun. The adverb]. Baku, Mutardzhim Publ., 2013c. 556 p.

Shipulina G. I. *Slovar' yazyka Esenina. Khudozhestvennaya proza* [Dictionary of Yesenin's language. The fiction]. V 2 t. Baku, Mutardzhim Publ., 2015.

Shubnikova-Guseva N. I. [Sergei Yesenin: a fate in seven books. To the publishing of the final volume of “Chronicle of S. A. Yesenin's Life and Writing” (2003–2018)]. *Sergei Esenin v kontekste russkoi i mirovoi literatury: Sbornik nauchnykh trudov* [Sergei Yesenin in the context of the Russian and world Literature: Collection of research papers]. Moscow, Konstantinovo, Ryazan', S. Yesenin's State Museum Publ., 2020, pp. 8–26. Series “Yesenin in the XXI century”. Issue 7. (In Russ.)

И. В. Зыкова

Институт языкознания РАН

(Россия, Москва)

irina_zykova@iling-ran.ru

ПРИНЦИПЫ СИСТЕМАТИЗАЦИИ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ В ПРОЕКТИРУЕМОМ СЛОВАРЕ «ИДИОМАТИКА РУССКОГО АВАНГАРДА»

Цель статьи — представить сведения об объекте лексикографического описания и принципах организации информации в макро- и микроструктуре проектируемого словаря «Идиоматика русского авангарда», указать на трудности и задачи, стоящие на данном этапе словарной работы.

Идиоматика русского авангарда — семиотически разнородный феномен, объединяющий собой вербальную и невербальную идиоматику. Основным источником их формирования являются литературные и художественные произведения (преимущественно 1910-х гг.) представителей раннего авангарда, главным образом, кубофутуристов (В. Хлебникова, В. Маяковского, А. Крученых и др.). Вербальная идиоматика авангарда объединяет два вида единиц — создаваемые авангардистами идиоматические новации (собственно авангардные идиомы) и используемые ими общеязыковые фразеологизмы. Невербальная идиоматика определяется как вид пластических идиом, извлекаемых из художественных (живописных) произведений лексикографируемых авторов.

На данном этапе работы Словарь формирует вербальная идиоматика. Основная часть макроструктуры Словаря состоит из двух разделов. В первом разделе словарному описанию подвергаются более 1200 единиц. В словарных статьях первого раздела дается информация о базовой форме идиомы, ее литературном источнике и отнесенности к определенному типу вербальной идиоматики (напр., *авангардная идиома-экспрессема, общеязыковая поговорка*). В качестве вокабул во втором разделе выступают единицы (в настоящее время 55 единиц), которые наиболее полно раскрывают особенности экспериментальной работы лексикографируемых авторов и составляют ядро вербальной идиоматики. Структура словарных статей второго раздела является более сложной и включает пять обязательных и семь факультативных зон. Информация в каждой зоне имеет свою специфику организации, которая более подробно рассматривается в настоящей статье на примере зоны контекстов, имеющей статус обязательной зоны.

В мировой лексикографической практике отсутствует опыт системного изучения невербальной идиоматики, по-разному трактуемой в научной литературе. Это обуславливает необходимость в решении ряда задач, предваряющих ее лексикографирование. Этими задачами являются: установление категориальных черт невербальных идиом, разработка метода их идентификации и их систематизация.

Ключевые слова: идиоматика авангарда, авангардная идиома, фразеологизм, невербальная идиома, пластическая идиома, макроструктура словаря, микроструктура словаря.

Работа над словарем «Идиоматика русского авангарда» началась в 2018 году в рамках научного проекта, поддержанного Российским фондом фундаментальных исследований (И. В. Зыкова, О. В. Соколова). Объектом проводимого нами лексикографического исследования является особо колоритный в культурно-языковом плане пласт русской лексики и русского изобразительного искусства — идиоматика русского авангарда, источником которой выступают литературные и художественные произведения представителей раннего авангарда и близких их кругу авторов (поэтов и художников) — В. Хлебникова, В. Маяковского, А. Крученых, Д. и Н. Бурлюков, Б. Лившица, В. Каменского, Е. Гуро, И. Терентьева, И. Зданевича, К. Малевича, П. Филонова, В. Шкловского, Р. Якобсона и О. Розановой. Под термином «идиоматика авангарда» нами понимается «совокупность разного рода средств (вербальных и невербальных), целенаправленно создаваемых авангардистами в результате экспериментов, в основе которых лежат эстетическая и прагматическая интенции на формирование нового художественного языка литературы и искусства» [Зыкова 2018: 210]. Из данной дефиниции следует, что идиоматика авангарда объединяет идиоматику двух разных семиотических видов — вербальную и невербальную. Поскольку лексикографическое изучение невербальной идиоматики сопряжено с рядом трудностей как теоретического, так и методологического характера, связанных, главным образом, с отсутствием в мировой научной практике системного подхода к ее изучению и опыта ее словарного описания, то мы ограничимся краткими сведениями, раскрывающими особенности невербальных идиом и решаемые на этом этапе исследовательские задачи. Основное внимание в настоящей статье будет уделяться вербальной идиоматике, единицы которой и формируют сегодня проектируемый Словарь.

Анализ современной научной литературы выявляет отсутствие единого подхода к определению невербальных идиом, к пониманию их сущностных или отличительных свойств, а также принципов их выделения и описания. Используемые исследователями термины отличаются широким варьированием и, как правило, несут указание на род, вид и/или направление искусства, предметы или объекты которого они (т. е. термины) обозначают. В подтверждение данного положения предлагаем сравнить следующие терминологические номинации в русском и английском языках: *пластическая идиома, идиоматический жест, звуковая идиома, изобразительная идиома; plastic idiom, artistic idiom, idioms of music, the dancer's idiom, theatrical idioms, Expressionist idiom* (см., например, [Bennett 1990; Flam 2003]). Термин «пластическая идиома» формируется в области пластических

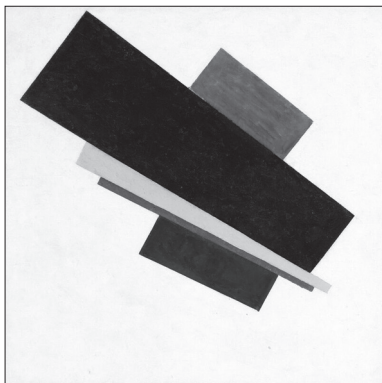

Рис. 1. К. Малевич
«Супрематическая композиция № 18»
(1915)

Рис. 2. П. Филонов
«Зверь (Животные)» (1925–1926)

искусств, к которым относят живопись, графику, скульптуру, фотоискусство. Так, по выражению Л. Сеги, пластическая идиома — это скульптура (или любое другое произведение искусства), которая рассматривается как единое целое или как совокупность согласованных частей (*coordinated parts*), с помощью которой или которой художник передает определенное содержание, эмоционально и эстетически воздействует на реципиента [Segy 1958]. В ряде научных трудов отмечается, что пластические идиомы, являясь неотъемлемыми концептуально и структурно значимыми элементами или фрагментами произведений искусства или целостными произведениями, формируют идиостиль художника, отражают его своеобразие и специфику. К примеру, о выработке Бурлюком специфических пластических идиом как важной составляющей его живописного языка писал Б. Калаушин [Калаушин 1995]. Рассматривая особенности живописи Экстер на примере ее альбома «Цветовые ритмы», Г.Ф. Коваленко отмечает, что «подход к альбому как к серии позволяет <...> различать повторяющиеся пластические идиомы и в их стабильности распознать подлинный голос художника» [Коваленко 2001: 209]. Согласно А. Шатских, диагональная динамика фигур, повторяющаяся в картинах Малевича «Супрематическая композиция № 18» и «Автомобиль и дама», является одной из любимых пластических идиом художника [Shatskikh 2012] (см. рис. 1). Особого внимания заслуживают и пластические идиомы, созданные на живописных полотнах и рисунках Филонова (всесторонний анализ произведений Филонова см. в [Ершов 2020]). К примеру, в высокой степени идиоматичны образы человекоподобных зверей, изображенные на многих его картинах (см. рис. 2).

Опираясь на подходы к пониманию невербальных идиом, представленные преимущественно в искусствоведческих работах, в своем исследовании мы используем в качестве рабочего следующее определение невербальной идиоматики. Невербальная идиоматика — это вид невербальных (пластических) идиом, извлекаемых из художественных (живописных) произведений представителей раннего авангарда,

а также из их литературных произведений, содержащих разного рода художественные изображения (графические наброски, рисунки, литографические изображения, фрагменты живописных картин и проч.). До настоящего времени комплексного изучения невербальных идиом, созданных в результате художественных экспериментов представителей раннего авангарда, насколько нам известно, не проводилось. Отсутствует как отечественный, так и зарубежный опыт их лексикографирования. С учетом этого, в проводимом нами лексикографическом исследовании невербальной идиоматики отправной точкой становится установление их категориальных черт и разработка методологии идентификации невербальных идиом в произведениях главным образом изобразительного искусства — в его жанрах и разновидностях, а также в других видах художественного творчества лексикографируемых авторов. Кроме того, самостоятельную задачу представляет собой и построение типологии авангардных невербальных идиом. Как показали первичные результаты проведенного нами исследования невербальной идиоматики, принципы структурирования лексикографической информации могут варьировать в зависимости от типа лексикографируемой невербальной идиомы (см. подробнее в [Зыкова 2019]).

Проектируемый Словарь сформирован на данном этапе из единиц вербальной идиоматики. Вербальную идиоматику представляют две разновидности языковых единиц: 1) собственно авангардные идиомы — языковые единицы, создаваемые в литературном авангарде в результате проведения языковых экспериментов (например, *заумный язык*, *облако в штанах*, *авто-лебеди*, *бродячий словокант*); 2) общезыковые фразеологизмы, используемые в произведениях литературного авангарда в узуальных и модифицированных формах (ср., например, *муки совести*, *наступать на горло*, *душа нараспаику > растянутая душа*). Если распознавание общезыковых фразеологизмов в тексте не вызывает трудностей (за исключением экспериментальных модификаций), то для отбора собственно авангардных идиом был разработан метод их идентификации, который получил название «метод ID CARD авангардной идиомы». Под «ID CARD авангардной идиомы» в нашем исследовании понимается установленный (определенный) набор категориальных признаков, удостоверяющих или подтверждающих такую специфику используемых в произведениях литературного авангарда вербальных форм, в соответствии с которой они идентифицируются как особый класс идиом — собственно авангардные идиомы. Подробное описание данного метода см. в [Зыкова 2018].

Макроструктура проектируемого Словаря включает следующие разделы:

- «О словаре»,
- «Лексикографируемые авторы» (фотогалерея),
- «Раздел I», включающий два подраздела: «Структура словарной статьи» и «Содержание (А–Я)»,
- «Раздел II», имеющий три подраздела: «Структура словарной статьи», «Алфавитный указатель вокабул» и «Содержание (А–Я)»,
- «Литературные источники»,
- «Источники переводных изданий»,
- «Использованные словарные издания».

Основная часть Словаря состоит из двух разделов, отличающихся по трем взаимообусловленным параметрам: 1) количеству лексикографируемых единиц; 2) внутренней организации словарной статьи и 3) объему лексикографической информации.

В Разделе I в алфавитном порядке содержатся все вокабулы основного словника (в настоящее время около 1230 единиц), словарное описание которых осуществляется по единому принципу. Важно указать, что в первичный словарный список вошло более 6400 единиц вербальной идиоматики. В процессе дальнейшего анализа из данного списка было выделено около 1230 наиболее репрезентативных для творчества представителей раннего авангарда единиц-вокабул, составивших общий объём словника Словаря. В структуре словарной статьи Раздела I три словарные зоны:

1. «Зона заголовочной единицы»,
2. «Зона шифра» (содержит принятую систему сокращенных обозначений (аббревиатуру), несущую указание на литературный или художественный источник),
3. «Зона типологической характеристики». См. несколько примеров:

БЫТЬ 1 = √-ЧЕЛОВЕКА (ВХ, СС, V, 173; *собственно авангардная идиома-эксперимент*)

ЗАКОН КАЧЕЛЕЙ (ВХ, СС, I, 240; *собственно авангардная идиома-термин*)

МЛЕЧНЫЙ ПУТЬ (ВХ, СС, I, 127; *фразеологизм-термин*)

НА СЕДЬМОМ НЕБЕ ОТ СЧАСТЬЯ (ЕГ, НВ, 89; *общезыковая идиома*)

РАССКАЗ ЕСТЬ ЗОДЧЕСТВО ИЗ СЛОВ. (ВХ, СС, V, 306; *собственно авангардная паремия*)

Рассмотрим подробнее установленные типы единиц вербальной идиоматики, информация о которых дается в зоне типологической характеристики.

В ходе исследования все лексикографируемые собственно авангардные идиомы были систематизированы и выделены следующие основные типы: авангардные идиомы-термины, являющиеся образными (образно-выразительными) средствами языковой объективации идей и концепций кубофутуризма, разрабатываемых в программно-теоретических работах лексикографируемых авторов, т. е. в манифестах, декларациях, статьях и под. (например, *заумный язык, баячи будущего, нет-единица, самовитое слово*); авангардные идиомы-экспрессы, отличающиеся оригинальной (алогичной) образностью и направленные на деавтоматизацию восприятия (например, *растаять цветами, играть на флейте-позвоночнике, уходящий в нет, царатина по небу*); авангардные идиомы-эксперименты, созданные в результате экспериментального «словотворчества» представителей раннего авангарда и являющиеся непосредственным воплощением утверждаемых ими новых приемов и канонов поэтического и художественного языка — «сдвига», «остранения», «поликодовости» и т. д. (например, *никогдави навсегда, пЕрПеНдИкУлЯр МЫСЛИ, рыданственный желел*); а также авангардные паремии, представляющие

собой предложения афористического характера (например, *Поэты умирают, а сдвиги остаются*; *Раскраска лица — начало вторжения*; *Когда нет ошибки, ничего нет*).

Согласно анализу, общеязыковые фразеологизмы, функционирующие в произведениях представителей раннего авангарда, отличаются большим типологическим разнообразием. В текстах лексикографируемых авторов используются фразеологизмы всех структурно-семантических типов: фразеологизмы-термины (например, *родная речь, млечный путь, солнечное затмение, пути сообщения*); общеязыковые идиомы (например, *ложка дегтя в бочке меда, обливать грязью, бить баклуши*); речевые формулы (например, *добрый день*); коллокации (например, *хороший вкус, холодный расчет*); фразеологические единицы метаязыкового и модального характера (например, *так сказать*), паремии (например, *Заставь дурака богу молиться, он и лоб расшибет, У семи нянек дитя без глаза*). Из всех типов общеязыковых фразеологизмов в Словарь не включаются речевые формулы и фразеологические единицы метаязыкового и модального характера. В незначительном количестве представлены коллокации.

Важно отметить, что при составлении словника мы руководствовались установкой на сбалансированное количественное соотношение вокабул, представляющих разные типы собственно авангардных идиом и общеязыковых фразеологизмов.

В Раздел II входят только те единицы, которые наиболее показательны и всесторонне раскрывают особенности экспериментальной работы лексикографируемых авангардистов с языковым материалом с целью создать новый художественный язык. Такого рода единицы составляют ядро идиоматики русского авангарда. В настоящее время словарное описание получило 55 идиом. Структура словарной статьи Раздела II имеет следующие словарные зоны:

1. «Зона заголовочной единицы»,
2. «Зона типологической характеристики»,
3. «Зона значения»,
4. «Зона основного варианта заголовочной единицы» включает подзоны «Варианты» и «Окказионализмы/Дериваты»,
5. «Зона характеристики экспериментальных модификаций»,
6. «Зона синонимов и антонимов»,
7. «Зона межсемиотической репрезентации»,
8. «Зона комментария»,
9. «Зона контекстов»,
10. «Зона межязыкового перевода» с подзоной «Иноязычные корреляты»,
11. «Зона гиперссылок»,
12. «Автор словарной статьи».

Проведенное исследование выявило разную степень значимости словарных зон для собственно авангардных идиом и общеязыковых фразеологизмов. С учетом этого зонам был присвоен один из двух возможных статусов: статус обязательной зоны или статус факультативной зоны. К «обязательным» относятся зоны 1, 2, 9,

10 и 12. Рассмотрим подробнее специфику структурной организации и содержания зоны контекстов как обязательной зоны.

В зоне контекстов фиксируются употребления лексикографируемой единицы с разной их дифференциацией и последовательностью введения, определяемыми ее типом.

Как показало проведенное исследование, для собственно авангардных идиом полное представление о специфике ее функционирования и пути ее развития можно получить на основании данных об ее употреблении в (✦) в произведениях лексикографируемых авторов, (✦✦) в произведениях современников лексикографируемых авторов, (✦✦✦) в современном дискурсе. Порядок расположения контекстов в каждой подзоне определяется следующим образом: сначала приводятся контексты с использованием заголовочной единицы в узуальной форме, затем — в модифицированной (неузуальной) форме. Под модификацией собственно авангардной идиомы понимается любое ее структурно-семантическое преобразование, при котором декодируется (реконструируется) его связь с базовой формой идиомы и/или ее первоисточником. Приведем пример:

ОБЛАКО В ШТАНАХ

(1) **Облако в штанах** (Маяковский, «Облако в штанах», СС, I, 173)

(2) Хотите — / буду от мяса бешеный / — и, как небо, меняя тона — / хотите — / буду безукоризненно нежный, / не мужчина, а — **облако в штанах!** (Маяковский, «Облако в штанах», СС, I, 175)

(3) Я скандалист! / Я не монах. / Но как / под ноготь / взять Адуева? / **Ищу / у облака в штанах, / но как / в таких штанах найду его?** (Маяковский, «Адуеву», СС, X, 168)

(4) — Не трогай сестра. / Поэтовы штучки думаешь? / Ленский? / **Второе облако пишет в штанах.** / Сегодня / я слиток силы вселенской / С корнями / дерево / выверну в мах. (Маяковский, «Варианты, разночтения и черновые наброски», СС, IV, 392–393)

(5) Кого бы не раздавил, как страшный удар молотом, голос **Владимира Облачного**, если бы он не заметил в самом голосе улыбку Ляли, управляющей тигром. (Хлебников, «Ляля на тигре», СС, VI.1, 257)

(6) «Дело известное. / — Из сословья имущего! / А белье какое! / **Не белье, а облако небесное! / А кружева, а кружева на штанах** / — Тьма господняя, / — Тьма тьмушая <...>. (Хлебников, «Ночь перед Советами», СС, III, 354)

(7) **Дух облака, одетый в кожух,** / Нас отразил, печально непохожих, / В года изученных продаж, / Где весь язык лишь «дам» и «дашь». ... (Хлебников, «Моих друзей летели сонмы...», СС, I, 363)

(8) Как и встарь, мы [**окутанные в облаках**] стоим на глыбе слова МЫ. (Хлебников, «Черновик манифеста для «Рыкающего Парнаса», СС, VI.1, 343)

(9) Но вот я встал, захлопнул книги. / **Про облако и про штаны расскажет Маяковский.** / Тогда тевтоны шли у Риги / И трепетал волной Чуковский. (Хлебников, «Примечание к «Олег Трупов», СС, III, 455)

(10) Маяковский — не довод: аргументировать его биографией нельзя, так как к революции он пришел помимо футуризма, если не вопреки ему. Уже в шестнадцатом году **«Облако» Маяковского разгуливало в штанах его собственного покроя, а не в детских трусиках футуризма.** (Лившиц, «Полутораглазый стрелец», 309)

(11) ЧУЖОЕ пальто украсть / и сделать из него / сЕРДцеБИение илиИ / БезприЧинный СМЕХ / эТО вполНе одиНаковО / За примерАми хОДИ далеко / в брюКах С чуЖоГо / плеча / зДАНевич / **обЛако В штанаХ** / маяковскИЙ / В перекинутоМ пальто / ДуШЕ поЭт / большАКов (Терентьев, «17 ерундовых орудий», ЭР)

(12) — А я без всяких прикрас говорю: сколько бы ни куражился Маяковский, близок час гибели его газетных стихов. Таков поэтический закон судьбы агитез! / — А каков закон судьбы ваших «кобылез»? — крикнул с места Маяковский. / — Моя кобыла рязанская, русская. А у вас **облако в штанах!** Это что, русский образ? Это подражание не Хлебникову, не Уитмену, а западным модернистам... (Ройзман, «Все, что помню о Есенине», НКРЯ)

(13) А сейчас, после смерти Маяковского, мне просто жалко этой нервной, больной женщины. Что должна была она пережить!.. Только с ней, Брик, Маяковский и **был «облаком».** (Масаинов, «Маяковский — человек и поэт», РФ, 631)

(14) — Где же это вы уронили, Антон Сергеевич? / — Именно: уронил. Поэтическая вольность... Запропасть паспорт. **Облако в штанах,** нечего скатать. Идиотина. (Набоков, «Машенька», 13, НКРЯ)

(15) Он знал претонкую науку расставанья и уплывал, **как облако в штанах...** (Давыдов, «Заговор, родивший мышь», 1993, НКРЯ)

(16) Дуне Смирновой, а также Татьяне Толстой в тот вечер повезло. Васильев был в ударе, тих и благостен, **как облако в штанах.** («Театральная жизнь», 2003.07.28, НКРЯ)

(17) Послушайте, мужчина... Тимонин ответил словами Маяковского. — Я не мужчина, — сказал он. — **Я облако в штанах.** — Послушайте... Тимонин не слушал, он методично молотил по клавишам. (Троицкий, «Удар из прошлого», 2000, НКРЯ)

(18) Здесь же нельзя идти ни на какие подмены, здесь все абсолютно искренне. А потом, где я найду в театре партнера, который сыграет Чанса Уэйна? У нас же все или дворники, или **«облако в штанах».** («Аргументы и факты», 2001.03.07, НКРЯ)

(19) О себе он рассказывает, что во время обучения в театральном училище приобрел прозвище «король истерик», и описывает историю, как, исполняя роль в спектакле «Полет над гнездом кукушки», настолько забылся, что привел в ужас свою партнершу. Конечно, именно этого мужчину, а не **«облако в штанах»** хотят вызвать режиссеры, которые работают с ним. («Театральная жизнь», 2003.05.26, НКРЯ)

(20) С Владимиром Ивановичем было работать как-то веселее. Трудность в том, что у него нестандартно тонкая кожа. Может обидеться, на мой взгляд, по пустякам. Когда я понял, что мой взгляд определяется моей толстокожестью, я старался **вести себя по Маяковскому: не мужчина, а облако в штанах**. (Бовин, «Пять лет среди евреев и мидовцев, или Израиль из окна российского посольства», 1999, НКРЯ)

(21) Когда Кирилл вышел из «Леля», у него в желудке мирно уживались крабы, колбаски и ежевика, а в крови бродило шампанское, плескался сотерн, горели малиновый ликер и коньяк. Кирилл шел и **чувствовал себя облаком в штанах**, способным взлететь на невиданную высоту. (Баконина, «Девять граммов пластика», 2000, НКРЯ)

В зоне контекстов общезыковых фразеологизмов фиксируются все их употребления в произведениях только лексикографируемых авторов, которые располагаются в следующей последовательности: сначала приводятся контексты с узуальным употреблением заголовочной единиц, затем контексты с ее окказиональным или экспериментальным использованием. Продемонстрируем это на следующем примере:

ТЯНУТЬ КАНИТЕЛЬ

(1) — Товарищи, / довольно **тянуть канитель!** / Гнет капитала, / голодуродина, / войн бандитизм, / интервенция вóрья — / будет! — / покажутся / белее родинок / на теле бабушки, древней истории. (Маяковский, «Владимир Ильич Ленин», СС, VI, 280)

(2) По ногам — хожалый, / По ручищам — шалый. / А как **вытянет речь** — / Головы не сберечь: / Знай только действуй — / Весь тут. Слово — / Сабля из ножон, / Слово — / Лезет на рожон. (Каменский, «Разговоры», 195)

(3) С завода / в постель, / с недосыпа / к труду. / Так / сплошняком / и **тянул нуду**. (Маяковский, «Париж. Записки Людогуса», СС, V, 347)

(4) **Канительят** стариков бригады / **канитель одну и ту ж**. / Товарищи! / На баррикады! / баррикады сердец и душ. (Маяковский, «Приказ по армии искусства», СС, II, 14)

(5) Если всю эту **канитель надо проделывать**, возьмите мне на завтра билет в Берлин. (Маяковский, «Париж. Записки Людогуса», СС, IV, 208)

(6) И вновь / разговоры, / и суд, / и «треть» / на много часов / и недель, / и нет решимости / **пересмотреть / семейственную канитель**. (Маяковский, «Вместо оды», СС, VIII, 45–46)

(7) 10. Сам же посуди, кто нужнее: / 11. эти, / 12. те ли, / **ведущие политические канители** (Маяковский, «Советское правительство для помощи голодающим приняло ряд мер ГПП № 318», СС, III, 401)

(8) Откуда они взялись? / С Волги. / У сегодняшнего голодающего получили их. / Значит, / нечего и **канители идти** — / получил / и возврати. (Маяковский, «Вчерашний подвиг», СС, II, 408)

(9) 10-11. А вот почему. Хоть тяжесть невелика от налога, / да скажут лентяи — **канители много**. (Маяковский, «Декрет о натуральном налоге на яйца», СС, II, 110)

(10) В настоящее время Гиз является моим основным издателем, но все же отдельные книги распыляются и по другим издательствам вследствие **естественной канители** с заключением мелких договоров. (Маяковский, «В литературно-художественный отдел Госиздата. 9 января 1929 г.», СС, XIII, 127)

(11) Учрежденья объяты ленью. / **Заменяли дело канителью длинною**. (Маяковский, «Искусственные люди», СС, VII, 204)

(12) Пока **канителям**, спорим, / смысл сокровенный ища: / «Дайте нам новые формы!» / несется вопль по вещам. (Маяковский, «Приказ № 2 армии искусства», СС, II, 88)

(13) Пробуду в Париже немного, чтоб самому принять машинку с завода, упаковать и послать, а то **заканителится** на месяцы. (Маяковский, «Л. Ю. Брик. 12 ноября 1928 г.», СС, XIII, 125)

(14) Ведомость подашь, а на ведомости сей / собери этак штук пятьдесят подписей. / Соберешь — оказывается / не та печать. / Не угодно ли снова собирать начать. / С полгодика проходит — рупь премия. / Думает рабочий: «**Проканителил время я**. / В январе заработаешь / не заплатят и в июне. / Чего же работать?» (Маяковский, «Декрет совнаркома об урегулировании оплаты труда рабочих или о том, чтобы вовремя и больше платили», СС, III, 350)

(15) Бумажку / встречать / с отвращением нужно. / А лишь / увлечешься ею, — / то через день / голова заталмужена / в бумажную ахинею. / Перепишут все / И, **канителью исходящей нитью**, / на доклады / с папками идут: / — Подпишитесь тут! / Да тут вот подмахнитесь!.. / И, вот тут, пожалуйста!.. / И тут!.. (Маяковский, «Фабрика бюрократов», СС, VII, 158)

(16) Лепечу — я с ними не знаком — / Коснеющим детским, несмелым языком: / Если мое робкое допущение, / Что **золото, которое вы тянули**, / **Когда, смеясь, рассказывали о любви**, / Есть обычное украшение вашей семьи, / Справедливо, то не верю, чтобы вы мне не сообщили, / Любите ли вы «тянули», / Птичку «сплю»? (Тянули — лакомство.) (Хлебников, «Крымское», СС, I, 131)

(17) Про узы, / Про цепи, / Про пути / Все песни пропеты. / Но я, опьяняемый тонкою бровью, / **Молнии слов серебро выю**. (Хлебников, «Про узы ...», СС, II, 29)

(18) Побудем сослучные в Тифлисе / Там столица где мы заблудились / **Тяни катуху стихов по главным улицам / Поперек провинциозной немочи** (Герентьев, «Путеянство», ЭР)

В ходе лексикографирования единиц вербальной идиоматики авангарда мы столкнулись с проблемой, которую можно условно назвать проблемой «избыточности» и «дефицита» словарной информации для формирования как зоны контекстов, так и зон, с ней непосредственно связанных. Это такие зоны, как «Зона

основного варианта заголовочной единицы» и «Зона межъязыкового перевода». Проблема «избыточности» обусловлена главным образом тем, что некоторые из лексикографируемых единиц отличаются высокой степенью воспроизводимости в авангардном дискурсе. Объем информации в зоне контекстов у таких вокабул может значительно превышать средний показатель. К примеру, высокой частотой использования характеризуется общеязыковой фразеологизм *земной шар* — около 230 случаев его употребления в базовой и модифицированной формах в работах представителей раннего авангарда. Проблема «дефицита» словарной информации возникает, в частности, из-за недоступности или труднодоступности переводных изданий и существованием их разного количества. Так, английских переводов произведений кубофутуристов, включающих не только самые известные их работы, больше, чем переводов на итальянский язык. Это приводит к разному соотношению соответствующей информации в зоне межъязыкового перевода и в определенном смысле ее дефицит.

Заклячая всё вышесказанное, мы хотели бы отметить, что в разработке принципов систематизации лексикографируемой информации мы руководствовались стремлением всесторонне и полно раскрыть роль представителей раннего авангарда (кубофутуристов и близких их кругу авторов) в конструировании языковых (идиоматических и фразеологических) новаций, внедряемых ими в литературно-художественную практику, и в коренном преобразовании языка поэзии и искусства начала XX века. Как показала история, многие из лингвоэкспериментальных нововведений кубофутуризма были востребованы и послужили не только основанием для развития разных художественных направлений, формирующихся позднее как в России, так и за рубежом. Ценностная сторона их лингвоэкспериментальной деятельности раскрывается и во влиянии на ход эволюции языкового и художественного мышления, и в установлении метаязыковой рефлексии нового типа, основанной на инновационных методах использования внутреннего потенциала русской языковой системы, на выработке новых подходов к языковому строительству. Работа над словарем помимо практических целей имеет и ряд теоретических задач и научных перспектив. В ходе лексикографического исследования нами формируется метаязык теории идиоматики авангарда, который может составить основу нового междисциплинарного направления, нацеленного на интеграцию теории языка с теорией искусства. Все понятия, разработанные и/или введенные нами в оборот филологии, например, «идиоматика авангарда», «авангардная идиома», «невербальная идиома», «межсемиотичность», «межсемиотический коррелят», способствуют осмыслению природы изучаемого объекта и эффективны для построения методологии его словарной репрезентации.

Литература

Ершов Г. Ю. Художник мирóвого расцвета: Павел Филонов. Изд. 2-е, испр. и дополн. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020. 316 с.

Зыкова И. В. Идиоматика авангарда: ID card идиомы в авангардном дискурсе // Когнитивные исследования языка. 2018. № 35. С. 210–219.

Зыкова И. В. О статусе и специфике зоны межъязыкового перевода в микро-структуре словаря нового типа «Идиоматика русского авангарда» // Межкультурная коммуникация в эпоху глобализации. Свое. Чужое. Универсальное / Отв. ред. Е. О. Опариной. М.: ИНИОН РАН, 2019. С. 135–157.

Калаушин Б. Бурлюк, цвет и рифма. Кн. 1. Отец русского футуризма. СПб.: Апполон, 1995. 800 с.

Коваленко Г. Ф. Александра Экстер: «Цветовые ритмы» // Амазонки «Авангарда». М.: Наука, 2001. С. 198–215.

Bennett B. Theater as problem: modern drama and its place in literature. Ithaca: Cornell University Press, 1990. 272 p.

Flam J. (ed.) Primitivism and the twentieth-century art: a documentary history. Berkeley, CA. University of California Press, 2003. 491 p.

Segy L. African Sculpture. Dover Publications, 1958. 244 p.

Shatskikh A. Black Square: Malevich and the Origin of Suprematism. Yale: Yale University Press, 2012. 368 p.

I. V. Zykova

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences

(Russia, Moscow)

irina_zykova@iling-ran.ru

**PRINCIPLES OF SYSTEMATIZING LEXICOGRAPHIC INFORMATION
IN THE PROJECTED DICTIONARY
“IDIOMATICS OF THE RUSSIAN AVANT-GARDE”**

The paper highlights the principles of organizing information in the macro- and microstructure of the projected dictionary “Idiomatics of the Russian avant-garde”, describes the object of lexicographic description as well as the difficulties and tasks at this stage of the ongoing dictionary work.

The idiomatics of the Russian avant-garde is a semiotically heterogeneous phenomenon, combining verbal and non-verbal idiomatics. The main sources of their formation are literary and artistic works (mainly of the 1910s) of the representatives of the early avant-garde, mainly of the Cubo-Futurists (V. Khlebnikov, V. Mayakovsky, A. Kruchenykh, etc.). Verbal idiomatics includes two types of units — idiomatic innovations created by avant-gardists (avant-garde idioms proper) and traditional phraseological units used in their works. Non-verbal idiomatics is defined as a type of plastic idioms extracted from the artistic (pictorial) works of the authors in question.

At this stage of the work, the Dictionary is formed by verbal idiomatics. The main part of the Dictionary macrostructure consists of two sections. In the first section, more than 1,200 verbal idioms are subjected to dictionary description. The entries in the first section provide information on the basic form of the idiom, its literary source, and its

relation to a certain type of verbal idiomatics (e.g., *an avant-garde idiom-expresseme, a general language proverb*). The head units in the second section are verbal idioms, which most comprehensively reveal the features of the experimental work of the Cubo-Futurists (currently 55 units). The structure of the dictionary entries in the second section is more complex and includes five compulsory and seven optional zones. The information in each zone has its own organization specifics, which is discussed in more detail on the example of a context zone that has the status of a compulsory zone.

In the world lexicographic practice, there is no experience of systematic study of non-verbal idiomatics, interpreted in different ways in the scientific literature. This makes it necessary to solve a number of tasks that precede its lexicographic analysis. These tasks are as follows: the establishment of categorical features of nonverbal idioms, the elaboration of a method for their identification and their typological systematization.

Key words: avant-garde idiomatics, avant-garde idiom, phraseology, non-verbal idiom, plastic idiom, dictionary macrostructure, dictionary microstructure.

References

Bennett B. *Theater as problem: modern drama and its place in literature*. Ithaca, Cornell University Press, 1990. 272 p.

Ershov G. Yu. *Khudozhnik miróvogo rastsveta: Pavel Filonov* [The artist of the world's heyday: Pavel Filonov]. 2nd ed., rev. and ext. St. Petersburg, Publishing House of the European University in St. Petersburg, 2020. 316 p.

Flam J. (ed.) *Primitivism and the twentieth-century art: a documentary history*. Berkeley, CA, University of California Press, 2003. 491 p.

Kalaushin B. *Burlyuk, tsvet i rifma. Kn. 1. Otets russkogo futurizma*. [Burluk, color and rhyme. Book 1. The father of Russian Futurism]. St. Petersburg, Apollon Publ., 1995. 800 p.

Kovalenko G. F. [Alexandra Exter: "Color rhythms"]. *Amazonki «Avangarda»* [Amazons of the "Avant-garde"]. Moscow, Nauka Publ., 2001, pp. 198–215. (In Russ.)

Segy L. *African Sculpture*. Dover Publications, 1958. 244 p.

Shatskikh A. *Black Square: Malevich and the Origin of Suprematism*. Yale, Yale University Press, 2012. 368 p.

Zykova I. V. [Avant-garde Idiomatics: ID card of idioms in the avant-garde discourse]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka*, 2018, no. 35, pp. 210–219. (In Russ.)

Zykova I. V. [On the status and specifics of the section of interlanguage translation in the microstructure of the new type dictionary "Idiomatics of the Russian avant-garde"]. *Mezhkul'turnaya kommunikatsiya v epokhu globalizatsii. Svoe. Chuzhoe. Universal'noe* [Intercultural communication in the era of globalization. Own. Foreign. Universal]. 2019, pp. 135–157. (In Russ.)

О. И. Северская

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

(Россия, Москва)

oseverskaya@yandex.ru

ПРИНЦИПЫ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ПАРОНИМИЧЕСКИХ ФОРМУЛ

Статья посвящена паронимическим лексико-семантическим парадигмам и устойчивым сочетаниям паронимов-аттрактантов, которые можно назвать «формульными». Автор определяет паронимию как системное языковое явление сближения сходно звучащих, но различающихся по морфемному составу и семантике слов, которое становится возможным из-за выделения в них квазиморфов, своего рода эвфонических этимонов. Разграничиваются системная языковая паронимия и паронимия и паронимическая аттракция как ее дискурсивное проявление. Исходя из того, что общезыковые устойчивые паронимические связи мотивированы реальностью, автор предполагает, что индивидуально-авторская паронимическая аттракция ориентируется на языковую модель и осознается как семантическое отношение именно на ее фоне. В статье рассматриваются паронимические корреляции, представленные в поэзии, художественной прозе, литературе нон-фикшн, обыденной речи, эксплицитные и имплицитные, преднамеренные и спонтанные контаминации, интерпретируемые однако как попытка языковой игры. При этом «формульность» не зависит от жанра речи, поскольку предопределяется языковой системой. Паронимические «формулы» определяются как устойчиво воспроизводимые сопоставления аттрактантов, повторяющиеся в различных текстах разных авторов и представляющие собой лексико-семантические парадигмы. В статье ставится задача создания словаря паронимов, отражающего синтактику и семантику паронимической аттракции, учитывающего типологию квазиморфем, семантико-синтаксические характеристики аттрактантов, их контактное или дистантное расположение, операции над смыслами. Автор приходит к выводу, что, базируясь на предельном исчислении возможных общезыковых квазиморфем-этимонов, такой словарь обладал бы большой прогностической силой в отношении появления новых корреляций и смещений паронимов в разных видах дискурса.

Ключевые слова: паронимия, паронимия, паронимическая аттракция, формульные сочетания паронимов-аттрактантов, эксплицитные и имплицитные кон-

таминации, семантические преобразования, контактная и дистантная аттракция, векторы расширения парадигмы, лексикографическая фиксация формульной паронимии.

Паронимические связи больше века находятся в центре внимания исследователей как художественной литературы, так и живой речи, в которой в последнее время — в силу, прежде всего, цифровизации — многочисленные случаи непреднамеренного смешения близкозвучных слов напоминают сознательное их сопоставление с эффектом языковой игры и создания объемного образа. При этом «правильное» и «ошибочное» слова в сознании говорящих и воспринимающих сообщаются в отношения, которые Т. Пристли определяет как «on-the-spot suggestions», т. е. «спонтанные ассоциации» [Priestly 2013: 219; ср.: Лаврова 2012: 95], которые и мотивируют соотнесение слов как по форме, так и по содержанию. Сама же возможность этимологизирующих или семантизирующих ассоциаций определяется лексической системой языка, в которой присутствует множество сходно звучащих слов, не обязательно сопоставимых по семантике.

Паронимия, паронимасия, паронимическая аттракция

В современной науке нет единого определения рассматриваемого явления, нет и согласия в терминах [Кадимов 2022]; главный недостаток существующих — в отсутствии системного представления о паронимических отношениях в языке и речи.

Не вдаваясь в дискуссию, определим паронимию, вслед за Ю. А. Бельчиковым, как «явление частичного звукового сходства слов (паронимов) при их семантическом различии (полном или частичном)» [Бельчиков 1998: 368]. При этом не существенно, о каких паронимах идет речь — однокоренных (*невежа* — *невежда*, *нештатный* — *внештатный*) или разнокорневых (*альбатрос* — *альбинос*, *апелляция* — *этиляция*): глубокое созвучие в их речевых корреляциях неизбежно «морфологизируется» [Векшин 2008: 244; Meul 2013], превращаясь в общую для паронимов квазиморфему.

Что касается «смежных явлений», *паронимасии* и *паронимической аттракции*, относимых обычно к «фигурам речи», то разграничить их поможет введенное в научный оборот С. С. Ивановым [Иванов 2010: 6] представление о *паронимии* как парадигматическом отношении, которое формирует на парасинтагматическом уровне определенные модели, актуализирующие языковое «бессознательное», а те, в свою очередь, семантизируются уже в синтагматике и корректируются в конкретной речевой ситуации представлениями, характерными для индивидуального языкового сознания.

На уровне парасинтагматики, как представляется, мы имеем дело с *паронимасией*, формирующей с помощью двух стандартных языковых знаков нестандартную номинацию денотата, который имеет в виду говорящий. *Паронимической аттракцией* же следует считать процесс семантизации корреляции сходнозвучных слов, который имплицитно языковой системой и проявляется в речи как факт

индивидуальной рефлексии. При этом эксплицитно представленным может быть и лишь один из вступающих в аттракцию паронимов, но дискурсивным фактом будет его корреляция с имплицитным словесным знаком того же предмета речи.

Например, часто смешиваемые в речи *ореол* и *ареал* можно назвать паронимами — их основы образуют квазиморфему <(о/а)ре(о/а)л> с вокалическим типом расподобления, которое кажется закономерным на фоне системного морфологического чередования о/а. Парономасия, парасинтагматическая корреляция предопределяется в данном случае не только структурно, но и семантически — совпадением в денотативном компоненте значения паронимов сем, позволяющих не различать *ареал* ‘замкнутый круг’ и *ореол* ‘окружность’, указывающих на один и тот же (в представлении говорящего) денотат. Парасинтагматика создает три модели актуализации паронимической аттракции: *ореол* — *ареал* (с актуализацией семы ‘круг’: *ореол* распространения X, *ареал* вокруг Луны и Солнца, *ареал* славы, надежды, успеха и т. п. в примерах актуального речевого смещения), *ореол* *ареала* (с актуализацией смысла ‘внешне выделенный признак области X’), *ареал* *ореола* (с актуализацией смысла ‘область распространения внешне выделенного признака X’). Паронимическая аттракция ощущается и при имплицитном использовании одного из компонентов (в приведенных примерах контаминации *ареала* и *ореола* денотат ассоциируется с замкнутым пространством, имеющим отчетливо выраженную границу), и при эксплицитном схождении паронимов в одной речевой цепи, где становится возможным метонимическое или метафорическое осмысление корреляции: *Примеры ореола и ареала могут быть найдены в мире растений и животных, где различные факторы могут влиять на их распределение и существование. <...> Ореол относится к области вокруг основного ареала, где вид встречается крайне редко или только случайно* (www.open-mir.ru).

В любом случае ошибка говорящего, не подразумевавшего языковой игры, непроизвольно осмысливается как игровая слушающим, пытающимся установить и оправдать причину замены. Например, узнав от собеседника о подаче им *эпиляциионной* жалобы (из разговорной речи), слушающий пытается найти семантическую параллель *апелляции* (направленной на устранение ошибки или несправедливости) и *эпиляции* (направленной на устранение определенного дефекта). Иными словами, интерпретатор ориентируется на практику преднамеренных «ошибок» как довольно широко применяемого поэтического приема, при котором «неправильное» слово-пароним зачеркивается и заменяется «правильным»: и когда ~~в отделении~~ / и когда ~~в отдалении~~ / загорится звезда... (Н. Искренко, «Колыбельная»), или же подразумевается, как в каламбуре: *Насморк у него артиллерийский, аллигаторский, аллегорический, алкоголический, акробатический... — Аллергический!* (из фильма «Не покидай...»), где, поддержанная глубоким звуковым повтором, аттракция превращает выделенные паронимы в *аллегию аллергии*. В таких случаях аттракция создает, как это формулирует Г. В. Зыкова [Зыкова 2014: 86], напряжение между внутренней речью и «внешней», предназначенной для других.

Отметим, что синхронно разнокорневые паронимы зачастую в диахронии восходят к общему корню, т. е. имеют общий этимон (*ветеран*, *ветеринар* < лат. *vetus*

‘старый’, *альбатрос*, *альбинос* < лат. *albus* ‘белый’); аттракция актуализирует эту историческую связь, провоцируя «этимологизирование». Так же и сопоставимые квазиморфы превращают квазиморфему в «этимон» в случае «народной» (*бульвар* — *гульвар*) или «поэтической» этимологии (у Ю. Мориц в «Не вспоминай меня»: *Мы не растались, Мы растаяли с тобою*). И подобное «этимологизирование» характерно и для интерпретации явных орфографических ошибок: адресат семантизирует ошибку адресанта, предполагая, например, что *ленгвист* (из социальных сетей) — это *ленивый лингвист* (этимон в этом примере — квазиморфема <л(е/и)н(з)в>).

Паронимические «формулы»

Эмпирические исследования показывают наличие устойчивых сочетаний и взаимозамен паронимов как в обыденной, так и в поэтической речи. Нетрудно заметить, что во многих случаях они мотивированы внеязыковой реальностью, аттрактанты же именуют определенный ее фрагмент, будучи включенными в одно тематическое поле и одну конситуацию [Северская 2022б: 91]: *Иглы сосен густо и колко Устилают низкие пни* (А. Ахматова); *Дым из-за дома догонит нас длинными дланями...* (В. Маяковский); *Вода и воздух смотрят друг на друга* (А. Кушнер). По этой модели строится и индивидуально-авторская паронимическая аттракция: *Скандалы точно кандалы за нами с лязгом волочатся* (А. Вознесенский).

Устойчивые корреляции паронимов, комбинируемых разными способами в текстах разных авторов, но при этом представляющих собой лексико-семантические парадигмы, члены которых, будучи близки по контекстуальным значениям, могут при определенных условиях заменять друг друга [Павлович 1986: 85], можно назвать «формульными»¹. Анализ паронимических связей, проведенный на материале русской поэзии XX–XXI вв., позволил выделить наиболее частотные «формулы»²:

боль — белизна, белила;
век, вечность — веко; век — человек; век — выковать;
весна — веселье; весна — песнь; весна — вешний — высший;
ветер — рвет; ветер — вечер; ветер — тревога; ветер — ветвь;
воздух — вода;
вьюга — вьюк;
город — дорога; город — гора; город — гордый;
дом — дым; дом — думать; дом — родимый;
душа — воздух — дыхание; душа — духота — дыхание;
женщина — нежность — жизнь;
мука — музыка;

¹ Предлагаю термин, основываемся на понимании «формулы» как «комбинации знаков, выражающих какое-то утверждение» и «сложившейся модели».

² Некоторые из них уже подробно описаны: *гора — город — дорога* [Северская 2022а]; *женщина — нежность — нужно* [Северская 2022в]; *дом — дым — дума* [Северская 2023].

пишущий — пишущий;
песня — пена — пьянить;
сырый — серый — сырой — суровый;
уста — усталость.

Некоторые корреляции в равной степени характерны и для поэзии: **Ветер** жизни тебя не **тревожит** (С. Маршак); *Отпускаю с **ветрами тревоги**, Выливаю с дождями печаль...* (Т. Тимошевская); **Тревожный ветер** дул со всех сторон. Дни становились злее и короче (А. Артемьев); *Пусть что-то не сбылось, сломалось, **Тревожный ветер** поутих* (И. Самарина), и для художественной прозы: **Ветер тревожно** шелестел в кронах деревьев, и деревья вздыхали, раскачивались и выворачивали листья изнанками вверх (Т. Янсон, «Когда прилетит комета»); **Ветер тревоги** веет над лесом (World of Warcraft.com), и для нон-фикшн: **Тревогу** и депрессию может вызывать шум от **ветра**. <...> Паранойю и чувство **тревоги** формируют **ветровые** турбины (Pravda.ru. Наука); *И на сознательном, и на подсознательном уровне **ветер** определенно вызывает стресс. Он дезориентирует, решительно внося в наш с виду стабильный мир перемены. Обдувает наше лицо. ... При сильном **ветре** кожа начинает подавать в мозг сигналы **тревоги**, заставляя нас чувствовать себя некомфортно, может вызывать небольшое беспокойство и даже раздражение* (Neurology.ru), и для обыденной речи: *Бывает подолгу **ветер**, по неск. дней, тоже не люблю, ощущение **тревоги**, дискомфорта вызывает* (Woman.ru, комментарий). Поэзия в целом чаще обращается к паронимии, чем обыденная речь и проза, использует все возможности языковой системы и в силу этого менее шаблонна и предсказуема, но вместе с тем определяет модели, которые, с одной стороны, позволяют прогнозировать возможные речевые ошибки, а с другой — повышают экспрессивность и изобразительность речи при использовании паронимической аттракции как приема сознательного словопреобразования (в терминах В. П. Григорьева). Поэтому задача лексикографической фиксации устойчивых паронимических связей как в поэтическом языке в целом, так и в так называемых «авторских» словарях представляется актуальной. Вопрос в том, как подавать в сводных словарях информацию о паронимических «формулах» с учетом индивидуально-авторских новаций.

Принципы лексикографического представления «формульной» паронимии

Существующие словари паронимов, в которых преимущественно представлены однокоренные аттрактанты, не отражают реальной дискурсивной практики. Ближе всего к речевой и языковой реальности оказывается «Словарь паронимов» Н. П. Колесникова [Колесников 1971], в котором собрано 1400 паронимических гнезд, включающих и слова разных корней. Отражают системность паронимии как языкового явления «Материалы к словарю паронимов русского языка» В. П. Григорьева, Н. А. Кожевниковой и З. Ю. Петровой [Григорьев и др. 1992], которые представляют собой попытку исчисления общеязыковых многокомпонентных консонантных «квазиоснов». Однако это издание учитывает только формальные

показатели паронимии в репертуаре квазиморфем, не затрагивая синтактику и семантику. Необходимо, на наш взгляд, словарь, который бы учел и эти параметры, обуславливающие возможность паронимии и паронимической аттракции.

Будущее за словарем паронимических «формул», в котором каждая из «формульных» парадигм описывалась бы с учетом:

- формальных показателей аттракции (с расподоблением квазиморфем по вокалическому, консонантному, эпентетическому, аугментативному, метатетическому типам [Григорьев и др. 1992: 3]),
- синтагматики конкретных дискурсивных реализаций (контактного или дистантного расположения аттрактантов, их актанных семантико-синтаксических характеристик),
- конкретных операций над смыслами [Северская 2022г] в зоне паронимической аттракции.

Это позволило бы зафиксировать и расширение значений паронимов, значительно повышающее их коммуникативный потенциал.

Покажем, как могли бы выглядеть зоны словарной статьи, на примере паронимической формулы с ядром *вьюга* — *вьюк*, включающей и производные от обоих аттрактантов.

Заметим, что в языковом сознании «наивных» носителей русского языка корни паронимов связаны «этимологически»: *Как правильно писать слово — «навьючила» или «навьючила»? — Навьючила — в этом слове одна приставка НА, а ВЬЮЧ — корень, и — суффикс, л — суффикс прошедшего времени, а — окончание. — От слова «вьюга» значит? (Otvet.mail.ru).* «Народная» этимология имеет мало общего с реальной. *Вьюк* — древнерусское заимствование из тюркских языков, ср. тат. *юк* ‘ноша’ (в русском — *вьюк* ‘упакованная поклажа, перевозимая на спине животного’), а начальное «в» возникло из-за смыслового сближения с *вить*; слово *вьюга* образовано от *вьють* ‘витья, веять’ (не сохранившийся глагол *вьють* родствен глаголам *вить*, *веять*) [Крылов]. Однако одно слово ассоциируется с другим через глагол *вить*, и реальный этимон *вьюги* связывает ее и *вьюк* через семантический компонент ‘круговое движение’, актуализируемый паронимической аттракцией.

Она возникает в следующих паронимических корреляциях:

- 1) *вьюга* — *вьюжный* — *вьюк* — *Казалось, что стучится в наши терема Татарска бабушка, сама падера вьюга, Несуща вьюжный вьюк, что стужей стянут туго...* (Л. Мартынов, «Домотканная Венера»); *Снова С неба Сброшен вьюжный вьюк* (Л. Мартынов, «Венок»);
- 2) *вьюга* — *вьючить* — ... *вьюга вьючила / груз снегов на плечи нам* (Н. Асеев, «Не за силу, не за качество...»); *Воду водишь, / Грязи грузишь, / Рожь рожай, / Вьюгами вьючишь, / Озимы зимами* (С. Третьяков, «Рыд матерный»);
- 3) *вьюга* — *вьюжный* — *навьючить* — *Вьюга навьючила юные дюны в юные вьюжные южные дни* (А. Воловик, «Кузов звуков»); *Вьюгу навьючив снегов гулом, / нервный февраль вновь, — / невозмутимый, как переулочек / без*

фонарей, разлетясь, — дунул, / ветром задрал бровь... — // и закружил в городах-громах! (Г. Вороненко, Valentine blues); Пуститесь-ка **вьюгой**, **Навьючьте** завалов... (А. Теплухин, «Стихиальная поэма»); *На юге!..где вьюги!..навьючъ...въ-я-въ!..ишака!.. И он!..потащит!..и седока!..и три!..его!..мешка!..* (В. Петрак, «Да я ж...»);

- 4) **вьючный** — **вьюга**, при том, что один из аттрактантов является элементом тропа — в данном случае сравнения: *Сиверко — Полуночник, то, как мул вьючный, вьюгу на себе тянет — ёлки-палки заключенные, вишь ты, замёрзнут, то дожди на бечевах бурлаком волочат — как же, там кто-то, где-то завял да поник! А назад, так по самой верхотуре пробирается — «Не застудить бы кого!» — говорит (Аланат, «Ветры»).*

Как следует из приведенных примеров, на периферии возникает еще один вектор аттракции: **вьюга**, **вьюжный** — **юг**, **южный**.

В словаре эти корреляции можно отобразить следующим образом:

ВЬЮГА — ВЬЮК (<**ВЬЮ(з/к)**>, консонантное расподобление, смысловое взаимодействие по модели **С U P / e** ‘круговое движение’³)

Ядерные контекстные реализации — контактные: 1) *вьюга* — *вьюк* (<**ВЬЮ(з/к)**>, Subj. — Obj.); 2) *вьюжный* — *вьюк* (<**ВЬЮ(ж/к)**>, Atr. — Subj.); 3) *вьюга* — (на)вьючить (<**ВЬЮ(з/ч)**>, Subj. — Pred., Obj. — Pred., Instr.Obj. — Pred.); дистантные: 4) (на)вьючить — *вьюжный* (<**ВЬЮ(ч/ж)**>, Pred. — Sirc.); в тропеической позиции: 5) *вьючный* (мул) — *вьюга* (<**ВЬЮ(ч/з)**>, C_1 / a_1 ‘вьюк’ → $C_2 \setminus a_2$ ‘снежный вихрь, метеорологическое явление’ + a_1 ‘вьюк’⁴ → *вьюга* ‘снежный вьюк’).

Периферийная аттракция: *вьюга/вьюжный* — *юг/южный* (<**(в)ВЬЮ(з/ж)**>, аугментативное расподобление с консонантным чередованием, *C* vs. *P / a* ‘холод vs. тепло’⁵).

Пропозициональная структура паронимической формулы: *вьюга* (Subj.) ↔ *вьюжить/вьючить*, *вьюк* (Pred.) ↔ *вьюк* (Obj.).

Заключение

Как можно было заметить, от устойчивого ядра отходят векторы, формирующие ядерные контекстные реализации (в том числе задействующие производные основных аттрактантов) и периферию паронимического поля и отсылающие

³ Модель объединения смыслов *C* и *P* при одновременном акцентировании в них общей семы *e* [Северская 2022г: 208]. Здесь и далее используются обозначения, принятые в формализованной модели операций над смыслами И. И. Ревзина [1977].

⁴ В смысле C_1 первого паронима акцентируется сема a_1 , которая затем присоединяется к смыслу C_2 второго аттрактанта при одновременном подавлении в нем существенной семы a_2 [Северская 2022г: 207].

⁵ *C* vs. *P / a*: при противопоставлении смыслов подчеркиваются контрастные семы *a*, при этом признак, определяющий сближение (в данном случае — ‘климатические явления’), остается значимым [Там же: 208].

к новациям и синонимичным, также поддержанным паронимической аттракцией, «перифразам» ядерных связей. Возможно, при лексикографическом представлении стоит это учитывать и дополнять линейное описание цепочек паронимов схемой, которая отражала бы не только актуальные, но и потенциальные, не противоречащие системе, корреляции.

Поскольку поэтический язык в высшей степени полно реализует системные языковые возможности, базируясь на предельном исчислении возможных общеязыковых квазиморфем-этимонов, словарь «формульных» паронимических корреляций обладал бы большой прогностической силой в отношении не только развития поэтической паронимии, но и появления новых корреляций и смешений паронимов в разных видах дискурса.

Литература

Бельчиков Ю. А. Паронимия // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 368.

Векишин Г. В. Метафония в звуковом повторе (к поэтической морфологии слова) // Новое литературное обозрение. 2008. № 90. С. 229–250.

Григорьев В. П., Кожевникова Н. А., Петрова З. Ю. Материалы к словарю паронимов русского языка. М.: ИРЯ РАН, 1992. 293 с.

Зыкова Г. В. Зачеркнутое слово в поэтическом тексте и в арт-объекте (Вс. Некрасов, Э. Булатов, Ц. Кофоне) // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна. Серия 3: Экономические, гуманитарные и общественные науки. 2014. № 3. С. 83–88.

Иванов С. С. Лингвистический статус и функциональные возможности паронимии в системе современного английского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Нижегородский гос. лингвистический ун-т им. Н. А. Добролюбова. Нижний Новгород, 2010. 21 с.

Кадимов Р. Г. Паронимия, паронимасия, паронимическая аттракция: к вопросу о толковании терминов // Инновационная наука. 2022. № 10 (1). С. 24–26.

Колесников Н. П. Словарь паронимов. Тбилиси: Изд-во Тбилисского университета, 1971. 346 с.

Крылов Г. А. Этимологический онлайн-словарь [Электронный ресурс]. URL: <https://lexicography.online/etymology/krylov/> (дата обращения: 04.12.2023).

Лаврова Н. А. Контаминация и паронимическая аттракция // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: лингвистика креатива. 2012. № 3. С. 93–99.

Павлович Н. В. Образование поэтических парадигм // Проблемы структурной лингвистики 1983. М.: Наука, 1986. С. 74–87.

Ревзин И. И. Современная структурная лингвистика. Проблемы и методы. М.: Наука, 1977. 263 с.

Северская О. И. Города, горы, дороги... (Образ города в формульных паронимических сочетаниях) // Слово.ру: балтийский акцент. 2022а. Т. 13. № 4. С. 101–110.

Северская О. И. Денотативный и сигнификативный компоненты паронимической аттракции // Верхневолжский филологический вестник. 2022б. № 2. С. 89–98.

Северская О. И. О женщинах, нежности и нужности в паронимических формулах русской поэзии // Мир русского слова. 2022в. № 4. С. 61–70.

Северская О. И. Содержание семантических процессов в условиях паронимической аттракции // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2022г. № 4. С. 204–211.

Северская О. И. Думы о доме и дыме: семантика «формульной» паронимии // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2023. № 2. С. 83–90.

Meul C. Variable conditioning of a morphological mechanism. In: *The Boundaries of Pure Morphology. Diachronic and Synchronic Perspectives.* Cruschina S., Maiden M., Smith J. Ch. (eds.). Oxford: Oxford University Press, 2013. Pp. 68–94.

Priestly T. S. M. One idiosyncratic strategy in the acquisition of phonology. In: *Vihman M., Keren-Portnoy T. (eds.). The Emergence of Phonology: Whole-word Approaches and Cross-linguistic Evidence.* Cambridge, 2013. Pp. 217–237.

O. I. Severskaya

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences

(Russia, Moscow)

oseverskaya@yandex.ru

PRINCIPLES OF LEXICOGRAPHIC REPRESENTATION OF PARONYMIC FORMULAS

The article is devoted to paronymic lexical-semantic paradigms and stable combinations of paronyms-attractants, which can be called paronymic “formulas”. The author defines paronymy as a systemic linguistic phenomenon of convergence of words that sound similar, but differ in morphemic composition and semantics, which becomes possible due to the allocation of quasimorphs in them, a kind of euphonic etymons. A distinction is made between systemic linguistic paronymy and paronomasia and paronymic attraction as its discursive manifestation. Proceeding from the fact that stable paronymic connections in the language system are usually motivated by reality, the author suggests that the individual author’s paronymic attraction is oriented towards the language model and is perceived as a semantic relation precisely against its background. The article examines paronymic correlations presented in poetry, prose, non-fiction literature, everyday speech, explicit and implicit, intentional and spontaneous contaminations, interpreted, however, as an attempt at a language game. At the same time, “formulaicity” does not depend on the genre of speech, since it is predetermined by the language system. Paronymic “formulas” are defined as stably reproducible correlations of attractants, repeated in various texts by different authors and representing lexical-semantic paradigms.

The article sets the task of creating a dictionary of paronyms that reflects the syntactics and semantics of paronymic attraction, taking into account the typology of quasimorphemes, semantic-syntactic characteristics of attractants, their contact or distant location, operations on meanings. The conclusion is made that, based on the limiting calculation of possible general linguistic quasi-morphemes-etymons, such a dictionary would have great predictive power regarding the emergence of new correlations and contamination of paronyms in different types of discourse.

Key words: paronymy, paronomasia, paronymic attraction, paronimic “formulas”, explicit and implicit contaminations, semantic transformations, contact and distant attraction, paradigm expansion vectors, lexicographic fixation of formulaic paronymy.

References

Bel'chikov Yu. A. [Paronymy]. *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'* [Linguistic encyclopedic dictionary]. Moscow, Sovetskaya Ehntsiklopedia Publ., 1990, p. 368.

Grigor'ev V. P., Kozhevnikova N. A., Petrova Z. Yu. *Materialy k slovaryu paronimov russkogo yazyka* [Materials for the dictionary of paronyms of the Russian language]. Moscow, Russian Language Institute of the RAS Publ., 1992. 293 p.

Ivanov S. S. *Lingvisticheskii status i funktsional'nye vozmozhnosti paronimii v sisteme sovremennogo angliiskogo yazyka* [The linguistic status and functional potential of paronymy in the system of modern English]. Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod State University Publ., 2010. 21 p.

Kadimov R. G. [Paronymy, paronomasia, paronymic attraction: on the issue of interpretation of terms]. *Innovatsionnaya nauka*, 2022, no. 10 (1), pp. 24–26. (In Russ.)

Kolesnikov N. P. *Slovar' paronimov* [Dictionary of paronyms]. Tbilisi, Tbilisi University Publ. House, 1971. 346 p.

Krylov G. A. *Etimologicheskii onlain-slovar'* [Etymological online dictionary]. Available at: <https://lexicography.online/etymology/krylov/> (accessed 04.12.2023).

Lavrova N. A. [Contamination and paronymic attraction]. *Ural'skii filologicheskii vestnik. Seriya: Yazyk. Sistema. Lichnost': lingvistika kreativa*, 2012, no. 3, pp. 93–99. (In Russ.)

Meul C. Variable conditioning of a morphological mechanism. Cruschina S., Maiden M., Smith J. Ch. (eds.). *The Boundaries of Pure Morphology. Diachronic and Synchronic Perspectives*. Oxford, Oxford University Press, 2013, pp. 68–94.

Pavlovich N. V. [Formation of poetic paradigms]. *Problemy strukturnoi lingvistiki 1983* [Problems of structural linguistics 1983]. Moscow, Nauka Publ., 1986, pp. 74–87. (In Russ.)

Priestly T. S. M. One idiosyncratic strategy in the acquisition of phonology. *The Emergence of Phonology: Whole-word Approaches and Cross-linguistic Evidence*. Vihman M., Keren-Portnoy T. (eds.). Cambridge, Cambridge University Press, 2013, pp. 217–237.

Revzin I. I. *Sovremennaya strukturnaya lingvistika. Problemy i metody* [Modern structural linguistics. Problems and methods]. Moscow, Nauka Publ., 1977. 263 p.

Severskaya O. I. [Cities, mountains, roads... (The image of the city in formulaic paronymic combinations)]. *Slovo.ru: baltiyskii aktsent*, 2022a, vol. 13, no. 4, pp. 101–110. (In Russ.)

Severskaya O. I. [Denotative and significative components of paronymic attraction]. *Verkhnevolzhskii filologicheskii vestnik*, 2022b, no. 2, pp. 89–98. (In Russ.)

Severskaya O. I. [About women, tenderness and necessity in the paronymic formulas of Russian poetry]. *Mir russkogo slova*, 2022c, no. 4, pp. 61–70. (In Russ.)

Severskaya O. I. [The content of semantic processes in conditions of paronymic attraction]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova* [Proceedings of the Vinogradov Russian Language Institute], 2022d, no. 4, pp. 204–211. (In Russ.)

Vekshin G. V. [Metaphony in the sound repetition (to the poetic morphology of the word)]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2008, no. 90, pp. 229–250. (In Russ.)

Zykova G. V. [The crossed out word in a poetic text and in an art object (Vs. Nekrasov, E. Bulatov, Ts. Kofone)]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta tekhnologii i dizaina. Seriya 3: Ehkonomicheskiye, gumanitarnyye i obshchestvennyye nauki*, 2014, no. 3, pp. 83–88. (In Russ.)

Е. В. Картер

Санкт-Петербургский горный университет

(Россия, Санкт-Петербург)

Karter_EV@pers.spmi.ru

К ВОПРОСУ О СОЗДАНИИ ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ НИКИТЫ ХРУЩЁВА

В статье представлен опыт составления паремиологического словаря политического лидера советской эпохи. Н. С. Хрущёв известен как один из самых противоречивых, но и самых ярких советских политиков. Большой интерес представляют тексты его устных публичных выступлений, а также его воспоминания. Отличительной особенностью речевой практики политика можно назвать широкое использование различных устойчивых выражений (фразеологизмов, пословиц, поговорок и др.). Проект словаря опирается на существующие лексикографические труды в области паремиологии. Материал словаря охватывает традиционные и трансформированные пословицы и поговорки, которые встречаются в публичных выступлениях Н. С. Хрущёва и его воспоминаниях. В статье рассматриваются особенности лексикографического описания паремий, представленных в речевой практике руководителя Советского Союза, анализируются принципы построения словарных статей. В словарном описании паремии включаются в общий фразеологический фонд языковой личности, приводится их семантизация и контекстуальное использование, что позволяет читателю увидеть особенности авторского языка и адекватнее воспринять представленный текст. Словарь даст возможность не только показать характерные особенности языка политика, но и уточнить представления о функционировании паремий в языке определенной исторической эпохи.

Ключевые слова: лексикографическое описание, Н. С. Хрущёв, паремиологический словарь, словарная статья, традиционная паремия, трансформированная паремия.

Общепризнано, что Н. С. Хрущёв является одним из самых импульсивных и противоречивых советских руководителей. Период его политического правления часто называют «оттепелью». Хрущёв заслужил репутацию борца за демократию, поскольку в годы его правления были расширены границы свободы, подвергнут осуждению сталинский террор, амнистированы политзаключенные,

уменьшились репрессии и влияние идеологической цензуры. Были достигнуты весомые успехи в освоении космоса. Развернулось активное жилищное строительство. Появилась невиданная ранее открытость страны миру, в Россию стали приезжать иностранные туристы, учебные заведения открыли свои двери для иностранных учащихся и представителей научной и творческой интеллигенции [Есешкин 2007].

Однако с именем Хрущёва связаны и «организация самой жесткой в послевоенный период антирелигиозной кампании, и расстрел рабочих в Новочеркасске, и судебные процессы с вынесением смертных приговоров против валютчиков и цеховиков» [Кочнева 2019: 4]. Сегодня неоднозначно оценивается принятие некоторых решений в организации сельского хозяйства и внешней политике. Считается, что «в его деятельности имели место проявления субъективизма и волюнтаризма» [Советский энциклопедический словарь 1987: 1466].

О Хрущёве можно кратко сказать как о политическом лидере, стремившемся укрепить страну, изменить внутреннюю и внешнюю политику, но допустившем при этом серьезные просчеты. Тем не менее, по мнению современных историков, личность Хрущёва по праву занимает свое место на пьедестале советских руководителей.

Как известно, Хрущёв часто принимал иностранные делегации, вел переговоры и много ездил по миру, что нашло отражение как в советской, так и зарубежной печати. Особый интерес, на наш взгляд, представляют беседы и пресс-конференции политического лидера, которые он давал во время своих многочисленных официальных визитов за границу, а также специальные встречи с представителями зарубежной прессы. Хрущёв стал первым руководителем Советского Союза, который был открыт для общения с иностранными журналистами. «Современники отмечали, что откровенность, грубоватая манера шутить, эмоциональность Хрущёва очень нравились зарубежным журналистам, и встречи с ними нередко превращались в своеобразные политические шоу» [Даутова 2011: 117]. Свои впечатления от общения с зарубежной прессой советский политик оставил в мемуарах.

Наши наблюдения над речевой практикой Н. С. Хрущёва позволяют говорить о том, что одной из отличительных особенностей его языкового стиля является широкое использование фразеологических единиц различной стилистической окраски: разговорных, просторечных, книжных, жаргонных [Carter 2015; 2019; 2021]. Речь политического деятеля насыщена традиционными пословицами и поговорками, изобилует афоризмами и крылатыми выражениями, включает и трансформированные паремии [Картер 2020].

Предлагаемый проект авторского словаря «характерных языковых черт» [Шестакова 2019: 126] Н. С. Хрущёва представляет первую попытку комплексного паремиологического исследования речевой репрезентации советского политика. Словарь составлен на материале опубликованных текстов главы государства, включая, во-первых, сборники, в которые входят его выступления по вопросам внешней политики СССР и международного положения, интервью и беседы с иностранными деятелями [Хрущёв 1960; 1961], во-вторых, его мемуары [Хрущёв 2016а; 2016б].

Работая над словарем, мы обратились к опыту описания русского паремиологического материала ведущими отечественными и зарубежными лексикографами [Мокиенко, Вальтер 2006; Мокиенко, Сидоренко 2018]. Были использованы справочные источники с точной паспортизацией русских пословиц и поговорок [Бирих 2005; Мокиенко 2017; Мокиенко, Никитина 2008; Мокиенко, Никитина 2010], поскольку корректная паспортизация каждой паремии «становится ее точным ориентиром в пространстве и времени» [Мокиенко, Никитина 2008: 8]. Описание паремий осуществлялось по стержневому принципу, который значительно «облегчает поиск нужной единицы» [Ломакина 2011: 220].

Структурно словарь состоит из двух частей: в первой части представлены традиционные пословицы и поговорки, актуализированные в речевой практике Н. С. Хрущёва, во второй — трансформированные паремии. Паремиологический материал в словаре расположен в алфавитном порядке их стержневого компонента, выделяемого как субвокабула, после которой следуют описываемые единицы. Заголовочная субвокабула и описываемые паремии приводятся с прописной буквы. Стержневым компонентом условно считается первое по счету имя существительное, включая субстантивированные части речи. При отсутствии в составе паремии имен существительных и прилагательных заголовочным словом становится глагол, наречие или местоимение:

ВОРОБЕЙ

СТАРОГО ВОРОБЬЯ НА [ПУСТОЙ] МЯКИНЕ НЕ ПРОВЕДЕШЬ (НЕ ОБМАНЕШЬ).

УТОПАЮЩИЙ

УТОПАЮЩИЙ ХВАТАЕТСЯ ЗА СОЛОМИНКУ.

ТЕЧЬ

ВСЁ ТЕЧЕТ, ВСЁ ИЗМЕНЯЕТСЯ.

ЛУЧШЕ

ЛУЧШЕ ПОЗДНО, ЧЕМ НИКОГДА.

КАЖДЫЙ

КАЖДОМУ — СВОЕ.

После заголовочной паремии следует необходимая информация о ней: указываются варианты разного типа, даются стилистические пометы, толкование и, наконец, — иллюстративный материал. В словаре отражены лишь наиболее актуальные варианты описываемых паремий. Они подаются следующим образом:

- а) лексические варианты — в круглых скобках;
- б) синтаксические (структурные) варианты — в прямых скобках.

Например:

*НАЗВАЛСЯ ГРУЗДЕМ (ГРИБОМ) — ПОЛЕЗАЙ В КУЗОВ.
[И] МОСКВА НЕ СРАЗУ (НЕ ВДРУГ) СТРОИЛАСЬ.*

Принцип дифференциации посредством стилистических помет нашел в словаре паремий широкое применение. Описываемые единицы здесь сопровождаются конкретизирующими пометами двух рангов:

- сферы функционирования данной поговорки (*разг., прост., книжн., публ., народн.* и др.);
- экспрессивно-эмоциональной окраски (*шутл., ирон., одобр., неодобр., патет., груб.* и др.).

После стилистических помет каждая описываемая паремия получает истолкование ее актуального в современном литературном языке значения. Представляется, что комбинация толкования, стилистических помет и иллюстраций создает относительно полную картину реального функционирования паремий в речевой практике политического лидера советской эпохи. Приведем несколько примеров использования традиционных паремий:

ВОРОН

ВОРОН ВОРОНУ ГЛАЗ (ГЛАЗА) НЕ ВЫКЛЮЕТ (НЕ ВЫКЛЮНЕТ). *Часто ирон., неодобр. Люди одного и того же рода занятий, мыслей, поступков (чаще неблагоприятных) не будут ссориться, становиться друг другу поперек дороги [Мокиенко 2017: 88].*

Есть поговорка: «Ворон ворону глаз не выключет». И колонизатор колонизатора поддерживает [Хрущёв 2016б: 608].

ГОЛОВА

СНЯВШИ ГОЛОВУ, ПО ВОЛОСАМ НЕ ПЛАЧУТ (НЕ ТУЖАТ). *Прост. Бесплезно и бессмысленно сожалеть о чем-л. после того, как дело сделано, и изменить уже ничего нельзя. Используется иногда для противопоставления важности происшедшего или совершенного и незначительности последовавших неприятностей [Мокиенко 2017: 101].*

Раньше именно так вопросы решались, но тогда дело обстояло значительно проще: схватятся люди, вырвут друг у друга клочок волос, бороду или ус, а потом вырастут новая борода и новые усы. Теперь же вы знаете, что если начнется новая потасовка, то отрастать будет нечему — как говорят у русских: «Снявши голову, по волосам не плачут!» [Хрущёв 1960: 190].

КОЛОСС

КОЛОСС НА ГЛИНЯНЫХ НОГАХ. *Книжн., часто ирон. или пренебр. Что-то величественное, могущественное с виду, но слабое, легко разрушающееся по существу [Бирих 2005: 323].*

*Сталин в первую голову чувствовал в нашей победе над финнами в 1940 году элементы поражения. Очень опасного поражения, которое укрепляет наших врагов в уверенности, что Советский Союз — **колосс на глиняных ногах** [Хрущёв 2016а: 204].*

КОЛЫБЕЛЬ

КОЛЫБЕЛЬ РЕВОЛЮЦИИ. *Публ. Патет. О городе Ленинграде [Мокиенко 2008: 303].*

Ему было доверено руководство **колыбелью революции**, городом, который поднял знамя восстания в октябре 1917 года [Хрущёв 2016а: 649].

КОРОВА

ЧЬЯ БЫ КОРОВА МЫЧАЛА, А ТВОЯ МОЛЧАЛА. Прост. Груб. 1. Требование замолчать, перестать говорить, обращенное к некомпетентному в чем-л. человеку. 2. Требование не обвинять других в тех недостатках, которые есть у самого говорящего: не тебе об этом судить, говорить (говорится в ответ на обвинения того, кто сам чем-л. опорочил, запятнал себя) [Мокиенко 2008: 316].

А представитель США берет на себя смелость клеветать на действительно демократический режим Китайской Народной Республики, которая строит социализм. У нас говорят в таких случаях: «**Чья бы корова мычала, а твоя молчала**» [Хрущёв 1961: 403].

КРАЙ

КРАЙ СВЕТА. Народн. Очень далеко, в отдалённое место [Мокиенко 2008: 326].

Дело в том, что Петрово-Марьинский район по тому времени был крайним юго-западным районом промышленности Юзовки. Это был уже, как говорится, **край света** угольных шахт [Хрущёв 2016а: 28].

КРОВЬ

КРОВЬ С МОЛОКОМ. Разг. Одобр. 1. О румянном, здоровом человеке. 2. О свежем, румянном лице [Мокиенко 2008: 331].

Мы поняли по обстановке, что здесь-то и был штаб. Навстречу попался здоровый такой парень, лицо у него — **кровь с молоком** [Хрущёв 2016а: 294].

ЛЕС

КТО В ЛЕС, КТО ПО ДРОВА. Ирон. О чьих-л. несогласованных действиях, поступках [Мокиенко 2017: 190].

Тимошенко, видимо, и пригласил меня затем, чтобы я увидел, какая там обстановка. Все говорили сразу, **кто в лес, кто по дрова** [Хрущёв 2016а: 169].

В речевой практике Н. С. Хрущёва были выявлены трансформированные паремии, имеющие структурные изменения в лексическом составе компонентов (замена, расширение), выходящие за пределы зоны варьирования в узусе. Большая часть пословиц и поговорок, отражающих реалии из исторической, социально-политической и экономической сфер, относится к разговорно-стилистической зоне. Некоторые из них встречаются как в той форме, в которой они существуют в русском языке, так и в модифицированном виде. Проиллюстрируем это на примерах словарных статей.

Узуальная пословица:

СЧАСТЬЕ

НЕ БЫЛО БЫ СЧАСТЬЯ, ДА НЕСЧАСТЬЕ ПОМОГЛО. Неудача послужила причиной успеха [Котова 2000: 155].

Начали мы искать инженеров. Как говорится, **не было бы счастья, да несчастье помогло**. Произошла заминка с добычей угля в Донбассе [Хрущёв 2016а: 67].

Пословичный трансформ (изменение в лексическом составе):

СЧАСТЬЕ

НЕ БЫЛО БЫ СЧАСТЬЯ, ДА НЕСЧАСТЬЕ ПОМОГЛО. Неудача послужила причиной успеха [Котова 2000: 155].

Удержать Паулюса мы бы не смогли. Однако, как говорится, **не было бы счастья, да глупость Гитлера помогла** [Хрущёв 2016а: 335].

Исходная пословица:

ВАСЬКА

А ВАСЬКА СЛУШАЕТ, ДА ЕСТ. Шутл. Ирон. Человек, которому читают нравоучения, не обращает на них внимания, продолжая свое [Мокиенко 2017: 70].

Но мы тогда сорвем маску с правительства Соединенных Штатов и с президента Эйзенхауэра. Они выступают в печати, осуждают нападение Франции, Англии и Израиля на Египет. А, как говорится, **«Васька слушает, да ест»** [Хрущёв 2016б: 343].

Пословичный трансформ (изменение в лексическом составе):

ВАСЬКА

А ВАСЬКА СЛУШАЕТ, ДА ЕСТ. Шутл. Ирон. Человек, которому читают нравоучения, не обращает на них внимания, продолжая свое [Мокиенко 2017: 70].

После тысячи строгих предупреждений, которые они сделали американцам, как говорится, **американский Васька слушает, да ест** [Хрущёв 2016б: 656].

Любопытными представляются и нижеследующие трансформированные поговорки, возникшие вследствие изменений в лексическом составе базовых паремий:

ОКНО

ПРОРУБИТЬ ОКНО В ЕВРОПУ. Книжн. О Санкт-Петербурге, с основанием которого Россия получила выход к Балтийскому морю [Мокиенко 2008: 462].

Капиталистические воротилы ФРГ, видимо, оказали нажим на свое правительство, ибо им нужно было **«прорубить окно» в Россию**. [Хрущёв 2016б: 422].

РУКА

ПОДАВАТЬ/ПОДАТЬ РУКУ [ПОМОЩИ] кому. Разг. Помогать кому-л., поддерживать кого-л. [Мокиенко 2008: 584].

Одним словом, за нашей спиной Пекин провозгласил югославскую делегацию не присоединяться к общему документу и **подал ей руку ободрения**, что мы тогда не знали [Хрущёв 2016б: 48].

СТОЛ

ХОДИТЬ ПОД СТОЛ ПЕШКОМ. Разг. 1. Шутл. О малолетнем ребенке. 2. Ирон. О молодом, неопытном человеке [Мокиенко 2008: 643].

Когда мы еще ходили под стол без штанов, чехи уже делали такие вещи, которые удивляли мир [Хрущёв 2016а: 656].

Следует заметить, что словарные статьи различаются по объему. Так, например, словарный раздел на букву «К» (традиционные паремии) включает 52 опорных компонента и 68 паремий, актуализированных в 89 случаях, а один из самых маленьких — на букву «А» содержит всего 5 опорных компонентов и 6 паремий в 9 контекстуальных употреблениях. Однако работа над словарем продолжается, поэтому количество описываемых единиц может увеличиться.

Таким образом, паремиологический словарь Н. С. Хрущёва отражает особенности употребления политиком фразеологических ресурсов языка, позволяет не только увидеть своеобразие авторского языка, но и уточнить характер использования той или иной пословицы или поговорки в определенный исторический период. Думается, что книга будет интересна самому широкому кругу читателей.

Литература

Бирих А. К. Русская фразеология: историко-этимологический словарь. М.: Астрель, 2005. 926 с.

Даутова Р. В. Н. С. Хрущев и зарубежная журналистика // Вестник Удмуртского университета. 2011. № 1. С. 116–123.

Есешкин М. М. Основные направления государственной деятельности Н. С. Хрущева (1953–1964): автореф. дис. ... канд. ист. наук / Рос. гос. соц. ун-т. М., 2007. 24 с.

Картер Е. В. Трансформации русских паремий в мемуарах Н. С. Хрущева // Die slawische Phraseologie: Entlehnungen und Kalkierungen in der slawischen Phraseologie Kollektivmonografie. Kollektivmonografie. Славянская фразеология: заимствования и кальки в славянской фразеологии. Коллективная монография / ред. В. М. Мокиенко, Х. Вальтер, Ж. Финк, М. Рак и др. Greifswald: Universität Greifswald, 2020. P. 147–155.

Котова М. Ю. Русско-славянский словарь пословиц с английскими соответствиями. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. 360 с.

Кочнева Л. П. «Начиная с оттепели...»: к 125-летию со дня рождения Н. С. Хрущёва. Благовещенск: Амур. обл. науч. б-ка им. Н. Н. Муравьева-Амурского, 2019. 40 с.

Ломакина О. В. Параметризация русских пословиц и поговорок в лексикографической практике // Проблемы истории, филологии, культуры. 2011. № 3 (33). С. 218–225.

Мокиенко В. М. Давайте правильно говорить по-русски! Пословицы: как их правильно понимать и употреблять, толкование, происхождение, иноязычные соответствия. М.: Центрполиграф, 2017. 316 с.

Мокиенко В. М., Вальтер Х. Прикольный словарь (антипословицы и афоризмы). СПб.: Издательский Дом «Нева», 2006. 384 с.

Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2008. 784 с.

Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских пословиц. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2010. 1024 с.

Мокиенко В. М., Сидоренко К. П. Крылатые слова басен Ивана Андреевича Крылова. Словарь. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2018. 796 с.

Советский энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1987. 1600 с.

Хрущев Н. С. Воспоминания. Время. Люди. Власть. М.: Вече, 2016а. Кн. 1. 896 с.

Хрущев Н. С. Воспоминания. Время. Люди. Власть. М.: Вече, 2016б. Кн. 2. 867 с.

Хрущев Н. С. Мир без оружия — мир без войн. М.: Госполитиздат, 1960. Т. 2. 440 с.

Хрущев Н. С. О внешней политике Советского Союза. М.: Госполитиздат, 1961. Т. 2. 632 с.

Шестакова Л. Л. Современное состояние русской авторской лексикографии // Вопросы языкознания. 2019. № 2. С. 126–150.

Carter E. V. “He Who Lives in a Glass House Should Not Throw Stones”: Nikita Khrushchev’s Proverbial Speeches at the United Nations // *Proverbium: Yearbook of International Proverb Scholarship* / ed. by W. Mieder. Vermont, USA: The University of Vermont, 2015. P. 63–82.

Carter E. V. “Sword” Metaphors in Nikita Khrushchev’s Political Rhetoric // *Computational and Corpus-Based Phraseology. Third International Conference, Europhras. 2019. Malaga, Spain, September 25–27, 2019. Proceedings. Lecture Notes in Artificial Intelligence 11755* / ed. by G. C. Pastor and R. Mitkov. Switzerland: Springer, 2019. P. 73–85.

Carter E. V. “The First Swallow”: Avian Metaphors in Nikita Khrushchev’s Political Discourse // *Studia Amalia 2: The Image of Animals in Language, Literature and Culture* / ed. by A. Samardžić and I. V. Bolt. Poznań, Poland: Adam Mickiewicz University, 2021. P. 75–95.

E. V. Carter

Saint Petersburg Mining University

(Russia, Saint Petersburg)

Karter_EV@pers.spmi.ru

ON COMPILING NIKITA KHRUSHCHEV’S PAREMIOLOGICAL DICTIONARY

The main events of the foreign policy of the post-Stalin period characterized by a softening of the position of the Soviet Union in relation to many foreign countries, the meetings of the heads of the states with different political systems, as well as the most

vivid and controversial personality of the “thaw” leader N. S. Khrushchev, can be considered the main starting points of the enormous interest that the public and the press showed to him. This could not help but be reflected in the Soviet and foreign press. At present, of particular interest are the statesman’s public speeches, press conferences, interviews and, definitely, his memoirs. The article presents the experience of compiling the political leader’s paremiological dictionary. The material of the dictionary covers the traditional and transformed proverbs and sayings employed by Khrushchev in his public speeches and reminiscences. The author gives a thorough treatment of the lexicographical description of the paremias utilized in the politician’s speech practice. The principles of the construction of dictionary entries are considered. Paremias are included in the general phraseological fund of the linguistic personality. The author introduces their meanings and illustrates their contextual use which allows the reader to see the features of the political figure’s language and to get a better understanding of the material under discussion.

Key words: lexicographical description, Nikita Khrushchev, paremiological dictionary, dictionary entry, traditional paremia, transformed paremia.

References

- Birikh A. K. *Russkaya frazeologiya: istoriko-etimologicheskii slovar'* [Russian phraseology: Historical and etymological dictionary]. Moscow, Astrel Publ., 2005. 926 p.
- Carter E. V. “He Who Lives in a Glass House Should Not Throw Stones”: Nikita Khrushchev’s Proverbial Speeches at the United Nations. *Proverbium: Yearbook of International Proverb Scholarship*. W. Mieder (ed.). Vermont, The University of Vermont Publ., 2015, pp. 63–82.
- Carter E. V. “Sword” Metaphors in Nikita Khrushchev’s Political Rhetoric. *Computational and Corpus-Based Phraseology. Third International Conference, Europhras. 2019. Malaga, Spain, September 25–27, 2019. Proceedings. Lecture Notes in Artificial Intelligence 11755*. G. C. Pastor, R. Mitkov (eds.). Switzerland: Springer Publ., 2019, pp. 73–85.
- Carter E. V. “The First Swallow”: Avian Metaphors in Nikita Khrushchev’s Political Discourse. *Studia Amalia 2: The Image of Animals in Language, Literature and Culture*. A. Samardžić, I. V. Bolt. (eds.). Poznań, Adam Mickiewicz University Publ., 2021, pp. 75–95.
- Carter E. V. [Transformation of Russian paremias in N. S. Khrushchev’s memoirs]. *Slavyanskaya frazeologiya: zaimstvovaniya i kal'ki v slavyanskoi frazeologii* [Slavic Phraseology: borrowings and calques in Slavic phraseology]. Greifswald, University of Greifswald Publ., 2020, pp. 147–155. (In Russ.)
- Dautova R. V. [N. S. Khrushchev and Foreign Journalism]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta*, 2011, no. 1, pp. 116–123. (In Russ.)
- Eshshkin M. M. *Osnovnye napravleniya gosudarstvennoi deyatelnosti N. S. Khrushcheva (1953–1964)*. Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [Main directions of N. S. Khrushchev’s state activity. Author’s abstract of the dr. hist. sci. diss.]. Moscow, 2007. 24 p.
- Khrushchev N. S. *Mir bez oruzhiya — mir bez vojn* [World without weapon — World without war]. Moscow, Gospolitizdat, 1960. 440 p.

Khrushchev N. S. *O vneshnei politike Sovetskogo Soyuz*a [On the foreign policy of the Soviet Union]. Moscow, Gospolitizdat, 1961. 632 p.

Khrushchev N. S. *Vospominaniya. Vremya. Lyudi. Vlast'*. Kn. 1 [Reminiscences. Time. People. Power. Book 1]. Moscow, Veche Publ., 2016a. 896 p.

Khrushchev N. S. *Vospominaniya. Vremya. Lyudi. Vlast'*. Kn. 2 [Reminiscences. Time. People. Power. Book 2]. Moscow, Veche Publ., 2016b. 867 p.

Kochneva L. P. "Nachinaya s otpepli..." k 125-letiyu so dnya rozhdeniya N. S. Khrushcheva ["Beginning with the Thaw..." on the 125th anniversary of N. S. Khrushchev's birth]. Blagoveshchensk, N. N. Muravyov-Amursky Amur Regional Science Library, 2019. 40 p.

Kotova M. Yu. *Russko-slavyanskii slovar' poslovits s angliiskimi sootvetstviyami* [Russian-Slavic dictionary with English equivalents]. St. Petersburg, St. Petersburg Univ. Publ., 2000. 360 p.

Lomakina O. V. [Parameterization of Russian proverbs and sayings in lexicographic practice]. *Problems of history, philology, culture*, 2011, no. 3, pp. 218–225. (In Russ.)

Mokienko V. M. *Davaite pravilno govorit' po-russki! Poslovitsy: kak ikh pravilno ponimat' i upotreblyat', tolkovaniye, proiznosheniye, inoyazychnye sootvetstviya* [Let's speak Russian correctly! Proverbs: How to understand and use them correctly, interpretation, origin, foreign equivalents]. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2017. 316 p.

Mokienko V. M., Nikitina T. G. *Bolshoi slovar' russkikh pogovorok* [Great dictionary of Russian proverbial expressions]. Moscow, OLMA Media Grupp Publ., 2008. 784 p.

Mokienko V. M., Nikitina T. G. *Bolshoi slovar' russkikh poslovits* [Great dictionary of Russian proverbs]. Moscow, OLMA Media Grupp Publ., 2010. 1024 p.

Mokienko V. M., Sidorenko K. P. *Krylatye slova basen Ivana Andreevicha Krylova. Slovar'* [Winged words of Ivan Andreevich Krylov's fables. A dictionary]. St. Petersburg, St. Petersburg Univ. Publ., 2018. 796 p.

Mokienko V. M., Walter H. *Prikolnyi slovar' (antiposlovitsy i aforizmy)* [Funny dictionary (anti-proverbs and aphorisms)]. St. Petersburg, "Neva" Publ., 2006. 384 p.

Shestakova L. L. [Current state of Russian author lexicography]. *Voprosy jazykoznanija*, 2019, no. 2, pp. 126–150. (In Russ.)

Sovetskii entsiklopedicheskii slovar' [Soviet encyclopedic dictionary]. Moscow, Sovetskaya Ehntsiklopedia Publ., 1987. 1600 p.

Е. В. Суrowцева

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
Православный Свято-Тихоновский гуманитарный
университет имени Феофана Затворника
(Россия, Москва)
surovceva-ekaterina@yandex.ru*

О МУЛЬТИМЕДИЙНОМ КОРПУСЕ «ЖИТИЙ НОВОМУЧЕНИКОВ И ИСПОВЕДНИКОВ РОССИЙСКИХ XX ВЕКА МОСКОВСКОЙ ЕПАРХИИ»

В статье представлен создаваемый мультимедийный корпус «Житий новомучеников и исповедников Российских XX века Московской Епархии». Нами избран именно этот материал потому, что житие (особенно житие новомучеников и исповедников) является одним из важнейших, но малоисследованных (а специалистами по корпусной лингвистике вообще не исследованных) жанров современной русской словесности. В корпус входит 341 текст (примерно 390 000 словоупотреблений). Работа ведется с помощью автоматизированной системы работы с текстами и словарями «Диктум». Корпус будет представлять собой конкорданс — лингвисты смогут анализировать не только лексемы с частотностью, но и контексты. Важная функция корпуса — система поиска лексем и словоформ по типам информации, размещенной в паспортах, а также возможность пересечения разных типов информации. Необходим также богословский комментарий к текстам. Практически завершена работа по выделению в словарном составе житий шести лексико-семантических полей (церковная лексика; советизмы; сложные слова с дефисным написанием; аббревиатуры; имена собственные — личные имена и географические наименования; термины родства и лексем, обозначающие семейные взаимоотношения). Работа по распределению слов по лексико-семантическим полям предполагает работу с многозначностью. Анализ лексико-семантических групп предполагает, в частности, рассмотрение таких вопросов, как: сколько и каких именно людей обозначает то или иное имя, отчество; деривация; переименование топонимов. Корпус будет снабжен функцией копирования полученных данных в текстовый файл. Каждый текст будет сопровождаться «иллюстративным материалом», будет иметь полное библиографическое описание. Разработана также электронная оболочка для представления результатов.

Ключевые слова: мультимедийный корпус, корпусная лингвистика, житие, современная русская литература, междисциплинарные исследования.

Один из важнейших жанров современной отечественной словесности — жанр жития (в первую очередь жития новомучеников и исповедников). Он изучается богословами, культурологами, литературоведами, лексикографами (см., напр., [Иванова 2004]). Однако, во-первых, лингвистические особенности изучены явно неполно; во-вторых, до сих пор не существует ни одного комплексного исследования данного материала. Именно в этом, на наш взгляд, определяется новаторство нашей работы. Практически не исследована современная агиография методами корпусной лингвистики — нам известен только один агиографический корпус — это СКАТ, созданный на материале русских житий XV — XVII веков [СКАТ]. В силу названных причин автором данной статьи в Лаборатории общей и компьютерной лексикологии и лексикографии филологического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова с помощью автоматизированной системы работы с текстами и словарями «Диктум», созданной программистами специально для нашей лаборатории, ведется работа над созданием корпуса современных житий новомучеников и исповедников Московской Епархии (подробнее об этом см. в [Суровцева 2018]). Наш корпус основан на 8-томном собрании житий [Жития ... 2002–2005]. Всего в издание входит 341 текст, созданный 12 составителями, что составляет примерно 390 000 словоупотреблений.

Наш корпус будет представлять собой конкорданс. В одном из окон будет доступен словарь с указанием частотности каждой лексемы (в корпусе в целом и в избранном для анализа отдельном тексте), в другом окне будут доступны для просмотра все контексты (длина контекста регулируется).

Нам представляется важным снабдить корпус системой поиска лексем и словоформ по типам информации, размещенной в паспортах. Так, мы можем получить список святых, день памяти которых празднуется в тот или иной день; список святых того или иного чина святости и пр. На наш взгляд, важно, что мы можем получить список текстов, написанных тем или иным автором (избранное нами издание житий создано 12 составителями — в основном священнослужителями: 195 текстов принадлежат Дамаскину (Орловскому), 105 — Максиму Максимову, 25 — Олегу Митрову).

Мы сможем «пересекать» разные типы информации — например, мы можем получить список лексем всех текстов, созданных тем или иным составителем (эти списки позволят нам проанализировать творческую манеру агиографов, а также сравнить их языковые особенности); список текстов, в которых встретилось то или иное слово и пр.

Кроме того, каждый текст будет снабжен полным библиографическим описанием.

Информация, которой размечен корпус, нуждается в богословском комментарии. Так, необходимо объяснение чинов святости — мученик, священномученик, исповедник, преподобноисповедник (эта работа ведется с опорой на богословскую

литературу [Православная энциклопедия; Христианство, 1993–1995]). Приведем примеры толкований, написанных на основании статей «Православной энциклопедии»:

Мученики [греч. μάρτυρες; лат. martyres] — святые, отдавшие жизнь за Христа.

Преподобномученики — мученики из числа монахов.

Священномученики — мученики из числа священнослужителей.

Приведем также примеры толкования аббревиатур:

ВЦУ — Высшее церковное управление.

ДКНБ — Департамент комитета национальной безопасности.

Для лингвистов представляет интерес выделение ряда лексико-семантических полей:

1. Церковная лексика (около 30 000 словоупотреблений). Приведем пять самых частотных слов данной группы по убыванию с указанием частотности в квадратных скобках:

отец [3036]

священник [2384]

церковь [2152]

храм [1678]

духовный [880].

2. Советизмы (около 5000 словоупотреблений). Самыми частотными лексемами данной группы являются:

контрреволюционный [907]

НКВД [676]

антисоветский [652]

тройка [370]

ОГПУ [325].

3. Сложные слова с дефисным написанием (около 600 словоупотреблений). К числу пяти самых частотных слов относятся такие слова, как:

исправительно-трудовой [85]

церковно-монархический [16]

свято-троицкий [14]

хлеб-соль [14]

алексandro-невский [12].

Необходимо отметить, что к словам с дефисным написанием относятся как общеупотребительные лексемы (*хлеб-соль*), так и «нестандартные» слова — по преимуществу они относятся к низкочастотной лексике (*церковник-монархист*).

4. Аббревиатуры (примерно 1420 словоупотреблений). Пять самых употребительных аббревиатур:

НКВД [676]

ОГПУ [325]

ГАРФ [318]

СССР [70]

ЦИАМ [43].

5. Имена собственные (около 18 500 словоупотреблений личных имен — имен, отчеств, фамилий, инициалов; около 1330 географических наименований).

Список пяти самых частотных личных имен включает в себя следующие лексемы:

Николай [869]

Сергий [624]

Василий [577]

Иоанн [558]

Александр [463].

Список самых частотных географических наименований и производных от них включает слова:

Москва [1086]

московский [957]

Бутово [234]

таганский [142]

ср. также: русский [335].

6. Термины родства и все лексемы, обозначающие семейные отношения (работа над этой группой еще не закончена; на настоящий момент нами выявлено 2700 словоупотреблений). Продемонстрируем список самых частотных лексем — терминов родства:

ребенок [478]

отец [234]

мать [215]

жена [145]

брат [113].

Работа по распределению слов по лексико-семантическим полям предполагает работу с многозначностью — она ведется с опорой на словарь русского языка под редакцией А. П. Евгеньевой [Словарь русского языка 1999]. Анализ многозначности позволяет увидеть, например, то, что слово *отец* всего в корпусе упомянуто 3270 раз, из них — при названии лиц духовного звания и при обращении к ним 3036 раз (эти словоупотребления отнесены нами к церковной лексике) и 234 раза при обозначении родственных связей. Еще один пример: слово *тройка* 369 раз употребляется в значении ‘судебный орган’ (в этом значении слово включено нами в советизмы) и 1 раз в сочетании *тройка лошадей*. Отметим также интересный факт: слова *бабушка* [191] и *матушка* [69] употребляются в значении ‘священник’ и ‘жена священника или монахиня’, поэтому отнесены нами только к церковной лексике, в число слов с обозначением родственных связей данные лексемы не попадают.

При анализе лексико-семантических групп мы столкнулись с целым рядом вопросов. Так, при рассмотрении имен собственных необходимо выяснить, сколько и каких именно людей обозначает то или иное имя, отчество, фамилия — лемматизатор дает общее количество употреблений того или иного слова. Например, имя *Киприан* (встречаемость — 17 раз) относится к двум людям — святому Киприану Карфагенскому, жившему в III веке (1 раз), и преподобномученику Киприану Нелидову (16 раз). Отдельный вопрос — о всей системе имен, обозначающих конкретного человека. Кроме того, необходимо проследить цепочку дериватов в тех случаях, когда от имени и фамилии образуются производные. Так, от имени патриарха Тихона Белавина образованы следующие дериваты: *старотихоновский* (2 раза), *тихоновец* (15 раз), *тихоновка* (1 раз), *тихоновский* (27 раз).

Работа с географическими наименованиями также выводит на исследование дериватов; кроме того, в житиях нашел отражение процесс переименования городов в течение нашей истории. В качестве примера приведем *Богородск* — под этим названием подмосковный город упомянут 17 раз (*богородский* — 42 раза), под современным названием *Ногинск* — 16 раз (*ногинский* — 17 раз).

Кроме того, мы имеем дело с «пересечением» лексико-семантических групп. Например, *НКВД* и под. одновременно входит в группу советизмов; *СССР* — также и в группу имен собственных (в раздел географических названий); лексема *ВЦУ* включена нами в три группы — не только в аббревиатуры, но и в церковную лексику, и в советизмы. Целый ряд слов вошел сразу в три группы — в религиозную лексику, в советизмы, в сложные слова с дефисным написанием (*антихрист-коммунист*, *безбожник-большевик*, *коммунист-безбожник* и пр. — в основном подобные слова относятся к низкочастотной лексике).

Каждый текст будет сопровождаться «иллюстративным материалом», т. е. фотографиями святых — из следственного дела или из личных архивов, фотокопиями документов. Всего мы располагаем 364 фотографиями.

Следует особо отметить, что корпус будет снабжен функцией копирования полученных данных в текстовый файл, что облегчит работу с данными при написании статей.

Работая над корпусом «Житий новомучеников и исповедников Российских XX века Московской Епархии», мы разработали электронную оболочку для представления результатов, в основном завершили лингвистическую работу по лемматизации и по выделению шести лексико-семантических полей, частично создали исторические, богословские и литературоведческие комментарии и подобрали «иллюстративный материал».

Литература

Жития новомучеников и исповедников Российских XX века Московской Епархии. В 8 томах. Тверь: Булат, 2002–2005.

Иванова Т. А. Лексические особенности жизнеописаний новопрославленных святых Русской Православной Церкви: дис. ... канд. филол. наук. М., 2004. 201 с.

Православная энциклопедия / Под редакцией Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2000–.

СКАТ — Санкт-Петербургский корпус агиографических текстов [Электронный ресурс]. URL: <http://project.phil.spbu.ru/scat/page.php?page=project>.

Словарь русского языка. В 4 томах / Российская академия наук; Институт лингвистических исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Русский язык; Полиграфресурсы, 1999.

Суровцева Е. В. Корпус житий новомучеников и исповедников (на материале «Житий новомучеников и исповедников Российских XX века Московской Епархии»): Состав и подготовка текстов, лексические особенности // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей. Вып. 60 / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2018. С. 226–234.

Христианство. Энциклопедический словарь. В 3 томах / Гл. ред. С. С. Аверинцев. М.: Большая Российская энциклопедия, 1993–1995.

E. V. Surovtseva

M. V. Lomonosov Moscow State University,

Theophan the Recluse Orthodox St. Tikhon's Humanitarian University

(Russia, Moscow)

surovtseva-ekaterina@yandex.ru

**ABOUT THE MULTIMEDIA CORPUS “THE LIVES
OF THE RUSSIAN XX CENTURY NEW MARTYRS
AND CONFESSORS OF THE MOSCOW DIOCESE”**

The article presents the multimedia corpus being created “The Lives of the Russian XX century New Martyrs and Confessors of the Moscow Diocese”. We have chosen this material because the life (especially the life of the new martyrs and confessors) is one of the most important, but little-studied (and not studied at all by specialists in corpus linguistics) genres of modern Russian literature. The corpus includes 341 texts (approximately 390,000 word usages). The work is carried out with the help of an automated system for working with texts and dictionaries “Dictum”. The corpus will be a concordance — linguists will be able to analyze not only lexemes with frequency, but also contexts. An important function of the corpus is a system for searching for lexemes and word forms by types of information posted in passports, as well as the possibility of crossing different types of information. A theological commentary on the texts is also needed. The work on the allocation of six lexico-semantic fields in the vocabulary of the lives (church vocabulary; sovietisms; compound words with hyphenated spelling; abbreviations; proper names — personal names and geographical names; kinship terms and lexemes denoting family relationships) has almost been completed; compound words with hyphenated spelling; abbreviations; proper names — personal names and geographical names; kinship

terms and lexemes denoting family relationships). The work on the distribution of words across lexico-semantic fields involves working with ambiguity. The analysis of lexico-semantic groups involves, in particular, consideration of such issues as: how many and what kind of people a particular name, patronymic designates; derivation; renaming of toponyms. Each text will be accompanied by “illustrative material”. The case will be equipped with the function of copying the received data into a text file. Each text will be provided with a complete bibliographic description. An electronic shell for presenting the results has also been developed.

Key words: multimedia corpus, corpus linguistics, life of saints, modern Russian literature, interdisciplinary research.

References

Ivanova T. A. *Leksicheskie osobennosti zhizneopisani novoproslavlennykh svyatykh Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi. Dis. ... kand. filol. nauk* [Lexical features of the biographies of newly glorified saints of the Russian Orthodox Church. Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 2004. 201 p.

Khristianstvo. *Entsiklopedicheskii slovar'. V 3 tomakh* [Christianity. Encyclopedic dictionary. In 3 vols.]. S. S. Averintsev (ed.). Moscow, Bol'shaya Rossiiskaya Entsiklopediya Publ., 1993–1995.

Pravoslavnaya entsiklopediya [Orthodox encyclopedia]. Ed. by Patriarch of Moscow and All Russia Kirill. Moscow, Pravoslavnaya Entsiklopediya Church Scientific Center, 2000–.

SKAT — *Sankt-Peterburgskii korpus agiograficheskikh tekstov* [St. Petersburg Corpus of Hagiographic Texts]. Available at: <http://project.phil.spbu.ru/scat/page.php?page=project>.

Slovar' russkogo yazyka. V 4 tomakh [Russian language dictionary. In 4 vols.]. A. P. Evgen'eva (ed.). 4th ed., ster. Moscow, Russkii Yazyk Publ; Poligrafresursy Publ., 1999.

Surovtseva E. V. [Corpus of Lives of New Martyrs and Confessors (based on the material “Lives of the Russian 20th century new martyrs and confessors of the Moscow diocese”): Composition and preparation of texts, lexical features]. *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya: Sb. statei* [Language, mind, communication. A collection of articles]. V. V. Krasnykh, A. I. Izotov (eds.). Issue 60. Moscow, MAKS Press, 2018, pp. 226–234. (In Russ.)

Zhitiya novomuchenikov i ispovednikov Rossiiskikh XX veka Moskovskoi eparkhii. V 8 tomakh [The lives of the Russian XX century new martyrs and confessors of the Moscow diocese. In 8 vols.]. Tver', Bulat Publ., 2002–2005.

Л. Г. Самотик

*Красноярский государственный педагогический университет
(Россия, Красноярск)
samotiklg@mail.ru*

О СЛОВАРЕ ЭКЗОТИЗМОВ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ ОБ ЭВЕНКАХ ПРИЕНИСЕЙСКОЙ СИБИРИ

В статье рассматривается возможность создания словаря, представляющего эвенкийскую культуру в русском художественном тексте. Словарь состоит из двух частей. Первая — из слов, в основе которых лежит эвенкийский язык: варваризмы (иноязычные вкрапления) и экзотизмы, как имеющие аналог в русском языке, так и не имеющие его. Вторая представляет речь эвенков, в основе единиц которой положен русский язык. Она делится на две составляющие: словарь, построенный в алфавитном порядке — 1) слова, обозначающие эвенкийские понятия, но с русской корневой основой, 2) использование русских диалектизмов в речи эвенков (в речи русских персонажей представлена только правильная литературная речь), 3) слова, представляющие в русском языковом сознании национальную речь, 4) нациолектизмы — особенности употребления слов макаронической речи. Другая составляющая — устойчивые сочетания на русском языке, выстроенные в алфавите по опорному слову (национальные сравнения, устойчивые образные выражения) или по теме (поговорки и пословицы, микротексты с этнографическим описанием). Тексты отличаются значительной вариативностью анализируемой лексики. Словарь позволяет поставить ряд вопросов (какие виды вариантов мы можем наблюдать в анализируемых текстах? каковы причины их появления?), а также рассмотреть проблему достоверности экзотизмов и возможности их передачи через русский язык. Словник состоит из 782 единиц. Материал — произведения писателей о жизни эвенков начала XX в. М. И. Ошарова и Ж. И. Трошева: повесть «Звено могил» и роман «Большой Ошар».

Ключевые слова: варваризм, макроструктура словаря, микроструктура словаря, нациолектизм, словарная статья, экзотизм.

Приенисейская Сибирь — многонациональный регион России. По данным переписи 2010 г. на территории Красноярского края зафиксировано проживание представителей 74 национальностей. Большинство населения (89 %) — русские; эвенки составляют 0,15 %, всего их 4372 человека. Север региона имеет очень

низкую плотность населения, отдельные территории вообще не заселены. Эвенки компактно населяют Эвенкийский муниципальный район Красноярского края (бывший Эвенкийский автономный округ) с центром в п. Тура. Эвенкийский язык принадлежит к тунгусо-маньчжурской группе алтайской языковой семьи.

Для жителей Красноярского края народы Севера (*долгане, эвенки, ненцы, якуты, кеты, нганасаны, селькупы, энцы*) имеют особое значение: они являются коренным населением, автохтонами края (внесены в Перечень коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации). Это имеет как историческое, так и современное значение. Русские пришли в регион начиная с XVII в., заселялись они с Севера, при этом не встретили никакого сопротивления. В этом районе обнаружены залежи полезных ископаемых, нефти и газа, которые активно разрабатываются. Таким образом, велико значение межкультурных связей.

Планируемый словарь представляет эвенкийскую культурную среду в русской художественной литературе. Материал — произведения писателей о жизни эвенков начала XX в. М. И. Ошарова и Ж. И. Трошева: повесть «Звено могил»¹ и роман «Большой Ошар»².

Словарь предполагает включение следующих единиц, отражающих национальную языковую и культурную специфику эвенков: экзотизмы, варваризмы, национализмы, сравнения, пословицы и поговорки, национальные образные выражения, микротексты с этнографическим описанием. Инонациональная речевая среда может представляться в художественных текстах через топонимы и антропонимы. Предлагаемый нами к рассмотрению проект предполагает показ нарицательной лексики, за исключением теонимов — имен эвенкийских божеств: *А вдали от человека бродил по водам и островкам земли Сэли — могучий мамонт* (Ош., с. 22). *Она знала, что решается ее судьба, и отдавала лучший жир духу здоровья Чоор-доду и злой жене его Бугадде, чтобы они потом не карали ее тяжелыми болезнями* (Ош., с. 39). *Уж не Чангид ли* (сноска: «мифический бродяга, вечный скиталец, когда-то якобы заблудившийся человек; любит напакостить: бросает камни с гор,

¹ Михаил Иванович Ошаров (1894–1937) родился на юге Красноярского края, значительную часть своей жизни прожил на его Севере, один из первых организаторов Советской власти в Эвенкии. Первая книга «Северные сказки», изданная в Новосибирске в 1935 г., была высоко оценена А. М. Горьким. Михаил Ошаров был репрессирован и погиб в 1937 г. В 1956 г. Михаил Иванович был посмертно реабилитирован. С 1924 по 1928 г. он работал над повестью «Звено могил», которая не была опубликована при жизни автора, а издана в 1964 г. под заголовком «Тяжелое счастье», а затем вошла как первая часть в роман «Большой аргиш», который был широко известен в стране в 1960–70-е гг. [Ошаров 1977: 367].

² Роман (в 2-х томах) Жореса Петровича Трошева (советский и российский журналист и писатель, почетный гражданин Эвенкии) о М. И. Ошарове. «Большой Ошар» рассказывает о жизни известного на Севере человека, которого называли «Большой Ошар», его именем называли детей. Ж. П. Трошев сам много лет работал на Севере, собрал большой подготовительный материал. Эта книга написана «по следам» романа «Большой аргиш», лексика этого произведения во многом перекликается с повестью «Звено могил» [Трошев 1973: 350].

палки и шишки с деревьев, зорит лабазы’) *ходил здесь? Однако Чангид на санках не ездит, костра не палит* (Тр., т. 1, с. 124) и др.

Экзотизмы обычно определяют как слова, обозначающие предмет или явление из жизни другого народа, заимствованные из его языка. Таким образом, выделяется два признака: этимологический и семантический. Они делятся на имеющие аналоги в русском языке и не знающие прямых соответствий. К последним относятся такие, как *учаг*: *Когда караван готов был тронуться в путь, Шиктолок легко взлетела на своего учага и первой тронулась* (Ош., с. 52). Ср.: *учаг* — ‘верховой олень’. *Учак, учкак* — ‘использовать оленя в качестве верхового’ [ДСЭЯ 1968], *учак* — ‘верховой олень’ [Кочнева 1990], *Орон* (сноска: ‘олень’ (эвенк.)) *носит в себе священную кровь Хоглэн* (сноска: ‘созвездие Б. Медведицы, божество, мать оленей’), *дает человеку силу и бережет от черной болезни* (далее по тексту — оспы) (Тр., т. 2, с. 164).

См.: ‘Олень (домашний)’ *орон*; (‘верховой’) *учак*; (‘левый боковой в санной упряжке’) *костур*; (‘вожак в стаде, передовой в упряжке’) *нёгусик, нёгу*; (‘одичавший’) *дэлми, дэлминде, дэлминчэ*; (‘дикий’) *багдака, бэюн*; (‘одичалый, трудно приручаемый, пугливый домашний’) *гэлун*; (‘холощённый’) *актаки*; (‘безрогий’) *мална*; (‘теленок до одного года’) *эннэкэн*; (‘одного-двух лет’) *мултукан*; (‘бык трех-четырех лет’) *нёгаркан*, (‘двух-трех лет’) *гэрбичен*; (‘самец четырех лет’) *амаркан*; (‘бык шести лет’) *аминан*; (‘взрослый холощённый’) *гилгэ*; (‘старый’) *сагдаку*; (‘с большими рогами’) *иемну*; (‘очень худой’) *иерэгдэ* [Болдырев 1994: 247–248].

Другие экзотизмы-этнографизмы: *Делайте кáмыс* (сноска: *кáмыс* — ‘ меховая подшивка’) *для лыж* (Ош., с. 62); *Микпанча закрепил на груди завязки сунмэ* (сноска: *сунмэ* — ‘верхняя одежда типа пальто’) *и повернул домой, хотя и чувствовал, что идти в чум к брату незачем* (Ош., с. 71) и др.

Но часть слов из эвенкийского языка имеет аналоги в русском языке: *Теперь я не человек, не зверь, а... так... слепец* — *бали* (Ош., с. 133); *Мои следы идут к твоему чуму, бэе* (сноска: *бэе* — ‘друг’) (Ош., с. 65). *Экун мухун? Товар таваль? Сополь где? Улюки — белка где? Э-э!* (Тр., т. 1, с. 59).

Некоторые слова имеют неясную этимологию или происходят из других языков: *хорей* — ‘шест для управления упряжкой оленей’ ([МАС]: ‘длинный шест, употребляемый для управления оленьими и собачьими упряжками; от **ненец. харед** — ‘погоняй’): *Хорей не палка. Это язык оленевода. Оленевод подумает — передаст мысли хорейю. Хорей коснется оленя, и тот уже знает, что хочет человек* (Ош., с. 31) и др.

В художественных текстах экзотизмы делятся на литературные (фиксированные в словарях литературного языка) и внелитературные. Их функции в тексте многообразны: обозначение реалий «чужой» материальной и духовной культуры (репрезентативная или номинативная функция), создание образа инонациональной речевой и культурной среды, достоверности текста, отражение сближения разнонациональных культур, познавательная функция, функция привлечения внимания

(остранение), метаязыковая, характерологическая, комическая. В представляемых текстах литературные — это слова, отмеченные в МАС (основным словарем литературного языка берется этот, т. к. он соответствует времени создания повести и романа).

Экзотизмы представляют в повести М. И. Ошарова 10 тематических групп: шаманизм, олени, охота, природа, обычаи, жилище, одежда и обувь, отдельные предметы, обращения, возгласы припевов (для сравнения: в эвенкийском языке З. И. Кочнева выделяет 25 ведущих тем, К. С. Абрамова — 22 [Кочнева 1990: 14; Абрамова 2007: 12]). В произведениях русскоязычной литературы Севера Дальнего Востока Н. Г. Михайловская выделяет также 10 тематических групп [Михайловская 1984: 39–66]. Тематическая группировка слов русского литературного языка многоступенчатая, включает в себя более 300 разделов [Саяхова и др. 2010], в своей основе придерживается научной классификации элементов окружающего мира и значительно отличается от эвенкийской).

Варваризмы (иноязычные вкрапления) — отдельные слова и выражения эвенкийского языка — также включены в словарь. Однако, если в переводных с иностранного языка художественных текстах, где они приводятся в латинице, их легко выделить, то в анализируемых произведениях они даются в русской графике, даже без учета отдельных специальных букв, дополнительных к кириллице в алфавите эвенкийского языка: *И напрасно шептал Молошко в таежную синь: «Амака, болеколь!» — ничто не менялось в его чуме* (сноска: ‘Амака, помоги’) (Ош., с. 26) и др.

Если следовать **семантическому** признаку экзотизмов, то в указанных текстах в этой роли выступает и русский язык. Это слова, использующие **русскую корневую систему**. В текстах употребляется много слов, связанных с оленеводством: *копаница* — ‘место кормежки (выпаса) оленей (зимой олени копают из-под снега мох — ягель)’, *проследия* — ‘утопанный в тропу снег для передвижения оленей’; *проступь* — ‘следы копыт оленей, лосей’: *До первого снега, пока не собираются олени в кучное стадо на копаницах...* (Ош., с. 65). *Он усердно топтал лыжами проследия для оленей, он спешил домой на Ириktу* (Ош., с. 127). *Частые остановки, ненужные повороты волновали и влекли его не меньше, чем проступь сохатого* (Ош., с. 160).

Некоторые **экзотизмы** обозначают явления, фиксированные в русских говорах Сибири: *Одним мановением руки они охлаждали бурлящую на огне воду, голыми руками брали из костров раскаленные угли и, не обжигаясь, глотали их, в тихую погоду зимой одним своим дыханием осыпали снежную кухту с вековых деревьев* (Ош., с. 24); *На ресницах ее тонкой бахромой висел куржак* (Ош., с. 76). *От ручья потянуло хиузом* (Ош., с. 71) и др. В «Словаре русских говоров северных районов Красноярского края» [СКГ]: *кухта* — ‘снег на ветвях деревьев’; *куржак* — ‘иной’; *хиуз* — ‘резкий холодный северный ветер’.

Сюда же, очевидно, можно отнести и т. н. **нациолектизмы** — повторяющиеся слова и фрагменты русского текста в речи эвенков с закрепленными явлениями

интерференции, этностереотипы: **Тарово, тарово! Купцы?** (Тр., т. 1, с. 31). Трук — **Тавай, трук Ошар, покурим** (Тр., т. 1, с. 31). **Сополь** — *Горы хотит, кабарошка не бьет, сополь — не бьет, какой такой дела?* (Тр., т. 1, с. 59) и т. д. (ср. «таймырская говорка»). «Нациолект» долгие годы рассматривался в лингвистике как объект совершенствования методики преподавания русского языка в национальных условиях, но не как самостоятельная форма существования русского языка, отражающаяся в художественных текстах (кроме работы об украинизмах [Амитин 1968]). Писатель, конечно, вполне свободен в выборе языковых и стилистических средств для своего произведения. Но безгранична ли эта свобода? По-видимому, нет. Справедливо писал по этому поводу В. В. Виноградов, утверждавший, что язык подлинного художественного произведения не может далеко и значительно отступать от основы общенародного языка, иначе он перестает быть общепонятным. Общепонятность — один из главных критериев достоинств языка и стиля писателя.

Используются **последовательно в тексте** некоторые **русские слова для именования нерусских реалий**: *Как-то раз, бессонной ночью, Молошко, лежа на спине, глядел через **дымоход** чума на мерцавшие в небе звезды, похожие на веселые детские глаза* (Ош., с. 26); *Проводив гостя, Чирокчана забила в глубь чума и украдкой рассматривала цветистый хольмэ, на который через **дымоход** падал рассеянный свет зимнего дня* (Ош., с. 69); *Шиктолок боязливо поднимала глаза к **дымоходу** и через конусную сеточку соткнутых палок глядела на трепещущие ветки старой сосны* (Ош., с. 84) и т. д. В МАС: **дымоход** — ‘канал из огнеупорного материала для отвода дыма из печи в трубу’. В тексте Ошарова — ‘отверстие в центре чума для выхода дыма от очага’.

Приводится и **стереотипное представление русских о русском языке народов Сибири** с использованием слов: *пошто, однако, шибко, мало-мало, чего тако, маненько*: **«Пошто спросил старика?»** — *отхлебнув чай и спрятав в мешочек протянутый кусок сахара, полюбопытствовал Хинкорча* (Тр., т. 1, с. 38). *Бьль бы таймень, ленок бы — меняль товар. Пропадаль, однако, скоро. Эж-ко, жизня... Майко...* (Тр., т. 1, с. 19). **Шибко сердитый**. *Мордам бить будет. Сапсем жрать давать не будет* (Тр., т. 1, с. 34). *Вино башку стучал, язык вывалился. Латна-а... Садись, мало-мало гулять еще надо* (Тр., т. 1, с. 38). *На тебя обиды нет... Чего тако? Не понравилась баба. Латна* (Тр., т. 1, с. 49). **Маненько** человек с *Бадайбы путал* (Ош., с. 237).

В особую группу выделены **пословно переведенные сравнения, пословицы и поговорки**: *Торопился аргишить — ровно оспа в стойбище* (Тр., т. 1, с. 39). *Мои родители меня бросили, как лоскуток...* (Тр., т. 1, с. 37). **«Рысь открытыми глазами только из-за кустов смотрит, этот не прячет глаз кустами бровей: верно, тоже добрый русский»**, — *подумал Хинкорча* (Тр., т. 1, с. 60). **Островам — вечно обниматься с водой, старикам — с холодом**. *Тар эчэлэ. Так было. Так всегда будет...* (Тр., т. 1, с. 36). *Кружтому человеку сон — рыбе вода* (Ош., с. 134). **Нега — правит, хорей — грозит**. *Так делать надо!* (Ош., с. 156). **«Прости, бэе!**

Но ты что, закон тайги сам забыл? “Мой чум — твой чум, мой чай — твой чай! Гостю — малу, хозяину — оллон!”» — «У-у, веселый люча, ая люча! Он сказал: гостю почетное место — малу, хозяину — оллон — крюк, куда чайник вешают!» (Тр., т. 1, с. 61).

Кроме того, нами отмечены отдельные **микротексты на русском языке с описанием этнографически значимых национальных объектов.**

‘Стойбище у эвенков’: *Хинкорча соскочил с санок, улыбнулся радостно: «Мой родной стойбища — Кумондо!» Ошаров недоуменно огляделся, заметил одинокий чум, крытый тыксой — вареной берестой. Оказывается, стойбище — это постоянное место, где собираются эвенки весной. Ловят здесь рыбу, общаются. А зимой все разъезжаются по тайге — сезон охоты. «Однако, так. Все здесь чумы ставят»* [Тр., т. 2, с. 84]. (МАС: стойбище — ‘Место временного расположения, стоянки кого-либо’).

Тори — ‘выкуп’: *Старый закон тунгуса: полюбил ли девуку, прогнал ли бабу — плати тори. Детюсок у бабы нет — можно тори не давать! Плохая баба. Пустая. Рази работницей держать... Прогнал девуку, не тронул — позор невесте. Поганая... Все отвернутся. Подыхай одна, коли отец прогонит... Нет ребенка — он может уйти.* [Тр., т. 2, с. 51].

В словаре необходимо учесть **некоторые индивидуальные особенности текстов.** Лексика охоты и рыболовства в текстах используется русская, сибирских говоров (в сюжете повести «Звено могил» вообще нет русских действующих лиц), хотя отмечается, что эвенки — превосходные промысловики и, конечно, имеют свои способы охоты и рыбалки. Такие слова **не приводятся** в словаре: *кулёмка* (Ош., с. 36); *слопцы* (Ош., с. 82); *пасти* (Ош., с. 66) и др.; см. [СПП].

В анализируемых текстах следует отметить **наличие вариантов**, свидетельствующих о **неустойчивости графической формы экзотизмов и их семантики.** Варианты представлены не только **межтекстовые**, но и **внутритекстовые.** Путь освоения экзотизма такой же, как любого заимствования. Варианты возникают за счет 1) различного уровня освоения иноязычного слова (разная степень приближения к языку-источнику, с одной стороны, и разный уровень адаптации иноязычного слова в русском языке — с другой); 2) соотношения с разнодиалектными вариантами эвенкийского языка, 3) особенностей восприятия иноязычного слова автором и т. д. В **одном тексте** отмечены графические **варианты**, отражающие специфику произношения экзотизма: *томулян — тумэлен, лейкомеи — локомеи, баяга — балага, бэе — боее* (М. И. Ошаров), *Дулу — Дулю, люча — лючаль, бэйе — бэйё, эчэ — ачин* (Ж. П. Трошев) и т. д. **Межтекстовые варианты** более разнообразны (Ошаров–Трошев): 1) это графические варианты, которые не всегда отражают особенности произношения (эвенкийский язык акающий): *хомоконь — хорольконь, томулян — томулан, Чжебар — Джебар, шулинга — шуленга, баяга — баянга, Холен — Хоглэн, ёхорьё — ехарьё, камыс — камус, они — ами, сокуй-сакуй, бокари-бакари*; 2) варианты, связанные с разной номинацией, — разные слова, обозначающие одни и те же (сходные) явления: *мунняг — суглан, шаманить — камлать, конгипкавун — паннафкаун* (таймырский барган — муз. инструмент), *унты — бокари,*

турсук — *потакуй*; 3) варианты семантические, имеющие разное значение (оттенки значения): *томулян* — *томулан*, *хольмэ* — *хольмэ*, *чукульмы* — *чукульмы*, *Хоглен* — *Хоглэн*, *важjenка* — *важjenка*, *эллюн* — *эллюн*; 4) варианты, отражающие процесс перехода слова из собственного в нарицательное: *Амака* — *амака*, *шайтан* — *Шайтан*, *Чангид* — *чангит*.

В тексте Ж. П. Трошева значительная часть слов **дополняет** те, что употреблял Михаил Иванович: *ачин*, *ая*, *бопкоун*, *бюксэ*, *голомо*, *декуй*, *индёрэ*, *коломой*, *комуланы*, *малу*, *маманю*, *мани*, *нега*, *нимат*, *нюремналь*, *одонхо*, *оллёкон*, *омкэ*, *орон*, *орочён*, *пайцза*, *потокуй*, *самана*, *соннинг*, *султэ*, *туюн*, *тыкса*, *улгуки*, *улгурил*, *уман*, *умунду*, *урман*, *фактория*, *хорей*, *хулан*, *хутарма*, *хэгэ*, *чукин*, *шэвэчэдэк*, *э-гей*, *эчэ*, *эрэсин*, *ягель*, *яранга* и др.

При заимствовании слова происходит адаптация его к принимающему языку (реципиенту), разный уровень восприятия и воспроизведения звучащего слова автором (помимо диалектного разнообразия эвенкийского языка) провоцирует существование лексических вариантов экзотизмов в художественных текстах. Если повесть М. И. Ошарова «Звено могил» — это поэтическая легенда об эвенкийских Ромео и Джульетте прошлого, то «Большой Ошар» — советский биографический роман, во многом этнографическое произведение о людях Севера, в основе которого лежат подлинные факты и подлинные документы. «В его произведениях элементы быта, черты психологии, особенности человеческих взаимоотношений выступают, скорее, как внешние признаки национальной среды, не лишённые некоторой условности и декоративности» [Очерки 1982: 241]. Ж. П. Трошев хорошо знал Север и явно пытался некоторые, как ему представлялось, неточности романа Ошарова исправить. У. Вайнрайх заметил: «Эксперименты показывают, что отклонения в восприятии и в воспроизведении иностранных звуков не всегда совпадают друг с другом» [Вайнрайх 1972: 48].

При анализе произведений М. И. Ошарова и Ж. П. Трошева встает проблема **достоверности** экзотизмов. В целом исследователи отмечают высокий уровень достоверности, хотя достоверность внелитературных экзотизмов художественного текста условна. Вопрос достоверности экзотизмов можно представить в двух аспектах: как достоверность языковую и художественную. Достоверность языковая при этом всегда относительна. Художественная достоверность не определяется ни количеством экзотизмов в тексте, ни степенью приближенности к языку-источнику. Главное — это талант и мастерство писателя. Для художественного произведения проблема языковой достоверности экзотизмов вторична, важно, как выполнена задача их стилистического использования, как сформирована внутритекстовая система внелитературной лексики художественного текста. «Художественность формы произведения определяется ее соответствием выраженному в ней содержанию. Это относится ко всем сторонам литературной формы — к предметной изобразительности произведения, его речевому строю, композиции» [Елисеев, Полякова 2002: 285]. А. А. Потebня писал: «Требуют правды от художественного произведения. Что такое эта правда? ... Поэтическая правда — меткость слова» [Потebня 1976: 335].

Форма представления материала

Макроструктура словаря

1. Словарь в алфавитном порядке.
2. Сравнения, в алфавите по опорному (стержневому) слову по имеющемуся образцу ЛЯ [Огольцов 1992].
3. Пословицы, поговорки, по тематическому принципу в соответствии с русской традицией [ПД].
4. Микротексты — тематический блок.

Микроструктура словаря

Построение словарной статьи:

1. Зона представления: 1) заглавное слово, 2) квалификация, 3) значение или значения.
2. Иллюстративная зона: 1) примеры из текста с указанием источника (5 предложений); 2) далее указание страниц употребления (если есть) — общая численность.
3. Справочная зона: 1) наличие в словарях ЛЯ; 2) ссылка на идентичное именование с пометой ср. (сравни); 3) перечень слов данной тематической группы (если есть) с пометой см. (смотри); 4) имеющиеся данные словарей эвенкийского языка.

Образец словарной статьи

Чум, эвенк. *дю* (Кочнева, с. 39, Болдырев, с. 487); из яз. *Коми*; лит. экз. 'Переносное жилище эвенков в виде круглого конуса'.

Две жены жили в его чуме, а детей он не знал, хотя семейную жизнь по воле отца начал рано (Ош., с. 26); *И напрасно шептал Молошко в таежную синь: «Амака, болеколь!» — ничто не менялось в его чуме* (Ош., с. 26); *Как-то раз, бессонной ночью, Молошко, лежа на спине, глядел через дымоход чума на мерцавшие в небе звезды, похожие на веселые детские глаза* (Ош., с. 26); *Но даже с чужими детьми чум как будто ожил, и Молошко, слушая лепет и плач ребятишек, на время забылся* (Ош., с. 27); *Семье стало тесно в одном чуме, и он поставил рядом другой, разделив в них жен и детей* (Ош., с. 28);

См. также: с. 37 — 2 раза, с. 39 — 2 раза, с. 40, с. 41 — 2 раза, с. 42 и т. д. — 148 употреблений.

1) МАС — 'принятое у русских название переносного жилища некоторых народов Сибири и северо-востока европейской части страны'. Крысин: *коми* [t'som 'палатка, кладовая']. 'Переносное жилище северных народов — конической формы шатер, крытый шкурами, корой, войлоком и т. п.'

2) Ср.: *Юрта* — то же, что чум (Ошаров).

3) См.: Виды чумов: *Эллон* — 1. 'Большой, богатый чум' (Ошаров). 2. 'Небо, «чум» мира' (Трошев). *Шэвэнчэдэк* — 'чум для камлания' (Трошев). *Голомо* — зимний, утепленный чум (Ошаров). *Голомо* — 'утепленный, не переносный, зимний чум' (Трошев), *чумище* — 'стоянка чумов, то же, что *становище*, *стойбище*' (Трошев).

4) *Чум* — 'таять, оттаивать; уменьшаться (о снеге), раствориться' [ДСЭЯ, с. 203].

Список источников и сокращений

- Ош. — *Ошаров М.И.* Большой аргиш: роман. Красноярск: Красноярское книжное издательство, 1977. 367 с.
- Тр. — *Трошев Ж.* Большой Ошар: роман. Красноярск: Красноярское книжное издательство, Книга первая. 1973. 400 с.; Книга вторая. 1981. 350 с.
- Абрамова К. С.* Эвенкийско-русский тематический словарь. Благовещенск: Амурский областной ИППК, 2007. 52 с.
- Болдырев Б. В.* Русско-эвенкийский словарь. Новосибирск: Наука, 1994. 499 с.
- ДСЭЯ — *Романова А. В., Мыреева А. Н.* Диалектологический словарь эвенкийского языка / под ред. Г. М. Василевич. Л.: Наука, 1968. 215 с.
- Елисеев И. А., Полякова Л. Г.* Словарь литературоведческих терминов. Ростов-на-Дону: Феникс, 2002. 319 с.
- Кочнева З. И.* Эвенкийско-русский тематический словарь. Красноярск: Красноярское книжное издательство, 1990. 59 с.
- Крысин Л. П.* Толковый словарь иноязычных слов. М.: Русский язык, 2000. 856 с.
- МАС — Словарь русского языка. В 4-х томах / под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1981.
- ПД — Пословицы русского народа: сборник В.И. Даля. М.: Изд-во художественной литературы, 1957. 814 с.
- Саяхова Л. Г., Хасанова Д. М., Морковкин В. В.* Тематический словарь русского языка / под ред. проф. В. В. Морковкина. М.: Дрофа, 2010. 556 с.
- СКГ — Словарь русских говоров северных районов Красноярского края / под ред. Г. Г. Белоусовой. Красноярск: КГПИ, 1992. 344 с.
- СРП — Словарь рыбаков и охотников Северного Приангарья / сост. В. И. Петроченко. Красноярск: Красноярское книжное издательство, 1994. 119 с.

Литература

- Амитин В. Л.* Украинизмы в языке русской советской художественной литературы 20-х годов и их стилистические функции: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Самарк. гос. ун-т им. Алишера Навои. Самарканд, 1968. 25 с.
- Вайнрайх У.* Одноязычие и многоязычие // Новое в лингвистике. Вып. VI: Языковые контакты / отв. ред. В. Ю. Розенцвиг. М.: Прогресс, 1972. С. 25–61.
- Михайловская Н. Г.* Стиль литературы Севера и Дальнего Востока. М.: Наука, 1984. 159 с.
- Огольцов В. М.* Устойчивые сравнения русского языка: пособие для учащихся национальных школ. СПб.: Просвещение, 1992. 176 с.
- Очерки русской литературы Сибири. В 2-х т. Т. 2: Советский период / гл. ред. А. П. Окладников. Новосибирск: Наука, 1982. 630 с.
- Потебня А.А.* Из записок по теории словесности // Потебня А. А. Эстетика и поэтика. М.: Искусство, 1976. С. 286–462.

L. G. Samotik

*Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafiev
(Russia, Krasnoyarsk)
samotiklg@mail.ru*

ABOUT THE DICTIONARY OF EXOTICISMS IN LITERARY TEXTS ABOUT THE EVENKS OF YENISEI SIBERIA

The article considers the possibility of creating a dictionary representing the Evenk culture in the Russian literary text. The dictionary has two parts. The first consists of words based on the Evenk language: barbarisms (foreign language inclusions) and exoticisms; they may or may not have an analogue in Russian. The second represents the speech of the Evenks, the units of which are based on the Russian language. It is divided into two components. The first of them is an alphabetical dictionary — 1) words denoting Evenk concepts, but with a Russian root basis, 2) the use of Russian dialectisms in the speech of the Evenks (in the speech of Russian characters, only correct literary speech is represented), 3) words representing national speech in the Russian language consciousness, 4) natiolectisms — features of the use of words of macaronic speech. The other component contains set expressions in Russian, arranged in the alphabet according to the reference word (national comparisons, set figurative expressions) or by topic (proverbs and sayings, microtexts with ethnographic description). The texts are characterized by significant variability of the analyzed vocabulary. The dictionary allows you to put a number of questions (What types of variants can we observe in the analyzed texts?; What are the reasons for their appearance?) and also to consider the problem of the authenticity of exoticisms and the possibility of their transmission through the Russian language. The dictionary consists of 782 units. The material is the works of writers about the life of the Evenks of the early XX century M. I. Osharov and J. I. Troshev: the story “Link of Graves” and the novel “Big Oshar”.

Key words: barbarism, macrostructure of the dictionary, microstructure of the dictionary, natiolectism, dictionary entry, exoticism.

References

Amitin V. L. *Ukrainizmy v yazyke russkoi sovetskoi khudozhestvennoi literatury 20-kh godov i ikh stilisticheskie funktsii. Avtoreferat dis. ... kand. filol. nauk* [Ukrainisms in the language of Russian Soviet fiction of the 20s and their stylistic functions. Author's abstract of the cand. philol. sci. diss.]. Samarkand, 1968. 25 p.

Mikhailovskaya N. G. *Stil' literatury Severa i Dal'nego Vostoka* [The style of the literature of the North and the Far East]. Moscow, Nauka Publ., 1984. 159 p.

Ocherki russkoi literatury Sibiri. V 2-kh t. T. 2: Sovetskii period [Essays on the Russian literature of Siberia. In 2 vols. Vol. 2: The Soviet period]. A. P. Okladnikov (ed.). Novosibirsk, Nauka Publ., 1982. 630 p.

Ogol'tsov V. M. *Ustoichivye sravneniya russkogo yazyka: posobie dlya uchashchikhsya natsional'nykh shkol* [Fixed comparisons of the Russian language: a manual for students of national schools]. St. Petersburg, Prosveshchenie Publ., 1992. 176 p.

Potebnya A. A. [From notes on the theory of literature]. Potebnya A. A. *Estetika i poetika* [Aesthetics and poetics]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1976, pp. 286–462. (In Russ.).

Weinreich U. [Monolingualism and multilingualism]. *Novoe v lingvistike. Vyp. VI: Yazykovye kontakty* [New in linguistics. Issue VI: Language contacts]. V. Y. Rozentsweig (ed.). Moscow, Progress Publ., 1972, pp. 25–61. (In Russ.).

III. ПРОДОЛЖАЮЩИЕСЯ ПРОЕКТЫ АВТОРСКИХ СЛОВАРЕЙ И ИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ

С. С. Волков

Институт лингвистических исследований РАН

(Россия, Санкт-Петербург)

sergejvolkov2006@yandex.ru

ПЕРИФРАЗА В РУССКОЙ ПОЭЗИИ XVIII ВЕКА

Один из больших разрядов поэтической фразеологии XVIII века составляют перифразы — структурно организованные и семантически оформленные описательные обороты поэтического языка, характеризующиеся раздельнооформленностью, номинативной функцией, экспрессивностью. Перифраза дает возможность оценить индивидуальность автора, оригинальность его мышления, авторскую креативность, личностные качества, интеллектуальные способности, уровень образованности, понять его субъективное отношение к описываемому явлению, способность творчески описывать окружающий мир. Перифразы можно рассматривать как маркеры идиостилей поэтов XVIII века. Поэзия XVIII века служила своего рода «творческой лабораторией» и, одновременно, «репозитарием» результатов поэтической импровизации, где создавались перифразы, которые позднее перешли в другие жанры. Среди поэтических перифраз XVIII века большого внимания заслуживают *родственные* или *генеалогические* перифразы — перифразы, обозначающие человека через кровное родство, через его позицию в системе семейных отношений. Обычно они организованы по структурно-семантической модели «антропонимический компонент (в форме притяжательного прилагательного / существительного в родительном падеже) + ядерный компонент — термин родства (*дочь, сын, внук* и пр.) или лексические единицы *ветвь, кровь, корень, отрасль, племя, плод* и пр». При этом генеалогическая фразеологическая модель может включать не только имена реальных исторических лиц, но и мифонимы. Генеалогические перифразы в поэтическом тексте часто эксплицируются, т. е. приобретают новые компоненты, которые способствуют актуализации, уточнению перифрастического наименования и, следовательно, усилению их экспрессии.

Ключевые слова: поэтическая фразеология, перифраза, русский язык, поэзия XVIII века.

В. П. Григорьев считал поэтическую перифразу «по-видимому, одним из самых наглядных, интересных и многообещающих для исследования способов

организации поэтической речи» [Григорьев 2006: 122]. Поскольку «она <перифраза — *авт.*> определяет творчество любого художника слова» [Там же], то в плане лингвистической поэтики перифраза, во-первых, актуальна как структурно организованный и семантически оформленный элемент поэтического языка, во-вторых, значима с точки зрения синхронического и диахронического изучения апеллятивной и ономастической лексики, втянутой в «орбиту» поэтического перефразирования. Более того, поскольку, как указывал В. В. Виноградов, «индивидуальное словесное творчество в своей структуре включает ряды своеобразно слитных и дифференцированных социально-языковых или идеологически-групповых контекстов, которые осложнены и деформированы специфическими личностными формами» [Виноградов 1930: 62], перифраза дает возможность, как говорится, заглянуть за занавес, отделяющий нас от чудесного мира авторской креативности, увидеть и оценить индивидуальность и «особность» автора, оригинальность его мышления, авторскую креативность, личностные качества, интеллектуальные способности, уровень образованности, понять его субъективное отношение к описываемому явлению, способность творчески, «обновлённо» описывать окружающий мир и многое другое, а это делает перифразу чрезвычайно ценной в антропологическом аспекте. Действительно, способность и умение «производить», порождать перифразы — важная черта индивидуальности самого поэта и, соответственно, его индивидуального стиля: укажем здесь на весьма важное наблюдение Ю. Д. Апресяна, что человек обладает языковой способностью к перефразированию [Апресян 1972: 19–27], а там, где имеется способность, там, как известно, может проявиться и талант. Перифразы *обладатель Кандии* ‘царь Минос’ (Петров), *град мудрых квиритов* ‘Рим’ (Петров), *французский Еврипид* ‘Жан-Батист Расин’ (Сумароков), *Сократов друг* ‘Алкивиад’ (Сумароков) с одной стороны, и *серальный герой* ‘Мустафа III, султан Османской империи’ (Петров), *безморьный Абдул* ‘Абдул-Хамид I, султан Османской империи’ (Петров) при внимательном, пристальном рассмотрении в поэтическом контексте дают возможность узнать и понять многое об их создателях, а также, как писал в 1962 году Б. А. Ларин, предельно точно исследовать их авторский стиль, «который проявляется не только в выборе слов и словоупотреблении, но еще более в компоновке слов, распорядке и композиции словесных цепей, в эффектах смысловой двуплановости и многоплановости» [Ларин 2003: 678]. Поэтому, возможно, перифразы в системе других средств художественной речи следует рассматривать как своеобразные маркеры идиостилей поэтов блистательного XVIII века — М. В. Ломоносова, А. П. Сумарокова, В. П. Петрова, Е. И. Кострова, Г. Р. Державина и др.

Весьма обширная литература посвящена разнообразным аспектам перифразы: семантике, структуре, стилистике, экспрессивности этих языковых единиц, описанию перифраз в словаре и под. О перифразе писали такие уважаемые филологи, как Ю. Д. Апресян, Ю. А. Бельчиков, М. Л. Гаспаров, А. И. Ефимов, А. Н. Кожин, В. П. Москвин, З. Д. Попова и многие другие. Подготовлены словари украинской и белорусской перифразы [Коломиец, Регушевский 1985; Моложай 1974], в 2002 году успешно защищена докторская диссертация Т. И. Бытевой «Феномен

перифразы в русском литературном языке: проблемы семантики и лексикографии». Однако большинство публикаций всё же посвящены перифразе в современном языке — в средствах массовой информации (см., например, «Словарь перифраз русского языка (на материале газетной публицистики)» А. Б. Новикова), в публицистическом дискурсе, в спорте, в рекламе. Модной темой остаются разные эфемистические перифразы. А вот что касается перифразы в текстах, относящихся к прошлым языковым состояниям, то таких исследований, к сожалению, совсем немного, см., например [Грехнева 1999]. Именно поэтому исследование перифразы в текстах М. В. Ломоносова, его коллег по поэтическому цеху — А. П. Сумарокова, В. К. Третьяковского, В. П. Петрова, других замечательных поэтов XVIII века — представляется важным, актуальным и научно значимым, так как именно поэзия XVIII века служила своего рода «творческой лабораторией» и, одновременно, «репозитарием» результатов поэтической импровизации, где кипела творческая работа и рождались, обрабатывались, получали оценку перифразы, которые позднее транспонировались в другие жанры. Поэтам XVIII века, возможно, обыкновенные слова казались слишком «скромными», недостаточными для отражения в торжественной оде величественного духа новой эпохи, необыкновенных, потрясающих воображение читателя, событий, эпических сражений и ярких, неординарных личностей. Поэтому они прибегали к перифразам — выражаясь современным языком, «спецсредствам» номинации, которые А. П. Сумароков точно и выразительно назвал «огромными словами» [Сумароков 1957: 292].

Перифраза имеет долгую историю и давно находится в арсенале классической риторики в числе средств риторического украшения (Марк Тулий Цицерон, Марк Фабий Квинтилиан, Никола Коссен, Франсуа Помей, М. В. Ломоносов, Н. Ф. Кошанский и др.). Вслед за Л. В. Грехневой мы будем считать, что перифраза представляет собой особую — описательную и оценочную номинацию, которая включает в себе информацию не только об объекте, но и о субъекте номинации (авторе перифрастического выражения); как наиболее существенные можно выделить следующие понятийные компоненты термина «перифраза»: 1) способность именовать объекты действительности по одному или нескольким признакам, выбор которых субъективен; 2) описательность (под которой понимается расчлененность, сверхсловность номинации); 3) способность быть заменой первичной, исходной номинации [Грехнева 1999: 9; 15–16]. На наш взгляд, главным признаком перифразы можно считать то, что это «представление многими предложениями того, что одним или немногими изображено быть может, например, *храбрый разоритель Карфагена, то есть Сципион*¹» — так пишет М. В. Ломоносов в «Кратком руководстве к красноречию» [Ломоносов 7: 252]. Таким образом, перифраза всегда больше одного знаменательного слова и должна состоять по крайней мере из двух компонентов. Этот важный признак можно было бы назвать *раздельнооформленностью* или *неоднословностью* (термин предложен В. П. Москвиным [Москвин 2007: 551]). Во-вторых, перифраза служит целям замены, замещения наименования

¹ Курсив М. В. Ломоносова.

какого-либо лица, объекта, явления, действия, признака и пр. и поэтому всегда тайно или явно (для т. н. зависимых перифраз) коррелирует с этим наименованием: такой признак можно было бы не очень благозвучно назвать *заместительностью*. Кроме этого, не менее значима *экспрессивность* перифразы. Одной из внутренних пружин подобной экспрессивности, по-видимому, является противоречие между цельностью, единством семантики и «нецельностью», «раздельностью» формы, хотя многие языковые явления, в том числе и перифраза, гораздо сложнее подобных черно-белых дихотомий.

1. Один из довольно больших разрядов перифраз в поэзии XVIII века составляют так называемые родственные или *генеалогические* перифразы, то есть перифразы, обозначающие человека через кровное родство, через его позицию в системе семейных отношений, через его происхождение, при этом в большинстве случаев это исторические лица, связанные кровными узами с российскими монархами, в т. ч. с Петром I. Отличительной особенностью этой серии является организация их по следующей модели:

«антропонимический компонент (в форме притяжательного прилагательного / существительного в родительном падеже) + ядерный компонент — термин родства (дочь, сын, внук, внука, правнук, дед и под.) или лексические единицы ветвь, дитя, кровь, корень, наследник, отрасль, племя, плод, потомок, род и под.»

Сочетания такой продуктивной структурно-семантической модели² активны и частотны в поэзии М. В. Ломоносова, на некоторые из них следует указать как на обладающие устойчивостью и воспроизводимостью: *Геройска Дщерь* (где *Герой* — уже ставшее традиционным наименование Петра I); *Петрова дщерь* ‘императрица Елизавета Петровна’ (эта перифраза отмечена уже Л. В. Грехневой [Грехнева 1999: 41])³, *Его* <Петра I — авт.> *Великая дщерь; дщерь Божеств, науки основавших* (т. е. Петра I и Екатерины I); *дщерь Российского Зевеса*, где *российский Зевес* ‘император Петр I’; *Петрова внука; Его* <Петра I — авт.> *внук; Петров внук; венценосная внука; Ярославов сын* ‘князь Александр Невский’, *Ему* <князю Святославу — авт.> *геройством равный сын* ‘киевский князь Владимир Святославович’, *Петрова кровь; Петров и Аннин плод* ‘Петр Федорович’ и мн. др. В качестве примера здесь можно привести перифразы *Петрова кровь* в «Оде на прибытие из Голстинии и на день рождения его Императорского высочества Государя Великого князя Петра Федоровича» (1742), в обращении к Петру Федоровичу, будущему Петру III: «О плод от корене преславна, / Дражайшая *Петрова кровь*, / К тебе горит уже издавна / Россиян искрення любовь!» [Ломоносов 8: 63] или *Петров дед* ‘царь Михаил Федорович’ во второй песне героической поэмы «Петр Великий»: «Везде

² См. [Мокиенко 1989: 52–54].

³ Это одна из самых употребительных поэтических перифраз Ломоносова (более 60 случаев). Заметим, что сравнение с перифразами *Муметова дочь* ‘принцесса Тамира’, *Приамова дочь, царева дочь, дочь Приама, дочь Ликурга-царя* показывает, что в одах Ломоносов вполне умышленно заменяет нейтральный компонент *дочь* на славянизм *дщерь* в целях усиления экспрессии.

свирепый рок отечество терзал. / Пока Пожарскаго и Трубецкаго ревность, / Смотри на праотцев, на славну Россов древность, / Пресекла наконец победою напасть, / И обществом дана *Петрову Деду* власть [Ломоносов 8: 820]. По большей части, как мы видим, это аналитические, безобразные перифразы, представляющие собой результат риторического распространения собственных имен.

Поэтические перифразы, которые можно было бы отнести к разряду генеалогических, находим также в поэтических текстах А. П. Сумарокова, В. П. Петрова, Е. И. Кострова, Г. Р. Державина, например, перифразы *Петрово племя*, *Павлов сын* ‘великий князь Константин Павлович’ в торжественной оде «На всевожденное рождение великого князя Константина Павловича» (1779 г.): Раскрылось Небо! во порфире / Стоит, зря долу, Константин⁴, / И слышен глас его в эфире: / «*Петрово племя, Павлов сын*, / Кой перстом рока в мир извлекся, / И именем моим нарекся; / Расти, мужайся, стани в бой [Петров 2016: 133]; у Г. Р. Державина в беседе поэта с Фебом в «Харитах»: «Словом: видел ли картины, / Непостижные уму?» — “Видел внук *Екатерины*”, — Я ответствовал ему <Фебу — авт.> [Державин 1957: 233], где *внуки Екатерины* (ед. *внука*, совр. *внучка*) — великие княжны Александра Павловна и Елена Павловна.

2. Достаточно часто генеалогическая фразеологическая модель может «заполняться» не только именами различных исторических лиц, но и мифонимами или теонимами: *Приамов храбрый сын* ‘Гектор’ в стихотворениях из «Риторики» [Ломоносов 8: 160], *Приамова дочь* ‘Илиона, троянская царевна’, *Тезеев сын* ‘Демофонт’ в трагедии М. В. Ломоносова «Демофонт» (1751) [Ломоносов 8: 413, 427], *бессмертный сын Каллиопы* ‘Орфей’ в торжественной оде В. П. Петрова «На день тезоименитства ея императорского величества» (1778): «*Бессмертный сыне Каллиопы*, / Спусти мне лиру днесь свою: / Да диво света, честь Европы, / Екатерину воспою [Петров 2016: 121]; *отрасль красная Латоны* ‘Аполлон’ в поэтическом послании В. П. Петрова к графу П. А. Румянцову-Задунайскому: «*О отрасль красная Латоны*, / Что строишь слух пленящи тоны» [Петров 2016: 95], *дочь Танталова* ‘Ниоба’, *дочь Пандиона* ‘Филомела’ в анакреонтических стихах Н. А. Львова: «Некогда в стране Фригийской / Дочь Танталова была / В горный камень превращенна. / Птицей Пандиона дочь / В виде ласточки летала» [Львов 1972: 216] и мн. др.

3. Генеалогические перифразы в поэтическом тексте охотно эксплицируются. Эксплицирование перифразы представляет собой линейное развертывание словосочетания, то есть приобретение перифразой новых компонентов, а значит — ее обогащение. Значение языковой единицы при этой трансформации, как считает В. М. Мокиенко, остается прежним, дополнительные компоненты же способствуют актуализации, уточнению перифрастического наименования и, конечно, усилению

⁴ В. П. Петров в данном случае прибегает к особому приему усиления экспрессивности антропонимов в поэтическом тексте — **соименству**, т. е. уподоблению персонажей (как правило, императоров или членов императорской семьи) одноименным героям прошлого. В данном примере Константин — император Рима Флавий Валерий Аврелий Константин, также известный как Константин Великий.

их экспрессии или обновлению, «освежению» мотивировки [Мокиенко 1989: 131], а это, в свою очередь, тоже ведет к усилению экспрессии. Следует отметить, что в большинстве случаев эксплицированию подвергается именно т.н. «ключевой», «отгадочный» (термины В. П. Москвина [Москвин 2007: 551]) компонент, который, с нашей точки зрения, правильнее было бы назвать «подсказочным», так как именно он часто служит ключом для понимания перифразы. Ведь почти любая перифраза — это своеобразная загадка, краткий игровой текст, нуждающийся в разгадке. Понимание его, следовательно, требует, так сказать, определенного напряжения ума, движения мысли, интеллектуального действия. Представляется, что при этом поэтическое повествование как бы на миг замедляется или останавливается (при этом «срабатывает» прием, хорошо известный в классической риторике как *задержка*, *задержание* или *умедление* — как точно подметил мудрый Стефан Яворский в «Риторической руке» (1705): «егда надолзе слушателей виснут умы» [Яворский 2003: 360]), а это, по-видимому, становится еще одним «усилителем» экспрессивности.

Процесс активного развития авторской лексикографии, за которым можно с большим удовлетворением наблюдать последние несколько лет, характеризуется выработкой новых концепций, конструированием и освоением новых моделей словарного описания, широким охватом нового материала, поэтому понимание того простого факта, что поэтическая перифраза — значимый разряд единиц художественной выразительности, может оказаться весьма полезным при словарной разработке как индивидуального поэтического языка, так и языка поэзии целых исторических периодов в новых лексикографических проектах будущего. Хотелось бы надеяться, что ближайшего будущего.

Литература

Апресян Ю. Д. Современная лингвистическая семантика. Синонимические средства языка и правила перифразирования // Русский язык в национальной школе. 1972. № 3. С. 19–27.

Виноградов В. В. О художественной прозе. М.; Л.: Госиздат, 1930. 187 с.

Грехнева Л. В. Перифраза как лингвистическое явление (на материале русской литературы конца 18 — начала 19 века: дис. ... канд. филол. наук / Нижегородский гос. ун-т. Нижний Новгород, 1999. 219 с.

Григорьев В. П. К проблеме перифразы // Григорьев В. П. Велимир Хлебников в четырехмерном пространстве языка. Избранные работы. 1958–2000-е годы. М.: ЯСК, 2006. С. 122–134.

Державин Г. Р. Стихотворения. Л.: Сов. писатель, 1957. 470 с. (Библиотека поэта. Большая серия).

Коломієць М. П., Регушевський С. С. Короткий словник перифраз / За ред. М. М. Пилинського. Київ: Радянська школа, 1985. 151 с.

Ларин Б. А. Основные принципы Словаря автобиографической трилогии М. Горького // Ларин Б. А. Филологическое наследие. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2003. С. 675–682.

Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. Т. 1–11. Гл. ред. С. И. Вавилов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950–1983.

Львов Н. А. // Поэты XVIII века: в 2 т. Т. 2. Л.: Сов. Писатель, 1972. С. 191–257 (Библиотека поэта. Большая серия).

Малажэй Г. М. Беларуская перыфраза (кароткі слоўнік) / науч. ред. Н. Ф. Янковский. Минск: Вышэйшая школа, 1974. 159 с.

Мокиенко В. М. Славянская фразеология. М.: Высшая школа, 1989. 287 с.

Москвин В. П. Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры. Терминологический словарь. Ростов н/Д: Феникс, 2007. 940 с.

Новиков А. Б. Словарь перифраз русского языка (на материале газетной публицистики). М.: Русский язык, 2004. 352 с.

Петров В. П. Оды. Письма в стихах. Разные стихотворения. Выбор Максима Амелина (серия «Поэты Москвы»). М.: Б.С.Г.–Пресс, 2016. 383 с.

Сумароков А. П. Избранные произведения. Л.: Сов. писатель, 1957. 608 с. (Библиотека поэта. Большая серия).

Яворский Стефан. Риторическая рука (перевод Феодора Поликарпова) // Аннушкин В. И. Русская риторика: исторический аспект. М.: Высшая школа, 2003. С. 348–367.

S. S. Volkov

Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences

(Russia, Saint Petersburg)

sergejvolkov2006@yandex.ru

PERIPHRASE IN THE 18th CENTURY RUSSIAN POETRY

The article discusses one of the largest categories of the 18th century poetic phraseology — the periphrases, which are structurally organized and semantically formed descriptive expressions of poetic language, characterized by separability, nominative function, and expressiveness. Periphrase makes it possible to evaluate the author's individuality, the originality of his mind, the author's creativity, personal qualities, intellectual abilities, the level of education, to understand his subjective attitude to the described phenomenon, the ability to creatively describe the world around and inside him. Periphrases may be considered as markers of the idiosyncrasies of 18th century poets. The poetry of the 18th century served as a kind of “creative laboratory” and, at the same time, a “repository” of the results of poetic improvisation, where paraphrases were created. Among the poetic periphrases of the 18th century, *family* or *genealogical periphrases* deserve great attention — periphrases that designate a person through consanguinity, through his/her position in the system of family relations. Usually they are organized according to the structural-semantic model “anthroponymic component (in the form of a possessive adjective / noun in the genitive case) + a nuclear component — a kinship term (*daughter, son,*

grandson, etc.) or lexical units *branch, blood, root, branch, tribe, offspring, etc.*”. At the same time, the genealogical phraseological model may include not only the names of real historical persons, but also mythonyms. Genealogical periphrases in a poetic text are often explicated, i.e. acquire new components that contribute to the actualization, clarification of the periphrastic name and, consequently, the enhancement of their expression.

Key words: poetic phraseology, periphrase, Russian language, poetry of the 18th century.

References

Apresjan Ju. D. [Modern linguistic semantics. Synonymous language means and paraphrasing rules]. *Russkii yazyk v natsional'noi shkole*, 1972, no. 3, pp. 19–27. (In Russ.)

Derzhavin G. R. *Stikhotvoreniya* [Poems]. Leningrad, Sovetskii Pisatel' Publ., 1957. 470 p.

Grekhneva L. V. *Perifraza kak lingvisticheskoe yavlenie (na materiale russkoi literatury kontsa 18 — nachala 19 veka. Dis. ... kand. filol. nauk* [Periphrase as a linguistic phenomenon (based on Russian literature of the late 18th — early 19th centuries. Cand. phil. sci. diss.]. Nizhny Novgorod State University. Nizhny Novgorod, 1999. 219 p.

Grigor'ev V. P. [To the problem of paraphrase]. Grigor'ev V. P. *Velimir Khlebnikov v chetyrekhmernom prostranstve yazyka. Izbrannye raboty. 1958–2000-e gody* [Velimir Khlebnikov in the four-dimensional space of language. Selected works. 1958 — 2000s]. Moscow, Yazyki Slavyanskoi Kul'tury Publ., 2006. pp. 122–134. (In Russ.)

Kolomiyc' M. P., Regushevs'kiy S. S. *Korotkii slovník peryfraz. Za red. M. M. Pylins'kogo* [A short dictionary of periphrases. Ed. by M. M. Pilinsky]. Kyiv, Radyans'ka Shkola Publ., 1985, 151 p. (In Ukrainian)

Larin B. A. [Basic principles of the Dictionary of M. Gorky's autobiographical trilogy]. Larin B. A. *Filologicheskoe nasledie* [Philological heritage]. St. Petersburg, St. Petersburg University Publ., 2003, pp. 675–682. (In Russ.)

Lomonosov M. V. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete works]. Vol. 1–11. S. I. Vavilov (ed.). Moscow; Leningrad, USSR Academy of Sciences Publ., 1950–1983.

L'vov N. A. [Poetry of N. A. L'vov] *Poety XVIII veka: v 2 tomakh* [Poets of the 18th century: in 2 volumes]. Vol. 2. Leningrad, Sovetskii Pisatel' Publ., 1972, pp. 191–257. (In Russ.)

Malazhaj G. M. *Belaruskaja peryfraz (karotki slovník)* [Belarusian periphrase (short dictionary)]. Yankovsky N. F. (ed.). Minsk, Vysheshaya Shkola Publ., 1974. 159 p. (In Belarusian)

Mokienko V. M. *Slavyanskaya frazeologiya* [Slavic phraseology]. Moscow, Vysshaya Shkola Publ., 1989. 287 p.

Moskvin V. P. *Vyrazitel'nye sredstva sovremennoi russkoi rechi. Tropy i figury. Terminologicheskii slovar'* [Expressive means of modern Russian speech. Tropes and figures. Terminological dictionary]. Rostov-on-Don, Feniks Publ., 2007. 940 p.

Novikov A. B. *Slovar' peryfraz russkogo jazyka (na materiale gazetnoi publitsistiki)* [Dictionary of the Russian language periphrases (based on newspaper journalism)]. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 2004. 352 p.

Petrov V. P. *Ody. Pis'ma v stikhakh. Raznye stikhotvoreniya. Vychor Maksima Amelina (seriya "Poety Moskvy")* [Odes. Letters in verse. Various poems. Choice of Maxim Amelin (series: "Poets of Moscow")]. Moscow, B.S.G.–Press, 2016. 383 p.

Sumarokov A. P. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Leningrad, Sovetskii Pisatel' Publ., 1957. 608 p.

Vinogradov V. V. *O khudozhestvennoi proze* [About fiction]. Moscow; Leningrad, Gosizdat Publ., 1930. 187 p.

Yavorskii Stefan [Rhetorical hand (translated by Feodor Polikarpov)]. Annushkin V. I. *Russkaya ritorika: istoricheskii aspekt* [Russian rhetoric: historical aspect]. Moscow, Vysshaya Shkola Publ., 2003, pp. 348–367. (In Russ.)

А. С. Кулева

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

(Россия, Москва)

an_kuleva@mail.ru

СЛОВАРЬ УСЕЧЕННЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В ЯЗЫКЕ РУССКОЙ ПОЭЗИИ: ЖАНР И ПЕРСПЕКТИВЫ

В статье рассматривается функционирование так называемых «усеченных прилагательных» в языке русской поэзии. Традиционно эти грамматические формы считались характерной чертой поэзии XVIII в., искусственной версификационной условностью. Большой объем проанализированного материала позволяет считать их реликтом грамматической системы: краткими формами в атрибутивном употреблении. Проведенное исследование показало, что усеченные формы употребляются в языке поэзии XVIII — начала XXI в., в том числе в позиции рифмы, и несут определенную смысловую нагрузку, являясь, в частности, стилистически окрашенным элементом. Часть исследовательского корпуса была ранее опубликована в книге: Кулева А. С. История усеченных прилагательных в языке русской поэзии. М.; СПб.: Нестор-История, 2017. «Часть II. Четыре века русской поэзии в зеркале одного грамматического элемента: опыт словаря» включает почти две трети собранного на тот момент материала (за исключением местоимений и других однотипных словоупотреблений): более 10 тыс. поэтических контекстов (около 2 тыс. лексем) из произведений 500 авторов XVIII — начала XXI в. Экспериментальный словарь стал опытом лексикографического описания грамматической единицы поэтического языка. В настоящее время Поэтический корпус НКРЯ предоставляет новые возможности отбора и анализа языковых примеров, и это позволяет вернуться к вопросу о словарном описании грамматического элемента.

Ключевые слова: авторская лексикография, атрибутивные формы, корпус, лингвистическая поэтика, поэтический язык, усеченные прилагательные.

1. Функционирование усеченных прилагательных в языке русской поэзии — проблема интересная и многоаспектная. Традиционно эта грамматическая форма считалась характерной чертой поэзии XVIII в., своего рода искусственной версификационной условностью. Ср.: *Поля покрыла мрачна ночь; Взошла на горы черна тень; Несчетны солнца там горят* (М. Ломоносов. «Вечернее размышление о Божием величестве при случае великого северного сияния», 1743) [Винокур 1959; Хабургаев 1990; Шмелев 1960].

Большой объем проанализированного материала позволяет утверждать, что здесь мы имеем дело скорее с маргинальным, но вполне живым реликтом грамматической системы — возможностью атрибутивного употребления кратких форм.

В ходе работы было собрано более 30 тысяч русских поэтических текстов 500 авторов XVIII — нач. XXI в. (для сравнения привлекались также произведения силлабической поэзии XVII в. и тексты на церковнославянском языке). Было собрано более 15 тыс. контекстов, содержащих усеченные формы. Значительная часть исследовательского корпуса была опубликована в издании [Кулева 2017: 159–504]. «Часть II. Четыре века русской поэзии в зеркале одного грамматического элемента: опыт словаря» включает более 10 тыс. поэтических контекстов (около 2 тыс. лексем) из произведений 500 авторов XVIII — начала XXI в. (почти две трети собранного на тот момент материала — за исключением местоимений и других однотипных словоупотреблений). Упорядоченный материал стал основой экспериментального словаря, который представляет собой попытку лексикографического описания грамматической единицы поэтического языка.

Своего рода предварительный словарь, как представляется, можно назвать самой важной частью названной книги, поскольку позволяет посмотреть на без малого четыре века русской поэзии с точки зрения одного элемента поэтической грамматики.

Анализ функционирования грамматического элемента в языке поэзии на значительном (как количественно, так и по хронологическому охвату) материале позволил пересмотреть существующие взгляды на это явление.

Как показал обзор различных точек зрения в научной литературе трех с половиной веков (от Третьяковского и Ломоносова до наших дней), главной причиной отсутствия единой позиции об усеченных прилагательных можно назвать отсутствие к ним особого интереса и фрагментарность их анализа. Эти формы регулярно упоминались в работах по грамматике (современной и исторической), истории литературы, стилистике, но при этом никогда не делалось попыток взглянуть на них комплексно и масштабно. В результате в самых авторитетных трудах можно встретить поверхностные и неточные формулировки, а упрощенное изложение в учебной и справочной литературе нередко оказывается нелогичным или откровенно ошибочным.

Так, позволим себе привести обширную цитату из вузовского учебника середины прошлого века, который, не потеряв актуальности, переиздается до сих пор:

«От кратких прилагательных, употребляющихся только в качестве сказуемого, следует **строго ограничивать** встречающиеся в стихотворной речи XVIII–XIX вв. прилагательные усеченные, которые в предложении выступают как определения. Эти прилагательные образовывались от соответствующих форм полных путем **отсечения от окончания конечного гласного и предшествующего ему звука -j-**. Они производились от полных прилагательных не только в форме именительного падежа, **но и в форме винительного падежа**, причем как от качественных, так и от относительных. От кратких форм эти прилагательные отличались также и тем, что **абсолютно во всех случаях**

сохраняли ударение соответствующих им полных. Употреблялись эти прилагательные в поэтическом языке **чисто в версификационных целях** (в соответствии с требованиями ритма и рифмы) на правах отступлений от общенародных норм, разрешенных теорией поэтических вольностей. Преодоление Пушкиным и Лермонтовым традиций стихотворной речи XVIII века повлекло за собой **исчезновение** и усеченных прилагательных, встречающихся с 40-х годов XIX века **очень редко**» [Галкина-Федорук и др. 2009: 269–270].

Выделенные фрагменты определения ярко иллюстрируют сказанное выше: практически все эти формулировки либо неточны, либо ошибочны (главным образом, поскольку жанр учебника вынуждал авторов использовать максимально категоричные, конкретизирующие и абсолютизирующие, формулировки).

Во-первых, строго отграничивать «искусственные усеченные» и «древние краткие / именные» формы не получается: отметим, что в разных работах одни и те же примеры *несчетны солнца, царска грамота* и т. п. квалифицируются по-разному.

Во-вторых, они не обязательно образовывались «отсечением» какой-либо части окончания, поскольку их формы — в именительном и косвенных падежах — соответствовали именной парадигме склонения и отсутствовали лишь те формы, которые были самыми редкими и наименее выразительными (см. ниже состав морфологических моделей). Более того, сам термин «усеченные прилагательные» восходит к грамматикам XVIII в., где относился к исторически более древним именным формам, и не может, таким образом, указывать на способ образования искусственных форм поэтического языка.

В-третьих, признак сохранения ударения на основе тоже совершенно не релевантен, потому что сохранение ударения на основе в кратких предикативных формах часто отмечается как характерная черта высокого стиля в поэзии XVIII в. (ср.: *гласить велики имена и защита есть велика*). Отметим, что перенос ударения с основы на окончание отмечается только в очень небольшом количестве прилагательных: ср. *красны́* — *красны* и *драго́* — *драго́е, гнилу́* — *гнилу́ю, други́* — *другие, мятéжны* — *мятéжные*.

Также не соответствует действительности утверждение о том, что они употреблялись «чисто в версификационных целях»: как показывает собранный материал, в позиции рифмы (или конца строки в нерифмованном тексте) встречается около трети форм, прямой связи со стихотворным размером установить не удастся, но зато во многих случаях эти формы несут значительную стилистическую нагрузку, причем в особенности — более выразительные формы косвенных падежей.

Наконец, нет оснований говорить об их исчезновении из языка поэзии: они употребляются до сих пор, причем с уменьшением их числа возрастает их роль в качестве стилизующего элемента.

Можно привести **состав морфологических моделей усеченных прилагательных**:

1–4) И. всех родов и чисел (и совпадающие с И. формы В. м.-ср. ед. и В. мн., определяющие неодушевленные существительные): *шумны волны, всяк день, нежна тень, военно ремесло*; причем эти формы, употребленные в качестве

версификационного элемента, как правило, сохраняют нейтральную стилистическую окраску — скорее всего, в связи с тем, что они совпадают с краткими предикативными формами; особо следует отметить равносложные формы м. ед.: **зорок** *глаз*, **прозрачен** *сон* (ср.: *зоркий*, *прозрачный*).

5) В. ж. ед.: **кроваву** *брань*.

6) Р. м.-ср. ед. (=В. м.-ср. ед.): **прекрасна** *Купидона*.

7) Д. м.-ср. ед.: **взору** *изумленну*.

8) Редкая равносложная форма Р. ж. ед.: **вселенны** (*vs. вселенной*), ср. с более известной неравносложной полной формой: **жалю** *мудрыя* *змеи*.

9–10) Единичные случаи: Т. мн. (*дарованьями* **различны**), П. м.-ср. ед. (*на месте* **пусте**), Д. ж. ед. (**ветсе** *ризе*). Ср. в языке былин: Р. ж. ед. у **молоды** *Марины*; Д. ж. ед. ко **честны** *вдовы*.

Таким образом, **усеченные прилагательные** — это особого рода краткие прилагательные (не только качественные, но и относительные), а также примыкающие к ним формы причастий (в том числе действительных), местоимений-прилагательных, порядковых числительных, которые используются в языке поэзии в атрибутивной функции как в И.-В., так и в некоторых косвенных падежах. По своему строению к этой категории слов могут быть отнесены и особые формы субстантивов (такие, как *всяк*, *вселенна*, *подданны* и др.).

2. Составление словаря усеченных прилагательных, не случайно названного экспериментальным, было связано с рядом проблем. Прежде всего, это вопрос о принципиальной возможности составления словаря грамматического элемента. Как представляется, такой словарь действительно перспективен. Более того, собранный материал позволяет осмыслить лексический состав полученной выборки и говорить о том, что для каждой поэтической эпохи характерен свой словарь, своего рода набор ключевых слов, определяющий, в том числе, и стилистическую нагрузку грамматической формы.

Требовали решения и практические задачи, первой среди которых было определение формы заголовочного слова. Как это ни парадоксально, но наиболее удобным оказалось использование традиционной словарной, т. е. полной формы.

Таким образом, словарная статья словаря усеченных прилагательных приобрела следующий вид:

1) заголовочное слово (И.м.ед. **полной** формы);

2) контексты, расположенные по грамматическим формам;

3) хронология указана приблизительно:

/ К — Кантемир, XVIII в.

// Бтш — Батюшков, XIX в.

/// Анненский — современная поэзия (XX — нач. XXI в.);

4) рифма:

В зиму *лютю* | ^{рфм} *приютю*

нощная птица *афинска*; | ^{рфм} *НЕТ*.

Приведем образец словарной статьи:

алмазный

~ Иж Алмазна сыплется гора / Др

~ Иж где снигирь военный где бог державин и гора алмазна и званка тож ///

Шестаков

~ Вж Он душу Пиндара вмещает В российскую алмазну грудь. / Лв

~ Вж Я в сердце зрю алмазну гору / Др

~ ИВ_{мн} Весной алмазны рвут оковы И ищут новых берегов; // Крл

~ ИВ_{мн} И на теремы высоки Вкруг покрышек тесовых Цепит бахромы алмаз-

ны; |^{рфм} топазны / Лв

~ ИВ_{мн} На стебли прозябений нижет Алмазны зерна в тишине // Ббр

архангельский

~ ИВ_{мн} Распевают малы пташки Архангельски гласы /// Кузмин

Очевидно, что в таком виде словарные статьи недостаточно информативны. Во многом это было связано с необходимостью обработать и компактно представить значительный массив собранного материала. Следует отметить, что работа над проектом в основном велась до появления Поэтического корпуса [НКРЯ]. Сейчас это исследование может быть продолжено, но на других принципах и в других масштабах.

Важно, что существующая корпусная разметка, основанная на нормативных грамматиках современного языка, не дает возможности искать непосредственно грамматическую форму, т. е. «краткое прилагательное (причастие, местоимение) в атрибутивной форме».

Так, рассмотрим контекст: *В грешной душе коль наторел в скорбну годину, / мнишь, что уже мир обозрел? Драхму едину* (Бродский).

Поиск в поэтическом корпусе (ПК) НКРЯ показывает, что для словоформы *скорбну* восстанавливаются нерелевантные исходные формы и приписываются следующие признаки:

Лемма: *скорбно*; грамматика: сущ, дат, неод, с, ед, геогр;

Лемма: *скорбна*; грамматика: сущ, вин, ж, неод, ед, геогр сущ, вин, одуш, ж, имя, ед;

Лемма: *скорбнуть*; грамматика: глаг, 1л, действ, буд, изъяв, св, ед, перех;

Доп. признаки: posred, genderred, numred, casered, animred, bastard.

На данном этапе доступен только поиск по точной форме или по лексеме. Как было сказано, собранный материал позволяет получить предварительное представление о лексическом составе усеченных форм в поэтическом языке, наиболее частотных лексемах. Таким образом, новым направлением работы может стать, прежде всего, верификация и расширение словаря с опорой на данные корпуса, а также подготовка его расширенного варианта, включающего законченные поэтические контексты. В этом смысле разумно ориентироваться на электронную форму представления новой версии словаря, чтобы снять ограничения по объему, неизбежно налагаемые традиционной печатной лексикографической формой.

3. В связи со всем сказанным очевидно, что наибольшие трудности на данный момент вызывает изучение функционирования усеченных форм в языке современной поэзии. С одной стороны, этот пласт стихотворных произведений очень велик и пока, по совершенно объективным причинам, недостаточно представлен в ПК НКРЯ. С другой стороны, в языке современной поэзии усеченные формы встречаются редко, но несут значительную смысловую и стилистическую нагрузку, их употребление очень индивидуализированно. Ср. примеры из поэзии XX — нач. XXI в.:

*Помяни ж за раннюю обедней / **Мила** друга, светлая жена! (Блок);*

*Ломает чернь **неблагодарна** / Поэта славное перо... (Кузмин);*

*Ртом не достать! — Через **летейски** воды / Протягиваю две руки (Цветаева);*

*Зачем же нам так долго спорить нужно / О том, что вместе распознали в мире, / О Боге **живе** и Его любви? (Вяч. Иванов);*

*Что, полная чаша куста, / Находишь на сем — месте **пусте**? (Цветаева);*

*От полуночи / До **синя** утра / Над Невой твоей / Бродит тень Петра (Есенин);*

***Красна** девица сидит, пригорюнившись, **Зелена** лягушечка расквакалась, Да прошел-прошел **буен** молодец (Хлебников);*

*Перед нэпачкой баба **седа** / отторговывает копеек тридцать. / — Купите платочек! / У нас / завсегда / заказывала / сама царица... (Маяковский);*

*Казалось, что стучится в наши терема / **Татарска** бабушка, сама падера вьюга, / **Несуца** вьюжный вьюк, что стужей стянут туго; Мол, к нашим дырявым овчинам / Пришьем **драгоценны** заплатки (Мартынов);*

*Умер пароль, веший нас чрез **часты** тенета. / «Льется отколь, полная слез, **плачуца** нота? / Чей там хорал в землю ведет часть **превосходну**?» / Тот, кто теряет, тот и поет песню **отходну** (Бродский);*

***Небесна** лошадь ест в желудок **пуст** (Соснора);*

*сжался до размеров тех / где **ни права и ни лева** / ни покрывки и ни дна — / только лунка для посева / **пусто место** для зерна; снова, Господи, прости им / слово **чёрно**, волю злую / за игру языковую / с пушкинским Езекишем; и айда к себе на службу / в институт ксенофобии / в тишину **серо-жемчужну** / в глубину где молча били (Кривулин);*

*Спекуляции у границы / **Бивалютна** коридора / На валютных рынках столыцы / Приводят к росту доллара. (Верницкий);*

*Вы швыряли **медну** полушку / Мимо нашей шапки терновой (Башлачев);*

*Звездочётов, как грязи — **сплошны** облака, / И поэтому каждый знает точно, где рай (Непомнящий);*

*Там **игральны** автоматы, / Выдающие стигматы; Затем **Натура** на не всякий случай Сует под нос **альтернативны** виды (Степанова);*

*Серый ветер ходит в мире, / **сиры** души собирая (Богданова).*

Таким образом, для эффективного поиска таких форм в языке современной поэзии необходимо разработать дополнительные исследовательские инструменты. В частности, важно привлечь к рассмотрению другие случаи функционирования кратких и/или атрибутивных форм.

4. В современном языке особое употребление кратких форм, в том числе в языке поэзии, тщательно описано, но при этом никогда не соотносилось с традицией усеченных прилагательных, хотя речь идет о том же самом — о возможности атрибутивного использования кратких форм.

В языке поэзии возможно образование окказиональных кратких форм, в частности — от относительных прилагательных, действительных причастий и пр., причем они могут выступать как в предикативном, так и в атрибутивном употреблении.

Так, в словаре усеченных прилагательных:

звучащий

~ Вж Звучащу славу заглушает / Л

животворящий

~ ИВм Улавливать сквозь всю людскую гущу Твой вздох *животворящ* |
рфм плащ /// Цветаева

~ Рср Тогда по сторонам *животворяща* древа Мария-грешница и пресвятая дева, Стояли // АСП

~ ИВср О вселюбезный Глас, *животворяще* Слово! / Л ...

зрящий

~ ИВм Разъединил ли б *зрящ* Елену с Ахиллесом? | рфм плащ /// Цветаева

несущий

~ Иж На явну смерть и смерть *несуща* | рфм идуща / Др

~ Иж Татарска бабушка, сама падера вьюга *Несуща* вьюжный вьюк, что стужей стянут туго /// Мартынов

ликующий

~ Вж Ты рек, — и солнца луч вечерний Златит *ликующую* Москву. // ШШ

Ср. в «Словаре языка русской поэзии XX века» [СЯРП]:

ПОЮЩ [нов.] Не у меня, не у тебя — у них Вся сила окончаний родовых: Их воздухом п. тростник и скважист, И с благодарностью улитки губ людских Потянут на себя их дышащую тяжесть. *ОМ936 (222.1)*

СКРИПЯЩ [нов.] Во имя чего / сапог / землю растаптывает, с. и груб? / Кто над небом боев — / свобода? / бог? / Рубль! *М917 (71)*

СЛЕПЯЩ [нов.] Испанский камень / с. и бел, / а стены — / зубьями пил. / Пароход / до двенадцати / уголь ел / и пресную воду пил. *М925 (172)*

СПЯЩ [нов.] Ипполит! Ипполит! Пить! Сын и пасынок? Со – общник! Это лава — взамен плит Под ступнею! — Олимп взропщет? // Олимпийцы?! Их взгляд с.! Небожителей — мы — лепим! Ипполит! Ипполит! В плащ! В этом пеплуме — как в склепе! // Ипполит, утоли... *РП Цв923 (II,172)*

СТАРЯЩ [нов.] Чтоб не было любви — служанки / замужеств, / похоти, / хлебов. / Постели прокляв, / встав с лежанки, / чтоб всей вселенной шла любовь. / Чтоб день, / который горем с., / не христардничать, моля. / Чтоб вся / на первый крик: / — Товарищ! — / оборачивалась земля. М923 (451)

ТОМЯЩ [нов.] Но иссякает ток подков, И облетает лес флажков, И по веревке, как зверек, Спускается кумач. А зверь, ползущий на флашток, Ужасен, как немой толмач, И флаг Андреевский — т., Как рок. П926-27 (I,322)

5. В многочисленных источниках (подробнее см. в [Кулева 2017]) отмечалось, что краткие формы прилагательных в собственно определительной функции могут выступать в составе фразеологических сочетаний, причем возможны и отдельные формы их косвенных падежей: *среди бела дня, по белу свету, на босу ногу*, ср. в языке фольклора: *добра молодца, (чарка) зелена вина, на добра коня, по чисту полю*. Как представляется, степень устойчивости таких выражений обычно переоценивается: как словари, так и корпусные данные показывают богатую вариативность в этой области, что также может говорить о допустимости в современном языке атрибутивного употребления кратких форм. Ср. варианты: *лиха беда (начало), не лиха (велика) беда; всяко дело, всяко разное; в оны дни, во время оно; под белы ручки (руки, рученьки); право слово, слово твердо; за добра ума 'по-хорошему' (за добра ума поздорову убирайся); до белого (белу) света (свету), до светла 'до утра, до рассвета', от светла до светла 'в течение суток'...*

В поэзии XX — нач. XXI в. находим примеры переосмысления устойчивых оборотов:

Поведаю стару и младу (В. Хлебников);

Эпоха кончилась, просвистела — / кому хана, кому мать родна (О. Медведев);

Заблудилось дитя в лесу — страхи на душу на босу (Б. Паршиков);

Земля всё едино приемлет / Предлагали духам — духовно / Предлагали гостям — человечно (Р. Анчевская), ср.: *кесарево кесарю, а Божие Богу*.

Таким образом, изучение функционирования «усеченных прилагательных» в языке поэзии может стать составной частью более широкого исследования современного состояния атрибутивного употребления кратких форм как периферии морфологической системы. Сошлемся здесь на мнение В. А. Плунгяна: «Из числа наиболее интересных морфологических явлений, бесспорно существующих в современных русских текстах, но недостаточно отражаемых нормативной грамматикой (или вовсе не отражаемых), можно упомянуть следующие: <...> 3) Стойкое сохранение такого явления, как склоняемые краткие формы прилагательных в атрибутивной функции (*всяк человек, кари очи, тёмну силу*, и т. п.); распространенность этого явления (в современном языке в основном связанного с использованием псевдонародной речевой маски) выходит далеко за пределы клишированных сочетаний типа *среди бела дня*» [Плунгян 2008: 19].

Как представляется, лексикографическое описание грамматического элемента поэтического языка не только возможно, но и может рассматриваться как перспективное исследовательское направление.

Литература

Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1959. 492 с.

Галкина-Федорук Е. М., Горшкова К. В., Шанский Н. М. Современный русский язык: Лексикология, фонетика, морфология. М.: Либроком, 2009. 407 с.

Кулева А. С. История усеченных прилагательных в языке русской поэзии. М.; СПб.: Нестор-История, 2017. 544 с.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>.

Плунгян В. А. Корпус как инструмент и как идеология: о некоторых уроках современной корпусной лингвистики // Русский язык в научном освещении. 2008. № 2 (16). С. 7–20.

СЯРП — Словарь языка русской поэзии XX века. Т. I–IX— / Сост.: Григорьев В. П. (отв. ред.), Шестакова Л. Л. (отв. ред.), Колодяжная Л. И. (ред.), Кулева А. С. (ред.), Бакеркина В. В., Гик А. В., Реутт Т. Е., Фатеева Н. А. М.: Языки славянской культуры, Знак, 2001–2022—.

Хабургаев Г. А. Очерки исторической морфологии русского языка. Имена. М.: Изд-во МГУ, 1990. 296 с.

Шмелев Д. Н. Архаические формы в современном русском языке. М.: Учпедгиз, 1960. 116 с.

A. S. Kuleva

*Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)
an_kuleva@mail.ru*

DICTIONARY OF CLIPPED ADJECTIVES IN THE LANGUAGE OF RUSSIAN POETRY: GENRE AND PERSPECTIVES

Traditionally clipped adjectives have been considered as a characteristic phenomenon of eighteenth-century poetry. It is believed that they appeared in the Russian poetic language due to the “requirements of rhythm and rhyme”. The collected material showed that short forms in the attributive function can be found in the syllabic poetry of the XVII century, they continue to be used to this day. The paper is grounded on collecting and many-sided analysis of the material (i. e. examples from Russian poetry of the different periods, since XVII century and up to now): more than 30 thousand poetic texts

were reviewed and about 15 thousand examples were collected. Corpus study allows us to return to the question of the dictionary description of the grammatical element.

Key words: adjectives, author lexicography, clipped forms, corpus, linguistic poetics, poetic language.

References

Galkina-Fedoruk E. M., Gorshkova K. V., Shanskii N. M. *Sovremennyi russkii yazyk: Leksikologiya, fonetika, morfologiya* [Modern Russian language. Lexicology, phonetics, morphology]. Moscow, Librokom Publ., 2009. 407 p.

Khaburgaev G. A. *Ocherki istoricheskoi morfologii russkogo yazyka. Imena* [Essays on historical morphology of Russian. Nouns]. Moscow, Moscow State Univ. Publ., 1990. 296 p.

Kuleva A. S. *Istoriya usechennykh prilagatel'nykh v yazyke russkoi poezii* [History of clipped adjectives in the language of Russian poetry]. Moscow; St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2017. 544 p.

Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [Russian National Corpus]. Available at: <http://www.ruscorpora.ru>.

Plungian V. A. [Corpus as an instrument and as ideology: about some lessons of present-day corpus linguistics]. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2008, no. 16 (2), pp. 7–20. (In Russ.)

Shmelev D. N. *Arkhaicheskie formy v sovremennom russkom yazyke* [Archaic forms in Modern Russian]. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1960. 116 p.

Slovar' yazyka russkoi poezii 20 veka [Dictionary of the Language of Russian poetry (20th century)]. Grigor'ev V. P., Shestakova L. L., Kolodyazhnaya L. I., Kuleva A. S., Bakerkina V. V., Gik A. V., Reutt T. E., Fateeva N. A. (eds.). Vol. 1–9–. Moscow, Yazyki Slavyanskoi Kul'tury Publ., Znak Publ., 2001–2022–.

Vinokur G. O. *Izbrannye raboty po russkomu yazyku* [Selected works on the Russian language]. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1959. 492 p.

М. М. Коробова

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

(Россия, Москва)

mtkor1955@yandex.ru

Е. В. Потёмкина

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

(Россия, Москва)

kpisareva@yandex.ru

И. В. Ружицкий

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

(Россия, Москва)

kopnitie@mail.ru

С. Н. Шепелева

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

(Россия, Москва)

svetnikmsk@yandex.ru

**В ЛАБИРИНТАХ СМЫСЛА: ПОГРУЖЕНИЕ
В СЛОВО ДОСТОЕВСКОГО
(НА МАТЕРИАЛЕ ПЯТОГО И ШЕСТОГО ТОМОВ
«ИДИОГЛОССАРИЯ»)**

В статье на материалах изданного в 2021 году пятого тома «Идиоглоссария Достоевского», а также готовящегося к изданию шестого тома иллюстрируется тезис об усилении в последнее время действия субъективного фактора при составлении словарей. На примере лексикографических данных, зафиксированных в различных зонах комментария и примечаний словарной статьи — неразличения значений, символического и игрового употребления идиоглоссы, ее текстовых ассоциативных связей, показываются возможности ономаσιологического подхода к описанию значения слова, позволяющего объединить лексические единицы в смысловые группы, которые, в свою очередь, входят в значимые для тезауруса Достоевского семантические поля ‘смех’, ‘страх’, ‘неопределенность’, ‘время, укорачивание времени вплоть до его исчезновения, смерть’ и др. Анализируются особенности функционирования в текстах писателя идиоглосс *страшный, умиление, слезливый, чёрт, примирение, почва*, а также группы идиоглосс с общим

компонентом значения ‘приграничное состояние’ — *флигель, приживальщик, тротуар, ширма*. Обозначаются точки пересечения этих и других идиоглосс в смысловом пространстве текстов Достоевского, писателя, для которого принципиально важно соединить несоединимое. Отсюда частое использование им таких языковых средств, как оксюморон, зевгма, нарушение стандартной сочетаемости слова или стандартной формы фразеологизма и т. д., что служит одним из способов языковой материализации контраста, необходимого для создания самоорганизующейся системы, каковой у Достоевского является человек.

Ключевые слова: Достоевский, идиоглосса, идиоглоссарий, тезаурус, текстовые ассоциативные связи.

На одной научной конференции Л. Г. Бабенко в своем докладе использовала сочетание «интерпретационная лексикография». Говорила она, в частности, о том, что действие субъективного фактора при составлении словарей, о чем писали в своих статьях В. Г. Гак [Гак 1978] и Н. Ю. Шведова [Шведова 1988], в последние годы только усиливается. С этим мнением нельзя не согласиться (если, конечно, мы говорим не о словаре-конкордансе или не о статистическом словаре), и «Идиоглоссарий Достоевского» как нельзя лучше иллюстрирует данное суждение.

К настоящему моменту издано пять томов «Идиоглоссария» [СЯД 2008; 2010; 2012; 2017; 2021], идет работа над шестым, последним томом, который планируется сдать в печать в 2025 году. Предполагается также еще седьмой том — с не вошедшими по каким-либо причинам в предыдущие тома словарными статьями.

Следует сказать о том, что субъективный фактор при конструировании Словаря языка Достоевского присутствовал всегда, с самого начала возникновения его концепции, о чем свидетельствуют, например, пространные и очень интересные примечания Е. Л. Гинзбурга в словарных статьях экспериментальных выпусков «Лексического строя идиолекта» [СЯД 2001–2003]. Однако и в последующих выпусках собственно Идиоглоссария такая часть словарной статьи, как примечания — к слову, к значению, к той или иной зоне комментария, является, наверное, самой субъективной из всех рубрик. Например, примечания к зоне комментария «символическое употребление слова». Субъективный «произвол», однако, начинается задолго до составления примечаний — в определении состава словника, списка подлежащих описанию идиоглосс.

Создание словаря языка писателя, особенно такого автора, как Ф. М. Достоевский, неизбежно заводит нас в своего рода смысловой лабиринт — с бесконечным количеством проходов, разветвлений, «расходящихся тропок», тупиков... И в руках у его составителей нет никакой «нити Ариадны», разве что «ниточки» — данные существующих толковых, исторических, сравнительных, статистических и других словарей. И, конечно, контексты употребления описываемого слова, из которых в первую очередь и выводится дефиниция. «Идиоглоссарий» — словарь толкового типа, и первая смысловая ловушка, которую мы в нем встречаем, — предлагаемое определение значения описываемой идиоглоссы.

В первоначальном варианте концепции «Идиоглоссария» была установка отказать от лексикографического параметра «оттенок значения», т. е. то, что в академическом словаре русского языка (см. [МАС]), или в «Словаре языка Пушкина» (см. [СЯП]), или в других толковых словарях дается как оттенок, описывалось как самостоятельный лексико-семантический вариант. В результате, что вполне закономерно, сильно (и довольно часто неоправданно) расширилась зона комментария словарной статьи «неразличение значений» (НРЗН). Такой параметр комментария, безусловно, важен, особенно в тех случаях, когда автор сознательно закладывает некую двусмысленность в употребляемое слово. Классический пример — глагол *нарезаться* в «Преступлении и наказании». Собственно, только в «Преступлении и наказании» он и используется, что и объясняет отсутствие этого слова в словнике «Идиоглоссария». Есть одно употребление *нарезать хлеб* в «Записках из Мертвого дома» и *нарезать камелий* — в «Идиоте». Тем не менее в контексте «Преступления и наказания» *нарезаться* выполняет очень важную функцию. Раскольников, *едва двигаясь*, возвращается домой после убийства, какой-то прохожий кричит, когда он *вышел на канаву: «Ишь нарезался!»* — и Раскольников, который до этого *ни под каким видом не смел очень прибавить шагу; несмотря на то что чуть не падал, всё-таки сделал крюку и пришел домой с другой совсем стороны*, испугался. Глагол *нарезаться* непосредственным образом связан с семантическим полем ‘страх’, принципиально важным и в романе «Преступление и наказание», и в текстовом семантическом пространстве произведений Достоевского в целом. Так же, как и *крюк* в обоих значениях, и приметная *шляпа* и т. д. Слова *страх, страшный, страшно, страшить, страшиться*, относительная частота употребления которых в текстах Достоевского очень высока, описываются в пятом томе «Идиоглоссария» [СЯД 2021]. Сказанное можно отнести и к словам текстового семантического поля ‘смех’, с которым поле ‘страх’ очень часто пересекается, особенно в романах «Преступление и наказание» и «Бесы».

Приведем только один пример (из пятого тома «Идиоглоссария») актуальности фиксации употребления слова в контексте неразличения его значений — описание идиоглоссы *страшный*. Для этого слова выделено три значения: **Страшный** — 1. Внушающий сильную боязнь, тревогу, ужас; пугающий. 2. Вызывающий тягостное, мучительное чувство; повествующий о трагических или в высшей степени неприятных событиях; производящий тяжелое, удручающее впечатление своей худобой, изможденностью; слишком обременительный, невыносимый. 3. Чрезвычайно сильный по степени проявления, очень большой, весьма значительный. В комментарии словарной статьи приводится контекст неразличения всех трех значений: [Кириллов] *Своеволие! Это всё, чем я могу в главном пункте показать непокорность и новую страшную свободу мою. Ибо она очень страшна. Я убиваю себя, чтобы показать непокорность и новую страшную свободу мою* (Бесы, с. 472)¹.

¹ Примеры из текстов Ф. М. Достоевского с указанием страниц приводятся по: [Достоевский 1972–1990].

На неразличении значений может быть построена языковая игра, что фиксируется в отдельной зоне комментария словарной статьи (ИГРВ). Например, в статье **Слезливый, Чёрт** или **Почва**: [Сережа] *Иногда, особенно при чьих-нибудь посещениях, подозвав к себе своего внука, маленького Илюшу, и пятнадцатилетнюю Сашеньку, внучку свою, генеральша сажала их подле себя, долго-долго смотрела на них грустным, страдальческим взглядом, как на детей, погибших у **такого отца**², глубоко и тяжело вздыхала и наконец заливалась безмолвными таинственными слезами по крайней мере на целый час. Горе полковнику, если он не умел понять этих слез! А он, бедный, почти никогда не умел их понять и почти всегда, по наивности своей, подвертывался, как нарочно, в такие слезливые минуты и волей-неволей попадал на экзамен (Село Степанчиково и его обитатели, с. 10); [Чёрт И. Карамазову] *Атомы-то и в древнем мире были. А вот как узнали у нас, что вы там открыли у себя «химическую молекулу», да «протоплазму», да чёрт знает что еще — так у нас и поджали хвосты (Братья Карамазовы. Кн. 11, с. 78); Но отказавшись от того, что было бесплодного и губительного в явлениях нашей прежней жизни, мы [русское образованное сословие] унеслись на воздух и отказались чуть ли не от самой почвы. Без почвы ничего не вырастет и никакого плода не будет. А для всякого плода нужна **своя почва, свой климат, свое воспитание. Без крепкой почвы под ногами и движение вперед невозможно: еще, пожалуй, поедешь назад или свалишься с облаков** (Публицистика. Т. 19, с. 148).**

В дальнейшей работе над «Идиоглоссарием» оттенки значения описываемого слова стали фиксироваться, тем не менее трудностей при формулировке дефиниций осталось достаточно много. Вполне закономерно то, что дефиниции, представленные в «Идиоглоссарии», часто расходятся с теми, которые предлагаются в толковых словарях русского литературного языка. Во-первых, мы исходим из употребления слова исключительно в текстах Достоевского. Во-вторых, сознательно избегаем использования в дефиниции однокоренных с описываемой идиоглоссой слов, что иногда бывает довольно сложно сделать. Приведем пример такого рода расхождения дефиниций для слова **Умиление**, иллюстрирующий как действие субъективного фактора при составлении словарей, так и интерпретационный характер собственно «Идиоглоссария»: «Нежное, теплое чувство; возвышенное и смиренное состояние человеческого сердца, радостная печаль» [СЯД]; «Нежное, приятное чувство, возбуждаемое чем-н. трогательным» [ТСУ]; «Нежное, теплое чувство, возбуждаемое чем-л. трогательным» [МАС]; «Нежное чувство, возбуждаемое чем-н. трогательным» [СО].

У Достоевского *умиление* — часто религиозное чувство, что ярче всего просматривается в контекстах романа «Братья Карамазовы» и в публицистических текстах:

[Из бесед старца Зосимы] *Верь до конца, хотя бы даже и случилось так, что все бы на земле совратились, а ты лишь единый верен остался: принеси*

² Здесь и далее в примерах из текстов Ф. М. Достоевского авторский курсив выделяется жирным шрифтом.

и тогда жертву и восхвали бога ты, единый оставшийся. А если вас таких двое сойдутся, то вот ужин и весь мир, мир живой любви, обнимите друг друга в умилении и восхвалите господя: ибо хотя и в вас двоих, но восполнилась правда его (Братья Карамазовы. Кн. 6, с. 291); *Юстиция, народное образование (о которых автор сетует, что они обходятся государству в такую же сумму, как и монахи), конечно, важные вещи; но и умиление сердечное, религиозное чувство тоже очень важны, если еще сохраняются в обществе, и наверно стоят и юстиции и народного образования. Горе обществу, не имеющему религиозного умиления. Нашим рационалистам, разумеется, жаль, что это умиление тратится, по-видимому, так нерационально. Лучше бы народ прямо давал на школы и на богадельни, без посредников, не так ли? Лучше бы продать это благовонное миро и раздать бедным, не так ли, — вспомните эту евангельскую историю* (Публицистика. Т. 21, с. 138). Данный факт косвенно отражен в предлагаемой в словарной статье «Идиоглоссария» дефиниции (см. [СЯД (рукопис.)]).

Приведем аналогичный пример — словарную статью **Примирение**. В толковых словарях русского литературного языка практически не встречается полноценное толкование этого слова, оно описывается либо посредством отсылчных статей к соответствующим глаголам (ТСУ, МАС), либо вовсе не семантизируется, дается без толкования, указывается только число употреблений — 13 (СЯП): «Действие по гл. *примирить-примирять* и *примириться-примиряться* || Мир, согласие после устранения причин ссоры, вражды» [ТСУ]; «1. Действие по знач. глаг. *примирять, примирить* и по 1–3-му знач. глаг. *примиряться, примириться*. || Мир, согласие после ссоры, вражды. 2. Состояние по 2-му знач. глаг. *примиряться, примириться*» [МАС]. В «Идиоглоссарии» для идиоглоссы *примирение* предлагаются три лексико-семантических варианта: «1. Преодоление противоречий, достижение согласия, взаимопонимания, единения, гармонии. 2. Терпимое, снисходительное отношение к каким-л. отрицательным явлениям. 3. Прекращение вражды, возобновление добрых семейных или дружеских отношений» [СЯД 2021].

Семасиологическое рассмотрение слова, тем более такое подробное и многоступенчатое, как в СЯД, где, помимо тщательно разработанного корпуса словарной статьи, в полном объеме фиксируются паратаксис и гипотаксис описываемой идиоглоссы, а также ее текстовые ассоциативные связи, неизбежным образом приводит к накоплению материала и наблюдений ономасиологического характера. Идея создания тезауруса Достоевского появилась в самом начале работы над «Идиоглоссарием», были разработаны общие принципы его конструирования. В ходе работы, по мере накопления лексикографических данных, стало появляться и больше возможностей для того, чтобы связать «расходящиеся тропки» смыслового лабиринта этого тезауруса, найти точки, узлы их пересечения. Приведем некоторые примеры.

В словарной статье **Почва**, в зоне текстовых ассоциаций комментария отмечены следующие ассоциативные связи данной идиоглоссы: *атеист, Бог, дерево,*

деятельность, духовное **примирение**, **европейничанье**, **европейская цивилизация**, жажда духовная, западничество, земля, идея, космополитизм, **народность**, **народные** начала, **народный** дух, наука, **национальность**, незыблемое, нигилизм, нужды **народные**, образование, общечеловек, плод, почвенники, **Пушкин**, развитие, родная земля, **Россия**, **русский**, Русь, славянофилы, степь, твердое. И, соответственно, в словарной статье **Примирение**: братство, братская любовь, взгляд, виноватый, вражда, враждебный, всепрощение, гордость, движения, дочь, драться, дуэль, евангельский Христов закон, **Европа**, **европейские нации**, любовь, мать, милосердие, **народ**, нетерпимость, общая гармония, общечеловеческий, **общечеловечность**, объяснить, объятия, оскорбления, оскорбленный, поверить, пожать руку, понять, **почва**, преодолеть себя, просить прощения, простительный, противоположный, **Пушкин**, раздельность, раздор, разрыв, рознь, **русские**, связь, семейная гордость, сестра, синтез, слезы, согласие, соединиться, сопернический, сострадание, спорить, ссоры, считать себя виноватым, терпение, тяжбы, улыбка, униженный, утешение, целовать руки, чувство симпатии. Отметим, что кроме прямых пересечений ассоциатов *почва* ↔ *примирение*, их объединяют также такие общие ассоциации, как *европейский*, *русский*, *Пушкин*, *народ*, *народный* и др. Кроме того, на пересечение данных ассоциатов (и идиоглосс) указывают следующие контексты, зафиксированные в словарных статьях **Почва** и **Примирение**: *Наша новая Русь поняла, что один только есть цемент, одна связь, одна почва, на которой всё сойдется и примирится, — это всеобщее духовное примирение, начало которому лежит в образовании* (Публицистика. Т. 18, с. 50); [Оратор] *Вы [Щедродаров] нападаете еще на нас за почву, за народное начало, за соединение и примирение; но об этом мы с вами говорить не будем, потому что считаем это дело серьезным. Мы об этом поговорим с другими* (Публицистика. Т. 20, с. 58).

В «Русском ассоциативном словаре» (см. [РАС]) такого пересечения слов-реакций на слово-стимул *почва* (*примирение* как слово-стимул в этом словаре отсутствует) не отмечено, появляется только единичная реакция *ссора*, отражающая антонимические отношения со словом-стимулом. Такая реакция, однако, скорее всего возникла под влиянием устойчивого сочетания *ссора на почве чего-л.* Интернет-источники, фиксирующие ассоциативные связи слова *примирение*, слова-реакции, соотносимые с *почвой*, тоже не выделяют.

Приведем еще один пример, связанный с лексикографическими данными, отраженными в словарной статье **Флигель** [СЯД (рукопис.)].

Флигель — ‘боковая жилая пристройка, крыло здания или отдельно стоящее небольшое сооружение, входящее в комплекс зданий’.

Слово с невысокой частотой употребления (68 — в текстах художественной прозы и 2 — в письмах), но тем не менее, на наш взгляд, принципиально важное для Достоевского. Работа над этой словарной статьей вызвала ассоциации (ассоциация буквально означает ‘соединение, связь’) со статьей **Приживальщик** в пятом томе «Идиоглоссария» [СЯД 2021].

Приживальщик — ‘человек, живущий из милости в чужом богатом доме, не имеющий определенных обязанностей и развлекающий хозяев; тот, кто живет за чужой счет, угодничая перед своим покровителем’.

Здесь частота употребления еще ниже — 29 употреблений (25 в произведениях художественной прозы и 4 — в публицистике). Флигель, таким образом, — то, что *при* доме, часть дома, но не сам дом; то же и приживальщик — он *при* хозяевах. И флигель, и приживальщик — часть какого-то целого, но существующая отдельно от целого. Таким образом, данные идиоглоссы объединяет компонент значения ‘быть частью целого без возможности этому целому принадлежать’. В невозможности стать кем-то или чем-то часто заключается причина ревности, ненависти, зла. В «Братьях Карамазовых» словом *приживальщик* характеризуется чёрт. Ф. П. Карамазов — *почти* член «семьи», высшего слоя общества (так же, как и Фома Опискин в повести «Село Степанчиково и его обитатели»), сатана, чёрт — *почти* Бог. И флигель... Флигель у Достоевского — место если не inferнальное, то в любом случае по ту сторону, в стороне, *при*. Это *почти* дом, но не дом. Во флигеле кончает жизнь самоубийством Кириллов (*чтобы стать богом, надо убить Бога; но став богом, надо убить себя*). Смердяков — *почти* сын, но не сын (его с припадком положили именно во флигеле), как и Аркадий Долгорукий — *почти* сын Версилова, незаконнорождённый, — бастард, младший брат в королевской семье, который никогда не сможет стать королем. Смердяков, к тому же, — повар, работает на кухне (адской?), разделяет мясо... И Ф. П. Карамазов, как мы помним, очень сильно интересуется устройством ада. Как и сам Ф. М. Достоевский (обоих, кстати, зовут *Федор*), увлекавшийся трактатом Эммануила Сведенборга «О небесах, о мире духов и об аде». Вот так пересеклись «смысловые тропки» идиоглосс *флигель*, *приживальщик*, *почти*, а вместе с ними — *чёрт*, *ад*, *убийство* и др.

Сознательно ли Достоевский использовал слово *флигель* в обозначенном выше значении? Точно мы знать не можем, но это, по большому счету, в данном случае не так уж важно. Важно, что получилось в итоге, — то, как слово воспринимается в семантическом пространстве текстов писателя, наряду с другими идиоглоссами, связанными со смыслом ‘при-граничное состояние’.

Что нам дает ономаσιологический подход при анализе лексикографических данных «Идиоглоссария»? Например, путь от таких ключевых для тезауруса Достоевского смыслов, как ‘смех’, ‘страх’, ‘неопределенность’, ‘время, укорачивание времени вплоть до его исчезновения, смерть’ (Минотавр в конце лабиринта — это исчезновение времени, Апокалипсис, остановившиеся часы в комнате Кириллова: *Времени больше не будет*), ‘граница, пограничное состояние’ и других? В первую очередь — возможность объединить расположенные в алфавитном порядке идиоглоссы в смысловые группы, отражающие картину мира писателя. Так, идея (именно идея) границы, пространственной и временной, а также разделенного пространства вербализуется посредством идиоглосс *почти*, *слишком*, *улица*, *тропуар*, *флигель*, *угол*, *ширма*, *тень*, *удинение (отъединение)*, *удиненный*, *чердак*,

сумерки и др. Напомним, что в данной статье мы используем только материал пятого и шестого томов «Идиоглоссария».

Подобные наблюдения могут фиксироваться, в частности, в зоне комментария «символическое употребление» (СМВЛ) или в примечаниях соответствующих словарных статей, как, например, для идиоглоссы **Тротуар**: «(1) Идиоглосса *тротуар*, входя в одну тематическую группу со словами *улица, мостовая, канава, набережная* и т. п., служит Достоевскому для создания колорита Петербурга, тесно связанного с идейным содержанием произведений писателя, прежде всего романа “Преступление и наказание” (19 употреблений в произведениях художественной прозы из 91). (2) *Тротуар* — это место в городе, позволяющее избежать опасности попасть под проезжающую карету или коляску (Дневник писателя. Т. 21, с. 106). (3) Раскольников входит (спускается) в распивочную, где встречает Мармеладова и слушает его монолог, столь сильно повлиявший на принятие окончательного решения убить старуху-процентщицу, именно с *тротуара*, из этого безопасного места (Преступление и наказание, с. 10). Кроме того, *тротуар* для Раскольникова — место, где можно спрятаться, затеряться среди прохожих (Преступление и наказание, с. 85). На *тротуаре* Свидригайлов, увидев лежащего пьяного, решает, где, в каком месте покончит с собой. (4) *Тротуар* можно также рассматривать как границу между двумя пространствами: *Его [Раскольникова] почему-то занимало пенье и весь этот стук и гам, там, внизу... Оттуда слышно было, как среди хохота и взвизгов, под тоненькую фистулу разудалого напева и под гитару, кто-то отчаянно же отплясывал, выбивая такт каблуками. Он пристально, мрачно и задумчиво слушал, нагнувшись у входа и любопытно заглядывал с тротуара в сени* (Преступление и наказание, с. 122), — а два *тротуара* по обеим сторонам дороги — как границу, оформляющую пространство проезжей части улицы и разделяющую персонажей: *Когда наконец они повернули с двух разных тротуаров в Гороховую и стали подходить к дому Рогожина, у князя стали опять подсекаются ноги, так что почти трудно было уж и идти. <...> Князь подошел к дому с противоположного тротуара; Рогожин же с своего тротуара ступил на крыльцо и махал ему рукой. Князь перешел к нему на крыльцо* (Идиот, с. 501). (5) В текстах Достоевского *тротуар* может также ассоциироваться с толпой, большим скоплением людей: [Ипполит] *Мне иногда становилось легче на целые недели, и я мог выходить на улицу; но улица стала наконец производить во мне такое озлобление, что я по целым дням нарочно сидел взаперти, хотя и мог выходить, как и все. Я не мог выносить этого шныряющего, суемящегося, вечно озабоченного, угрюмого и встревоженного народа, который сновал около меня по тротуарам. К чему их вечная печаль, вечная их тревога и суета; вечная угрюмая злость их (потому что они злы, злы, злы)?* (Идиот, с. 326). Одновременно *тротуар* — место, где происходит общение людей друг с другом (Белые ночи, с. 115; Преступление и наказание, с. 187)» [СЯД (рукопис.)].

Приведем еще один пример такого рода примечаний — в словарной статье **Ширма**: «(1) Обращает на себя внимание частотное употребление идиоглоссы *ширма* в “Господине Прохарчине”, где она становится символом ‘отъединения,

отгораживания персонажа от жизни. За ширмами герой и умирает: *Семен Иванович [Прохарчин] пролежал дня два или три, плотно обставленный ширмами и отделенный таким образом от всего божьего света и всех напрасных его тревожений. Как следует, на завтра же все о нем позабыли; время летело меж тем своим чередом, часы сменялись часами, день другим. Полусон, полубред налегли на отяжелевшую, горячую голову больного; но он лежал смирно, не стонал и не жаловался; напротив, притих, молчал и крепился, приплюснув себя к постели своей, словно как заяц припадает от страха к земле, заслышав охоту. <...> Целые часы проходили таким образом, дремотные, ленивые, сонливые, скучные, словно вода, стекавшая звучно и мерно в кухне с залавка в лохань (Господин Прохарчин, с. 249) <...> (2) При описании внутреннего состояния и событий в жизни некоторых героев ширма имеет символическое значение 'предмет, за которым что-либо скрывается' и употребляется, когда речь идет о чем-либо или ком-либо в тайне желанном: за ширмой прячется Голядкин в доме Олсуфия Ивановича, через щелочку в ширмах Парадоксалист подглядывает за Лизой, из-за ширм выходит к Ставрогину Матрёша, Д. Кармазов подозревает, что за ширмами в комнате отца спит Грушенька <...> (3) В "Кроткой", помимо отгораживания, ширма связана с разводом (расторжением брака), с разъединением: [Закладчик] *Но ненависть моя никогда не могла созреть и укрепиться в душе моей. Да и сам я чувствовал, что как будто это только игра. Да и тогда, хоть и разорвал я брак, купив кровать и ширмы, но никогда, никогда не мог я видеть в ней [в Кроткой] преступницу. И не потому, что судил о преступлении ее легкомысленно, а потому, что имел смысл совершенно простить ее, с самого первого дня, еще прежде даже, чем купил кровать (Кроткая, с. 25)*» [СЯД (рукопис.)].*

С этой же идеей — идеей исчезновения границ, только временных, с укорачиванием временного отрезка, вплоть до полного исчезновения времени, связано функционирование идиоглосс *припадок, сон, смерть, тотчас, часы* и др. Само слово *время* у Достоевского менее интересно, чем другие языковые репрезентанты данного понятия. Помимо названных выше — *минута, секунда, час, миг, мгновение* и др. «А постоянно чураться какого-то слова, прибегая к неуклюжим метафорам и нарочитым перифразам, — это и есть, вероятно, самый разительный способ его подчеркнуть» (Х.-Л. Борхес, Сад расходящихся тропок).

Лабиринт — игра, головоломка (а этимологически — 'топор, секира'). Он сродни бездне (еще одна идиоглосса Достоевского): человек одновременно и стремится туда, и боится попасть. Путешествие по любому лабиринту, в том числе и по смысловому, полно контрастов. Надо сказать, что таких контрастов, парадоксов, противоположностей, неопределенностей, хаоса и т. д., очень много в текстах Достоевского. Этим, склонностью соединять несоединимое, и интересна языковая личность писателя. А еще — стремлением к созданию «возможных миров». Часто используемые писателем оксюморон, зевгма, нарушение стандартной сочетаемости слова или стандартной формы фразеологизма и т. д. — не что иное, как языковая материализация таких контрастов. Хаотизация, необходимая для создания самоорганизующейся системы, каковой является человек.

Литература

Гак В. Г. Об относительности лексикологических категорий в лексикографии // Проблемы учебной лексикографии и обучения лексике. М.: Русский язык, 1978. С. 13–24.

Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений. Л.: Наука, 1972–1990.

МАС — Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд. М., 1981–1984.

РАС — Караулов Ю. Н., Тарасов Е. Ф., Уфимцева Н. В. и др. Русский ассоциативный словарь: в 2 т. М.: ООО «Изд-во Астрель»: ООО «Изд-во АСТ», 2002.

СО — Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Изд-во «Азъ», 1992. 960 с.

СЯД 2001–2003 — Словарь языка Достоевского. Лексический строй идиолекта. Вып. 1–3 / гл. ред. чл.-корр. РАН Ю. Н. Караулов. М.: Азбуковник, 2001–2003.

СЯД 2008 — Словарь языка Достоевского. Идиоглоссарий. А–В / гл. ред. Ю. Н. Караулов. М.: Азбуковник, 2008. 962 с.

СЯД 2010 — Словарь языка Достоевского. Идиоглоссарий. Г–З / гл. ред. Ю. Н. Караулов. М.: Азбуковник, 2010. 1049 с.

СЯД 2012 — Словарь языка Достоевского. Идиоглоссарий. И–М / гл. ред. Ю. Н. Караулов. М.: Азбуковник, 2012. 847 с.

СЯД 2017 — Словарь языка Достоевского. Идиоглоссарий. Н–По / гл. ред. Ю. Н. Караулов; науч. ред. И. В. Ружицкий. М.: Азбуковник, 2017. 830 с.

СЯД 2021 — Словарь языка Достоевского. Идиоглоссарий. По–С / гл. ред. Ю. Н. Караулов; науч. ред. И. В. Ружицкий. М.: Азбуковник, 2021. 1208 с.

СЯД (рукопис.) — Словарь языка Достоевского. Идиоглоссарий. Т–Я / гл. ред. Ю. Н. Караулов; науч. ред. И. В. Ружицкий (в рукописи).

СЯП — Словарь языка Пушкина: в 4 т. / гл. ред. акад. В. В. Виноградов. М.: ГИС, 1956–1961.

ТСУ — Толковый словарь русского языка / под ред. проф. Д. Н. Ушакова. Тт. 1–4. М.: Гос. ин-т «Советская энциклопедия», 1935–1940.

Шведова Н. Ю. Парадоксы словарной статьи // Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном словаре: Сб. ст. / отв. ред. Ю. Н. Караулов. М.: Наука, 1988. С. 6–11.

M. M. Korobova

*Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)
mmkor1955@yandex.ru*

E. V. Potemkina

*M. V. Lomonosov Moscow State University
(Russia, Moscow)
kpisareva@yandex.ru*

I. V. Ruzhitsky

*Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)
konntie@mail.ru*

S. N. Shepeleva

*Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)
svetnikmsk@yandex.ru*

IN THE LABYRINTHS OF SENSE: IMMERSION IN DOSTOEVSKY'S WORD (BASED ON THE MATERIAL OF THE FIFTH AND SIXTH VOLUMES OF "IDIOGLOSSARY")

The article uses the materials of the fifth volume of "Dostoevsky's Idioglossary" published in 2021, as well as the sixth volume being prepared for publication, to illustrate the thesis about the recent strengthening of the subjective factor in the construction of dictionaries. Using the examples of lexicographic data given in various parts of dictionary entry commentary and notes — indistinguishability of meanings, symbolic and wordplay of an idioglossa, its textual associative links, the possibilities of an onomasiological approach to describing the meaning of a word are shown, which allows to combine lexical units into semantic groups, which, in turn, are included in semantic fields significant for Dostoevsky's thesaurus — 'laughter', 'fear', 'uncertainty', 'time, shortening of time until its disappearance, death', etc. The article also analyzes the peculiarities of the functioning of the idioglossas *strashnyi*, *umilenie*, *slezlivyi*, *chyort*, *primirenie*, *pochva* (*terrible, tenderness, tearful, devil, reconciliation, soil*) in the texts of the writer, as well as groups of idioglossas with a common component meaning 'border state' — *fligel'*, *prizhival'shnik*, *trotuar*, *shirma* (*wing, hooker, sidewalk, folding screen*). The points of intersection of these and other idioglossas are indicated in the semantic space of Dostoevsky's texts, the writer for whom it is fundamentally important to connect the unconnected, hence the frequent use of such linguistic means as oxymoron, zeugma, violation of the standard compatibility of a word or a standard form of phraseological unit, etc., which serves as one of the ways of linguistic materialization of contrast necessary to create a self-organizing system which for Dostoevsky is a human being.

Key words: Dostoevsky, idioglossa, idioglossary, thesaurus, textual associative links.

References

Dostoevsky F. M. *Polnoe sobranie sochinenii* [The complete collection of works]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990.

Gak V. G. [On the relativity of lexicological categories in lexicography]. *Problemy uchebnoi leksikografii i obucheniya leksike*. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 1978, pp. 13–24. (In Russ.)

Karaulov Yu. N., Tarasov E. F., Ufimtseva N. V. et al. *Russkii assotsiativnyi slovar': v 2 t.* [Russian associative dictionary: In 2 Vols.]. Moscow, Astrel Publ., AST Publ., 2002.

Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow, Az'' Publ., 1992. 960 p.

Shvedova N. Yu. [Paradoxes of a dictionary entry]. *Natsionalnaya spetsifika yazyka i ee otrazheniye v normativnom slovare: Collection of articles* [National specificity of language and its reflection in a normative dictionary]. Yu. N. Karaulov (ed.). Moscow, Nauka Publ., 1988, pp. 6–11. (in Russ.)

Slovar' russkogo yazyka: v 4 t. [Russian language dictionary: In 4 Vols.]. A. P. Evgenieva (ed.), 2nd ed, Moscow, 1981–1984.

Slovar' yazyka Dostoevskogo. Leksicheskii stroi idiolekta. Vyp. 1–3 [Dictionary of Dostoevsky's language. The lexical structure of the idiolect. Issues 1–3]. Yu. N. Karaulov (ed.). Moscow, Azbukovnik Publ., 2001–2003.

Slovar' yazyka Dostoevskogo: Idioglossarii (A–V) [Dictionary of Dostoevsky's language: Idioglossary (A–B)]. Yu. N. Karaulov (ed.). Moscow, Azbukovnik Publ., 2008. 962 p.

Slovar' yazyka Dostoevskogo: Idioglossarii (G–Z) [Dictionary of Dostoevsky's language: Idioglossary (Г–З)]. Yu. N. Karaulov (ed.). Moscow, Azbukovnik Publ., 2010. 1049 p.

Slovar' yazyka Dostoevskogo: Idioglossarii (I–M) [Dictionary of Dostoevsky's language: Idioglossary (И–М)]. Yu. N. Karaulov (ed.). Moscow, Azbukovnik Publ., 2012. 847 p.

Slovar' yazyka Dostoevskogo: Idioglossarii (N–Po) [Dictionary of Dostoevsky's language: Idioglossary (Н–По)]. Yu. N. Karaulov (ed.), I. V. Ruzhitsky (scientific ed.). Moscow, Azbukovnik Publ., 2017. 830 p.

Slovar' yazyka Dostoevskogo: Idioglossarii (Po–S) [Dictionary of Dostoevsky's language: Idioglossary (По–С)]. Yu. N. Karaulov (ed.), I. V. Ruzhitsky (scientific ed.). Moscow, Azbukovnik Publ., 2021. 1208 p.

Slovar' yazyka Dostoevskogo: Idioglossarii (T–Ya) [Dictionary of Dostoevsky's language: Idioglossary (Т–Я)]. Yu. N. Karaulov (ed.), I. V. Ruzhitsky (scientific ed.). Moscow, Azbukovnik Publ. (in manuscript).

Slovar' yazyka Pushkina: v 4 t. [Dictionary of Pushkin's language: In 4 Vols.]. acad. V. V. Vinogradov (ed.). Moscow, GIS Publ., 1956–1961.

Tolkovyi slovar' russkogo yazyka [Explanatory dictionary of the Russian language]. D. N. Ushakov (ed.). 1–4 Vols. Moscow, Sovetskaya Entsiklopediya Publ., 1935–1940.

А. В. Гук

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

(Россия, Москва)

annagik@yandex.ru

ПРИЛОЖЕНИЯ К КОНКОРДАНСУ М. КУЗМИНА

В статье описываются приложения к «Конкордансу к стихам М. Кузмина» в 4-х томах (2005–2015 гг.). Дается подробный анализ принципов и методики подготовки Частотного словаря, Метрического справочника, Словаря рифм и других приложений. Частотные словари стихотворений нужны для анализа частоты употребления лексем. Такие словари помогают исследователям понять основные темы, мотивы и образы, используемые поэтом, а также оценить структуру и стиль его произведения. У Кузмина самыми частотными словами являются традиционные для романтической любовной лирики лексемы: *любовь, ветер, звезда, рука, сердце, дом, сон, цветок*. Особенности стиля поэта проявляются в низкочастотной лексике, где можно встретить слова разных стилистических регистров и разнообразных тематических образований: *премудрый, Пятидесятница* (религ.), *реклама, придурковато* (прост.), *спозаранку* (разг.) и др. Это делает язык поэта легко узнаваемым и показывает его богатство. Метрический справочник позволяет выделить самые востребованные стихотворные формы: как традиционные (ямб, хорей и др.), так и пионерские (свободный стих «Александрийских песен»). У Кузмина много переходных форм (от тактовика до акцентного стиха). Встречаются случаи, когда в одном стихотворении используются разные метры. Словарь рифм показывает богатство звуковой организации текстов Кузмина, использование поэтом и традиционных рифменных пар, и новых (*люблю ли я, / Юлия*). Приложения рассматриваются как источник дополнительной информации для всестороннего описания индивидуального стиля автора, как материал для сопоставления творчества одного автора с поэтическим языком направления, ближайшего окружения и противоречивой эпохи начала XX века.

Ключевые слова: авторская лексикография, конкорданс, метрический справочник, словарь рифм, частотный словарь, М. Кузмин.

В современной филологии конкорданс как жанр авторской лексикографии служит надежной базой филологического анализа текста. Словарное описание «перформатирует» текст, настраивает и расширяет фокус внимания ученого, помогает

найти системные или специфические свойства идиостиля [Шестакова 2022]. Именно такой материал позволяет исследовать поэтический текст как объективную данность, по возможности, «очищенную» от рецепции читателем того или иного произведения.

Среди основных функций конкорданса как лексикографической формы выделяется статистически-регистрирующая функция — речь идет о частотных показателях лексем и словоформ, а также о списке контекстов их употребления; эвристическая функция проявляется в процессе поиска взаимосвязи между различными уровнями поэтического текста (фонетическим, лексическим, грамматическим), а также выявления и описания особенностей словоупотребления той или иной эпохи. Иногда появление в словнике единицы навязывается, как мы считаем, звуковой инструментальной текстурой, которая часто является основой стихотворения. Так, просторечное слово *придурковато* встречается у Кузмина в строке, в которой звуковая организация выходит на передний план. Повторяются начальные звуки рядом стоящих слов — пр-/пр- и сочетаются внутренние слоги — ко-/ко-: *Сидит за прялкою придурковато дочь / И не идет она поить псаломских ланей.* (1925). Кузмин преднамеренно сталкивает единицы разных сфер употребления и разной стилистической окраски: *псаломский* и прост. *придурковато*.

Наше издание предназначено для исследователей языка М. Кузмина, специалистов по Серебряному веку, лингвистов и литературоведов.

В настоящее время опубликовано четыре тома «Конкорданса к стихам М. Кузмина»: Том I (А–Й), Том II (К–Ощущение), Том III (П–Фьорд), Том IV (Ха–Ящик) (общий объем томов — около 200 а. л.) [Конкорданс 2005–2015].

В последний том вошли не только словарные статьи, но и обширные приложения, имеющие самостоятельную ценность.

М. Л. Гаспаров в предисловии к первому тому Конкорданса, определяя направления исследования на базе издания, выделил исключительную значимость нескольких приложений: «Конкорданс — это расширенный словарь языка писателя. <...> Материал этого (как и всякого) конкорданса может разрабатываться в самых разнообразных направлениях. Но два из них напрашиваются в первую очередь. Прежде всего, это составление частотного тезауруса образов и мотивов, который даст объективную картину того, что принято называть художественным миром писателя. Ради этого к изданию прилагается частотный словарь наиболее употребительной лексики Кузмина. И затем, это исследование соотношения этих слов со стихотворной формой поэзии Кузмина. Ради этого к изданию прилагается метрический справочник к стихам Кузмина и словарь рифм Кузмина. Это тоже пособия, без которых невозможно никакое изучение поэзии» [Конкорданс 2005: 5].

В нашем издании содержатся следующие дополнительные материалы, которые служат стереоскопическому описанию поэтики М. Кузмина: Приложение 1. Стихотворения М. Кузмина; Приложение 2. Частотный словарь стихотворений М. Кузмина; Приложение 3. Метрический справочник (М. Л. Гаспаров); Приложение 4. Словарь рифм (совместно с М. Л. Гаспаровым); Приложение 5. Указатели:

а) произведений М. Кузмина, опубликованных в Конкордансе, б) к стихотворениям, опубликованным в серии «Библиотека поэта»; Приложение 6. Иноязычные вкрапления в текст.

Представим содержание приложений.

Приложение 1. Стихотворения М. Кузмина

В этом приложении опубликованы стихотворения М. Кузмина, не вошедшие в сборник «Новой библиотеки поэта» 1996 г. и в переиздание сборника в 2000 г. (в выходных данных указан 1999 г.) [Кузмин 1996; 1999].

Н. А. Богомолов еще в 1992 г. подготовил для «Библиотеки поэта» сборник стихов М. Кузмина, куда не смог включить довольно много известных составителю произведений. При его выпуске в 1996 г. в серии «Новая библиотека поэта» объем издания остался неизменным, равно как и при переиздании в 2000 г. На сегодняшний день не вошедшие в сборник стихотворения опубликованы в отдельной книге [Кузмин 2006]. Нами, по согласованию с Н. А. Богомоловым, было решено поместить данные стихи в Приложение к четвертому тому Конкорданса. Это облегчало работу с основными материалами Конкорданса, так как при его составлении были разработаны специальные шифры для каждой книги и каждого стихотворения под литерой: К+.

Таким образом, в Приложении 1 предлагаются вниманию читателей все известные нам опубликованные как при жизни, так и после смерти стихотворения Кузмина, в основном не вошедшие в предыдущие издания серии «Библиотеки поэта», а также некоторое количество впервые вводимых в научный оборот: дополнения к корпусу «Александрийских песен», песни из цикла «Города». Два крупных произведения — «Куранты любви» и «Лесок» — включены по следующим основаниям: в первой полной публикации «Куранты любви» именовались «поэмой», что дает основание считать их произведением в равной степени литературным и музыкальным; к тому же единственная в то время современная публикация (Кузмин М. Театр: В четырех томах (в двух книгах). Тома I–III / Составление А. Тимофеева; под ред. В. Маркова и Ж. Шерона. Berkeley Slavic Specialties, 1994) содержала много существенных опечаток (начиная с первой строки текста); «Лесок» же с первой прижизненной публикации никогда не перепечатывался, к тому же одно стихотворение из этого сочинения было опубликовано отдельно именно как самостоятельное стихотворение, а не фрагмент.

Приложение 2. Частотный словарь поэзии М. Кузмина

В частотный словарь вошли словоформы, встречающиеся в стихотворениях М. Кузмина. Общее количество словоупотреблений — 89 665, количество разных словоформ — 24 745. В данном приложении конкорданса омонимия не снималась. Словарь готовился с опорой на программное обеспечение UNILEX-T (программа обработки текста была написана Ж. Г. Аношкиной). С помощью этой программы составлялся лемматизированный конкорданс. Частотный словарь генерировался отдельно.

Идея представить статистику по всем словоформам является разумной для воссоздания не только лексической, но и грамматической картины поэзии М. Кузмина. Как промежуточный результат была получена информация о предпочтениях различных грамматических классов слов в поэтическом языке. Выяснилось, что поэтика Кузмина близка к именной (по терминологии Ю. С. Степанова [Степанов 1995: 9–87]). Словоформ имен существительных около 19885, а разных лексем — 4624; словоформ глаголов — 9518, лексем — 2409. Значит, поэтический мир Кузмина состоит в основном из сущностей — имен существительных, которых примерно в два раза больше, чем обозначений действия.

В частотном словаре кроме союзов, предлогов, частиц и местоимений (*и* 3648; *в* 2180; *не* 2076; *я* 1550; *на* 972, <...> *ли* 290), которые имеют самые высокие показатели, именно словоформы имен существительных открывают мир значимых единиц. Первая глагольная форма встречается почти в два раза реже: *сердце* 277; *любовь* 198; *любви* 194; *был* 150; *день* 133; *солнце* 127; *быть* 117; *глаза* 111; *может* 97; *друг* 96; *знаю* 96; *путь* 95; *глаз* 91; *милый* 87; *вижу* 86; *час* 84; *было* 76; *взор* 74; *руки* 74; *свет* 72; *дом* 67; *сон* 67; *небо* 65; *ветер* 61; *душа* 61; *кровь* 59; *голос* 58; *звезда* 58; *жизни* 57; *ночь* 57; *дни* 55; *лицо* 55; *люблю* 55.

В дальнейшем в процессе работы с поэтическими текстами автора мы пришли к выводу, что необходимо создать не только частотный словарь, который представляет словоформы по рангу частоты встречаемости в тексте, но и алфавитный список лексем с указанием частоты, так как всякий раз обращаться к конкордансу, в котором отражена частотность и лексем, и словоформ, было затруднительно. Основное отличие между частотными словарями лексем и словоформ заключается в том, что первые учитывают частоту употребления слов независимо от их грамматической формы, а вторые учитывают частоту употребления конкретных грамматических форм слов [Частотный словарь 1981; Васильев 2000; Голованевский 2007]. К первому типу словаря мы обращаемся, когда нам нужно узнать, встречается ли слово в языке М. Кузмина в принципе, а ко второму — когда хотим обратиться к грамматике данного слова.

В целом, словник Кузмина соотносится с частотными словами других русских поэтов. Например, в XIX веке «среди 20 наиболее активных полнозначных слов в поэзии писателя [Веневитинова] — *душа, друг, жизнь, сердце, здесь, один, день, небо, любить, рука, грудь, мир* “вселенная и т. д.”, *любовь, милый, радость, волна, художник, взор, новый, восторг/мечта/час/ясный*. Для сравнения: у Карамзина это *сердце, любовь, душа, любить, милый, жить, друг, жизнь, нежный, бог, мир* “вселенная и т. д.”, *слеза, счастье, один, день, небо, мочь, любезный, петь, рука*; Давыдова — *любить, друг, любовь, душа, один, бог, рука, день, милый, мочь, бой, сердце, взор, жизнь, слава, слово, век, радость, слеза, царь*; Вяземского — *день, жизнь, душа, здесь, один, сердце, любовь, ум, небо, там, рука, сон, друг, дать, сказать, стих, земля, слово, мир* “вселенная”, *другой*; Дельвига — *друг, любовь, рука, бог, сердце, любить, душа, песня, жизнь, день, петь, знать, небо, здесь, там, слеза, радость, говорить, сон, певец*; Баратынского — *душа, сердце, один, любовь, друг, милый, любить, рука, жизнь, взор, сон, еще, мечта, счастье, знать, око,*

небо, полный, судьба, свет “мир, вселенная, высшее общество”; Языкова — *день, душа, любовь, друг, мечта, поэт, милый, прекрасный, знать, стих, живой, слава, небо, рука, вино, здесь, любить, жизнь, сердце, сон*; Полежаева — *душа, один, рука, день, друг, небо, мочь, жизнь, видеть, земля, там, сказать, бог, любовь, око, слава, милый, знать, идти, сердце*; Огарева — *жизнь, душа, сердце, день, один, любовь, друг, любить, знать, сон, рука, стать, ночь, еще, жить, идти, сказать, люди* — т. е. и в данном отношении между поэтами разных эпох и “мировоззрений” много общего на уровне высокочастотной лексики, а значит тематизма и мотивов» [Васильев, Жаткин 2017: 71–72].

Для поэтического языка значимыми могут являться не только высокочастотные слова, но и слова с самой низкой частотностью. Слова, встречающиеся всего лишь по одному разу, составляют более 60 % всего словника М. Кузмина. Низкочастотные единицы могут относиться к различным тематическим группам, могут являться вариантами частотных единиц (*воображение 3 / воображенье 8; прикосновение 1 / прикосновење 5; примирение 1 / примиренье 5; селение 1 / селенье 1*), могут входить в словообразовательные гнезда (*вошебник 2, волшебнo 2, волшебный 12, волшебство 6; дружба 9, дружить 1, дружно 2, дружок 5*), а также могут представлять собой словоформы частотной леммы. Например, слово *аванложа* (1) входит в тематическую группу «театр», которая представлена словами, относящимися как к частотным, так и редко встречающимся: *артист 1; акт 1; актер 3; актриса 2; балерина 1; балет 3; балетмейстер 1; балетный 1; опера 1; оркестр 1; оркестрованный 1; спектакль 1; театр 3, театральнойший 1, театральный 6*.

Отдельную группу низкочастотных единиц составляют индивидуально-авторские слова. Большую группу образуют сложные прилагательные: *ало-золотоперый, пристально-прилежный, прозрачно-голубой, прозрачно-дики, прозрачно-изумрудный, прозрачно-серый, расслабленно-живительный, розово-огненный, розо-палевый, румяно-перепончат, светло-болотистый, светло-прекрасный, синевато-серый, сладко-пленительный, сладко-строгий, сладостно-мятежно, сладостно-непоправимый, смугло-нежны*. Встречаются сложные наречия: *сладело-озорно*, традиционные для Серебряного века образования на -ость: *светлость*. Интересны глагольные образования: *квадратить, разбукетиться, свирелить, скорбнить*.

Мы склонны считать, что анализ высокочастотных слов позволяет соотносить произведение автора с литературной и культурной традицией, а низкочастотная лексика, куда попадают и окказиональные образования, может считаться специфической. По крайней мере, на данных частотного словаря М. Кузмина эта схема работает. Какое количество низкочастотных слов будет относиться к ключевым, зависит от учета всех факторов выделения. В любом случае, эта часть словника представит богатый фрагмент картины поэтического языка.

Приложение 3. Метрический справочник (М. Л. Гаспаров)

Данный справочник подготовлен М. Л. Гаспаровым, нами выполнялись технические работы и подсчеты. В предисловии к справочнику М. Л. Гаспаров отмечает, что данное приложение представляет из себя Index metrogum — указатель

стихотворных размеров, строф и прочих форм, обычно прилагаемый к научным изданиям классических поэтов (например, Горация или Катулла). «В русских изданиях такая традиция не сложилась, и метрические справочники составлялись лишь для очень немногих русских поэтов и издавались отдельно. Первым был “Метрический справочник к стихотворениям А. С. Пушкина” Н. В. Лапшиной, И. К. Романовича и Б. И. Ярхо (М.: Academia, 1934), лишь частично были опубликованы материалы “Метрического справочника к стихотворениям М. Ю. Лермонтова” тех же авторов (Вопросы языкознания, 1966, № 2, с. 125–137), затем под заглавием “Русское стихосложение XIX в.: материалы по метрике и строфике русских поэтов” (М.: Наука, 1979) вышли метрические справочники по Жуковскому, Батюшкову, Востокову, Пушкину, Дельвигу, Баратынскому, Кольцову, Тютчеву и Полонскому, и наконец, начало нового расширенного справочника по Пушкину: М. Лотман, С. Шахвердов. Материалы по стихосложению А. С. Пушкина: Алфавитный метрический и строфический индекс стихотворных произведений (М., 1983; продолжения не последовало). Из всех этих публикаций только первая и последняя (обе по Пушкину) содержали главную часть — перечень всех стихотворений поэта с указанием стихотворного размера и строфической формы каждого; остальные давали только обобщенные данные с их интерпретацией» [Конкорданс 2015: 216].

В Приложении 3 приводится перечень всех стихотворений М. Кузмина с указанием стихотворного размера и строфической формы каждого. Справочник представлен в двух видах: в хронологической последовательности (год за годом, а внутри года — от самых простых размеров к самым сложным) и в последовательности размеров (от самых простых к самым сложным, а внутри каждой вариации размера — год за годом). Отсылки к нумерации стихотворений сделаны по той же системе, что и в Конкордансе, но с некоторым упрощением. Справочник позволяет увидеть некоторые особенные черты метрики Кузмина: избегание 4-ст. ямба в начале творческого пути; стойкое избегание 3-сложных метров (дактиля, амфибрахия, анапеста) на всём протяжении творчества; обилие сложных строф, большинство которых употребляется лишь по одному разу; резкий контраст классической силлаботоники и новаторского свободного стиха в раннем творчестве («Александрийские песни») и постепенная разработка промежуточных форм в зрелом творчестве (дольник, тактовик, акцентный стих с прихотливой рифмовкой).

Таблицы индексов включают семь столбцов: 1) номер стихотворения; 2) место стихотворения в сборниках или вне сборников Кузмина; 3) заглавие или первая строка; 4) год написания; 5) количество стихотворных строк; 6) стихотворный размер; 7) рифмовка строфы. Если стихотворение полиметрическое, т. е. состоит из отрывков, написанных разными размерами и строфами, то отрывки каждого из этих размеров учитываются как отдельный текст. Так, стихотворение 652 («Ко мне скорее, Теодор и Конрад...») меняет размер 5 раз: друг за другом следуют отрывки 5-ст. ямба, 3-иктного дольника («Песок, песок, песок... Жаркие глыбы гробницы...»), опять 5-ст. ямба, 4-ст. хорей («Фейдт и Гофман улыбнулись...»), опять

5-ст. ямба, 5-ст. дактиля («Сердце, могу ль...») и опять 5-ст. ямба. В справочнике оно представлено как 4 текста: 652а — Я5 (75 строк), 652б — Дк3 (13 строк), 652в — Х4 (5 строк) и 652г — Д2 (8 строк).

Условные обозначения, принятые в справочнике.

А) Метры: Я — ямб; Х — хорей; Д — дактиль; Ам — амфибрахий; Ан — анапест; э.д. — элегический дистих (чередование гексаметра и пентаметра); Лстр. — логаэды строчные (правильное чередование в строфе строк разных размеров); Лст. — логаэды стопные (правильное чередование в строке стоп разных метров); Дк — дольник (стих с колебаниями междуиктовых интервалов в 2 слога); Т — тактовик (стих с колебанием междуиктовых интервалов в 3 слога); а.с. — акцентный стих (стих с произвольным колебанием междуударных интервалов, рифмованный); св.с. — свободный стих (стих с произвольным колебанием междуударных интервалов, нерифмованный); силл.6 — силлабический 6-сложный стих.

Б) Размеры: Я2, Я3, Я4..., Ам2, Ам3, Ам4... — 2-стопный, 3-стопный, 4-стопный (и т. д.) ямб, амфибрахий и другие метры; Я7ц — 7-стопный ямб цезурный; Я6бц, Х6бц — 6-стопный ямб и хорей бесцезурные; Я4цн — 4-стопный ямб с цезурным наращением («Дороже сына, роднее брата...»); Я8цу — 8-стопный ямб с цезурным усечением («Я — казачик, ты — купец: нам пристала взглядов мена...»); Я4343, Я43244324 — неравностопный ямб с правильно чередующимися 4-, 3- и 2-стопными строками; Я в — вольный ямб (неравностопный ямб с беспорядочно чередующимися строками разной длины).

В) Строфика: а, А, А', б, В, В'... — рифмованные строки (строки, обозначенные одинаковыми буквами, рифмуются); х, Х, Х' — нерифмованные строки; а, х — строки с мужским окончанием; А, Х — строки с женским окончанием; А', Х' — строки с дактилическим окончанием; а, А — строки с тавтологической рифмой (в рифме повторяется одно и то же слово); аВВа= — строфы с однородными окончаниями на стыках: единообразные аВВа, сDDс, еFFе...; аВВа~ — строфы с неоднородными окончаниями на стыках: чередующиеся аВВа, CddC, еFFе...; АВХАВ — строфа, в которой одна из строк остается без рифмы; АВСАВ — строфа, в которой нерифмующая строка находит рифму в следующей: АВСАВ, DECDE...; в.р. — нестрофические стихи с вольной рифмовкой; б.с. — белый стих: нестрофические стихи без рифмовки; знаком + помечены стихотворения, имеющие внутренние рифмы.

Стихотворения, в которых строфы разделены пробелами и не разделены пробелами, в обозначениях не различаются.

Если в стихотворении имеются отклонения от размера или строфы (не более, чем в 5% строк), то обозначение размера или строфы берется в скобки.

М. Л. Гаспаров приходит к некоторым выводам, касающимся метрики Кузмина: «Среди неклассических размеров (долник, тактовик, акцентный и свободный стих) у Кузмина много переходных форм — например, стихотворение, написанное тактовиком, у него может иметь столько отклонений от размера, что стоит на пороге акцентного стиха. <...> В частности, в “Александрйских песнях”, где большинство стихотворений написаны свободным (нерифмованным неравнострочным

акцентным) стихом, некоторые по составу междуударных интервалов могли бы считаться нерифмованными тактовиками и даже дольниками; но оказываясь в контексте бесспорных акцентных ритмов свободного стиха, они тоже воспринимаются как свободный стих. Поэтому все стихотворения “Александрийских песен” определены в индексе как “св.с., б.с.”, за исключением 6 текстов, слишком явно выпадающих из этого корпуса (№ 79, 06, 3, 5, 6, 7: Т4, Дк3, Я3, Я4, Т331 и Дк в; большинство их рифмовано)» [Конкорданс 2015: 217].

МЕТРИЧЕСКИЙ СПРАВОЧНИК (по хронологии)

+001 Розы 895 8 Дз X'X'...

561 НСт «Лодка тихо скользила по влаге...» <1896–7> Дк5 AbAb

301 ГГ2 «По реке вниз по Яику...» 900 1 а.с. X'X'...

+002 «Высоко окно монастырское...» 901 36 (Т3) (X'X'...)

232 03 Хожание Богородицы по мукам 901 ... св.с. б.с.

562 НСт Апулей 902 Дк4 (X 'XX X ')

234 003 О разбойнике 902 ... силл.(6) б.с.

233 003 О старце и льве 902 ... св.с. б.с.

563 НСт «Меня влекут чудесные сказанья...» 903 4 Я5 сонет

564 НСт «Открыто царское письмо нельзя...» 903 4 Я5 сонет

565 НСт «В густом лесу мы дождь пережидали...» 903 4 Я5 сонет

566 НСт «Запел петух, таинственный...» 903 4 Я5 сонет

567 НСт «В романе старом мы с тобой читали...» 903 4 Я5 сонет

568 НСт «Есть зверь норок, живет он в глуби...» 903 4 Я5 сонет

569 НСт «В Кремонe скрипку некогда разбили...» 903 4 Я5 сонет

570 НСт «С прогулки поздней вместе...» 903 4 Я5 сонет

571 НСт «Пусть месяц молодой мне слева...» 903 4 Я5 сонет

572 НСт «Из глубины земли источник бьет...» 903 4 Я5 сонет

573 НСт «От горести не видел я галеры...» 903 4 Я5 сонет

574 НСт «Все так же солнце всходит...» 903 4 Я5 сонет

575 НСт «Моя печаль сверх меры и границ...» 903 4 Я5 сонет

+003 «Высокий холм, от глаз скрывая солнце...» 903 39 Я5 секстина

235 003 Стих о пустыне 903 ... (X43) XX...

236 003 Страшный суд 903 ... (Дк3) X'X'...

4 С1 «На берегу сидел слепой ребенок...» 904 1 Я5 б.с.

580 НСт «Я белым камнем этот день отмечу...» 904 2 Я5 б.с.

582 НСт «Я к магу шел, предчувствием томим...» 904 Я5 б.с.

584 НСт «Казнят? казнят? весь заговор...» 904 1 Я5 б.с.

585 НСт «Как помню я дорогу на рассвете...» 904 8 Я5 б.с.

+004 «Пуще жены, пуще любовницы...» <1904?> 8 (X4) X'X'...

576 НСт Реки 1904 4 Д4 AA=

579 НСт «Тихо в прохладном дому...» 904 6 Д6363 ХхХх

- 583 НСт «Радостным, бодрым и смелым зрю я...» 904 4 э.д. Хх
 578 НСт «В ранний утра час покидал Милет я...» 904 6 Лстр. ХХХХ
 581 НСт «С чем сравню я тебя...» 904 Лстр. хххх
 586 НСт «Солнце, ты слышишь меня?...» 904 6 Лстр. ХхХх
 577 НСт «Пришли ко мне странники...» 904 8 Дк4343 АВАВ
 177 ОО1 «Светлые кудри...» 904 Т5454 аа=

<...>

- 1 С1 «Я изнемог, я так устал...» 906 32 Я4 ааВВсс=
 5 С1 Любви утехы 906 6 Я5 АbAb
 6 С1 «Из поднесенной некогда корзины...» 906 6 Я5 АВАВ
 7 С1 «Зачем луна, поднявшись, розовеет...» 906 Я5 (AbbA)+~
 С1 «Где слог найду...» 906 5 Я5 ААbAb+

Приложение 4. Словарь рифм (совместно с М. Л. Гаспаровым)

Предлагаемый словарь рифм М. Кузмина составлен по алфавиту рифмующих созвучий, как у Шоу, но в упрощенном виде: каждая рифмопара внутри рифмического гнезда повторяется только один раз, на первое рифмующее слово, и грамматические характеристики рифмующих слов не указываются: грамматика рифм Кузмина должна быть предметом особого исследования. При каждой рифмопаре указывается номер стихотворения, в котором она встречается; если одна рифма повторяется в одном и том же стихотворении несколько раз, то номер стихотворения повторяется столько же раз. Учитывались только рифмы концевых слов: в строках «Где слог найду, чтоб описать прогулку, / Шабли во льду, поджаренную булку...» отмечалась только рифма «прогулку — булку», но не «найду — во льду». В каждом гнезде сперва перечисляются тавтологические рифмы, когда слово рифмуется само с собой (например, в стих. № 518 «Мечты пристыжают действительность»: Разбегаются глаза <...> Заберется вам в глаза; они обозначаются: «глаза 518т»); затем пары рифм (их, как всегда, больше всего); затем тройки рифм, четверки рифм и т. д. В каждой из этих серий пары рифм, тройки рифм и т. д. располагаются в последовательности нумерации стихотворений принятого за основу издания 2000 г. и прибавлений к нему; отступления делались только для того, чтобы расположить рядом рифмопары из одинаковых слов («себя — любя» и «любя — себя»).

В русском стиховедении принято различать рифмы точные («Бога — дорога», «милый — унылый», «лед — бьет»), йотированные («Бога — трогай»), приближительные (с несовпадением безударных гласных — графическим: «трогай — дорогой» или фонетическим: «Бога — дорогу») и неточные (с несовпадением согласных, «дорогу — пороку»). Это существенно, потому что употребительность этих рифм в разное время была разной. В частности, Кузмин в поздних стихах употребляет неточные (и, как кажется, приближительные) рифмы заметно чаще, чем в ранних, и в этом он совпадает с общими тенденциями рифмовки своего времени. Мы выносили эти нестандартные рифмы в конец каждого рифмического гнезда, выделяя йотированные рифмы знаком (Й), приближительные — курсивом и неточные

полу жирным шрифтом. Если приходилось выносить эти рифмы в отдельные гнезда, то в заглавии гнезда приблизительных рифм несопадающие гласные обозначались знаками /ъ/, /ь/: «АД/ъ/К: радуг — загадок», «АД/ъ/Н: отраден — градин».

Порядок разделов в словаре: рифмы мужские, женские, дактилические, гипердактилические, неравносложные и разноударные.

Мужские рифмы

Я я 634т; я — друзья 9; шитья — я 50; я — струя 66; затая — я 127; я — затая 254; я — бытия 161; бытия — края 318; я — чешуя 419; я — моя 428; судья — я 554; тая — твоя 602; жилья — я 612; житья — земля 2; кляня — я 121; я — огня 282; поля — твоя 316.П(7); поля — моя 483; моря — семья 508; моря — твоя 530; твоя — меня 573; тая — я — горя — я — говоря — заря — огня 225

БА пальба — мольба 254; слаба — раба 412; гроба — труба 422; труба — борьба 467; слаба — ряба — груба — раба 316.П(10)

БЯ себя — любя 22, 444; любя — себя 316.IV(6); любя — тебя 28, 40, 156, 252, 412; тебя — любя — себя — истребя 595; <...>

Женские рифмы

АБ/ъ/ слабо — жаба 433; жаба — лапа 412

АБЫ бабы — слабы 245

АБЛ/ъ/ яблонь — озябла 643

АВА слава — канава 245; Митава — слава 264; слава — травы 450; слава — отравы 489; плавать — слава 409

АВЫ нравы — правы 19; забавы — отравы 193; славы — безглавы 194; лувкавы — славы 422

АВОЙ оравой — славой 554; отравой — лукавый 11; лукавый — славой 335

АВАМ забавам — травам 7

АВИЛ расправил — правил 312; поставил — Павел — прославил 665

АВИМ лукавим — поставим 591

АВИТ отравит — направит 355

АВКУ ставку — лавку 118

АВЛ/ъ/ прав+ ли — Ярославле 342

АВЛЕН отравлен 153т; направлен — отравлен 316.I(8)

АВЛЮ прославлю — поставлю 151; прославлю — оставлю 248

<...>

АДА награда — отрада 130; ограда — прохлада 166; отрада — услада 297; услада — Пилада 350; рада — сада 560; града — награда 577; ада — отрада — Шехеразада — сада 592; надо — серенада 294; лампада — надо 110; преграда — надо 130; досада — надо 156; надо — отрада 308; преграда — надо 316.IV(4); отрада — надо 339; водопада — надо 346; надо — ада 359; чада — надо 648; цикады — надо 669; надо — прохлада — стадо 665; надо — склада — отрада — награда 591; надо — отрада — надо — града — надо — преграда 74

<...>

АД/ъ/ пряди — ряде — наряде 230(9)

АД/ь/Н отраден — градин 338; отраден — впадин — градин — гадин — жа-ден — ссадин — беспощаден 220

АДНА прохладна — Ариадна 453

АДНИК всадник — палисадник — лошаδικ 405

АДНО прохладно — отрадно 51

АДОЙ лампадой — оградой 71; (Й) отрадой — надо 316.1(7); прохладой — надо 390

Приложение 5. Указатели произведений

В Указателе произведений М. Кузмина, опубликованных в Конкордансе и в издании серии «Библиотека поэта», каждое произведение дается с указанием шифра, года создания, названия и количества строк. Список разбит на две части. В первой — Указатель произведений М. Кузмина, опубликованных в Конкордансе:

Шифр произведения	Название стихотворения	Кол-во строк	Страницы
1895.К+1	БЛЕДНЫЕ РОЗЫ	8	83
1901.К+2	Высоко окно монастырское...	36	83

Во второй части — Указатель произведений, опубликованных в серии «Библиотека поэта»:

Порядковый номер	название стихотворения	Год создания, название книги
1	Мои предки	1907.С.1

Приложение 6. Иноязычные вкрапления в стихотворный текст

Информация в данном приложении представлена в следующем порядке: 1. Стихотворная строка, включающая иноязычное вкрапление; 2. Название стихотворения, его шифр; 3. Перевод, выделенный курсивом (представлен редакторский перевод по книге [Кузмин 1999]).

В стихотворениях М. Кузмина встречаются вкрапления на итальянском, французском, английском, немецком, латинском, греческом языках: всего 38 строк, включающих слова, фразы, предложения. Это могут быть цитаты из известных произведений («Божественная комедия» А. Данте, «Колыбельная» А. Моцарта), название сорта вина или музыкальный термин (H-dur).

Например: *Victori Duci*

Комм.: эпиграф ко второй части книги «Сети» — «Вожатый».

Виктору Вожатому (лат.)

Частота употребления иноязычных слов расположена в диапазоне от 1 до 3. Можно говорить о достаточно высокой степени их освоенности поэтическим языком Кузмина. Так, французское слово *homme* «склоняется» как сущ. м.р.: *Jeunes homm'ы чисты так и бриты, / Как бельведерский Аполлон*, (1911–1912 гг., «Осенние озера»). Целые фразы и предложения включаются в стихотворный текст на правах объекта описания. Например, в стихотворении «Из поднесенной некогда

корзины...» (1906 г., «Сети») приводится неточная цитата из арии Розины (опера Россини «Цивильский цирюльник»): *И пели нам ту арию Розины: / "Io sono docile, io sono rispettosa"*. Наименования художественных и музыкальных произведений и их авторы также приводятся на родном языке: Mozart "Le nozze di Figaro", "Divina Comedia", "Zauberflöte".

Встречается одно название стихотворения на латинском языке: "Fides Apostolica" (1921 г., книга «Параболы»). Фразой из религиозной службы: *Et fides Apostolica / Manebit per aeterna* («И Апостольская вера пребудет навеки») начинается и заканчивается этот текст, состоящий из 8 строф. Причем латинские слова рифмуются с русскими: *столика / Apostolica, экстерна / aeterna*. Зеркальная композиция стихотворения поддержана перестановкой строк в 1 и 8 строфах. На содержательном уровне произведена подмена местоимения 1 лица 3 лицом в последней строфе. Если субъектом действия в начале является лирический герой, то в конце — его душа: *Et fides Apostolica / Manebit per aeterna... / Я вижу в лаке столика / Пробор, как у экстерна <...> / И видит в лаке столика / Пробор, как у экстерна, / Et fides Apostolica / Manebit per aeterna*.

Магическое слово греч. Ἀβραάξ используется Кузминым неоднократно и в различных контекстах [Кузмин 1996: 748]. В наш Конкорданс и лемматизированный словарь вошло одно употребление: *В руке у меня был полированный камень, / Из него струился кровавый пламень, / И грубо было нацарапано слово: Ἀβραάξ* (1917–1918 гг., «Базилид»). Поэту, как одному из редакторов литературного альманаха с одноименным названием (в февральской книжке 1923 г. в этом сборнике была напечатана «Декларация эмоционализма»), пришлось объяснять значение этого слова: «Значение его <слова Ἀβραάξ> отнюдь не смысловое или мифологическое, а звуковое и числовое. <...> Числовое значение его по пифагорейской или каббалистической системе — 365, полнота творческих мировых сил. <...> Вероятно, мистическое значение этого слова, а также точки соприкосновения поэзии и вообще словесного искусства со звуковой магией натолкнули редакцию сборника на это название» [Кузмин 1990: 535].

Таким образом, иноязычные слова вводятся в текст в соответствии с правописанием родного языка (используется иностранный алфавит). Они характеризуют понятие, не существующее в русском языке, или описывают специфические явления.

Однако глоссолалическая фраза, подражающая санскриту [Кузмин 1996: 764], передается русскими буквами: «*Ашанта бутра первенец Первантра!*» / *Провозгласили, и смутился я, / Что этих важных слов не понимаю.* («Конец второго тома», 1922 г., книга «Параболы»). Иронический подтекст, думается, определил именно такую подачу иноязычной фразы.

В заключение необходимо отметить, что Приложения к Конкордансу М. Кузмина содержат достаточный и необходимый материал для всестороннего анализа поэтического языка автора Серебряного века. Различные аспекты описания творческой манеры поэта подкрепляются фактическим анализом произведений автора, включая статистические показатели.

Частотные словари стихотворений нужны для анализа частоты употребления лексем. Они помогают исследователям понять основные темы, мотивы и образы, используемые поэтом, а также оценить структуру и стиль его произведения. У Кузмина самыми частотными словами являются традиционные для романтической любовной лирики лексемы: *любовь, ветер, звезда, рука, сердце, дом, сон, цветок*. Особенности стиля поэта проявляются в низкочастотной лексике, где можно встретить слова разных стилистических регистров и разнообразных тематических образований: *премудрый, Пятидесятница* (религ.), *реклама, придурковато* (прост.), *спозаранку* (разг.), *гигиенично, гулянка* (разг.), *целованье, эфиоп, юнейший*. Это делает язык поэта легко узнаваемым и показывает его богатство. Некоторые авторы считают, что стиль Кузмина близок стилю Пушкина [Жирмунский 1977; Марков 1994].

Метрический справочник позволяет выделить самые востребованные стихотворные формы, как традиционные (ямб, хорей и др.), так и пионерские (свободный стих «Александрийских песен»). У Кузмина много переходных форм (от тактовика до акцентного стиха). Встречаются случаи, когда в одном стихотворении используются разные размеры и строфы (полиметрические стихи).

Словарь рифм показывает богатство звуковой организации текстов Кузмина, использование поэтом и традиционных рифменных пар, и новых (*люблю ли я, / Юлия*).

Приложения снабжены подробными введениями, в написании которых принимали участие уважаемые ученые, с которыми автору посчастливилось сотрудничать. Конкорданс представляет образец описания лексики, грамматики, метрики и рифменных предпочтений одного поэта, но может быть использован как модель для создания такого рода справочников на материале произведений других поэтов.

Источники

Кузмин М. Избранные произведения / Сост., подгот. текста, вступ. ст., коммент. А. Лаврова, Р. Тименчика. Л.: Художественная литература, 1990. 576 с.

Кузмин М. Стихотворения / Вступ. ст., сост., подг. текста и примечания Н. А. Богомолова. СПб.: Академический проект, 1996. 832 с.

Кузмин М. Стихотворения / Вступ. ст., сост., подг. текста и примечания Н. А. Богомолова / Изд. 2-е, исправленное. СПб.: Академический проект, 1999. 832 с.

Кузмин М. А. Стихотворения. Из переписки / Сост., подготовка текста, примеч. Н. А. Богомолова; науч. ред. А. В. Гик. М.: Прогресс-Плеяда, 2006. 492 с.

Литература

Васильев Н. Л. Новые данные о лексической структуре языка Пушкина // Известия РАН. Сер. литературы и языка. 2000. № 3. С. 48–51.

Васильев Н. Л., Жаткин Д. Н. Словарь поэтического языка Д. В. Веневитинова. М.: ФЛИНТА; Наука, 2017. 108 с.

Голованевский А. Л. Алфавитно-частотный словарь «Словаря языка поэзии Ф. И. Тютчева» // Проблемы авторской и общей лексикографии. Брянск; Москва: РИО БГУ, 2007. С. 223–295.

Жирмунский В. М. Задачи поэтики // Жирмунский В. М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Л.: Наука, 1977. С. 42–47.

Конкорданс к стихотворениям М. Кузмина: в 4 т. Т. 1. А–Й / Сост.: Гик А. В. М.: Языки славянской культуры, 2005. 336 с.

Конкорданс к стихотворениям М. Кузмина: в 4 т. Т. 2. К–Ощущение / Сост.: Гик А. В. М.: Языки славянских культур, 2010. 264 с.

Конкорданс к стихотворениям М. Кузмина: в 4 т. Т. 3. П–Фьорд / Сост.: Гик А. В. М.: Языки славянских культур, 2011. 352 с.

Конкорданс к стихотворениям М. Кузмина: в 4 т. Т. 4. Ха–Ящик / Сост.: Гик А. В. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2015. 376 с.

Марков В. О свободе в поэзии: статьи, эссе, разное. СПб.: Изд-во Чернышева, 1994. 368 с.

Степанов Ю. С. В трехмерном пространстве языка: Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. М.: Наука, 1985. 335 с.

Частотный словарь языка М. Ю. Лермонтова / Под ред. В. В. Бородина, А. Я. Шайкевича; Сост. Авдеева А. А., Бородин В. В., Быкова Н. Я., Козокина С. М., Гордеева Н. А., Макарова Л. А., Шайкевич А. Я. // Лермонтовская энциклопедия / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом); Науч.-ред. совет изд-ва «Советская энциклопедия». М.: Советская энциклопедия, 1981. С. 717–774.

Шестакова Л. Л. Черты идиостиля писателя в зеркале современного авторского словаря // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2022. № 1 (31). С. 370–381.

A. V. Gik

*Vinogradov Russian Language Institute
of the Russian Academy of Sciences*

(Moscow, Russia)

annagik@yandex.ru

THE APPENDICES TO THE CONCORDANCE OF M. KUZMIN

The article describes the appendices to the “Concordance of the poems of Mikhail Kuzmin” in 4 volumes (2005–2015). A detailed analysis of the principles and methods of preparing the frequency dictionary, metrical reference book, rhyming dictionary and other applications is given.

Frequency dictionaries of poems are needed to analyze the frequency of usage. They help researchers understand the main themes, motifs and images used by the poet, as well as evaluate the structure and style of his work. For Kuzmin, the most frequent words are

lexemes traditional for romantic love lyrics: *lubov* ‘love’, *veter* ‘wind’, *zvezda* ‘star’, *ruka* ‘hand’, *serdtse* ‘heart’, *dom* ‘house’, *son* ‘dream’, *tsvetok* ‘flower’. The features of the poet’s style are manifested in low-frequency vocabulary, where you can find words of different stylistic registers and various thematic formations: *premudryi* ‘wise’, *Pyatidesyatnitsa* (religious) ‘Pentecost’, *reclama* ‘advertising’, *pridurkovato* (vernacular) ‘foolishly’, *spozaranku* (colloquial) ‘early in the morning’, etc. This makes the poet’s language easily recognizable and shows its richness.

The metrical reference book allows you to highlight the most popular poetic forms: both traditional (iamb, trochee, etc.) and pioneer ones (free verse in the “Alexandrian Songs”). Kuzmin has many transitional forms (from taktovik to accentual verse). There are cases when different meters are used in one poem.

The rhyming dictionary shows the richness of the sound organization of the text, which uses both traditional rhyme pairs and new ones.

The appendices are considered as a source of additional information for a comprehensive description of the individual style of the author, and as material for comparing the work of one author with the language of the poetic school, immediate environment and the controversial era of the early twentieth century.

Key words: author lexicography, concordance, metric reference book, rhyming dictionary, frequency dictionary, M. Kuzmin.

References

[Frequency dictionary of the language of M. Yu. Lermontov]. Borodin V. V., Shaikovich A. Ya. (eds.). *Lermontovskaya ehnciklopediya* [Lermontov Encyclopedia]. Moscow, Sovetskaya Ehntsiklopediya Publ., 1981, pp. 717–774. (In Russ.)

Golovanevskii A. L. [Alphabetical-frequency dictionary of the “Dictionary of the language of poetry by F. I. Tyutchev”]. *Problemy avtorskoi i obshchei leksikografii* [Problems of author and general lexicography.]. Bryansk; Moscow, RIO-BGU Publ., 2007, pp. 223–295. (In Russ.)

Konkordans k stikhotvoreniiam M. Kuzmina [Concordance to the poems of M. Kuzmin]. In 4 vols. Vol. 1. *A–J*. Gik A. V. (ed.). Moscow, Yazyki Slavyanskoi Kul’tury Publ., 2005. 336 p.

Konkordans k stikhotvoreniiam M. Kuzmina [Concordance to the poems of M. Kuzmin]. In 4 vols. Vol. 2. *K–Oshchushhenie*. Gik A. V. (ed.). Moscow, Yazyki Slavyanskikh Kul’tur Publ., 2010. 264 p.

Konkordans k stikhotvoreniiam M. Kuzmina [Concordance to the poems of M. Kuzmin]. In 4 vols. Vol. 3. *P–F’ord*. Gik A. V. (ed.). Moscow, Yazyki Slavyanskikh Kul’tur Publ., 2011. 352 p.

Konkordans k stikhotvoreniiam M. Kuzmina [Concordance to the poems of M. Kuzmin]. In 4 vols. Vol. 4. *Kha–Yashchik*. Gik A. V. (ed.). Moscow, Rukopisnye Pamyatniki Drevnei Rusi Publ., 2015. 376 p.

Markov V. *O svobode v poezhii: stat’i, ehsse, raznoe* [On freedom in poetry: Articles, essays, miscellaneous]. Saint Petersburg, Izdatel’sstvo Chernysheva, 1994. 368 p.

Shestakova L. L. [Features of the writer's idiostyle in the mirror of the modern author dictionary]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova*, 2022, no. 1 (31), pp. 370–381. (In Russ.)

Stepanov Yu. S. *V trekhmernom prostranstve yazyka: Semioticheskie problemy lingvistiki, filosofii, iskusstva* [In the three-dimensional space of language: Semiotic problems of linguistics, philosophy, art]. Moscow, Nauka Publ., 1985. 335 p.

Vasil'ev N. L. [New data on the lexical structure of Pushkin's language]. *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka*, 2000, no. 3, pp. 48–51. (In Russ.)

Vasil'ev N. L., Zhatkin D. N. *Slovar' poehticheskogo yazyka D. V. Venevitinova* [Dictionary of poetic language by D. V. Venevitinov]. Moscow, FLINTA; Nauka Publ., 2017. 108 p.

Zhirmunskii V. M. *Zadachi poehtiki* [Tasks of poetics]. *Teoriya literatury. Pohtika. Stilistika* [Theory of literature. Poetics. Stylistics]. Leningrad, Nauka Publ., 1977, pp. 42–47. (In Russ.)

З. Ю. Петрова¹, Н. А. Фатеева²

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

(Россия, Москва)

zoyp@mail.ru¹

nafata@rambler.ru²

ПЕРСНИФИКАЦИЯ СУДЬБЫ В МЕТАФОРИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПО ДАННЫМ «МАТЕРИАЛОВ К СЛОВАРЮ МЕТАФОР И СРАВНЕНИЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX–XXI ВВ.»)

В статье излагается методика словарного описания олицетворения в шестом выпуске «Материалов к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XXI вв. Человек». Под олицетворением понимаются конструкции метафор и сравнений со значением персонификации: компаративных тропов, образы сравнения которых относятся к семантической категории «Человек». Эта семантическая категория характеризуется большой разветвленностью и сложностью, опорные слова тропов, принадлежащие к этой категории, очень многочисленны, что объясняется антропоцентризмом метафорической картины мира художественной литературы. Методика опирается на идеографический и хронологический принципы, что позволяет обобщить данные о составе системы компаративных тропов и о ее развитии во времени. Основным источником словаря — поэзия и проза русских писателей XIX–XXI вв. (около 500 авторов). Методика словарного описания представлена на примере словарной статьи СУДЬБА. В ходе описания демонстрируется разработанная авторами семантическая классификация слов, относящихся к категории «Человек», выступающих в функции персонификаторов, и показывается, как на основе этой классификации создается персонифицированный образ судьбы. Словарь позволяет представить широкий диапазон элементов этого образа, отраженных в метафорической картине мира художественной литературы. Проанализированный материал показал, что судьба является амбивалентной сущностью. Она во многих случаях характеризуется противоположными по смыслу образными словами, ср. *безумная — мудрая, слепая — всевидящая, злая — добрая* и т. д., однако количественно негативные ее характеристики преобладают над позитивными. Задачей будущего исследования может стать сравнение образа судьбы с образом рока, который также представлен в виде словарной статьи словаря.

Ключевые слова: словарная статья, судьба, персонификация, метафора, сравнение, поэзия и проза русских писателей XIX–XXI вв.

Такое свойство метафор, как их группировка в семантические классы, отмечается многими исследователями как общеязыковой метафоры, так и образных средств языка художественной литературы. В те же семантические классы группируются и образные сравнения, в основе которых лежит взаимодействие соответствующих семантических категорий. Представление о категориальной природе метафор, об их группировке в семантические поля базируется на идее об органической связи метафоры с мышлением, ее естественности и универсальности. Такое представление о метафоре характерно, в частности, для когнитивной теории метафоры, позволяющей моделировать описание и восприятие одной понятийной области в терминах другой. При этом между общеязыковыми метафорами и метафорами, фиксируемыми в художественных текстах, различными по степени индивидуальности, существует органическая связь, любая метафора имеет в своей основе инвариант, относящий ее к определенному метафорическому классу. В художественных текстах могут встречаться общеязыковые тропы, более или менее традиционные общелитературные образные параллели и новые, индивидуальные метафоры. Последние рассматриваются нами как потенциальная возможность развития метафорических полей. Исходя из вышесказанного, мы определяем метафорическую картину мира русской литературы как систему образных параллелей, описываемую в терминах категориального членения понятийного универсума.

Авторы «Материалов к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XX вв.» поставили своей задачей описание фрагментов этой системы, опираясь на принцип семантического поля. Семантическая классификация в словаре проводится на основе описываемого языкового материала с учетом уже существующих подобных классификаций; составители словаря активно пользуются классификацией лексики, представленной в Русском семантическом словаре [Шведова 1998; 2000; 2003; 2007]. Внутри каждого семантического класса лексикографируемый материал располагается в хронологическом порядке. Такое расположение материала позволяет исследовать эволюцию описываемых классов компаративных тропов.

За основу при создании словаря была взята группировка материала по образам сравнения. В данной работе мы рассмотрим одну из словарных статей последнего, шестого выпуска «Материалов» [Петрова, Фатеева 2021], в котором представлены компаративные конструкции с образами сравнения семантической категории «Человек». Эта семантическая категория характеризуется большой разветвленностью и сложностью, опорные слова тропов, принадлежащие к этой категории, очень многочисленны, что объясняется антропоцентризмом метафорической картины мира художественной литературы. Мы выбрали для описания словарную статью «Судьба». На ее примере мы продемонстрируем разработанную нами семантическую классификацию слов, относящихся к категории «Человек», выступающих в функции персонификаторов, и покажем, как на ее основе создается персонифицированный образ судьбы.

Слово *судьба* и концепт «судьба» не раз становились предметом исследования в различных работах. Рассматривается объем слова-понятия «судьба» в сравнении с близкими по смыслу словами в русском языке, в том числе в сравнении с другими

языками [Апресян 2006; Вежбицкая 1994; Жданова 2006; Шмелев 1994], выясняется лингвоспецифичность этого концепта в русском языке. Анализируется история слова *судьба* в русском языке [Урбанович 2005], исследуется концепт «судьба» в славянском фольклоре [Ковшова 1994; Никитина 1994; Седакова 2012]. В работе [Чернейко, Долинский 1996] слово *судьба* рассматривается с использованием концептуального анализа сочетаемости имени в текстах разных жанров и ассоциативного эксперимента.

В некоторых работах рассматриваются основные направления образных характеристик *судьбы* в языковой картине мира, среди них важное место занимает персонификация [Ковшова 1994; Кошарная 2016; Сергеева 2005; Чернейко 1997]. Н. Д. Арутюнова, отмечая антропоморфность понятия *судьбы*, определяет ее обобщенные функциональные роли, в основе которых лежит представление о власти судьбы над человеком: «Власть, предопределяющая жизнь человека, может принимать разные облики: Распределителя, Игрока, Режиссера, Заимодавца, Судьи» [Арутюнова 1994: 310]. Эта модель судьбы развивается и в более поздних работах (см., например, [Иванова 2013]).

Концепт судьбы в языке художественной литературы в основном рассматривался в идиостилевом аспекте [Иванова 2013; Погосян 2005; Полторацкий 1994; Сафонова 2004]. В языке художественной литературы в целом образные представления слова *судьба* не становились объектом анализа. Эти образные представления, отраженные в компаративных конструкциях, как раз и являются объектом описания в статье СУДЬБА нашего словаря.

Основной источник словаря — поэтические и прозаические произведения русских авторов XIX–XXI вв. (около 500 авторов). При составлении словаря активно использовался также Национальный корпус русского языка [НКРЯ], что подтверждает значительную ценность и удобство корпуса для обработки больших массивов языкового материала.

В результате анализа персонифицирующих конструкций с различными предметами сравнения были выявлены следующие основные группы олицетворяющих языковых единиц, в соответствии с которыми группируется материал в словарных статьях: «Обозначения людей», «Движение», «Положение в пространстве», «Борьба, спор, игра», «Межличностное взаимодействие, общение», «Родство, дружба / вражда, воспитание, обучение», «Жизненный цикл», «Восприятие», «Внешний вид», «Физические состояния и процессы в организме», «Части тела», «Речь, другие звуки», «Характер», «Воля», «Интеллект», «Эмоции, эмоциональные действия», «Социальный план». Описание каждого предмета сравнения в словаре с полным перечислением всех классов олицетворяющих слов дает возможность получить обобщенные персонифицированные образы этих предметов сравнения. При том, что семантические классы образов сравнения одинаковы, их наполнение, естественно, разное, оно индивидуально для каждого предмета сравнения и в плане конкретного набора элементов, и в плане частоты их употребления; единообразие структуры описания позволяет сопоставлять определенные персонифицированные сущности, выявлять общее и различное в их персонифицирующих характеристиках, а также

проследить эволюцию классов тропов в истории языка художественной литературы, пополнение их новыми элементами.

Указанные семантические классы персонификаторов, характеризующих каждый предмет сравнения, подразделяются на более дробные подклассы. Такие подклассы разных семантических классов часто коррелируют между собой и образуют надстраивающиеся над указанной классификацией смысловые единства, из которых складывается антропоморфный «портрет» предмета сравнения, в данном случае — *судьбы*.

Одни из наиболее ранних в русском поэтическом языке и важных для образной характеристики судьбы элементов объединяются семантическим инвариантом «Власть (судьба над человеком)». В классе «Обозначения людей» это подкласс «Обозначения, связанные с властными функциями»: *тиран*: «Судьба — невидимый, бесчувственный *тиран*, Необоримая ко счастью преграда! (В. Жуковский 1802), несколько позже появляются *вождь*, *владычица*: «Сама Судьба, бесстрастный *вождь* природы, Их зыблет колыбель. Блюсти, хранить и возвышать народы — Вот их тройная цель» (А. Фет 1863–1864), «До настоящего времени своенравная *владычица* человеческого живота и смерти — всемогущая судьба обошлась с Ластовым довольно милостиво» (В. Авенариус 1867), еще позже — *хозяйка*: «А в окно, может, горе глядится, И *хозяйка* тут — злая судьба, Уж слетают узорные птицы, Уж спадает с застреши резьба» (С. Клычков 1914–1918), «Два месяца ровно со лба Отбрасывать пряди упрямо, А дальше *хозяйка* — судьба, И переупрямит над Камой...» (А. Тарковский 1963), в классе «Социальный план» — «Власть»: *власть*, *царить*: «Ты — один, и всею *властью* Столь гнетет тебя судьба, Что прибавить сил несчастью Впредь вся *власть* ее слаба» (П. Катенин 1830), «Не говори о счастье, о свободе Там, где *царит* железная судьба» (А. Фет 1887), позже появляется *командовать*: «Судьба судьбы *командует* судьбою, Неповиновенья не терпя. Ты можешь пропадать, и черт с тобою, Твоей судьбе теперь не до тебя» (Н. Глазков 1939), в классе «Характер» — слова *властительная*, *самовластная*, *властная*: «Равно им близок всем погибельный конец — И жертвы, избранной *властительной* судьбою, Ни злато не спасет, ни храбрость, ни венец!» (П. Плетнев 1823), «Увы! предчувствие сбылось: Судьбы веленьем *самовластной* С тех пор на родине прекрасной Мне побывать не довелось...» (К. Рылеев 1825), «И начинает понемногу Моя Татьяна понимать Теперь яснее — слава Богу — Того, по ком она вздыхать Осуждена судьбою *властной*» (А. Пушкин 1827–1828).

К классу обозначений, объединенных семантическим инвариантом «Власть», близки слова, ассоциирующиеся с распорядительной функцией судьбы. Среди них много предикатов, относящихся к семантическому классу «Активные действия»: элементы его подкласса со значением «Соединение, разъединение»: *соединять*, *соединить*, *свести*, *сводить*, *столкнуть*, *сталкивать* / *разлучать*, *разлучить*, *оторвать*, *разрывать*, *растолкнуть*, *разъединить*, *развести* и т. д.: «судьба так причудливо играла нами, то *соединяла* тесно на одно мгновение, то *разлучала* надолго целою бездною» (В. Одоевский 1837), «Впрочем, судьба скоро изменила ход этой маленькой драмы и надолго *растолкнула* эти три лица, жившие почти в продолжение года в таких тесных между собою отношениях» (А. Писемский 1858),

«— Давайте знакомиться, раз судьба *сводит* нас во второй раз, значит, это ей нужно» (В. Доценко 2000), а также подкласса, обозначающего резкие движения, объект которых — человек; среди них наиболее распространенными, частотными и фиксирующимися с самого начала рассматриваемого периода являются глаголы *бросить, бросать*, их дериваты и синонимы *забросить, кинуть, закинуть*: «И зачем было судьбе *кинуть* меня в мирный круг честных контрабандистов?» (М. Лермонтов 1839–1841), «Иной раз я даже побаиваюсь: ну-ка судьба *бросит* меня ему в лапы?» (Г. Успенский 1884). Позже, уже в XX в. в этой группе появляются глаголы *швырнуть, швырять*: «И снова горечью полыни Дохнет в лицо горячий день: Набат станиц, орудий гулы, Крещение первого огня, Когда судьба меня *швырнула* От парты прямо на коня (Н. Тuroверов 1928), «Судьба все сама устроит, *столкнет* нас, *швырнет* друг другу в объятия» (М. Шишкин 2005). Другие, менее частотные элементы этого подкласса — *загонять, загнать, втиснуть, ткнуть, толкнуть, растолкать, отпихивать* и т. д. (некоторые из них, такие как *растолкать* и *отпихивать*, появляются в конце XX — начале XXI вв.): «Судьба нас *загнала* в подлую конуру, а мы назло ей вот как надышимся!» (Д. Мамин-Сибиряк 1894), «Судьба *втиснула* ее в нелепую и жестокую дребедень батальной российской революции» (Г. Газданов 1928), «Солодовников смущался; Анна Афанасьевна (Анфас — называл ее Солодовников в письмах к бывшим сокурсникам своим, которых судьба тоже *растолкала* по таким же углам; они еще писали друг другу, жаловались и острили) приходила в мелкое движение — смеялась» (В. Шукшин 1970), «всю-то жизнь я была в каком-нибудь плену, не я руководила судьбой, а судьба меня *отпихивала* в сторону, чтобы не путалась под ногами, — и не получается ли, что я подчинялась именно суевериям “приличий”»? (Т. Набатникова 2001).

Распорядительная функция судьбы, ее роль вожакого проявляется и в элементах подкласса семантического класса «Движение», общее значение которых можно обозначить как ‘направлять движение’: *водить, вести, привести, увести, влечь, увлекать, умчать, занести* и пр.: «судьбы рука неотвратима; Она таинственной стезей *Ведет* нас, всюду невидима, От лона матери до двери гробовой» (А. Хомяков 1820), Золотистого меда струя из бутылки текла Так тягуче и долго, что молвить хозяйка успела: — Здесь, в печальной Тавриде, куда нас судьба *занесла*, Мы всем не скучаем, — и через плечо поглядела» (О. Мандельштам 1917) «Да; судьба была к тебе неласкова, *Поводила* разными дорогами...» (Е. Полонская 1966).

Эту же функцию судьбы демонстрируют многочисленные слова семантического класса «Межличностное взаимодействие, общение», которые объединены семантикой ‘навязывание кому-л. своей воли’: *позволить, позволять, отказать, не пускать, велеть, повелеть, вельенье, приказать, заставить, принудить, насильство*: «Увы! предчувствие сбылось: Судьбы *вельнем* самовластной С тех пор на родине прекрасной Мне побывать не довелось...» (К. Рылеев 1825), «Стоит ли хлопотать о жизни, когда судьба *позволяет* мне выбрать из своей урны все или ничего?» (Ф. Булгарин 1830), «Я один горьким *насильством* судьбы вынужден ехать в эту зимнюю, морозную ночь» (М. Салтыков-Щедрин 1858), «Судьба *отказала* ему в знатном имени, не наделила талантами и даже красотой» (З. Гиппиус 1896),

в поздний период появляется *понуkanie*: «Судьбы то *понуканий*, то затрещин / отсутствие — как можно не ценить?» (Б. Ахмадулина 2002). С этой же функцией ассоциируются и слова с несколько другой семантикой, но тоже выражающей провяление воли руководящей инстанции: *указать, указывать, указание, определять, определить, распорядиться, распоряжаться, вмешиваться, назначить, готовить, устроить, избрать, выбрать, отметить* и под.: «Да, я пойду к этому князю, какое-то тайное предчувствие шепчет мне, чтобы я повиновался *указаниям судьбы*» (М. Лермонтов 1836–1837), «Боже мой! Как судьба иногда зло *распоряжается!* Я не клянусь: ведь вы знаете, что мы никогда друг другу не солгали бы» (А. Куприн 1894), «В компании с ними он сразу приступил к активному собирательству Книг, раз сама судьба *назначила* его “библиотекарем”» (М. Елизаров 2007).

Руководящая роль судьбы обнаруживается и в элементах семантического класса «Части тела», в первую очередь, в слове *рука*, лежащем в основе слова *руководить*, а также во фразеологизме *перст судьбы*: «Се он, на жизни путь судьбою приведенной! Беспечен, весел, тих, играет на цветах! Готов — куда влечет Незримая судьба таинственной *рукою!*» (В. Жуковский 1806), «Наш стрелочник, судьба, безжалостной *рукою* На двух различных нас поставила путях, И скоро я умчусь с бессильною тоскою, Умчусь на всех моих парах» (С. Надсон 1881), «Какое совпадение! Прямо-таки указующий *перст* судьбы. Я условился с ним обо всем переговорить завтра в университете» (А. Морозов 2002).

С руководящей волей судьбы связана ее роль воспитателя, которая выражается в «Обозначениях лиц», старших по возрасту, семантического класса «Родство» — *мачеха, мать, родитель, свекровь, бабка, бабушка, нянюшка*, некоторые из них (*мачеха, свекровь*) с негативными коннотациями: «Или в свете я Гость непрощенный Судьбы-*мачехи* Жалкий пасынок?» (И. Никитин 1849–1853), «Покорила ли ты злой *свекрови-судьбе*, Или хочешь вздохнуть белой грудью вольней? Запряжем-ка скорей тройку борзых коней И помчимся вперед, и проскачем всю Русь...» (Л. Трефолев 1894), «Прослужив у него два года, Косяков внезапно был лишен его доверия и покровительства, неосторожно взяв с соседнего кабатчика малую мзду за пропуск апелляции по делу своего патрона, — после чего судьба уже безжалостно начала его отделывать, как суровый *родитель*, разочарованный в своем детище» (А. Зарин 1902), «Зла ль моя усталость, лень моя добра ли, Нам легко живется с *бабушкой* судьбой» (А. Верховский 1925). К этой группе обозначений родства примыкает семантический класс слов (преимущественно предикатов), связанный с воспитанием и обучением: *усыновить, учить, урок, баловать, заботиться, выкормить, качать люльку* и др.: «Я от пелен *усыновлен* Суровой мачехой-судьбою. Она, от берега мой челн Толкнув, гнала его жестоко Между бушующих зыбей И занесла меня далеко От тихой родины моей» (Н. Гнедич 1805), «Может быть, судьба *научила* и изменила его к лучшему, и, если только он будет достоин тебя, — пожалуй, и выйди за него, когда овдовеешь» (Ф. Достоевский 1858–1859), «Выздоровленьем и весной Прими счастливый благодарно Судьбы завидной дар двойной, Прияв *урок* судьбы коварной» (Вяч. Иванов 1906–1908), «— На судьбу обижаемся, а она *учит*, матушка» (В. Шукшин 1970).

Еще одно ответвление распорядительной роли судьбы в жизни людей проявляется в названиях профессий, связанных с искусством — театром: судьба — *содержатель театра, драматург*, литературой: судьба — *журналист*, музыкой: *шарманщик*. Судьба выступает в них как создатель жизненной пьесы или жизненного текста, меняет картинки в волшебном фонаре человеческой жизни: «Наш свет — *театр*; жизнь — драма; *содержатель* — Судьба; у ней в руке всех лиц запас: Министр, богач, завоеватель В условный срок уходит напоказ. Простая чернь, отброшенная знатью, Мы — зрители, и, дюжинную братью, В последний ряд отталкивают нас» (П. Вяземский 1818), «О ловкий *драматург*, судьба, кричу я “браво” Той сцене выигрышной, где насмерть сам сражен, Как все подстроено правдиво и лукаво. Конец негаданный, а неизбежен он» (В. Брюсов 1901), «Забавны мне старушки, маменьки и бабушки: они не дают дочкам и внукам своим читать романов, забывая, что душа девушки есть сама по себе глава из романа, под которою подписывает судьба, как *журналист*: “продолжение обещано”!» (Н. Полевой 1834), «Вся жизнь по мне — *лантерн мажик*, Судьба — *шарманщик* итальянец!» (И. Мятлев 1831–1844).

Следующий кластер образных характеристик судьбы основан на смысловом инварианте «Негативные действия и характеристики». Наиболее частотные обозначения с этой семантикой относятся к подклассу «Убийство, уничтожение, нанесение физического ущерба, злодейство». Это элементы семантического класса «Обозначения людей»: *палач, истребитель, убийца, лиходейка, злодейка* (самое частотное обозначение в этом классе): «Когда рука его сулила Нам тьму надежд, тогда сразила Его судьба, седой *палач*!» (А. Полежаев 1837), «Но, высоко поднявши чело, на вражду, на борьбу, Видно, звать ей надменно всегда *лиходейку-судьбу*» (А. Григорьев 1846), «Но враждебна нам *судьба-злодейка*, — Нет фрегата!.. К берегам пустым Лишь подходит черная ладейка За тобой, за мною, за другим...» (А. Несмелов 1940), «Второй начальник приглашающим жестом отодвинул кресло, и Катерине ничего не оставалось, как покориться *судьбе-злодейке*» (Т. Устинова 2002), элементы класса «Активные действия»: с самого раннего периода частотны *гнать, гонение, удар*, эти обозначения проходят через весь рассматриваемый литературный период: «Но вы, несчастные, *гонимые* Судьбою, Вы, кои в мире сем простилися навек Блаженства с милою, прелестною мечтою, В чьих горестных сердцах умолк веселья глас, Придите — здесь еще блаженство есть для вас!» (А. Тургенев 1802), «Мать на свет родит — Нечем воспитать его, И судьба спешит *Гнать*, и *гнать*, и *гнать* его» (Д. Минаев 1861), «<...> воскликнул он, размахнув руки и как бы подставляя грудь *ударам* судьбы» (Скиталец 1903), «Развалилась семья, вымирает. А судьба продолжала наносить *удары*...» (Р. Сенчин 2008), менее частотны *мстить, отомстить, растерзать, губить, сразить, наказывать, наказание, карать, покарать, казнить, терзать, поранить*: «Любовью страстной к ней пылал, Но мне неверна изменила — Судьба взаимно ей *отмстила*: Соперник мой неверен стал» (П. Пельский 1790–1803), «И, нас *губя* с холодностью ужасной, Еще Судьба смеяться любит нам» (В. Жуковский 1819), «человек несчастное, брошенное создание... он сотворен слабым; его доводит судьба до крайности... и сама его *наказывает*» (М. Лермонтов 1830), «Как поранит судьба Сердце молодца, То не

цвель у ж ему, Не оправиться!» (Н. Щербина 1839), «Влачим мы дни свои без веры, Судьба устала нас *карать*...» (А. Блок 1899), несколько позже появляются *ломать, сломать, поломать, трепать, хлестать, давать подзатыльники, бить, сбивать с ног, душисть*: «Судьба не сразу нас, но исподволь *ломала*» (Д. Минаев 1888), «*Треплет-треплет* их судьба и так в конце концов изуродует и ожесточит, что и узнать трудно» (А. Куприн 1894), «Ты боролась с нуждою, судьба *хлестала* тебя потерями, разочарованиями, обманами» (А. Амфитеатров 1895), «О да! Судьба меня всю жизнь нещадно била; Душа моя — в крови...» (Скиталец 1907), еще позже — *въехать в лоб оглоблей, давать по шее, придушить, задушить, повалить на колени, пинок, затрецина* и др.: «И не понять, где счастье, а где лихо, / когда судьба *оглоблей въедет в лоб*» (С. Петров 1943), «Уж кто не бил, не сек? Судьба *дала по шее*, нет, Еще дает — так тридцать лет» (И. Эренбург 1956), «И кто даст гарантию, что перед тем, как ты умрешь, судьба не *повалит* тебя на колени болезненным унижительным *пинком*?» (Т. Соломатина 2009).

Помимо убийства и нанесения разного рода физического ущерба, судьба также характеризуется и другими обозначениями противоправных действий, с общим значением 'отнять, обмануть': наиболее распространенные из них — *отнять, похитить, обмануть*, менее частотные и более поздние по времени появления в текстах *ограбить, обсчитать, обвесить* и т. д., например: «Когда судьбы нещадная рука *Отнимет* у жены супруга, То неизменная тоска Заменит ей утраченного друга» (С. Шевырев 1828), «Нас жребий один неразрывно связал, Судьба нас равно *обманула*, И тот же поток твое счастье умчал, В котором мое потонуло» (Н. Некрасов 1872), «Я, доктор, начинаю думать, что судьба меня *обсчитала*» (А. Чехов 1887), «Судьба *огрabila* его, унизила, превратила в ничто» (А. Новиков-Прибой 1936-1944), «Судьба! Ты хитрей косога купца, Тебе я не верю здесь, Уж если и дашь полпальца свинца, Так тоже — смотри не *обвесь!*» (С. Марков 1973); с ними ассоциируются и такие обозначения людей, как *мздоимец, выжига*: «Судьба и в милостях *мздоимец*: Какой, какой ее любимец Свой век не бедственно кончал?» (В. Жуковский 1831), «Вот какие меркантильные пошли нынче судьбы. Хоть беги от них — не судьбы, а прямо *выжиги* какие-то» (В. Володин 2009).

Это, кроме того, группа обозначений с семантикой «Негативные проявления во взаимоотношениях с человеком»: *обижать, обида, дразнить, глумиться, издеваться, издевка, проклясть, враждовать, вражда, враждебность, неприязненная, неприветливая* и др.: «За какую провинность *обижает* тебя судьба-мачеха?» (И. Кокорев 1849), «Но как-то пятнила его судьба *обидами*, обделяла, как пасынка...» (М. Шолохов 1932), «Не раз еще в тот день Маралов остро ощутил *враждебность* судьбы» (В. Пелевин 1991).

Преимущественно негативные ассоциации связаны со словами с общим значением «Преследование, сопровождение, охота, слежка, наблюдение». В него входят предикаты класса «Движение» *преследовать* (самое частотное обозначение из перечисленных), *следовать за кем-л., идти по следу, подстергать, сторожить, настичуть, ловить, поймать*, обозначения людей *часовой, стрелок, соглядатай*, например: «Меня *преследует* судьба, Как будто я талант имею! Она, известно вам,

слепа; Но я в глаза ей молвить смею: «Оставь меня, я не поэт, Я не ученый, не профессор; Меня в календаре в числе счастливых нет, Я... отставной ассессор!» (К. Батюшков 1817), «С своей походною клюкой, С своими мрачными очами, Судьба, как грозный часовой, Повсюду следует за нами. Бедой лицо ее грозит, Она в угрозах поседела, Она уж многих одолела, И все стучит, и все стучит: Стук, стук, стук...» (А. Апухтин 1863), «Как тут судьба поймала господина Голядкина: не успел он пожелать, как сомнения его вдруг разрешились, но зато самым странным и самым неожиданным образом» (Ф. Достоевский 1846), «Жизнь не то же ль, что охота? Лисий нрав, и прыть, и скок! Лазов много, нет им счета, А судьба — судьба стрелок!» (К. Случевский 1883), «Судьба одинаково сторожит их и меня на путях ночных улиц и в освещенных окнах домов, укрывающих сонм жизней под устланными глубоким пластом снега крышами» (П. Муратов 1918–1922), «Пишу, а в этот час Из-за плеча Судьба, как *соглядатай*, Глядит в тетрадь: / «Любовные стишки? Опять? Кому? — Пора б угомониться!» (А. Несмелов 1931).

Частотный класс составляют обозначения характеристик судьбы с семантическим инвариантом 'злобная, жестокая, суровая': *злая, злобная, злоба, злость, жестокая, бесчеловечная, грозная, суровая, неумолимая, лютая, безжалостная, беспощадная, немилосердная, гнев, разгневанная, гневная* и т. д.: «Ты жизни тайный путь мне тернием устлал; Везде меня судьба встречала *злая*» (В. Олин 1822), «Судьба *жестокая, неумолимая* судьба приковала меня к Петербургу» (П. Яковлев 1828), «И, словно покорствуя *злобной* судьбе, Виденья тебя посещали» (А. Апухтин 1882), «Увы, всю жизнь Судьба *безжалостна и зла*» (Эллис 1914), «Или два неудачных брака убили в нем надежду на любовь женщины, и он с улыбкой, не столько смиренной, сколько всепонимающей, склонил черную с белым гусарским клоком голову перед неотвратимой, а поэтому не такой уж страшной, хотя и *немилосердной* судьбой?» (С. Липкин 1962–1976).

Наряду с негативными характеристиками, у судьбы присутствуют и позитивные, но их значительно меньше и по общему количеству обозначений, и по количеству контекстов их употребления, многие из них вступают в антонимические отношения с негативными: *сострадательная, милостивая, благосклонная, ласковая, милосердная, добрая, щедрая, справедливая, смиренная, покладистая* и пр., например: «Когда я увидел Бэлу в своем доме, когда в первый раз, держа ее на коленях, целовал ее черные локоны, я, глупец, подумал, что она ангел, посланный мне *сострадательной* судьбою...» (М. Лермонтов 1839–1841), «Судьба на этот раз была *благосклонна* к нему» (В. Немирович-Данченко 1886), «Он только не заметил, что глядит-то она не на него, а как-то через его голову, улыбаясь не ему, а *добррой*, умной судьбе, которая так просто и честно предотвратила нелепейшую катастрофу» (В. Набоков 1927–1928), «это — лишь угрюмый и местами очень пристрастный домысел самого некто, попытка поклепа его на собственную в основном *смирную* и *покладистую* судьбу, вполне возможно, здесь просматривается желание как-то разжалобить ее, чтобы она была к нему помягче, помилосерднее» (В. Володин 2000).

Судьбу характеризуют и метафоры семантических классов «Активные действия», «Межличностное взаимодействие», обладающие позитивной оценкой (они

тоже уступают и по количеству, и по употребительности рассмотренным выше метафорам с негативной оценкой): *вознаградить, наградить, подарить, дарить, дар, подарок, расщедриться, облегчить долю, благодеяние, помочь, спасти, выручка, благословить, ласкать, целовать; щадить, жалеть, сжалиться, помиловать; хранить, беречь, любить, милость, благоволение* и др.: «Судьба вас счастьем *наградил*» (А. Кольцов 1829), «Судьба, неожиданно ниспослав мне столь безвредное падение, не хотела довершить своего *благодеяния* и не дала даже опомниться» (О. Сенковский 1833), «Судьба слепоу часто *помогает* недобрым людям» (И. Кокорев 1847), «Еще только пять минут тому назад была надежда, что случится землетрясение, что Берг умрет от разрыва сердца, что судьба вмешается, приостановит, *спасет*» (В. Набоков 1927–1929), «Судьба *щадит* перед ударом нас, / мудрей, наверно, не смогли бы люди...» (О. Берггольц 1944), «Он воспринял это предложение как первый знак *благоволения* судьбы» (С. Шаргунов 2008).

В дополнение к рассмотренным образным характеристикам судьбы выделяются те, которые связаны с ее непостоянством и изменчивостью. Многие из них ассоциируются с ее женской натурой. Это обозначения лиц женского пола: *проказница, баловница, озорница, причудница, затейница, забавница, притворщица, изменница, своевольница, своенравница*: «У судьбы же свои затеи: *проказница* к обоим заглянула в середку, подметила и в неприступной, по моему мнению, крепости подготовила пролом» (М. Скобелев 1838–1844), «Следовательно, только этого и остается еще упрямо желать и требовать у *баловницы-судьбы*» (Е. Салиас 1888), «Звонкой песней вместе с жницей Я зальюсь! Над судьбою-*озорницей* Посмеюсь!» (А. Ширяевец 1916), «Не прикасайся, друг, к моей душевной язве: Она всегда свежа. Скажи мне только: разве Теперь, когда лежу бессонный, нищ и слаб, Судьба-*причудница* склониться не могла б На давние мольбы?...» (Ю. Верховский 1910–1919), «*Своенравница, затейница, забавница, Своевольница, Судьба моя, Судьбинушка!*» (И. Чиннов 1984), словосочетания *своевольная, ветреная женищина, лукавой женищины капризней, коварная персона*: «Но судьба — женищина-с, *своевольная, ветреная женищина!*» (В. Соллогуб 1845), «Судьба-насмешница — *коварная персона* — Печальный им готовила удел» (С. Гусев-Оренбургский 1905), «Судьба меняет часто вид, *Лукавой женищины капризней*» (В. Брюсов 1918). Это и названия соответствующих свойств характера: *ветреная, своенравная, капризная, взбалмошная, коварная, коварство, вероломная, строптивая, своевольная, лукавая* и пр.: «Питомцы *ветреной Судьбы, Тираны мира, трепещите!*» (А. Пушкин 1817), «Зачем счастливейшее время Я отдал бурям и судьбе, Несправедливой, *своенравной, Убийце пылкого ума?..*» (А. Полежаев 1831–1832), «И ветер, набежав порой, Крапиву треплет и качает, Играет ею, вот как мной Судьба *капризная* играет» (Ф. Сологуб 1889), «*Взбалмошная* судьба почему-то предоставила для них такое неподходящее место, как Иерусалим» (А. Макаренко), «Теперь я понимаю, что это было не что иное, как *коварство* судьбы, заманившей меня в литературные сети, в которых я так и барахтаюсь до сих пор» (Д. Рубина 1986), и слова, обозначающие особенности поведения: *изменять, каверзы, штучки, каприз, прихоть, причуда*, большинство из которых, кроме предиката *изменять*, фиксируются в художественных текстах уже в XX в.: «И, может

быть, судьба с своей насмешкой вечной *Изменит* и тебе, поверотаясь спиной!» (Н. Кроль 1866), «Остапа не тревожила неудача с этим стулом, четвертым по счету. Он знал все *штучки* судьбы» (И. Ильф, Е. Петров 1927), «Сережины разглагольствования при всей своей дурашливости утверждали непреложную истину: Верочкину независимость от *каверз* судьбы» (Ю. Нагибин 1972–1979), «И первый, кто стоит на пороге, когда распахнули дверь, Алешка Игумнов! Глядит на меня оторопело, вдруг хохочет. “Это ты? Какая прелесть! Какая *причуда* судьбы!”» (Ю. Трифонов 1978).

С этими обозначениями коррелируют и названия других свойств судьбы, отражающие ее непредсказуемость. Это слова семантического класса «Физические и психофизические состояния и свойства»: *слепая* (самое раннее и самое частотное обозначение), *сослепу*, *безумная*, *безумствовать*: «То чаша Провиденья, А не судьбы слепой!» (В. Жуковский 1820), «Мы ж знаем, что жизнь нашу держит в руках *Слепая* судьба и что жребий наш выпал...» (Д. Кедрин 1941), «Судьба *сослепу* часто помогает недобрым людям» (И. Кокорев 1847), «и, как всегда в двадцатом веке, / звучит далекая стрельба, / и где-то ловит человека / его *безумная* судьба» (И. Бродский 1961).

Этот ряд пополняет слово *сумасшедший*, которое в сочетании с глаголом со значением преследования и обозначением орудия убийства — режущего предмета создает в высшей степени выразительный негативный образ: «Сама ложилась мята нам под ноги, И птицам с нами было по дороге, И рыбы подымались по реке, И небо развернулось пред глазами... Когда судьба *по следу* шла за нами, Как *сумасшедший* с бритвою в руке» (А. Тарковский 1962).

В персонафицированный образ судьбы также вносят своей вклад и другие семантические классы обозначений, не входящие в более крупные смысловые единства. Это такие классы, как «Игра» (ср. [Чубарян 1994]), «Борьба», «Интеллект», «Воля», «Эмоции», «Эмоциональные действия», «Физический план человека».

В класс «Игра» входят общеязыковые высокочастотные метафоры *играть*, *игра*, *игрушка*: «Как странно, как непостижимо *играет* нами судьба наша!» (Н. Гоголь 1835), «Почему судьба *играет* с ним в такие непонятные, острые, больные игры?» (Ю. Нагибин 1990–1995), «Не знаю, по какой *игре* судьбы я очутился за столом как раз насупротив моей белокурой красавицы <...>» (О. Сомов 1831), «Пусть будет эта кровь залогом Судьбе с ее лихой *игрой*, Когда она в пути убогом Вновь брезжит розовой зарей!..» (С. Клычков 1931–1932), «До самой Твери потешливая судьба, казалось, потеряла из виду всегдашнюю *игрушку* и *забаву* свою, бедного Евсея» (В. Даль 1839), «Мы, — сказал Писатель, — не хотим больше быть *игрушками* судьбы» (А. Слаповский 1998). Кроме того, это слова, близкие по смыслу словам *играть* и *игрушка* — *тешиться*, *забава*, *утеха*: «Только *тешилась* мной Злая ведьма-судьба; Только силу мою сокрушила борьба» (А. Кольцов 1840), «Обстоятельства ли его так изуродовали или уж, в колыбели, судьба задумала доставить себе невинную *утеху*, создав нравственного уродца, — право, не могу достоверно сказать вам» (М. Салтыков-Щедрин 1847–1848). Традиционную метафору *судьба играет* (человеком / с человеком) обновляет словообразование: *поиграть*, *наиграться*: «Но судьба поиграла с ним и под землею» (И. Шмелев 1923), «Отмеченный печатью

роковой, Он кончился, мой год сороковой. Досыта *наигравишься*, до отвала, Судьба меня на Север изблевала И кинула в пустыне снеговой» (А. Штейнберг 1947).

Метафору игры развивают и обозначения, относящиеся к разнообразным видам игр. Чаще всего это игра в карты: «Жизнь многих тысяч идет на одну ставку: судьба уж *тасует карты*, а ты спишь!» (А. Марлинский 1834), «Бесстрастная судьба с ужасною улыбкою на устах *мечет банк* свой» (А. Марлинский 1835–1836), «И вдруг, среди удач и честолюбивых мечтаний, — судьба *перемешала карты*, и Семен Иванович очутился снова на пути необыкновенных приключений» (А. Н. Толстой 1924), «Так *карты* жизни *путает* судьба» (А. Несмелов 1925), «На счастье ль, все *карты спутав* нарочно, Судьба наугад *козыряет* мной?» (П. Васильев 1931), «И лвы с твоего герба Не бросятся на защиту, Когда *отшивырят* судьба Последнюю *карту битой*» (А. Несмелов 1929), «Он вновь наклонил графинчик над рюмкою, подумав: а то же и в Кургане будет, — три часа длиною в сутки и подушка в клопах, и потолок в трещинах, и взамен страха гнойное, во весь остаток пыльных дней, сожаление: судьба *сдавала* все *козыри*, а выбрал *сдуру манию*» (А. Кузьменков 2010).

Кроме карт, судьба часто играет в лотерею и лото: «Как будто в эту ночь, вместе связывающую и разделяющую два года, истекший и начинающийся, — как будто в эту урочную ночь судьба *разыгрывает* огромную *томболу*, приглашая на нее всех смертных и *вынимая* им *жеребьи*, — кому выигрыш и счастье, кому черный билет и смерть или страданье» (Е. Ростопчина 1851), «Я же не знаю, что будет со мною через час, через минуту; я живу как лотерейный игрок, для которого судьба *ворочает колесо* с сюрпризами» (А. Куприн 1904), «И тут судьба применяла обычный свой прием *лотереи*, *проигрышем* и *выигрышем*, и только избранным отдавалась радость жизни» (А. Сорокин 1914–1920), «Судьба *вынимала* из дерюжного мешка исковерканной ремонтом набережной *бочоночки* диких трамвайных номеров» (В. Катаев 1931–1932), реже — в кости: «Судьба моя *играла* с жизнью *в кости*, / наперекор препятствиям храня / для тайной страсти кровь мою и кости: / судьба со мной, но жизнь — не за меня» (А. Присманова 1946).

В контекстах, описывающих игру судьбы с человеком, судьба чаще всего выполняет роль агенса, но в некоторых случаях эта роль достается человеку: «Судьба, я знаю, ты примерно зла. Твоя рука не жалуется, а косит. На “пан или пропал” *сыграем-ка* в “козла”. *Сыграем*, баба, *в кости*» (А. Мариенгоф 1940–1955), «Стою, притворяясь героем: *Сразимся*, Судьба дорогая, *В картишки*, Судьба дорогая, — В геенне земной догорая» (И. Чиннов 1970), «Вернуться и до конца дней вспоминать, рассказывать, где ты был и что ты видел, — или рискнуть, преступить, *сыграть с судьбой в русскую рулетку*, остаться, слиться с его плотью, стать его частицей» (М. Веллер 1990), «Зря, зря он все-таки *играет* с собой и с *судьбой в кошки-мышки*» (З. Юрьев 2007). У человека даже есть гипотетическая возможность обыграть судьбу: «Пытаясь *обыграть* судьбу, он оставался по-своему честным и принял личное участие в тотальной лотерее под названием “Перекрой историю”» (Е. Прошкин 2001).

В семантическом классе «Борьба», напротив, преобладают контексты, в которых агенсом выступает человек: *воевать с судьбой*, *вызвать судьбу на бой*, *биться*,

бороться, сражаться с судьбой, борьба с судьбой, делать вызов судьбе, тягаться с судьбой, дать в морду судьбе, победить судьбу, победа над судьбой: «Воюй с враждебной судьбою, И гордым мужеством дух юный возвышай (Н. Гнедич 1824), «Против людей я грудью стал, На смертный бой судьбу я вызвал! (А. Кольцов 1838), «Судьба, делаем тебе вызов! Поднимай несуществующую перчатку» (А. Чехов 1882), «Вокруг себя я зло искал. Вдруг заглянул на дно зеркал. И увидел его в себе. И в морду дал своей судьбе» (А. Мариенгоф 1940–1955), «Холодное, чистое, легкое пламя Победы моей над судьбой» (А. Ахматова 1956). Значительно реже в роли агенса выступает судьба: «во мраке гробовом Угрюмая судьба на вас не ополчится!» (В. Жуковский 1801), «Это праведный гнев на злодейку-судьбу, Что вступила с народом в борьбу И велела ему под ярмом за гроши Добывать для дру-гих барыши...» (Л. Трефолев 1865).

Персонафицированной судьбе присущи все составляющие внутреннего мира человека — воля (общеязыковые высокочастотные метафоры *воля, произвол*, а также слова *угодно, хотеть, захотеть, пожелать* и др.), интеллект (*знать, узнать, ведать; ошибиться, ошибка, промах; придумать, выдумки, затеи, вздумать, задумать; забыть; решить, решение; считать, угадывать* и пр.), эмоции (*злоба, гнев, унылая, удручена, ревность, раскаяние* и пр.).

Отдельно надо отметить характерные для судьбы персонафикаторы, в значении которых присутствует семантика межличностного общения и эмоционального действия — устойчивые словосочетания *ирония судьбы* и *насмешка судьбы*, а также слова, однокоренные со словом *насмешка*: *смеяться, посмеяться, подсмеяться, насмеяться, насмехаться* над кем-л., *насмешица, насмешливая, осмеять кого-л.*, близкое по значению *хохотать* над кем-л., в этот же класс включаются и элементы *шутить, подишутить, пошутить, шутка, сыграть злую, скверную шутку* (ср. [Чубарян 1994]): «Но тщетно спорил я с судьбой: Она смеялась надо мной!» (М. Лермонтов 1839), «Я сам виноват; но согласитесь, что судьба как бы нарочно подсмеялась над нами» (И. Тургенев 1856), «Всю жизнь от рождения до старости судьба жестоко била Павлиху, словно насмехалась над ней» (Скиталец 1906), «И не любил еще я так глубоко, Как вот когда, с капризной враждой, Томя меня любовью одинокой, Судьба хохочет надо мной» (Н. Огарев 1842), «Пора не жаловаться, не надеяться (Судьба шутила, обещая...» (И. Чиннов 1960), «Сыграла шутку скверную судьба» (А. Межиров 1981). Все эти персонафикаторы обладают негативной оценкой, обозначая разные нежелательные повороты и события в человеческой жизни. Противоположную оценку несут персонафикаторы со значением эмоционального действия *улыбаться, улыбнуться* (часто — *кому-либо*), *улыбка*, тоже в высшей степени характерные для судьбы: «Судьбы ласкающей улыбкой Я наслаждаюсь не вполне: Всё мнится, счастлив я ошибкой И не к лицу веселье мне» (Е. Баратынский 1820–1827), «Но, видно, судьба, начинавшая со вчерашнего дня улыбаться Петру Авдеевичу, не привела еще уст своих в нормальное положение и продолжала благоприятствовать своему избраннику» (В. Вонярярский 1852), «Анатолий Амосович — мой суженый! Ах, это мне судьба улыбнулась, Грушенька!» (В. Липатов 1971).

Судьбу характеризуют и некоторые персонификаторы, относящиеся к семантическому классу «Социальный план человека»: во-первых, слова, относящиеся к лексико-семантической группе «Суд»: *суд, осудить, приговор, судья, подсудимый, допросить*: «Как после этого не согласиться, что судьба бывает иногда справедливейшим из *судей?*» (В. Вонлярлярский 1852), «Судьба — как женщина *судья* / со строгостью необходимой. / А перед ней — виновный я, / *допрошенный* и *подсудимый*» (Б. Слуцкий 1973), «О, друг мой, плачущий со мною в час вечерний, И там [в царстве звезд] царит судьбы неправый *суд* (К. Бальмонт 1890-е гг.), «Убит!.. к чему теперь рыдания, Пустых похвал ненужный хор, И жалкий лепет оправдания? Судьбы свершился *приговор!*» (М. Лермонтов 1837), «Судьбы извечны *приговоры* — Кто избежит житейских пут?» (Е. Кропивницкий 1943); во-вторых — к лексико-семантической группе «Финансовые отношения (с человеком)»: *расчесться, долг*, а также уже рассмотренные *обсчитать, мздоимец*: «К печалям я привык, *расчелся* я с Судьбою» (А. Пушкин 1821), «Да, сердце рвется все сильнее к тебе, / и оттого оно — все дальше. / И в голосе моем все больше фальши. / Но ты ее сочти за *долг* судьбе, / за *долг* судьбе, не требующей крови / и жалящей иглой тупой» (И. Бродский 1964).

Дополняют персонифицированный образ судьбы и различные элементы, относящиеся к семантическому классу «Физический план человека». К ним относятся обозначения людей по полу и возрасту, слова, характеризующие жизненный цикл человека. Среди них доминируют обозначения, относящиеся к концу жизненного цикла: *старуха, старушка, старая ведьма, старая, состариться*; они не отличаются высокой частотой употребления и фиксируются в языке литературы начиная с конца XIX — начала XX в.: «О дитя, поверь нам: нет прекрасней сказки Той, которой учит нас *судьба-старушка*» (К. Фофанов 1887), «Зловещая *старуха*, Судьба глядит в окно, И кто-то шепчет глухо, Что я погиб давно» (К. Бальмонт 1899), «Ты *состарилась*, судьба? Ну что же, Постарайся выглядеть моложе!» (М. Светлов 1950–1959).

Ряд обозначений характеризуют внешность судьбы, они тоже немногочисленны и не фиксируются в ранний литературный период: *карлица, замухрышка, розово-перстая, черноглазая, косоглазая*, например: «С печи смотрят годы С *карлицей-судьбой*» (Н. Клюев 1915), «Над новым днем встает с улыбкой новой Моя *розово-перстая* судьба» (Х. Кроткова 1929), «Ты хочешь одно, а *косоглазая* судьба подсовывает тебе совсем другое» (А. Новиков-Прибой 1936–1944).

Небольшое количество элементов относятся к обозначениям физических процессов в организме: *дыхание, дышать, дремать, спать*: «Недолго жизнь твою шадя, Судьбы холодное *дыханье* Коснулось скоро и тебя...» (Н. Минский 1877), «Ты — та карта, какой кто-то играет втемную, рубашкой кверху, ва-банк, и все летит к черту, чтобы затылком ощутить *дыхание* судьбы, у которой нет выбора» (И. Адамацкий 2001), «хорошо, потому что тут *дышит* судьба, и еще по многому, чего не выразишь словами» (Ю. Нагибин 1972–1979), «Постылые заводит разговоры Иль *дремлет* в креслах древняя Судьба» (А. Голенищев-Кутузов 1924), «Судьба моя. Мертвящими годами Без влаги животворной *спит* она» (Е. Кузьмина-Караваева 1942).

С самого начала рассматриваемого литературного периода судьбу характеризуют уже упоминавшееся выше обозначение *слепая*, относящееся к физическим дефектам, а также слова, относящиеся к классу «Восприятие»: противоположное по значению слово *всевидящая* и глаголы *глядеть*, *внимать*, *услышать*, *подслушать*: «Угодно было так *всевидящей* судьбе, Чтоб наконец пристал к предивной ты стране» (А. Нахимов 1811–1812), «Судьба *глядит*, мы вянем; дни бегут» (А. Пушкин 1825), «Внимало все любви моей стенаньям, Но хладная Судьба не хочет им *внимать!*» (А. Крылов 1821), «<...> боязливо перебила бабушка, — судьба *подслушает*, да и накажет: будешь в самом деле несчастный!» (И. Гончаров 1869).

Судьба с начала XIX в. регулярно характеризуется различными глаголами речи: *сказать*, *говорить*, *звать*, словами *голос*, *глас*, *зов*, например: «Он слышит *глас* судеб, веков предназначенья» (В. Туманский 1823), «Но вот — тебя судьба *зовет* на путь иной, И скоро будут мне, в тиши уединенья, Отрадою одни бывшие наслажденья» (Н. Языков 1823), «Судьба *говорит*: умри, Копылов, и живи Тарелкин» (А. Сухово-Кобылин 1869), со временем этот ряд обозначений пополняется и другими элементами класса «Речь»: *подсказать*, *досказать*, *рассказать*, *твердить*, *шепнуть* и пр.: «И не успел я подумать, что будет теперь далее, как судьба сама *подсказала* это» (М. Булгаков 1936–1937), «Пошуми мне, судьба, *расскажи*, / до которой дойду меж. / Отзови ты меня в сторонку, / дай прочесть мою похоронку» (Б. Слуцкий 1964–1969), «Судьба *шепнула* мне: “Вот тебе вторая попытка — с дочерью!”» (Ф. Искандер 1998). В этот же класс входит и противоположные по значению слову *говорить* глаголы *молчать* и *смолкать*: «Друзья, тогда Судьба еще *молчала* О жребиях, назначенных для нас» (В. Жуковский 1819), «Судьба, обрываясь, *Смолкает* — Никто про меня не узнает» (А. Герцык 1906–1909).

Помимо речи, судьбе присущи и другие звуки, чаще всего выражающиеся глаголами *стучать*, *постучать*: «Но смолкли вдруг, бледнея, гости... Рукой, дрожащею от злости, Судьба в окошко к ним *стучит*: *Стук, стук, стук...*» (А. Апухтин 1863), «Не ждите льгот, в спасение не верьте: *Стучит* судьба, как молотком бочар» (Б. Слуцкий 1959), «Я и сам, притаясь, слышал в сердце недоброе что-то, <...> Словно мощной рукою судьба *постучала* в ворота, Где я жил — не тужил со своей одинокой душой» (В. Блаженный 1973).

Достаточно разнообразны части тела, приписываемые судьбе в художественных текстах. Самые употребительные из обозначений частей тела — *рука* и *перст*, о которых уже говорилось выше. Кроме того, судьбу с XIX в. характеризуют соматизмы *лик*, *лицо*, *глава*, *очи*, *ноги*: «С *светлой главой*, на тяжких свинцовых *ногах* между нами Ходит судьба! Если ее повстречав, не потупишь очей и спокойным Оком ей взглянешь в *лицо*, сам просветлеешь лицом» (В. Жуковский 1837), «Слепые лица крематорских музыкантов ничего не выражали. И, сливаясь в одно, были бесстрастны, КАК ЛИЦО СУДЬБЫ. Неумолимое. Неотвратимое» (В. Сидур 1973–1974), позже появляются *глаза*, *челюсти*, *рот*, *язык*, *локон*: «В лицо Судьбе взглянула в первый раз? Был страшен, помню, ясный лик — прозрачен И беспощаден холод светлых *глаз*» (В. Меркурьева 1917), «И вот теперь на солнцепеке Растут небесные грибы, И отразившись в синем оке, В беззубых *челюстях* судьбы, Живут

согбенно на востоке Неокрыленные пророки» (Д. Бурлюк 1914), «Судьба ж, стирая грим, Оскалив клык, Тут высунула им *Язык*» (Г. Оболдуев 1941–1952), «Легчайший ветерок от *локона* судьбы способен толкнуть чашу весов с тобой и твоим будущим в любую из сторон света» (В. Конечский 1979).

Итак, структура словарной статьи «Материалов...» позволяет выстроить образ судьбы во всей его многогранности на обширном материале русской литературы XIX–XXI вв. Некоторые черты этого образа представлены общеязыковыми метафорами и отражены в упомянутых выше работах, однако словарь позволяет представить более широкий диапазон элементов этого образа, отраженных в метафорической картине мира художественной литературы, и проследить эволюцию семантических классов персонификаторов. Проанализированный материал показал, что судьба является амбивалентной сущностью. Она во многих случаях характеризуется противоположными по смыслу образными словами, ср. *безумная* — *мудрая*, *слепая* — *всевидящая*, *злая* — *добрая* и т. д., однако количественно негативные ее характеристики преобладают над позитивными.

Задачей будущего исследования может стать сравнение образа судьбы с образом рока, который также представлен в виде словарной статьи словаря.

Литература

Апресян В. Ю. Семантика и прагматика судьбы // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции «Диалог 2006» (Бекасово, 31 мая — 4 июня 2006 г.) / Под ред. Н. И. Лауфер, А. С. Нариньяни, В. П. Селегея. М.: Изд-во РГГУ, 2006. С. 31–37.

Арутюнова Н. Д. Истина и судьба // Понятие судьбы в контексте разных культур. М.: Наука, 1994. С. 302–316.

Вежбицкая А. Судьба и предопределение // Путь. Международный философский журнал. 1994. № 5. С. 82–150.

Жданова Н. В. Концепт «судьба» в русском и английском языках // Вестник Новгородского государственного университета. 2006. № 36. С. 52–54.

Иванова Н. П. Судьба-Режиссер, Судьба-Займодавец и Судьба-Судья в произведениях М. Ю. Лермонтова // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Сер. «Филология. Социальные коммуникации». 2013. Том 26 (65). № 1. С. 478–482.

Ковшова М. Л. Концепт судьбы. Фольклор и фразеология // Понятие судьбы в контексте разных культур. М.: Наука, 1994. С. 137–147.

Кошарная С. А. Антропоморфизация образа судьбы в зеркале русской фразеологии // Сборник научных трудов по итогам Международной конференции «Когнитивно-дискурсивные стратегии развития языка», Белгород, 11–12 января 2016 г. Белгород: ООО «Эпицентр», 2016. С. 129–135.

Никитина С. Е. Концепт судьбы в русском народном сознании (на материале устнопоэтических текстов) // Понятие судьбы в контексте разных культур. М.: Наука, 1994. С. 130–136.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru>.

Петрова З. Ю., Фатеева Н. А. Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XXI вв. Вып. 6: «Человек». Жизнь, смерть, судьба, время. М.: Издательский дом ЯСК, 2021. 872 с.

Погосян Р. Г. Концепт «судьба» и его языковое выражение в поэтическом тексте Ф. К. Сологуба: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ставропольский гос. ун-т. Ставрополь, 2005. 23 с.

Полторацкий А. И. Судьба у Шекспира // Понятие судьбы в контексте разных культур. М.: Наука, 1994. С. 260–267.

Сафонова Е. Л. Концепт судьбы в романе В. Набокова «Лолита» // Балтийский филологический курьер. 2004. № 4. С. 44–49.

Седакова И. А. Судьба // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Под общей ред. Н. И. Толстого. Т. 5. М.: Международные отношения, 2012. С. 203–208.

Сергеева Е. Н. Репрезентация концепта «судьба» (языковой и лингвокультурологический аспекты) (на материале русского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Башкирский гос. ун-т. Уфа, 2005. 26 с.

Урбанович Г. И. Мотивационные модели и диахронический аспект изучения русской языковой картины мира (лексико-семантическое поле «судьба, счастье, удача») // Русский язык в научном освещении. 2005. № 2 (10). С. 190–205.

Чернейко Л. О. Лингво-философский анализ абстрактного имени. М., 1997. 350 с.

Чернейко Л. О., Долинский В. А. Имя судьба как объект концептуального и ассоциативного анализа // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1996. № 6. С. 20–41.

Чубарян Т. Ю. «Импровизация судьбы» // Понятие судьбы в контексте разных культур. М.: Наука, 1994. С. 247–254.

Z. Yu. Petrova¹, N. A. Fateeva²

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences

(Russia, Moscow)

zoyap@mail.ru¹

nafata@rambler.ru²

**PERSONIFICATION OF FATE IN THE METAPHORICAL
WORLD IMAGE OF RUSSIAN LITERATURE
(ACCORDING TO “MATERIALS TO THE DICTIONARY OF METAPHORS
AND SIMILES OF THE XIX-XXI CENTURIES RUSSIAN LITERATURE”)**

The article describes the methodology for the dictionary description of personification in the sixth issue of “Materials for the Dictionary of metaphors and similes of the 19th–21st centuries Russian literature. Human”. Constructions of personification are

defined as metaphors and similes the images of comparison of which belong to the semantic category “Human”. This semantic category is characterized by great branching and complexity, the supporting words of the tropes belonging to this category are very numerous, which is explained by anthropocentrism of the metaphorical world image of literature. The technique is based on ideographic and chronological principles, which makes it possible to generalize data on the composition of the system of comparative tropes and on its development over time. The main source of the dictionary is poetry and prose of Russian writers of the 19th–21st centuries (about 500 authors). The dictionary description technique is presented on the example of the dictionary entry FATE. The authors have developed the semantic classification of words belonging to the category “Human” acting as personifiers, this classification is demonstrated by the description of the entry. The article shows how a personified image of fate is created on the basis of this classification. The dictionary allows presenting a wide range of elements of this image, reflected in the metaphorical world image of literature. The analyzed material has shown that fate is an ambivalent entity. In many cases it is characterized by figurative words opposite in meaning, cf. *insane* — *wise*, *blind* — *all-seeing*, *evil* — *kind*, etc., however, quantitatively its negative characteristics prevail over positive ones. The task of future research may be to compare the image of fate with the image of doom, which is also presented in the form of a dictionary entry.

Key words: dictionary entry, fate, personification, metaphor, simile, poetry and prose of Russian writers of the 19th–21st centuries.

References

Apresjyan V. Yu. [Semantics and pragmatics of fate]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Trudy mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog 2006» (Bekasovo, 31 maya — 4 iyunya 2006 g.)* [Computational linguistics and intelligent technologies: Proceedings of the international conference “Dialogue 2006” (Bekasovo, May 31 — June 4, 2006). Moscow, 2006, pp. 31–37. (In Russ.)

Arutyunova N. D. [Truth and fate]. *Ponyatie sud'by v kontekste raznykh kul'tur* [The concept of fate in the context of different cultures]. Moscow, Nauka Publ., 1994, pp. 302–316. (In Russ.)

Cherneiko L. O. *Lingvo-filosofskii analiz abstraktnogo imeni* [Linguo-philosophical analysis of an abstract noun]. Moscow, 1997. 350 p.

Cherneiko L. O., Dolinsky V. A. [The noun fate as an object of conceptual and associative analysis]. *Vestnik MGU, Ser. 9. Philologiya*, 1996, no. 6, pp. 20–41. (In Russ.)

Chubaryan T. Yu. [“Improvisation of fate”]. *Ponyatie sud'by v kontekste raznykh kul'tur* [The concept of fate in the context of different cultures]. Moscow, Nauka Publ., 1994, pp. 247–254. (In Russ.)

Ivanova N. P. [Fate — Stage Director, Fate-Lender and Fate-Judge in the works of M. Yu. Lermontov]. *Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Ser. «Filologiya. Sotsial'nye kommunikatsii»*, 2013, vol. 26 (65), no. 1, pp. 478–482. (In Russ.)

Kovshova M. L. [The concept of fate. Folklore and phraseology]. *Ponyatie sud'by v kontekste raznykh kul'tur* [The concept of fate in the context of different cultures]. Moscow, Nauka Publ., 1994, pp. 137–147. (In Russ.)

Kosharnaya S. A. [Anthropomorphization of the image of fate in the mirror of Russian phraseology]. *Sbornik nauchnykh trudov po itogam Mezhdunarodnoi konferentsii «Kognitivno-diskursivnye strategii razvitiya yazyka», Belgorod, 11–12 yanvarya 2016 g.* [Collection of scientific papers following the results of the International conference “Cognitive-discursive strategies for language development”, Belgorod, January 11–12, 2016]. Belgorod: Epitsentr Publ. 2016, pp. 129–135. (In Russ.)

Nikitina S. E. [The concept of fate in Russian folk consciousness (on the material of folklore poetic texts)]. *Ponyatie sud'by v kontekste raznykh kul'tur* [The concept of fate in the context of different cultures]. Moscow, Nauka Publ., 1994, pp. 130–136. (In Russ.)

Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [Russian National Corpus]. Available at: <http://www.ruscorpora.ru>.

Petrova Z. Yu., Fateeva N. A. *Materialy k slovaryu metafor i sravnenii russkoi literatury XIX–XXI vv. Vyp. 6: «Chelovek». Zhizn', smert', sud'ba, vremya* [Materials for the dictionary of metaphors and similes of the 19th–21st centuries Russian literature. Issue 6. “Human”. Life, death, fate, time]. Moscow, Izdatel'skii Dom YaSK, 2021. 872 p.

Pogosyan R. G. *Kontsept «sud'ba» i ego yazykovoe vyrazhenie v poeticheskom tekste F. K. Sologuba. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [The concept of “fate” and its linguistic expression in the poetic text of F. K. Sologub. Author's abstract of the cand. philol. sci. diss.]. Stavropol, 2005. 23 p.

Poltoratsky A. I. [Fate in Shakespeare's texts]. *Ponyatie sud'by v kontekste raznykh kul'tur* [The concept of fate in the context of different cultures. Moscow, Nauka Publ., 1994, pp. 260–267. (In Russ.)

Safonova E. L. [The concept of fate in V. Nabokov's novel “Lolita”]. *Baltiiskii filologicheskii kur'er*, 2004, no. 4, pp. 44–49. (In Russ.)

Sedakova I. A. [Fate]. *Slavyanskije drevnosti. Etnolingvisticheskii slovar'* [Slavic antiquities. Ethnolinguistic dictionary]. Vol. 5. Moscow, Mezhdunarodnye Otnosheniya Publ., 2012, pp. 203–208. (In Russ.)

Sergeeva E. N. *Reprezentatsiya kontsepta «sud'ba» (yazykovoi i lingvokul'turologicheskii aspekty) (na materiale russkogo yazyka). Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Representation of the concept “fate” (linguistic and linguoculturological aspects) (based on the Russian language). Author's abstract of the cand. philol. sci. diss.]. Ufa, 2005. 26 p.

Urbanovich G. I. [Motivational models and the diachronic aspect of studying the Russian language world image (the lexico-semantic field “fate, happiness, luck”)]. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 2005, no. 2 (10), pp. 190–205. (In Russ.)

Vierzhbicka A. [Fate and predestination]. *Put'. Mezhdunarodnyi filosofskii zhurnal*, 1994, no. 5, pp. 82–150. (In Russ.)

Zhdanova N. V. [The concept of “fate” in Russian and English]. *Vestnik Novgorodskogo gos. universiteta*, 2006, no. 36, pp. 52–54. (In Russ.)

Л. Л. Шестакова¹, А. С. Кулева²

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

(Россия, Москва)

an_kuleva@mail.ru¹

lara.shestakova@mail.ru²

«СЛОВАРЬ ЯЗЫКА РУССКОЙ ПОЭЗИИ XX ВЕКА», ТОМ IX: КОРПУС СЛОВАРНЫХ СТАТЕЙ И ЕГО ОСОБЕННОСТИ

«Словарь языка русской поэзии XX века» представляет поэтический язык Серебряного века на материале произведений десяти видных авторов (И. Анненского, А. Ахматовой, А. Блока, С. Есенина, М. Кузмина, О. Мандельштама, В. Маяковского, Б. Пастернака, В. Хлебникова, М. Цветаевой). В статье специфика лексикографирования поэтического языка рассматривается на примере очередного тома словаря. Том IX (Книга 1: Только–Уехать, 2021 и Книга 2: Уж–Цезарь, 2022) содержит более 3,5 тысяч словарных статей. В материал тома входят объемные статьи как на ключевые лексемы (*тоска, трава, тьма, ум, утро, холод, Христос*), так и на местоимения, наречия, служебные слова (*только, туда, тут, ты, твой, у, уже*). Особый интерес представляют словарные статьи, включающие единичные или немногочисленные контексты, поскольку обычно в них описываются лексемы устаревшие, стилистически выделенные, специальные и т. п. Нередко такие языковые единицы требуют особого внимания составителей словаря, поскольку возникает необходимость проработки их адекватной подачи, комментирования или проведения предварительной исследовательской работы. Отдельной проблемой можно назвать составление словарных статей на имена собственные.

Ключевые слова: авторская лексикография, поэтический язык, лексикология, лингвистическая поэтика, словарь, НКРЯ.

Статья посвящена особенностям работы над очередным томом «Словаря языка русской поэзии XX века» [СЯРП], который представляет поэтический язык Серебряного века на материале произведений десяти видных авторов: И. Анненского, А. Ахматовой, А. Блока, С. Есенина, М. Кузмина, О. Мандельштама, В. Маяковского, Б. Пастернака, В. Хлебникова, М. Цветаевой. История издания словаря приближается к отметке в четверть века: первый том был опубликован в 2001 г. История же реализации его идеи еще глубже — словарь стал итогом лингвистических разработок В. П. Григорьева, отраженных в публикациях 1970-х гг.; см. [Григорьев 1979].

Последний из опубликованных томов словаря, том IX, включает в себя слова на буквы Т–Ц. Этот том по техническим причинам, в отличие от предыдущих, был издан в двух частях — «Книга 1: Только–Уехать» (2021) и «Книга 2: Уж–Цезарь» (2022). Он содержит более 3,5 тысяч словарных статей, а его суммарный объем превышает тысячу страниц. Ср.:

- Т. I: А (870 статей), Б (2659), В (3940) — 896 с.
- Т. II: Г (1658), Д (1921), Е (234), Ж (513) — 800 с.
- Т. III: З (2719), И, Й (1181), К–Круг (2373) — 792 с.
- Т. IV: Кругл–Кюрасо (522), Л (1298), М (2022) — 768 с.
- Т. V: Н (3274), О (3380), Па–Паяц (444) — 1016 с.
- Т. VI: Пе–Пяча (7142), Р–Радость (105) — 968 с.
- Т. VII: Радуга–Рясный (2667), С–Смоковница (2421) — 1064 с.
- Т. VIII: Смола–Сям (2747), Т–Толщ (799) — 992 с.
- Т. IX, кн. 1: Только–Тятыкин (952), У–Уехать (398) — 520 с.
- Т. IX, кн. 2: Уж–Уязвленный (1102), Ф (425), Х (641), Ц–Цезарь (122) — 536 с.

Следует отметить, что в течение прошедших лет концепция работы над словарем претерпевала изменения, вызванные самим опытом практической деятельности. Так, наиболее «лаконичным» томом можно назвать второй. В дальнейшем составители всё более склонялись к тому, чтобы давать не минимальные, а содержательные и законченные контексты. Важно, что от тома к тому в словаре усиливается толковый компонент, что позволяет давать более полную лингвистическую информацию о каждом слове. С одной стороны, это дает возможность из самого словаря получить представление о специфике поэтической речи Серебряного века. С другой стороны, словарь аккумулирует значительный объем как языкового материала, так и результатов его лингвистического анализа, что делает его полезным исследовательским источником и инструментом. От составителя и редактора такой подход требует пристального внимания к каждому поэтическому слову, а нередко и дополнительной исследовательской работы — обращения к литературе, словарям и справочникам, корпусам (прежде всего [НКРЯ]), углубления в энциклопедическую информацию.

В настоящей статье хотелось бы остановиться на некоторых аспектах работы как над всем словарем, так и над томом IX.

В материал этого тома входят объемные статьи и на ключевые лексемы (такие, как существительные *тоска, трава, тьма, ум, утро, холод, Христос*), и на местоимения, наречия, служебные слова (*только, туда, тут, ты, твой, у, уже*). Отметим сразу, что статьи на слова второй группы занимают в СЯРП значительное место, и их своеобразие в поэтическом языке подтверждает важность описания таких единиц в словаре с включением необходимых, с точки зрения составителей, сведений. Представление об этом дает факультативная, но многофункциональная зона значения словарной статьи (она может содержать разные виды информации о слове — семантическую, грамматическую, стилистическую и иную, отсылки к другим словарным единицам и др., подробнее см. [Шестакова 2011]). Ср. (в словарных статьях

из тома IX СЯРП используются условные обозначения словаря — шифры, указывающие на автора и год создания произведения: *Анн* — Анненский, *Ахм* — Ахматова, *АБ* — Блок, *Ес* — Есенин, *Куз* — Кузмин, *ОМ* — Мандельштам, *М* — Маяковский, *П* — Пастернак, *Хл* — Хлебников, *Цв* — Цветаева; одни шифры после зон значения указываются в случаях, когда в статью входят единичные или немногочисленные примеры, чтобы можно было представить, для кого из авторов подобные нечастые лексемы наиболее характерны):

ТОЛЬКО [*нареч., част., союз; тж* в сочет.: т. бы (б), т. и, т. и всего, т. что, и т.; *см. тж* ТОЛЬКО-ТО, ТОЛЬКО-ТОЛЬКО, ТОКА-ТОКА]

ТОТ [тот и Тот; *местоим. указат. и определит.*; *тж* в сочет.: тот свет (на тем свету Цв923 (II,230.2), 926 (III,114)), тем часом; *тж* в сочет.: (и) без того, до того, что из того, того гляди, того хуже, то и дело, между (меж) тем, тем более и др.; *тж* *субст.* тот, «тот» и Тот; *см. тж* ТОГО, ТОГО-С]

ТОТ [здесь: то, *местоим. указат., нескл.*; обычно указывает на ранее названные или выделенные явления, предметы; это; *тж* *субст.*; *тж* в сочет.: во что бы то ни стало, как бы то ни было, что б то ни было]

ТУДА [*нареч.*; *тж* в сочет.: т. и сюда; *см. тж* ТУДОЙ, ТУДЫ]

ТУДА [«т.»; *субст. нареч.*] *Ес*919 (II,88.1)

ТУДА-СЮДА [*разг.*] *Куз*928 (323), *ОМ*933 (194)

ТУДОЙ [*прост.*; *вар. к* ТУДА] *М*925 (226)

ТУДЫ [*прост.*; *тж* в сочет.: и сюды и т.; *вар. к* ТУДА] *М*925 (158), Цв928,29-38 (III,158)

Ср.:

ТУДЫ-ЗАВЕЛА [*нов.*] Цв922 (III,270)

Особое положение в лексическом массиве СЯРП занимают личные местоимения, несущие в языке поэзии большую смысловую нагрузку. В этом томе мы находим лексему **ТЫ** и ее производные, ср.:

ТЫ [ты, «ты» и Ты; *местоим. личн.*; *тв.* тобóй и тобо́ю; те (тебе) Цв920 (III, 197); ты (тебя) Хл909 (189), Хл[913] (85.1), Ес917 (I,280); *тж* в сочет.: Господи Боже ты мой, быть (звать, беседовать) на ты, выпить на ты, поди ты, будет тебе, вот тебе, вот тебе и..., ужо тебе, не до тебя, чтоб тебя, Бог с тобой (тобою)]

ТЫ [ты и «ты»; *субст. местоим.*] *АБ*907 (II,266), *Хл*920-22 (486), *Хл*920-22 (495)

ТЫКАТЬ [*прост.*; обращаться к кому-л. на «ты»] *Хл*[910] (69), *Хл*911-12 (215)

ТЫ-ТО *Анн*900-е (197), *АБ*909 (III,13), *Цв*920 (III,197), *Цв*920 (III,238), *П*925-26 (I,293), *П*927 (I,572.), *Цв*928,29-38 (III,172)

Собранный в статье материал позволяет выделить несколько значений поэтического **ТЫ**, помимо прямого указания на адресата / собеседника и других общеязыковых значений: это «поэтическое» *ты* (обозначающее условного лирического

адресата), самоадресация, обращение к Богу, высшей силе и др. Отметим также употребление в многочисленных устойчивых конструкциях, которые выносятся в зону значения. Интересно, что местоимение ТЫ функционирует в широком стилистическом спектре — от сниженного до возвышенного, что выражается и в отдельных формах: *те/тебе, тя/тебя*.

В первой части тома статья ТЫ занимает сс. 281–377. Также очень объемными, занимающими иногда десятки страниц, оказываются словарные статьи на лексемы, наиболее значимые для поэтического языка Серебряного века (или шире — для русской языковой картины мира), ср.:

ТОСКА́ [т. и Т.; *тв. ед.* тоско́й и тоско́ю; *род. мн.* тоск Цв925, Цв926; *тж* в сочет.: смертная (смертельная) т., с тоски (от тоски) умирать, сторгать и т. п.]

ТРАВА [*вин. ед.* тж тра́ву; *тв. ед.* травой́ и траво́ю; *тж мн.*; *тж* в сочет.: тише воды, ниже травы, *тж* тише вод и ниже трав Цв923 (II,221.2)]

ТЬМА [т. и Т.; *тв. ед.* тьмо́й и тьмо́ю; *тж мн.* тьмы́; темнота, мрак; темные, враждебные силы; далекие, давние времена; *тж* в сочет.: т. Господняя, т. египетская (египетска), т. крошечная, т. тьмущая; Князь тьмы (Тьмы)]

УЙТИ [«уйди» Ахм911; *тж* умереть; исчезнуть, утратиться; понадобится, потребоваться, израсходоваться; погрузиться во что-л., целиком отдаться чему-л.; *тж* в сочет.: у. на покой]

УХОДИТЬ [*тж* исчезать, утрачиваться; погружаться во что-л., целиком отдаваться чему-л.]

УМ [*тж* в сочет.: без ума (быть) от кого-л., чего-л., взбрести на ум кому-л., взяться за ум, держать в уме что-л., свести с ума кого-л., сойти (сходить) с ума; *тж* в назв. «Горе от ума»]

УСТА [*устар., поэт.*; *тж* в сочет.: из уст в у., на устах у всех]

УТРО [*тж* в сочет.: с утра до вечера, с добрым утром]

ХЛЕБ [... *мн.* хлѣбы и хлѣба́; хлѣба-то Куз917-18 (218.1), Цв918 (I,395); *тж* в сочет.: х. насущный, х. и соль]

ХОДИТЬ [*тж* находиться в каком-л. состоянии; колыхаться, колебаться; распространяться; ухаживать; *тж* в сочет.: х. по струнке]

ХОЛОД [*род. ед.* с холоду ОМ925; *предл. ед.* на холоду́ Куз916 (178), 921, М924 (500), ОМ935; *тж* равнодушие; *см. тж* ХЛАД]

ХОЛОДНЫЙ [*ж. тв. ед.* холо́дной и холо́дною; *тж* равнодушный; *см. тж* ХЛАДНЫЙ]

ХРИСТОС [Иисус Христос; Христы-то Цв922 (в знач. *нариц.*); *тж* в сочет.: как у Христа за пазухой; *см. тж* БАТЮШКА, ДИТЯ, ЕВРЕЙ, ИЕЗУС, ИИСУС, ИСУС, ИСУС-МЛАДЕНЕЦ, ИУДЕЙСКИЙ, МЛАДЕНЕЦ, НАЗАРЕЙ, НАЗАРЯНИН, ОТРОК, ПАНТОКРАТОР, ПАСТЫРЬ, СПАС, СПАСИТЕЛЬ, СУДЬЯ, СЫН, УЧИТЕЛЬ, ЦАРЬ]

ЦАРЬ [ц. и Ц.; *тж* в назв.; *зват.* Царю Ес917; *тж* тот, кто безраздельно владеет чем-л.; тот, кто является первым, лучшим; *тж* в сочет.: всяя Руси ц.; *тж* в сочет.: Ц. Небесный (Бог), Ц. Иудейский (Иисус Христос), Ц. Щедрот (о царе Соломоне); *тж* Ц. Саул, Ц. Давид, Ц. Соломон, ц. Приам; *тж* ц. Горох, ц. Салтан]

Показательно, что лексемы такого рода часто формируют своего рода словообразовательные гнезда, объединяющие как частотные, так и редкие или индивидуально-авторские лексемы. Ср.:

ЦВЕТ [окраска]

ЦВЕТ [цветок (*ед. устар., нар.-поэт. и прост.; мн. цветы*); цветение; лучшая часть чего-л.; *тж* в сочет.: в (полном) цвету, в (во) цвете лет, вешний ц.; *см. тж* ЦВЕТОК]

ЦВЕТИК [*нар.-поэт.*]

ЦВЕТОК [*мн. цветы и цветки; см. тж* ЦВЕТ (цветок)]

ЦВЕТОЧЕК

ЦВЕТ-РАДУГА *Цв920 (III,216)*

ЦВЕТУЩЕ-БЕГУЩИЙ [*нов.*] *Хл911-12 (211)*

В лексикографическом аспекте особенно интересны словарные статьи, включающие немногочисленные контексты, зачастую единичные, поскольку обычно в них описываются наиболее выделенные в тексте лексемы — стилистически отмеченные, специальные, устаревшие / новые, областные, иноязычные и т. п. Такие языковые единицы чаще всего требуют особого внимания составителей словаря, поскольку возникает необходимость проведения дополнительной исследовательской работы, комментирования и т. п. Значительная концентрация таких единиц приходится на вторую часть тома, включающую специфическую для русского языка букву Ф, а также Х и начало Ц.

Наличие в материалах словаря только одного словоупотребления не дает веских оснований рассматривать его как авторский неологизм. Для более объективной оценки той или иной лексемы составитель обращается к толковым словарям (прежде всего это [СУ; БАС], хронологически наиболее близкие описываемому в словаре поэтическому периоду), а также словарям специальным [Перцова 1995; Валавин 2010], переводным (для иноязычной лексики), энциклопедическим и др. Наличие других употреблений лексемы позволяет обнаружить поиск в основном и поэтическом корпусах НКРЯ. Однако в отдельных случаях однозначного решения не находится: наличие лексемы в одном или нескольких словарях, употребление ее поэтами-предшественниками или современниками не может быть свидетельством того, что автор использовал эту единицу в том же значении. Иногда можно предположить, что поэт в своем словотворчестве «пересоздавал» зафиксированную в языке лексему, в том числе вкладывая новый смысл в потенциально существующую форму. В других случаях, напротив, языковая единица, которая современному читателю кажется яркой индивидуально-авторской новацией, оказывается словом устаревшим, областным или заимствованным. Кроме того, в поэтических текстах можно обнаружить примеры на не зафиксированные в толковых словарях общезыковые значения (или зафиксированные, но не проиллюстрированные и для современного читателя неочевидные); поэтические употребления позволяют также проследить развитие новых значений на большом временном отрезке.

Каждый из таких случаев заслуживает отдельной статьи. Остановимся кратко на нескольких наиболее интересных группах лексики.

Среди таких лексем обращают на себя внимание слова устаревшие, к которым примыкают поэтизмы — высокая, традиционно-поэтическая лексика:

ТОЧИТЬСЯ [устар.; здесь о времени: медленно течь] П913 (I,427.1)

ТРАКТАТ [устар.; договор] П925-31 (I,348.1)

ФИАЛ [поэт.; бокал, кубок] Эпгрф. Анн900-е (53), ср. Анн900-е (177.2), Анн900-е (74.2), Анн900-е (177.2)

ФИЛОЗОФ [устар.; вар. к ФИЛОСОФ] Цв918 (I,388.1)

Среди стилистически окрашенных лексем преобладают сниженные единицы (разговорные, просторечные), к которым примыкает областная лексика:

ТОЩИЦА [разг.; увелич. к ТОСКА] Цв926 (III,114)

ТРАВИЦА [разг.; увелич. к ТРАВА] Цв930 (III,185)

ТОНЮСЕНЬКИЙ [разг.] М923 (414)

ТРАФИТЬ [прост.] П917 (I,165)

ТРУБЧОНКА [разг.] М925 (223)

ФИГУРЯТЬ [прост.] РП Ирон. М920-21 (91)

ЦАПНУТЬ [прост.] М928 (347)

ТОПИЛО [обл.; топь, болото] Хл[908-09] (55.1)

ТОПИСТЫЙ [обл.; топкий, болотистый] Куз919-20 (220)

ТРИСТЕН [обл.; трехстенный сарай] Анн900-е (180.1)

Интересно также сближение устаревшей лексики с высоким или, напротив, сниженным регистром:

ТРЕБА [устар. и обл.; просьба, требование] Ес925 (III,124)

УБИЕННЫЙ [устар.] [о св. царевиче Димитрии] Куз916 (179)

УБИЕЦ [обл.] РП Шутл Ом924-25 (348.5)

См. полную статью к слову *цветень*, которое использовали (среди поэтов, выбранных для СЯРП) только Хлебников и Есенин:

ЦВЕТЕНЬ [м. и ж.; устар. и прост. цветочная пыльца; прост. цветы, цвет, цветение; ср. цветень — стар. назв. мая] [Новые голоса удаляющихся:] Ушедшая семья морей Закон предвечный начертала, Но новою веков зарей Пора текущая сметала. Но нами вспомнится, чем были, Восставим гордость старой были. **И ц. сменит сечень**, И близки, близки сечи. РП Хл908 (388); На душе — лимонный свет заката, И все то же слышно сквозь туман, — За свободу в чувствах есть расплата, Принимай же вызов, Дон-Жуан! // И, спокойно вызов принимая, Вижу я, что мне одно и то ж — Читть метель **за синий ц. мая**, Звать любовью чувственную дрожь. Аллюз. Ес925 (III,134); Бедна наша родина кроткая **В древесную ц. и сочь**, И лето такое короткое, Как майская теплая ночь. Заря холодней и багровой. Туман припадает ниц. Уже в облетевшей дуброве Разносится звон синиц. Ес925 (III,199)

Как уже отмечалось, особые трудности вызывают новые слова — общеязыковые неологизмы, приметы эпохи, и индивидуально-авторские новации, ср.:

ТОСКОМЕР [нов.] Цв925 (III,77)

ТОЧЕРИ [нов.] Хл920-22 (495)

ТРАНСПОРТОЧЕК [нов.; уменьш. к ТРАНСПОРТ (грузовое судно)] М927 (581)

ТРУДНЕДЕЛЯ [сокр.: трудовая неделя] Хл920 (122.2)

ТРУДОДЕНЬ [единица учета труда в колхозах, определявшая долю колхозника в доходах (применялась с 1930 по 1966 г.)] ОМ936 (226), [стих.-вар.] ОМ936 (413)

ТРУДОМИР [нов.] Хл920,21 (281)

ФАНТАСТИТЬ [нов.] М923 (106)

Для тома IX (прежде всего для лексики на букву Ф) характерно обилие заимствованных слов, в том числе специальных, что отличает данный том от предыдущих, ср.:

ТРАБАНТ [см. нем. *Trabant* — телохранитель; спутник] П909-20-е (I,587), П909-20-е (I,604)

ТРИКОТАЖ П956 (II,76)

УАНСТЕП [англ. *one-step* (*one* — один, *step* — шаг) — американский парный танец, популярный в Европе в 20-е гг. XX в.; см. тж ТУСТЕП] М923 (436)

УАНСТЕПНЫЙ [прил. к УАНСТЕП] М923 (436)

УНИВЕРСАЛЬНЫЙ М928 (328)

ФАБУЛА П927 (I,572)

ФЕНОМЕН [фено́мен и феноме́н] П925 (I,544), Куз927 (286.2)

ФИНИНСПЕКТОР [сокр.: финансовый инспектор] Загл М926 (246), М929 (361)

ФОРМУЛА Цв918 (I,418.2)

Важно отметить, что специальная лексика, связанная с разными областями знания, разными сферами применения, вообще характерна для языка поэзии Серебряного века, ср:

Трибунал П918-19 (I,193.2)

Ультиматум М928 (345)

Фарватер АБ907 (II,303)

Фенол [карболовая кислота] Анн900-е (201.2), Анн909 (105.2)

Фермата [знак, обозначающий продление ноты или паузы на неопределенное время] П931 (I,406)

Филология М927 (280)

Фонетика ОМ913,37 (87.2)

Хлороз [болезнь растений; тж одна из форм малокровия] Анн900-е (111.2)

ХЛОРОФОРМ [бесцветная жидкость с резким запахом] *ОМ931 (177), ОМ932,35 (187.1)*

ХРИЗАЛИДА [золотистая куколка бабочки] *Цв921 (II,19.2)*

ЦЕ-ДУР [*c-dur* — до мажор] *П924 (I,556)*

Словарные статьи в полном виде показывают, как «распределяются» такие слова между поэтами, в каком лексическом окружении они выступают, как проявляют себя в звуковом отношении и т. д. См., например:

ТРАНСМИССИЯ Со стеньг, с гирлянды поднебесий, Почти с планет Горланит пене, перевесясь: «Сегодня нет!» // В разгоне свищущих трансмиссий, Едва упав За мыс, кипит опять на мысе Седой рукав. *П919 (I,260)*

ТРАНСПАРАНТ Светила и преисподни Дитя: виноград! смарагд! Твой каждый листок — Господня Величия — т.. *Цв935 (II,333.1)*

УСОНОГИЕ [*снец.*; группа членистоногих] На подвижной лестнице Ламарка Я займу последнюю ступень. // К кольцецам спущусь и к усоногим, Прошуршав средь ящериц и змей, По упругим сходням, по излогам Сокращусь, исчезну, как Протей. *ОМ932 (186)*

ФЛЕКСИЯ Говоря по-вашему, / рифма — / вексель. / Учесь через строчку! — / вот распоряжение. / И ищешь / мелочишку суффиксов и флексий / в пустующей кассе / склонений / и спряжений. *М926 (246)*

ХРОМАТИКА [в музыке — полутоновая система] Деревья, как взломщики, лезут! // И выше! За крышу! За тучу! Глядите — как собственных сучьев Хроматикой — почек и птичек — Деревья, как смертники, кличут! *Цв935 (II,336)*

Отдельно можно отметить имена собственные, функционирование которых в языке поэзии весьма многообразно. Среди них и личные имена (реальных людей — исторических деятелей, современников и близких поэтов и др., а также мифологических и литературных персонажей), и географические названия, и другие онимы. Во многом к именам собственным относится сказанное выше: в языке поэзии встречаются также редкие или устаревшие варианты онимов, индивидуально-авторские вариации, ср.:

ТОМ [Т. Соьер; герой произведений Марка Твена] *Цв909 (I,44)*

ТОМАЗО [персонаж стих.] *Куз911 (105)*

ТОМАС [Т. Манн] *Куз927 (306.2)*

ТОММИ [персонаж стих.] *Куз922 (265)*

УИТМАН [*вар.* к Уитмен; Уолт У. (1819–1892) — американский поэт] *П919 (II,533)*

ФУЗИЙ [*вар.* к Фудзияма; см. тж ФУЗИЯМА] *Загл.* [раздела книги стих.] *Куз914-17 (199), Загл.* *Куз917 (199.1)*

ФУЗИЯМА [*вар.* к Фудзияма — гора в Японии; см. тж Фузий] *П923,28 (I,275), ср.* *924 (I,562)*

ХОАНХО [*вар.* к Хуанхэ (р. в Китае)] *Хл[916] (103.3)*

Итак, с каждым вышедшим томом «Словаря языка русской поэзии XX века» его толковая, комментирующая составляющая расширяется, при разработке словарных статей используются разные типы комментариев, в зоне значения фиксируются нестандартные формы и особенности употребления, а также добавляются примеры для сравнения, прослеживается функционирование лексемы в составе фразеологических единиц.

Соединение элементов конкорданса и толкового словаря позволяет определять СЯРП как «конкорданс комментирующего типа», относящийся к словарям поэтического языка нового поколения.

Литература

БАС — Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948–1965.

Валавин В. Н. Словотворчество Маяковского: Опыт словаря окказионализмов. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2010. 622 с.

Григорьев В. П. Поэтика слова. М.: Наука, 1979. 344 с.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>.

Перцова Н. Словарь неологизмов Велимира Хлебникова. Wiener Slawistischer Almanach. Sbd. 40. Wien; Moskau, 1995. 558 с.

СУ — Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. Т. I–IV. М.: ОГИЗ, 1935–1940.

СЯРП — Словарь языка русской поэзии XX века. Т. I–IX– / Сост.: Григорьев В. П. (отв. ред.), Шестакова Л. Л. (отв. ред.), Колодяжная Л. И. (ред.), Кулева А. С. (ред.), Бакеркина В. В., Гик А. В., Реутт Т. Е., Фатеева Н. А. М.: Языки славянской культуры, Знак, 2001–2022–.

Шестакова Л. Л. Русская авторская лексикография: Теория, история, современность. М.: Языки славянских культур, 2011. 464 с.

L. L. Shestakova¹, A. S. Kuleva²

*Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)*

lara.shestakova@mail.ru¹

an_kuleva@mail.ru²

“DICTIONARY OF THE LANGUAGE OF RUSSIAN POETRY (20th CENTURY)”, VOLUME IX: DICTIONARY ENTRIES CORPUS

The multivolume summary “Dictionary of the language of Russian poetry (20th century)” (Moscow, 2001, 2003, 2008, 2010, 2013, 2015, 2017, 2019, 2021, 2022) contains poetic lines of ten outstanding poets of the Silver Age: I. Annensky, A. Akhmatova,

A. Blok, S. Yesenin, M. Kuzmin, O. Mandelstam, V. Mayakovsky, B. Pasternak, V. Khlebnikov, M. Tsvetaeva. The Dictionary demonstrates lexical structure of the language of Silver Age poetry — one of the most important periods in the development of Russian literature and culture. The article discusses the specifics of the lexicographic description of the poetic language on the example of the ninth volume. The material in this volume includes large dictionary entries on both key lexemes, and on pronouns, adverbs, function words. Of particular interest are dictionary entries that include single or few contexts, since they usually describe obsolete, stylistically distinguished, special, etc. lexemes. Such linguistic units require special attention from dictionary compilers, since there is a need to work out their adequate presentation or conduct preliminary research.

Key words: author lexicography, poetic language, lexicology, linguistic poetics, dictionary, RNC.

References

Grigor'ev V. P. *Poetika slova* [Poetics of the word]. Moscow, Nauka Publ., 1979. 344 p.

Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [Russian National Corpus]. Available at: <http://www.ruscorpora.ru>. (accessed 23.08.2023)

Pertsova N. *Slovar' neologizmov Velimira Khlebnikova* [The dictionary of Velimir Khlebnikov's neologisms]. Wien; Moskau (Wiener Slawistischer Almanach; Sonderband 40), 1995. 558 p.

Shestakova L. L. *Russkaya avtorskaya leksikografiya: teoriya, istoriya, sovremenost'*. [Russian author lexicography: Theory, history, modernity]. Moscow, Yazyki Slavyanskikh Kul'tur Publ., 2011. 464 p.

Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka [A dictionary of modern standard Russian]. Vol. 1–17. Moscow; Leningrad, USSR Academy of Sciences Publ., 1948–1965.

Slovar' yazyka russkoi poezii 20 veka [Dictionary of the Language of Russian poetry (20th century)]. Grigor'ev V. P., Shestakova L. L., Kolodyazhnaya L. I., Kuleva A. S., Bakerkina V. V., Gik A. V., Reutt T. E., Fateeva N. A. (eds.). Vol. 1–9–. Moscow, Yazyki Slavyanskoi Kul'tury Publ., Znak Publ., 2001–2022–.

Ushakov D. N. (ed.). *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Vol. 1–4. Moscow, OGIz, 1935–1940.

Valavin V. N. *Slovo tvorchestvo Mayakovskogo: Opyt slovarya okkazionalizmov* [Mayakovsky's word coinage: An attempt of the dictionary of occasionalisms]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2010. 622 p.

Научный журнал

**Труды Института русского языка
им. В. В. Виноградова**

2024 г., № 1 (39)

Макет: *С. В. Родионова*

Гарнитура ZRCola. Формат 70×100/16

Бумага офсетная. Печать цифровая

Печ. л. 17,0

Тираж 300 экз. Заказ №